

Балканский кризис:

говорят участники

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

Институт славяноведения РАН

**Балканский
кризис:
говорят участники**

Москва

2016

УДК 323.276
ББК 66.4(4Юго)
Б20

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ СОВРЕМЕННОГО БАЛКАНСКОГО КРИЗИСА

Издание осуществлено при финансовой поддержке

К. А. Корецкого,

В. И. Тарусина

и других, пожелавших остаться неизвестными

Составитель и ответственный редактор:

д. и. н. Е. Ю. Гуськова

Научно-техническое оформление:

к. и. н. И. В. Руднева

Рецензенты:

к. и. н. П. А. Искендеров,

к. полит. н. З. В. Клименко

Балканский кризис: говорят участники. Сб. воспоминаний /
Б20 Сост. и отв. редактор Е. Ю. Гуськова. — М.: Институт славяноведения
РАН, 2016. — 400 с.: ил.

ISBN 978-5-7576-0374-2

Внимание читателей представляется сборник воспоминаний свидетелей военных столкновений и политических процессов в 90-е гг. XX в. и начале XXI в. на территории бывшей Югославии. Его авторы — сербские политики, российские участники миротворческих миссий, церковнослужители. География сборника охватывает: Сербию, Хорватию, Черногорию, Боснию и Герцеговину. Сборник подготовлен в Центре по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук.

Readers seem to witness a collection of memories of military conflicts and political processes in the 90-ies. XX century.and 2000s. XXI century.on the territory of the former Yugoslavia. Its authors — participants of peacekeeping missions, the Russian military, doctors, police officers and journalists, clergymen and politicians. Geography collection encompasses: Serbia, Kosovo and Metohija, Croatia, Montenegro, Bosnia and Herzegovina. The book was prepared by the Center for the Study of Contemporary Balkan Crisis at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences.

УДК 323.276
ББК 66.4(4Юго)

ISBN 978-5-7576-0374-2

9 785757 603742

© Коллектив авторов, 2016

© Институт славяноведения РАН, 2016

Содержание

От редакции	5
Младич Р. Из воспоминаний командующего армией Республики Сербской	7
Никич С. Запрещенные воспоминания	16
Булатович М. Правила молчания	27
Сергеев А.М. Мы — первые. Записки миротворца	59
Донской Ю.С. Подполковник Петя: штрихи к портрету вице-мэра Южного	128
Новиков С.С. Воспоминания о миссиях ООН на территории бывшей Югославии	133
Йованович Ж. Из воспоминаний о визите президента Сербии С. Милошевича в Москву в 1995 г.	148
Йованович Ж. Встреча в Женеве — реализация Дейтонского договора	169
Тарусин В.И. Военно-дипломатический курорт: Дубровник — Превлака — Герцег-Нови — Москва (1995–1996 гг.)	193
Аничич Д. Как был сбит американский невидимый самолет F-117 «Стэл». Из военного дневника	233
Гриджин А.А. Воспоминания о Боснии	248
Митрополит Амфилохий (Радович). Из летописи нового Косовского Распятия	259

Бобков В.В.	
Военная миссия связи и взаимодействия в Косове	291
Кочергаев О.В., Казаков С.П., Игнатьев С.А.	
Хирургические аспекты миротворческой операции в Косове	320
Казаков С.П.	
О миротворческой миссии в Косове и Метохии (2001–2002 гг.)	328
Игнатьев С.А.	
Российские военные врачи в Косове (2001–2002 гг.)	343
Зеличенко А.Л.	
Игрушки против оружия	349
Боич М.	
В тот далекий день 5 октября 2000 г.	356
Чукич Д.	
Цветная революция по-сербски	361
Тодорович Д.	
Из выступлений в Скупшине Сербии	380
Глишич В.	
Народ по-прежнему является самым сильным институтом, который есть в Сербии	395

От редакции

История кризиса на территории бывшей Югославии насчитывает более двадцати лет. Гражданская война в Хорватии, Боснии и Герцеговине, миротворческая миссия ООН на этих территориях в середине 1990-х гг., бомбардировки НАТО Югославии в 1999 г., так называемая цветная революция в Сербии (2000 г.), отделение Черногории, провозглашение независимости Косова — это страницы новейшей истории, которые вызывают много вопросов и споров среди ученых и политиков. С появлением новых документов меняются оценки, видоизменяются интерпретации тех или иных событий, которые прежде были намеренно искажены. В связи с этим огромное значение для восстановления как можно более полной картины произошедшего имеют воспоминания свидетелей событий.

В Центре по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН в 2007 г. впервые в нашей стране вышла книга воспоминаний российских участников миссии ООН «Наши миротворцы на Балканах». Публикация вызвала большой интерес, была переведена на сербский язык и выдержала там два издания. Поэтому было принято решение продолжить публикацию воспоминаний участников тех событий, ведь число желающих поделиться своими воспоминаниями росло. Принять участие в новом проекте выразили готовность не только российские военные и гражданские специалисты, работавшие в кризисных точках на Балканах, но и известные политики и военные Сербии и Черногории. Среди авторов — генерал Ратко Младич, президент Черногории в 1990–1998 гг. Момир Булатович, митрополит Черногорско-Приморский, Зетско-Брдский и Скендерийский Амфилохий (Радовић), министр иностранных дел Югославии в 1998–2000 гг. Живадин Йованович, министр здравоохранения и близкий друг Слободана Милошевича Милован Боич.

В новый сборник свидетельств очевидцев балканских событий вошли материалы самого разного характера — дневниковые записи, полевые заметки, воспоминания российских миротворцев, работавших в различных миссиях ООН в Хорватии, Боснии и Герцеговине, а позднее в Косове, сербских офицеров, защищавших страну от бомбардировок НАТО, в частности расчета, который сбил американский самолет-невидимку. Все материалы этого сборника являются важным историческим источником, проливающим свет на сложные события новейшей истории стран бывшей Югославии.

★ ★ ★

Генерал Ратко МЛАДИЧ

Из воспоминаний командующего армией Республики Сербской

* * *

«С 16 августа 1986 г. до конца 1989 г. я служил в Штипе. Потом 1 год — в Скопье. 14 января 1991 г. переведен в Приштину, был там до 26 июня 1991 г. На 3 дня отпустили домой. 29 июня вертолетом вылетел в Подгорицу. Летчик — мусульманин из Тузлы Митхад, кличка Мидо. В 5 часов утра был страшный туман, где-то в районе Рожая (Черногория), туннеля Мидо, предложил вернуться. А у меня правило: никогда назад, только вперед. Говорю: «Давай спускаться». Летчик ищет место для приземления, кружится. А я вижу, как народ бежит к нам. Предлагаю сесть на детскую площадку для игр. Я это место знаю, там стоит школа. Сели, полиция подошла, народ собрался. А утро раннее. Мне телефон нужен. Сказали, что телефон есть в кафе. Иду туда. Рано, а там полно народу, все мусульмане и, пьяные, поют: «От Рожая до Ирана будет земля мусульмана». Я обратился к ним: никогда здесь не будет мусульманская земля. А полиции приказал их арестовать. Звонил в Скопье. Сказал, что поеду на машине в Подгорицу. 29 в Подгорице меня ждал вертолет и летчик майор Николич. Летели до Книна вертолетом по маршруту Подгорица — Никшич — Требине — Билеча — Веркович на высоте 2 тыс. метров. Когда летели на малой высоте, любовался Герцеговиной. Над водой пролетали на высоте 4–5 метров.

В Книн прилетел в 16.25. Смотрю, на крепости 3 знамени — Югославское, сербское и СКЮ. Сердце наполнилось: приехал помочь своему народу. Меня, полковника,

встречали шофер Тони, Печко, Деско (сам из Косова, жена хорватка, 2 дочери). 13 сентября мы с Босой идем к нему домой, чтобы сказать, что завтра нападут на Киево. А случилось вот что. Желько Вранянин 27 лет, из деревни недалеко от Книна, работал в Швейцарии, приехал повидать родных. Его схватила хорватская полиция, избила, потом убила и бросила на шибеникской свалке. Его нашли, останки перевезли в Книн, а захоронить надо в селе Цетина. А хорваты окопались в Киево, усташи повесили хорватский флаг, возвели баррикады, сконцентрировали там отряды, никого не пускают. Мы пытались вести переговоры с местными властями, общинной властью, звонили Ерко Вуксану (позже был у Туджмана главный за безопасность), Йосипу Юрае (председатель Шибеника). Никто не пускает: вы четники.

Тогда я выставил ультиматум: или пропустить, или это сделает мой корпус. Я был начальником штаба, предложил командующему осуществить операцию по освобождению Киева. Командующий Шпира был против. Я предложил голосовать. Баич, Толимир и Мирко Биланович — за мое предложение, двое — против. И... Шпиру снимают с должности. С 13 по 16 я был главным — и начальник штаба, и командир корпуса.

На вершине горы окопалась 126-я бригада Сбора Гарде. Я их считал незаконными формированиями. В 10.00 мы поднялись на гору. Выставили ультиматум хорватам: в 10.30 открыть дорогу. В ответ: «Я не исполняю твои приказы, мой командир — Фране Туджман». Дал еще 5 минут, а потом применил артиллерию. Штаб их был в церкви. Снаряд разнес церковь. А потом я скомандовал: «За мной!».

* * *

«Я познакомился с Чуркиным в Женеве в 1993 г. Они с Козыревым позвали меня и Толимира в Женеву, в русское посольство. Чуркин выглядел несколько скованным, видно было, что Козырев — главный. Мы находились в комнате, посередине стоял стол, и на нем — ваза с сухими

цветами. Козырев обратился ко мне: «Прощу Вас, товарищ Младич, присаживайтесь за этот стол, за ним М. Горбачев и Р. Рейган подписали договор». Я ответил: «Не хочу садиться за стол, за которым Горбачев подписал капитуляцию. Перейдите в другую комнату». А сам встал и ушел. Козырев приказал перейти в другую комнату. Я спросил его: «Вы министр иностранных дел России?» — «Да». — «А где находится Ваша семья?» — «В Америке». — «А кто Вас финансирует: США или Россия?» — «Россия». — «А почему семья в Америке? Кто их содержит?» — «Какое это имеет значение?» — «Нет тебе доверия!» А Чуркин мне: «Вы обижаете министра!»

Козырев хотел, чтобы я представлял политическое руководство Республики Сербской, чтобы подписал план¹, а я не хотел. Политика — курва. Военные должны защищать Родину, женщин, народ. Буду защищать Республику Сербскую, пока жив.

Милошевич в то время на меня сильно давил, чтобы я от имени политического руководства подписал план Вэнса-Оуэна вместо Караджича. Из плана Вэнса-Оуэна ничего не получится. Я отказался подписывать. Я военный, защищаю свою землю. Я не хотел в политику, хотел только защищать свою землю».

«Козырев хотел мне подарить фигурку медведя. Говорил, что это национальный символ России. Я отказался брать. Какой же Россия медведь, если НАТО входит в Россию. Скорее — заяц».

* * *

«9–11 апреля 1995 г. я был в Москве. В Москве после Грачева я поехал к начальнику Генерального штаба Калашникову. Потом поехали к Козыреву. Принимал он нас в низком старом здании в центре города. Вхожу — а там стулья позолоченные, картины в позолоченных рамах. Я просил у него для армии оружие и боеприпасы. А он отве-

¹ План Вэнса–Оуэна.

чает: «Нет денег». А я ему: «Как нет денег? Ты сидишь на золотых стульях!»

Я поехал к Грачеву, к нему в кабинет. По дороге зашел в туалет, чтобы включить диктофон. Туалет ужасный. Служба безопасности у Грачева — молодые ребята, хотели меня раздеть, я не дался. Вышел Грачев, обнял меня, мы поцеловались. Вошли в кабинет. Кабинет длинный. Он обратился ко мне: «Товарищ генерал, как я могу Вас называть? Мы — братья, могу ли звать «брат»?» — «Можешь». На стене большие картины: Жуков, Суворов. А одно место пустое. Грачев говорит: «Есть место и портрет генерала Младича повесить!» Я ему сказал: «Собери 50 генералов, я им расскажу о войне в Боснии». Хотел пойти и к Ельцину. Был на Поклонной горе, в музее, все служители и художники, которые там работали, бросились ко мне, когда узнали, что перед ними — генерал Младич. В церкви я зажег две свечи — за живых и погибших. У иконы оставил 100 марок. Я спросил, могу ли встретиться с патриархом. Кирилл, который отвечал за международные церковные связи, сказал, что завтра у меня состоится 15-минутная встреча с Алексием II.

Разговор с Алексием II был очень теплым. Он был воодушевлен, сказал, что приедет в Республику Сербскую. И приехал. Был и в Косове. А в Сараево его мусульмане не пустили». «Моя сила — в слове. Я маленький человек для нашей большой планеты. Не я ее создавал. Для меня Бог — это любовь».

* * *

«В 1993 г. меня позвал к себе в кабинет Президент Добрица Чосич. Я его уважаю. Он хороший писатель. (Когда убили мою дочь, он ко мне домой пришел выразить соболезнование.) Я тогда читал только его книгу «Далеко солнце». Я пришел в гражданском. Это в целях безопасности. (Я никогда никому не говорил, куда и когда иду. Наготове всегда две машины. Сам выбираю, в какую сесть. Говорю шоферу: «Заводи мотор». И только тогда говорю, куда ехать.) Поздоровался, обратился: «Товарищ Президент...».

Он мне: «Садись, Ратко. У меня к тебе вопрос: какова ситуация в Боснии?».

Я ответил. Тогда последовал другой вопрос: «Скажи, а какая это война?».

— Товарищ Президент, Вы — Президент, Вы должны сказать, какая это война.

— Я не знаю.

— А должны знать, политика ведет войну, политики определяют ее задачи.

— Ты объясни мне.

— Вы участвовали во Второй мировой войне?

— Участвовал.

— И какая она?

— Я описал это в своих книгах.

— Сегодняшняя война — самая тяжелая война в истории Сербии, самая опасная война, враг не определен, война гражданская, религиозная.

— Война агрессивная?

— Мы должны спасти свой народ.

— А Вы знаете, кто враг?

— Я для себя определил врага. Под номером один — хорватская армия (гарда), под номером два — зеленые береты Алии Изетбеговича, под номером три — те, кто их поддерживает: Германия с Геншером и Кодем, Ватикан, разведывательные службы Европы, ЦРУ США. А самый опасный враг — те, кто не хочет идти защищать Родину, кто сидел с нами за одной партией, учился с нами, дружил, а потом отказался поддерживать в нашей борьбе.

— Не надо так говорить! — Это вошел Йовица Станишич. Предложил выпить виски. Я отказался: виски не пью!»

* * *

«В 1993 г. я приехал в Женеву. В Палате ООН в большом зале стоял огромный длинный стол. Сидят за ним Вэнс, Оуэн, Столтенберг, Садата Огато, мусульманская делегация — Алиа Изетбегович, Ганич, Халилович и одна

женщина — Капетанович, она потом за Алию замуж вышла, Мате Бобан, хорватская делегация — Гойко Шушак, Антон Тус в униформе, скроенной полностью по немецкому образцу 1945 г. От сербов были Караджич, Колевич, Краишник. Из Югославии — Чосич, Милошевич, Булатович, Радинович. Мы все в гражданском, кроме Радиновича.

Встреча началась. Первым говорил Алия. Потом — Халилович. Он сказал: «Четники убили 200 тысяч мусульман, включая женщин и детей, 50 тысяч изнасиловали, в Сараеве нет воды, электричества, продовольствия, нужна гуманитарная помощь». Все обернулись к Чосичу: почему нет воды? Но ни он, ни Караджич, ни Колевич, ни другие не знали, почему нет воды. (У меня в кармане был пистолет, я проходил через сканер, но сканер его не определил, а Колевич три раза проходил, и у него что-то звенело. Колевич отлично говорил по-английски (он 11 лет жил в Америке).) Решили сделать паузу, чтобы выяснить этот вопрос.

Сайрус Вэнс встал, за ним Оуэн. Вэнс подошел ко мне, взял меня под руку: «Для меня большая честь попросить Вас выступить перед журналистами, давайте пойдём к камерам». Журналистов было много, наверное, 100 человек, много красивых девушек. Одна журналистка из CNN стала говорить мне комплименты: какой я красивый, сильный, привлекательный, чтобы я согласился дать ей интервью. А я знал, что мать у нее иранка, а отец шотландец. Я отказался. ВВС задал вопрос, сколько мусульманских женщин мы изнасиловали? Я вспоминаю, как позже немка Рената Флотау, женщина лет 45, хорошо знала сербский язык, так как 15 лет шпионила по Сербии. 2 часа меня уговаривала дать интервью для «Шпигеля». Я спросил ее: «Вы все опубликуете, что я скажу?». Она ответила, что запишет слово в слово, что я скажу, а главный редактор оставит то, что посчитает нужным. Тогда я отказался давать интервью. Присутствовал Алекса Буха², который меня уговаривал. Я ни в какую. «Ну хоть давай

² Алекса Буха — министр иностранных дел Республики Сербской (БиГ).

фотографируемся», — попросил он. У него был полароид. Я согласился. На первой фотографии я как бы хочу к ней приблизиться, а она испуганно отодвинулась. А на второй я приобнял ее, и она приникла головой к моему плечу. Рената остроумно откомментировала фотографии: первая — до изнасилования, вторая — после.

После журналистов Вэнс повел меня к столам, за которыми сидят делегации. Он стал уговаривать меня выпить кофе с Тусом. А он в немецкой фуражке! Я отказался.

Я подошел к Краишнику и предложил сдвинуть столы, чтобы все сербы, и из РС, и из Югославии, сидели за одним столом. Но Краишник сказал, что служба безопасности не разрешает. Да он и сам не хотел. А Радовану не понравилось, что Вэнс увел меня, а не его.

Началось совещание. Дали слово мне. Я попросил переводить Колевича, а не официального переводчика, боялся, что будут неточности. Я открыл карту, на ней подробно были обозначены расположения нашей армии, хорватской и мусульманской, все подразделения. Предложил Халиловичу показать, где находятся резервуары с водой, а мы обеспечим ее доставку. Он не знал, не знал и причину, по которой вода не поступает в Сараево. Пришлось самому разбираться. Тут я увидел впервые мобильный телефон. Звоню Манойло Миловановичу. Он отвечает, что резервуары находятся в Бачево, на Илидже. Сюда ворвались мусульмане, специально все сломали, вентили перекрыли. Спрашиваю: а можно ли исправить? Отвечает: сообщу через полчаса. Через полчаса звонит и докладывает, что мусульман прогнали, но те не дают, чтобы мы починили. Тогда стало ясно, что мусульмане преднамеренно это сделали, чтобы обвинить сербов. А Вэнс увидел, что мы можем и воду пустить, и электричество, и газ. И всем показали, кто здесь главный».

* * *

1995 г. «До Дейтона было совещание в Добановцах. Присутствовали Милошевич, Караджич, патриарх Павле, Краишник, Колевич, Холбрук. Холбрук высокий, некра-

сивый, в каких-то коротких брюках, на 10 см короче нужной длины. Я сидел в холле, в гражданском, на кресле, в котором сживал Тито. Но я не знал об этом. Входит Холбрук, все встают из уважения, я сижу. Он направляется к патриарху. Проходя мимо меня, он остановился, отдал честь, представился: личный представитель Президента Соединенных Штатов Америки Ричард Холбрук. Затем сказал, что все в Америке хотят видеть Ратко Младича политиком, а не военным. И опустил руку. Протягивает мне. Я слегка приподнялся, пожал ему руку и сказал: «Я никогда бы не променял Младича-военного на Младича-политика».

«Переговоры о том, кто поедет в Дейтон. Милошевич требовал, чтобы он представлял всех сербов. Стали договариваться. Предложение: от Югославии — поедут Милошевич, Булатович, Владислав Йованович. Милошевич настаивал, чтобы поехал я. От РС — Караджич, Краишник и я. Составили договор, все поставили свои подписи. Дольше всех не подписывал Караджич. Он хотел, чтобы в Дейтоне и он подписывал документы, как и Милошевич. Я уговаривал его. Но потом все подписали. А завтра объявляют, что Младич и Караджич не могут ехать, так как находятся в списках Гаагского трибунала. Вместо нас поехали Колевич и Толимир. Толимир хорошо знал обстановку. Я ему наказал ничего не подписывать вместо меня».

«После Дейтона Милошевич позвал генералов на ужин. Были Булатович, Гверо... Огромный стол. Милошевич решил сказать тост. А я сижу злой, меня буквально разрывает изнутри из-за того, какое соглашение подписали в Дейтоне. Милошевич начинает тост и обращается ко мне: «Ратко, я вижу, что ты недоволен. Но надо радоваться. Ведь я создал Республику Сербскую!..» А я взбешен, встаю и бью кулаком по столу: «Слобо, не ты создал Республику Сербскую, а сыновья и матери сербские, кто отдал свои жизни за Республику Сербскую. Такие, как мать Слепчевич, у которой погибли три сына и муж. И обложил его матом».

* * *

9–11 апреля 1995 г. я прилетел в Москву на аэродром Жуковский. Меня встречал генерал Ладыгин. Он предложил разместить меня или в гостинице, или на даче, или на квартире. Я сказал, что я не столь важный гость, чтобы жить на даче или в гостинице. Я прилетел прямо с фронта. Если есть квартира в центре с видом на Москва-реку, то лучше я поеду туда.

Квартира была на 4-м этаже. Меня сопровождал телохранитель, 150 кг веса, генерал Гверо и еще двое офицеров. У меня с собой было 2 диктофона: один в брюках, а другой в кармане в рубашке. Мне предложили до квартиры идти по лестнице, так как за это время они записывают все разговоры и проверяют содержание портфелей. Я сказал, что хочу поехать на лифте. Меня отговаривали, ссылаясь на маленький размер лифта и его частые поломки. Мы бы действительно не поместились вместе с моей охраной. Я тогда охранника отправил по лестнице, передав ему записку, в которой писал: «Пока идешь, молчи». Сам же, как только тронулся лифт, сказал, что мне срочно надо в туалет. Меня уговаривали, что до 4-го этажа осталось мало. Но я настаивал, что выйду на 2-м этаже. А мне надо было включить мои диктофоны. Меня отвели в какую-то квартиру, где был туалет, я включил диктофоны и слил воду.

Квартира на 4-м этаже была большая, все спали в отдельных комнатах. Стол был уже накрыт, было много видов икры, рыба разная, много чего там было».

* * *

«В 2003 г. я всех своих телохранителей отпустил, хотя они были готовы за меня отдать свои жизни».

Перевод Е. Ю. Гуськова

Запрещенные воспоминания

* * *

Где-то в 1991 г., в те времена, когда сербская полиция начала наводить порядок на всей территории, включая Косово и Метохию, к действиям готовились специальные антитеррористические единицы (САЕ), которые размещались в Айвалии, недалеко от Приштины.

Один из полицейских, готовясь к акции, сказал, обращаясь к командиру САЕ Радовану Стоичичу Баджи, что хорошо бы надеть маски на лица, ведь идут арестовывать очень опасного албанца — преступника и экстремиста.

В тот момент я сидел рядом с Радованом Стоичичем и видел его реакцию. Цитирую: «Если кто-то боится идти, пусть мне скажет, мы не преступники, чтобы маскироваться, мы — полиция, которая делает свое дело. И мы получаем зарплату за то, чтобы арестовать любого, о ком наше государство и органы правосудия скажут, что он преступник. Это наша работа. А если кто-то пойдет против нас, это будет означать, что пошел против государства, и тогда правила известны, тогда применяются законы и полномочия».

Достаточно громко и ясно объяснил Баджа своим спецназовцам, что они идут на дело во имя государства и что маска не нужна. Знаю, что задание выполнили очень успешно и арестовали человека, которого косовская полиция в то время не смела трогать. Получилось, что пришли какие-то белградцы, тихие, мирные и скромные, и арестовали человека, лучше сказать террориста, которого не смели арестовать те самые злые сербы и черногорцы, представители МВД Косова и Метохии того времени.

¹ Никич Славко (р. в 1960 г.) — бывший оперативник службы Уголовной полиции МВД Сербии. Материал получен от автора и основывается на книге: *Никић С. Забрањено сећање*. Београд, 2010. 276 с.

Все это происходило в Косовска-Каменице, а операцию провели тогдашние спецназовцы Баджа, Живко, Тэпа, Тута, Нэша и др. под командой Радована Стоичича Балжи. Об этом событии существует и видеозапись, которую я много раз смотрел вместе с командирами САЕ, чтобы помнить, ведь операция была реализована так, что могла служить примером молодым, кто захочет заниматься подобным делом.

Я, правда, не верю, что в нашей стране — Сербии — останутся места, где сербская полиция будет арестовывать албанских террористов. Если дойдет до развала Сербии, то никто не будет знать, ни даже те, кому за это платят, как этому помешать.

Эта операция станет частью истории, которую будут изучать в полицейских школах и академиях. Молодые увидят храбрость и решительность сербских полицейских в то время, когда албанцы при поддержке мировых сил ударили по Сербии, и как они были нейтрализованы. Так защищали Сербию в Косове и Метохии.

* * *

Ехали мы на военной машине из Жепы в сторону Црна-Реки. Мы были на обычном задании — проверяли территорию. Когда возвращались, только выехали из Жепы, из леса выскочил солдат, который должен был скрытно в лесу следить за дорогой, по которой мы должны проехать, и остановил нас. За рулем сидел Зрна, а рядом с ним Шеф. Все мы так его звали из его близкого окружения. А кто был Шефом? Так это он, генерал Младич.

Солдат, который подбежал к окну машины, сразу начал докладывать: «Шеф, дальше нельзя. СФОР² заблокировал дорогу и ждет, когда Вы проедете, и тогда, знаете... (волнуясь) они хотят Вас арестовать».

А в машине нас, кроме уже упомянутых Зрна и Шефа (генерала Ратка Младича), еще и Тепа-1, Тепа-2, Пуки, я,

² SFOR (Stabilization Force) — Силы по стабилизации, силы НАТО по поддержанию мира в Боснии и Герцеговине (с 20 декабря 1996 г.).

Славко Никич и два солдата. У всех у нас только легкое оружие и больше ничего. В машине ощущается, как растёт напряжение, но все молчат.

«Хорошо, боец», — тихим голосом отвечает Шеф. «Возвращайся на свое задание, а мы едем дальше», — учит Шеф молодого солдата.

«Но, Шеф, там четыре машины и в каждой по 20 человек, все сам видел. Дорогу перегородили, а другой нет».

«Ты слышишь, что я тебе сказал!» — теперь уже командным голосом обратился Шеф к солдату, который был бы счастлив погибнуть за своего Шефа, за сербского генерала, живую легенду Ратка Младича.

Юноша, молодой солдат, чуть не заплакал: «Понимаю, господин командующий». И растворился в лесу молодой солдат, щуплый, но с огромным сердцем. Вероятно, только там человек может иметь такое сердце.

Мы в машине осознаем, что у нас нет никаких шансов, только переглядываемся. Мы понимаем, что им, сформовцам, нужен живой только генерал Ратко Младич. А мы — только те, кто попытается помешать тем, кто будет стараться осуществить свой план. И побьют нас, как цыплят, мы все понимаем это.

Пуки смотрит на Шефа, а Шеф на Зрна. «Остановись», — приказывает Шеф через несколько километров. «Что это вы замолчали?», — начинает кричать на нас живая легенда и приказывает Зрну поменяться местами. Все удивились, когда Шеф сел за руль джипа.

«Не бойтесь, если они нас и остановят, то сделают вид, что меня не узнали, так как это для них самое легкое. Знают, что их ждет, если попробуют», — успокаивает нас генерал Младич. Не дорогой, а буквально козьими тропами генерал Младич нас неспешно вез к нашей базе в Црна-Реке.

Тепа-1 и я смотрим друг на друга и одновременно вспоминаем, что те два солдата сзади нам поставили небольшой ящик с гранатами. Это Тепа-1 приказал им, чтобы нам положили этот ящик. Поскольку Тепа-1 и я пре-

красно понимали друг друга с полуслова, то договорились, что будем делать, если нас остановит СФОР. Шепотом мы одновременно проговорили: «Никого живого». Тепа-1 начал разворачивать пластик, в который упаковывают гранаты, а я скидываю резинки с гранат и кладу их на колени. Остались только предохранители, и гранаты готовы к действию.

Несколько раз наши взгляды встречались с взглядом генерала, который чаще смотрел в заднее зеркало, чем вперед. И в какой-то момент совсем тихим голосом он говорит нам: «Напрасно мучаетесь, это вам не потребуется, я же сказал вам». Шеф усмехнулся нашим приготовлениям. «Когда приедем туда, куда направляемся, вы должны будете все снова упаковать». Он шутит, а мы едва живы. Смотрим друг на друга: ну что это за человек?

До цели было не так далеко, а нам казалось, что едем уже целую вечность. А у меня в голове стучит: «Не дай Боже, если его схватят, а мы останемся живы! Меня бы тогда в Косове прозвали Вуком Бранковичем³». Но меня утешает то, что каждый из нас взял по паре гранат, и мы взглядами поприветствовали друг друга. Значит, погибнуть мы можем, но пережить арест генерала Младича — нет. Это дает мне некоторую силу. Я уверен, что каждый из нас всю свою жизнь в голове пятьдесят раз прокрутил. Я вспомнил и детство, и армию, и мою маму, и, думаю, что и себя уже видел мертвым.

Мы все продумали, когда увидели, что подъехали к одному деревянному объекту, который находился посередине дороги, пролежавшей через лес и ведущей к базе-бункеру Црна-Река. Это только на первый взгляд казалось, что это гараж. На самом деле это был контрольный пункт, в ворота который машина должна была въезжать. Ворота закрываются, одни бойцы осматривают нас, а другие держат нас под прицелом. Потом открываются и вторые ворота, на

³ Вук Бранкович — один из правителей сербских земель в Косове. Участник Косовской битвы. Согласно преданию, он нарочно не поспел с помощью на Косово поле, а поэтому память о нем «ненавистна всякому сербу».

выезд, и мы едем дальше в направлении нашей конечной цели. Так повторялось несколько раз, пока мы не приехали. Так должно было быть, не иначе, хотя и было несколько досадно. Но в сравнении с тем, что могло бы быть, если бы нас остановил СФОР, это были игрушки.

Генерал остановил машину, и вместо того, чтобы мы ему отдавали рапорт, он с улыбкой рапортует нам: «Я довез вас живыми и невредимыми». Это точные слова генерала Ратка Младича.

Снова входим в какой-то объект через деревянные гаражные ворота и попадаем непосредственно в бункер. Огромные, толстые, металлические двери. Внутри организована какая-то другая жизнь, и офицеры, которые нас ведут через лабиринты, объясняют нам, что и где мы должны делать. Тогда я познакомился с одним прапорщиком, который больше года не выходил наружу. На мой вопрос, почему он не выйдет на воздух и не надышится свежего воздуха, он ответил чисто по-босански: «Никто не сможет меня больше сюда загнать, но позором будет, если сейчас, в конце войны, меня кто-то назовет дезертиром».

Здесь мы и посмеемся немного, и заснем, как убитые. Спали мы перед ужином. Вошел солдат и разбудил Тепа-1 и меня и сказал, что Шеф приказал, чтобы мы пришли к нему на ужин. Много подземных коридоров и поворотов мы должны были пройти, чтобы снова с Шефом встретиться. В одной маленькой комнате — стол, телевизор, кровать и четыре стула. Генерал спокоен, а мы еще находимся под впечатлением того, что могло случиться. Но он по-хозяйски предложил нам садиться. В боевых условиях ужин это просто ужин, а не ритуал, не то, что мы, сербы, привыкли готовить.

Генерал Младич каждый раз, когда есть возможность, спрашивает о ситуации в Косове и Метохии, так как знает, что я из Приштины. Так было и в этот раз. Пока мы ждали, когда нам солдат принесет скромный ужин, мы разговаривали о самых обычных вещах. Он любил послушать человека, который думает о том, что сказать и какими сло-

вами в разговоре с другими, а не только с ним. Не любил непристойных людей. Я старался нигде не ошибиться, так как сидеть за столом с генералом Младичем в Црна-Реке в 1996 г. не все могли, и не только из нашей страны, но и из всего мира. Именно так, ведь для меня это значило больше жизни, так я думаю и сегодня. Такое мнение о том человеке у меня и сегодня, так как ничего не изменилось в его поведении с того времени до нашей последней встречи, которая произошла в Белграде. Я ощущал себя так, будто сижу за столом с Карагеоргием⁴. А, может, я и не ошибался вовсе. Это знают все, кто знал этого человека лично.

После короткого разговора солдат стучит и входит. Ужин прибыл. Нормально, что Тепа-1 и я, мы не думаем об ужине, и не видим, что солдат ставит перед нами. Мы, как зачарованные глядим на икону того времени — генерала Ратка Младича. Когда генерал заметил, что принесли только одну простоквашу, то позвал солдата и строгим голосом приказал ему принести и нам. А чашу простокваши, которая стояла перед ним, передвинул мне и приказал, что ужин можно начинать. Через несколько минут солдат вернулся и уважительно, по-босански, по-военному говорит: «Больше нет, господин генерал». Не успел я подумать, что чашу с простоквашей надо вернуть генералу, как он взглядом пригрозил, чтобы я не смел этого делать. Так мы ужинаем, а я съел последнюю простоквашу, которая предназначалась генералу Младичу.

Это для меня был последний ужин в Црна-Реке, подземном бункере, который одно время использовал Главный штаб Армии Республики Сербской во главе с генералом Ратко Младичем. И я там ночевал во время моего пребывания на территории Республики Сербской в те военные времена.

Ужиная, мы смотрели новости, которые нас интересовали, еще и потому, что во всех вестях упоминали обвиня-

⁴ Карагеоргий — руководитель Первого сербского восстания против турок (1804), основатель династии Карагеоргиевичей.

емого Гаагой генерала Ратка Младича. Вот и в тех новостях об этом говорили. Удивительное это ощущение, когда сидишь за столом с человеком, которого разыскивает весь мир. Все знают, почему его разыскивают, кроме него самого и нас, кто его знает. Ведущий говорит, что по пятам генерала Ратка Младича идут оперативники, которые должны его арестовать. Тепа-1 и я обменялись достаточно серьезными взглядами. Нас сегодня пытались остановить какое-то подразделение с четырьмя машинами и сотней людей, и ведущий будто именно это описывает. Тепа-1 и я с тревогой глядим на генерала, который смотрит и слушает вместе с нами, но, в отличие от нас, улыбается. Когда ведущий закончил читать новости, генерал, как из пушки, говорит: «Точно, за пятками моими идут, да, но голову генерала им придется подождать. Голову генерала Ратка Младича может получить только сербский народ, сербская земля, а все остальные, кто будет пытаться, только потеряют свои головы».

Еще немного мы дружески поговорили и ушли спать.

Долго мы разговаривали, Тепа-1 и я, пока не заснули в одной из комнат подземного бункера. И это особое ощущение, когда лежишь и знаешь, что над тобой, может быть, 500 метров земли, огромная гора, лес, что тебя защищает полк Главного штаба Армии Республики Сербской. И что где-то здесь в одной из комнат спит и он, генерал-полковник, командующий Армией Республики Сербской Ратко Младич. Спишь около человека, которого разыскивает весь мир. Все знают, что он сделал, только он не знает и мы, кто рядом с ним, в чем его обвиняют. Мы знаем только, что он требовал, чтобы в любой ситуации уважались правила и обычаи войны. Никто из нас никогда не слышал, чтобы генерал Ратко Младич приказал кому-нибудь нечто, за что его обвиняет весь мир.

Поэтому и говорю: странное ощущение. В это могут поверить только те, кто был там.

В какое-то время мы заснули. Сколько я спал, не знаю. Разбудил меня солдат. Наступил день, когда мы должны

расстаться с генералом Младичем. У меня нет никаких доказательств, что я был здесь. Осознаю, что это уже часть истории. Как доказать людям, что и я был с генералом Младичем в Црна-Реке в то время, когда приказ о его задержании разослан по всему земному шару.

Мои размышления прервала сцена, которую я увидел, когда мы поднялись наверх. Полк обеспечения был построен в мою честь. Я уже трясусь. Ко мне подходит генерал Ратко Младич и говорит: «Пойдем, Славко, познакомлю тебя с этими ребятами. Они только немного знают о тебе».

Кто-то из офицеров скомандовал: «Смирно! Равнение направо!!!» Мы двигаемся, а я только молю Бога, чтобы не упасть от волнения.

Генерал Младич и я приветствуем военных и остаемся где-то посередине строя. Зычным военным голосом, таким, каким его Бог наградил, генерал Младич начинает говорить: «Это Славко Никич, доказавший, что он — серб, по происхождению черногорец, родом из Косова и Метохии. Всеми делами своей жизни он показывал, что он — настоящий серб. А поскольку он стоит перед вами, то у него это получилось. Этого достаточно вам знать об этом человеке».

Продолжаем стоять. Ратко Младич снова приказывает, но теперь обращается к генералу Гверо: «Милан, дай это сюда». Я понятия не имею, о чем речь. «Что, я подпишу?» — спрашивает генерал Гверо генерала Младича. «Твоя подпись, Милан, имеет значение, но этот человек хотел добраться до генерала Младича ценой жизни. Вчера был готов взорвать машину, чтобы все мы погибли, только бы СФОР меня не арестовал. Поэтому не надо тебе подписывать, а дай мне сюда, я подпишу. И, может, моя подпись приведет его в Гаагу». И с доброжелательной улыбкой генерал Младич берет какую-то папку. Что-то подписывает, а я и дальше не знаю, что это. «Подойди, Славко», — зовет меня генерал Младич. Я в гражданской одежде, только на левом плече кожаной куртки пришита эмблема армии. Подхожу. Генерал мне протягивает руку и целует меня,

а я — как во сне. Возбужденный, чего никогда до этого не испытывал, я беру какую-то бумагу.

Подумать только!

«Главный штаб Армии Республики Сербской
благодарит Славка Никича
за оказанную помощь народу
и Армии Республики Сербской
и вклад в освободительную и оборонительную борьбу
Сербского народа.

№ 17/15-122

Командующий генерал-полковник

28.05.1996 г.

Ратко Младич»

Эмоции было трудно контролировать. Насколько помню, и слеза даже скатилась.

А генерал Младич, как будто не замечает слезы в моих глазах и напоминает мне, что я все еще нахожусь под его командой. «За мной!» — приказывает. Уводит меня в комнату, в которой проходили заседания Главного штаба Армии Республики Сербской. Встают все, когда мы появились:

1. Манойло Милованович, генерал.
2. Милан Гверо, генерал.
3. Бранислав Пухало, подполковник.
4. Шарович, подполковник.

Было там еще 5–6 офицеров высоких чинов. Приятные слова, и опять для меня неожиданность. «Я принял решение, — говорит генерал Младич, — разрешить Славке Никичу сфотографироваться со мной здесь, в Црна-Реке, здесь, куда редко кто может войти, а не то, чтобы сфотографироваться со мной. У меня нет права сомневаться в Славке Никиче».

И мы это сделали. Сфотографировались: командующий Младич и я перед входом в бункер.

Человек не поверит. Как будто он был в моей голове, когда я о том размышлял. Будто прочитал мои мысли. Счастливый, я подумал: сейчас у меня есть доказатель-

ства, что я здесь был. Сейчас, даже если меня убьют по дороге, то мои близкие будут знать, где я был.

А мы, черногорцы, любим показать себя, но, будем честными, знаем и несем ответственность за все это.

Вернулись мы в комнату для совещаний, и я вспомнил, что у меня есть маленький чешский пистолет 6,35 мм. Я думал подарить его своей дочери, когда вырастет, даже на кобуре, которая сделана на заказ, выгравированы ее инициалы. Меняю свое решение и решаю просить генерала Младича разрешить мне на память подарить ему этот пистолет. Опасно и рискованно было пытаться что-то дарить генералу Младичу. Он не выносил этот вид внимания. При таком эпизоде я однажды присутствовал, поэтому пытаюсь быть очень осторожным. Вероятно, он увидел искренность в моих глазах, и на мое предложение он согласился и снова встал.

Я принес пистолет с кобурой и протянул ее генералу. Он его принимает, достает из кобуры и смотрит. Благодарит, но укоряет меня, правда, благожелательно: «Есть у вас, у полицейских, и лучше пистолеты, но спасибо тебе». И тут же при всех расстегивает свой поясной ремень и ставит пистолет за пояс. «Ну, сейчас посмотрим, кто посмеет арестовать генерала Младича», — прокомментировал живая легенда и всех нас развеселил.

Еще немного общения и время ехать. Уезжаем Тепа-1, Тепа-2 и я. Та же процедура, что и при возвращении. Контроль, проверка. Но так надо, ведь это генерал Младич, это Црна-Река. Это не какой-нибудь генерал из Неманиной улицы.

Пока мы ехали, я вспомнил тот случай, который упомянул, о подарках, которые люди, патриоты со всего мира пытались подарить генералу Младичу. Приехала делегация от «Сербской народной обороны Австралии» и привезла ему, кроме портрета, еще и наручные часы. Портрет взял кто-то из нижних чинов, а часы передали лично в руки генерала Младича. Когда генерал открыл коробку, сильно покраснел. Все, кто это видели, знали, что он очень рассердился и что его страшно рассердило что-то в коробке.

Чтобы не обидеть дарителей, он позвал одного из солдат, который в тот момент пас овец на поляне. «Слушаюсь, Шеф», — подскочил солдат. «Есть ли у тебя часы, солдат?», — спрашивает генерал Младич. «Нет», — коротко и ясно отвечает солдат. «Протяни руку», — командует генерал и надевает на руку солдата-пастуха часы «Ролекс», которые стоят как хороший автомобиль. В своем стиле генерал Младич благодарит дарителей и комментирует: «Сербский солдат может носить часы «Ролекс», а сербский генерал — нет».

«Солдат, не смей в будущем опаздывать на задание, — предупреждает генерал солдата. — Эти часы работают хорошо и точно, поэтому заботься о том, чтобы больше не было опозданий». Этим комментарием слегка разрядил атмосферу, которая из-за его реакции сразу стала немного тяжелой и напряженной.

В сознании проносится все, что со мной произошло. Я ощущаю себя значимым и уважаемым по сравнению с Тепе-1 и Тепе-2, так как только я получил это признание.

Но я и мечтать не мог, что снова увижусь с генералом Младичем, и как раз в Црна-Реке. В конце октября я получаю информацию по специальной связи, что Шеф хочет меня видеть в Црна-Реке 1 ноября этого года. Нормально, это приглашение принимаю с радостью и выезжаю по правилам, которые были несколько изменены. Встреча обычная. Генерал мне объясняет, почему меня позвал. «Знаешь, Славко, я тебе обещал, что дам тебе мой портрет, ведь это было твое желание. Ну, вот он, я его оставил для тебя, ведь кто знает, когда мы еще увидимся».

Солдат приносит большой портрет, дает его генералу. Генерал берет ручку и подписывает: «Славке с уважением. 02.11.1996. Ратко Младич». Тот портрет и сегодня храню.

После этого мы не виделись больше в Црна-Реке. Виделись мы в других местах.

Перевод Е. Ю. Гуськова

Правила молчания

Референдум и формирование единого государства

Прежде всего, нужно было решить вопрос государственных рамок. Поскольку СФРЮ трещала по всем республиканским швам, возник вопрос государственного статуса Черногории. Мы пришли к заключению, что решение об этом не может принять никто, кроме граждан данной республики, и то путем прямого волеизъявления. Референдум необходимо было организовать, принимая во внимание не только внутренние, но и внешние обстоятельства. Особенно это касалось объявленного референдума в Боснии и Герцеговине. Любой политически грамотный человек мог ожидать, что после «гражданского референдума» в этом многонациональном сообществе произойдут столкновения, в том числе и гражданская война. Поэтому мы решили, что наш референдум нельзя проводить после, поскольку референдум в БиГ мог сказаться на реализации волеизъявления граждан Черногории. В любом случае результаты могли быть оспорены со ссылкой на «эффект зеркала». Особенно если принять во внимание, что тогда в Черногории проживало восемнадцать процентов мусульман и около шести процентов албанцев, что представляло значительное и достаточно осязаемое меньшинство.

Честный и справедливый референдум потребовал бы намного больше времени и спокойных общих условий,

¹ Булатович Момир — первый президент Черногории (1990—1998) в период, когда Черногория была частью Союзной Республики Югославии, премьер-министр Союзной Республики Югославии (1998—2000). Возглавлял Демократическую партию социалистов Черногории (ДПС), преемницу Союза коммунистов Югославии, с 1989 по 1998 г.

чем мы располагали. Но выбор был простым. Даже со всеми минусами не существовало лучшего способа принять решение такого значения. В середине января этого года Главный комитет правящей Демократической партии социалистов объявил о своем намерении решить вопрос государственно-правового статуса Черногории путем референдума. Поскольку данная партия располагала более половиной мест в Скупщине, то решение, фактически, было принято. Оставалось обсудить критерии, время, условия (в том числе и сам вопрос референдума). Дискуссии велись на парламентских заседаниях в прямом эфире.

Парламентское меньшинство было категорически против этого предложения, но их позиции были диаметрально противоположными. Партии сербского политического блока во главе с Народной партией и ее лидером Новаком Килибардом выступили против референдума. Они громко заявляли обо всех многочисленных исторических причинах, которые обязывают Черногорию и Сербию объединиться в одно государство. Поэтому они призвали правящую ДПС, которая подчеркивала свою югославскую ориентацию, сделать все для создания единого государства с Сербией и проголосовать за это решение в Скупщине. Для изменения тогдашней Конституции необходимо было две трети голосов. Поскольку это предложение принято не было, у них возникло ощущение, что за предложенным видом волеизъявления скрывается тайный план осуществления государственной самостоятельности Черногории «через черный ход». Они почуяли «предательство» и как можно громче, не скрывая ликования и раздражения, разоблачали его инициаторов. Разумеется, именно я, как первый человек в партии и государстве, стал «скрытым сепаратистом», в котором они «давным-давно и небезосновательно сомневались, особенно после Гааги». В то время как они это заявляли, бросая мне в лицо с трибуны Скупщины обвинения, сами все больше походили на политических следователей, чем на народных представителей.

Второй блок был также против того, чтобы граждане голосовали. Но они, как («стопроцентные») черногорцы, стремились сразу провозгласить «независимость», а несколько позднее подумать о взаимоотношениях с другими новообразованными странами региона. Только не с Сербией. Или, если бы были действительно искренними, не только с Сербией. С ними были полностью согласны политические партии, которые объединяли исключительно мусульман и албанцев.

Партии сербского блока опасались, что большинство депутатов поддержит позицию черногорцев. Это создало такую политическую атмосферу, что требовалось много терпения, чтобы страсти утихли, чтобы провести рациональное обсуждение и определить, каково действительно настроение большинства. Кроме того, срок для проведения референдума был реально очень коротким, на что указывали и «объективные» иностранные наблюдатели. Это дополнительно подливало масла в огонь дебатов. Противники прямого волеизъявления граждан с обеих сторон, благодаря этому, получили главный аргумент: международное сообщество в любом случае не признает результаты голосования, таким образом, речь идет о «бесполезной работе».

Политическая общественность и руководство Сербии внимательно следили за нашими общественными дискуссиями. Они быстро приняли аргументы черногорских — просербских партий о ненужности референдума, что включало в себя и сомнения в искренности намерений предложивших его. Пик этого процесса нашел свое отражение в телефонном разговоре со Слободаном Милошевичем. Сначала он настаивал, чтобы мы отказались от референдума, а когда я ему сказал, что он не может от меня требовать невозможного, он прямо спросил, нет ли у нас некоего тайного плана. С. Милошевич сказал, что был готов к подобному варианту, но (из уважения к нашим доверительным отношениям) хотел узнать всю правду от меня.

«Чистая правда», — ответил я, и сам верил, что она не подлежит (по крайней мере для него) сомнению. Она гласит: «Мы искренне желаем, чтобы народ проголосовал за то, чтобы остаться в Югославии! У нас нет никаких тайных намерений! Если бы у нас были такие цели, мы бы их не скрывали. Все наши политические убеждения и все, за что мы открыто выступаем, идет на пользу Югославии. Но именно поэтому мы хотим, чтобы решение приняли сами граждане, чтобы его было непросто оспорить и легче принять тому меньшинству, которое серьезно испугано и стремится решить вопрос диаметрально противоположно. Воля большинства граждан Черногории является лучшей основой сохранности нашего общего государства, чем решение любого руководства или нескольких политических партий. В конце концов, однажды образованное волей народа, а не какими-либо руководящими структурами, государство не будет подвергаться частым переменам».

Чтобы развеять все нерациональные сомнения, я сообщил ему, что в ходе подготовки к референдуму мы тесно связываем свою политическую судьбу с идеей остаться в едином государстве. Действительно, наша позиция была недвусмысленной и понятной. Мило Джуканович, Светозар Марович и остальные из ДПС много раз заявляли, что ничего не знают о создании «независимого» государства Черногории, и, если народ так решит, это будет означать наш выход из правительства Черногории и передачу государственного управления тем, кто согласен с ее полной государственной независимостью.

Результат этого шага — двойная выгода. Во-первых, были убраны безосновательные сомнения, которые были широко распространены. Во-вторых, присмирили некоторые «прочерногорские» критики референдума, так как они убедились, что наша позиция политически корректна и, кроме того, давала им шанс сразу прийти к власти. При условии, что народ на предложенный вариант создания единого государства ответит: «Нет».

Так все согласились с тем, что референдум все-таки будет. Велось обсуждение, какие вопросы будут на нем решаться. Соответственно — каким будет это общее государство, за которое предлагается голосовать.

Модель организации будущей федерации я представил на заседании Скупщины Черногории (28 января 1992 г.). Наша основная цель состояла в том, чтобы обеспечить в едином государстве выполнение конституционного принципа равноправия республик. Равноправие всех граждан в Югославии осуществлялось по принципу «один человек — один голос», действующему во всех демократических государствах. Однако по ряду соображений в него необходимо было внести коррективы. Мои условия равноправия для Черногории были исключительно «жесткими». Я выступал за однопалатный союзный парламент, правительство на паритетной основе, единую армию с общим командованием и, конечно, предполагал ротацию функционирования главы союзного государства, которого бы попеременно выбирали руководители республик. Я бы еще больше ужесточил и так тяжелые условия, назвав их «рамки, за которые нельзя выходить». Безусловно, будучи политиком, я знал, что такого не может быть и не будет в конечном счете. Но в переговорах, которые последовали, я хотел усилить свою позицию. Уступая по вопросам, до которых мне самому не было дела, я приводил больше аргументов по тем, которые считал действительно важными и которые хотел оставить.

Реакции из Сербии не пришлось долго ждать. Вскоре (5 февраля) в Подгорицу приехала делегация самого высокого уровня: Слободан Милошевич, президент Республики; Борисав Йович, член Президиума СФРЮ; Радман Божович, председатель правительства, и Александар Бакочевич, председатель Народной скупщины. С нашей стороны участвовали коллеги: Бранко Костич, Мило Джуканович и Ристо Вукчевич. Это была первая встреча на заданную тему, а всего их было несколько, и ни на одной не было достигнуто полного согласия по тексту будущей Конституции СР Югославии.

Известно, что над текстом этой Конституции трудились политико-юридические эксперты в Жабляке, в Черногории. Текст Конституции «написан» как раз на этих встречах. Он был составлен в результате трудных обсуждений, убеждений, маневрирования, различных ультиматумов, что вело к окончательному компромиссу. Это длилось часами и ночами. Слово Слободана Милошевича как всегда имело преимущество в споре с другой стороной.

С нашей точки зрения, ситуация выглядела следующим образом. Бранко Костич больше поддерживал предложения Слободана Милошевича, чем мои контраргументы, и объяснял их, опираясь на свои федеральные функции. Мило Джуканович особенно в обсуждения не вступал. Часто в ходе таких дискуссий он выполнял и некоторые другие обязанности, демонстрируя «полное доверие» всему тому, о чем мы говорили. Ристо Вукчевич, которому данная проблематика не очень близка, все время участвовал в обсуждениях и постоянно принимал мою сторону.

Во время обсуждения вопроса о Верховном совете обороны и командовании армией Югославии Милошевич и я никак не могли найти решения. Он хотел, чтобы командование было передано президенту страны, а я хотел, чтобы это было коллективное решение всех трех членов Совета, то есть президентов республик, которое утверждалось консенсусом. Завязли мы в этом вопросе, и он, и я, и не двинулись с места с позиций, с которыми не были согласны. На одно это обсуждение мы потратили больше четырех часов. Что касается меня, то я был готов и сорок четыре часа потратить, но не уступить, исходя из недавнего жизненно важного опыта. Я хотел, чтобы ни один будущий президент Черногории или Сербии не пережил того, что случилось со мной, когда я беспомощно смотрел на отправку военных Черногории в Баня-Луку. Ответственность за их жизни была тем чувством, что мне объективно пришлось пережить, а мое влияние на это решение было нулевым. Я считаю, что необходимо гармонизировать эти две позиции, чтобы ответственность касалась не только

произошедшего, а действовала и до принятия решения. С. Милошевич просил меня назвать, в какой еще стране командуют армией таким способом, который я предлагаю, а я ответил вопросом: в какой стране может произойти то, что мы пережили недавно с командованием ЮНА?

Так как никто не хотел уступать, мы перешли к игре с формулировками. Слободан предложил текст, который «действительно означает то, что ты хочешь, Момо». Я ответил, что только мой текст означает то, что я хочу. И я настаиваю, чтобы он был принят. «Но это одно и то же», — упрямылся Слободан. «Ну как же одно и то же, это уже не будет мой текст», — отвечал я. Если бы он эти доводы не принял, то я бы решил, что это «доказательство того, что он предлагает нечто совсем другое» и ищет новые аргументы. В какой-то момент у Борислава Йовича сдали нервы, он встал из-за стола и заявил, что в жизни видел фанатичных людей, но таких, как Момир Булатович сегодня вечером, еще никогда не встречал. «Спокойно, Боро, не нервничай», — ответил я ему. «Ты должен знать, что я как раз от тебя же научился тому, что терпение и крепкие нервы очень важны в политике». Действительно, когда я участвовал в работе Президиума СФРЮ, где председательствовал, то несколько раз полностью терял терпение на заседаниях. Тогда мне Йович объяснил, что для этой работы очень важно иметь «крепкую задницу», чтобы ответственно выдержать все, пока спорщики не устанут и легче придут к решению, которому ранее противились.

Тогда слово взял уставший Ристо Вукчевич: «Послушай, Слободан, я не совсем разбираюсь в том, вокруг чего вы двое спорите. Но я знаю Момира Булатовича и верю, что он не стал бы спорить без причины. Поэтому я его поддерживаю. Тебе бы тоже это стоило сделать, так как от него и его позиции никогда ничего плохого не было». Это помогло. Моя формулировка была принята, и мы перешли к другим соглашениям.

Пользуясь моментом, расскажу о моих отношениях с тогдашним председателем Скупщины Черногории. Про-

фессор Ристо Вукчевич был одним из самых благородных и самых умных людей, которых я когда-либо встречал. Он преподавал мне еще в годы учебы в аспирантуре, являлся руководителем нескольких научно-исследовательских проектов, с состав которых я тоже входил. Я был очень горд, когда он открыто поддержал политику, которую я осуществлял, и включился в работу Демократической партии социалистов. После победы на первых многопартийных выборах я предложил ему место председателя парламента и ужасно боялся, что он мне откажет.

Когда я сообщил ему об этом, он засиял, но в то же время по его лицу пробежала тень. «Это была бы для меня великая честь», — спокойно ответил он, — но не забывай, что я был на Голом Отоке². Не будет ли у тебя в связи с этим проблем?». В этих словах был целый мир. Злое время, суровое наказание, блестящая карьера, неизменный моральный долг, но и глубокий шрам, который не лечит время, лишь только прикрывает. «Дорогой мой, профессор, — вырвался у меня тяжелый вздох. — Пусть принесет удачу вам эта новая должность. Я очень благодарен, что вы ее принимаете. А что касается ущерба, то он давно возмещен, в том не было ни вашей, ни других многочисленных арестантов вины. Времена меняются. Мы с вами сейчас в той самой партии, которая когда-то совершала такие грехи и преступления».

Ристо Вукчевич внес значительный вклад в политическую жизнь Черногории. Его деятельность принесла много хорошего. Хотя был и огромный ущерб, но совсем другой, не тот, на который он указывал. Из-за его смерти (в конце 1994 г.) была безвозвратно упущена возможность такому честному и хорошему человеку внести свой вклад в последующие бурные политические события в Черногории.

Следующим вопросом, вокруг которого мы ломали копы с высшим руководством Сербии, были конституцион-

² Голи Оток — остров, на который в 1948 г. после советско-югославского конфликта ссылали людей, симпатизировавших СССР.

ные принципы, по которым президент республики и премьер-министр не могут быть из одной и той же республики. Поскольку наша федерация, состоящая из двух членов, по многим вопросам особенная, то этот принцип неоспорим, но Слободан Милошевич требовал внести в текст фразу «как правило». А это означало, что надо, но можно и не делать. Разумеется, я был против! Но, по мере развития дискуссии, рациональность склоняла нас к тому, что все-таки нужно это решение принять. Дискуссия продвигалась, приводились все возможные рациональные доводы. Все-таки утверждается норма, а будет ли она применяться, зависит не только от нее, но и от взаимного доверия. А оно не является предметом конституционной материи.

Конституционная концепция, о которой мы наконец договорились, вызвала многочисленную критику. Не столько с правовой точки зрения, сколько из-за способа создания. Ее рассматривали как политический договор двух правящих партий. Это, конечно, была правда, и я не вижу причин оспаривать ее. Ведь как раз партии выражают интересы граждан в политическом смысле. То, что это были только две партии, безусловно, была не их воля, но отражение факта, что у них достаточно депутатов, чтобы утвердить текст в Скупшине. Как только для какого-то решения голосов недостаточно, открываются широкие межпартийные консультации, и, опять же, только до получения необходимого числа голосов.

Сотрудничество ДПС и Социалистической партии Сербии было традиционно хорошим. Хотя, по правде говоря, по сравнению с прошлым, были времена и лучше. В тогдашней политике СПС звучал национальный момент, с чем обе партии не полностью соглашались. С другой стороны, это привело к еще одному «медовому месяцу», который случился между социалистами Сербии и Сербской Радикальной партией. Представители этой партии в Черногории были яркими критиками ДПС и действовали по прямым распоряжениям белградского центра. Тем самым они создали условия для сложного и часто даже нелогич-

ного сотрудничества парламентских партий, которое продолжилось после конституционного оформления СР Югославии и выбора союзных органов.

Поэтому Конституция СРЮ (принятая и утвержденная 27 апреля 1992 г.) являлась политическим отражением состояния государства. У Черногории был государственный интерес продолжить союз с Сербией. В конце концов (если не брать только исторические и национальные причины) всегда территориально маленькие и экономически слабые системы стремятся стать составной частью большего и более богатого. Конечно, при условии сохранения в нем своей самобытности, чтобы не раствориться в новом образовании. Требования, с которыми мы выступали, были решительными и точными как раз из-за той серьезной политической деятельности в Сербии, которая оспаривала черногорскую государственность в некоторых областях. Мы требовали больших гарантий, чем обычно. Мы их требовали и их добивались. Государственное руководство Сербии и СПС пошли нам навстречу, так как Черногория им была нужна как никогда раньше. Вместе с ней сохранялась преемственность предыдущей Югославии (Сербия на этом не могла бы настаивать в одиночку), а так она приобрела законное право оказывать поддержку частям сербского народа, которые оказались за пределами исторической родины и которым был присвоен статус национальных меньшинств.

Если взять во внимание все ограничения, которые нужно было преодолеть, и все интересы, которые надо согласовать, то я думаю, что мы выполнили хорошую и честную работу. Основные согласованные решения по Конституции СРЮ были опубликованы и, мы их политически подготовили для референдума. Таким образом, у граждан Черногории появилась возможность, прежде чем принять решение о едином государстве, узнать, по каким правилам оно создается.

Референдум о государственно-правовом статусе Черногории состоялся 1 марта 1992 г. Вопрос звучал так:

«Согласны ли вы с тем, что Черногория, как суверенная Республика, будет продолжать существовать в едином государстве — Югославии, полностью равноправно с другими республиками, которые это пожелают?» По спискам избирателей голосовали 66,04% человек. Ответ «Да» выбрали 95,94%.

Волеизъявление граждан в тот же день прошло в Боснии и Герцеговине. Там референдум стал увертюрой к гражданской войне. В Черногории он укрепил мир и внутреннюю стабильность. Поэтому это была общая победа, включая и тех, кто с принятием данного решения не был согласен.

«Американизация» Черногории

Каждый политик хочет посетить Соединенные Штаты Америки. Не потому, что его там ждут гостеприимные хозяева, всевозможные развлечения или возможность просто приятно провести время. Современных политиков привлекает сила, а в современных международных условиях ее центр находится именно там. Белый дом, Государственный департамент или Капитолийский холм — это все места, где принимаются важные решения для многих государств мира и их жителей. А раз так, лучше туда поехать и хотя бы попытаться что-то сделать для своей пользы. Как бы ваш голос не был значимым и громким, лучше его использовать в непосредственной близости, чем через океан.

Но в США официально приезжают только тогда, когда вас позовут. Вы трогаетесь с места только тогда, когда им понадобится, и снова позовут, если покажетесь им способными исполнить то, что ранее пообещали. Только тогда, когда выполняются эти условия, вы можете ожидать, что кто-то из американской администрации серьезно рассмотрит вашу просьбу. Америка, в конце концов, как любая другая страна в мире, свою внешнюю политику рассматривает как продолжение внутренней. Если кто-то от нее что-то хочет (а это действительно так, если приезжаешь с визитом), прежде всего должен сделать что-то

для принимающей стороны и лишь тогда просить об услуге, поддержке или помощи. Правила поэтому весьма простые. Всем они известны, и все их принимают. Политики почти всех государств мира находятся на «листе ожидания» и сразу принимают приглашение. Поскольку все это весьма неприятно (хотя такова суровая реальность), придумываются эвфемизмы в смысле: традиционное партнерство, рабочий обмен мнениями, обычные деловые контакты и другие формулировки, которыми изобилует ежедневная пресса.

Первый раз в Америке

В свой первый «рабочий визит» в Америку я отправился в декабре 1991 г.

Это было время жестоких столкновений ЮНА с хорватскими военными формированиями. Для меня особенно был важен вопрос об участии военных резервистов из Черногории на дубровникско-мостарском фронте. Кроме того, принимающей стороне я намеревался объяснить, что санкции, в подготовке которых принимал участие и Европейский союз, являются неправильным средством, и попросить, чтобы США к ним не присоединялись. Ключевой точкой визита стала встреча с Лоренсом Иглбергером, заместителем государственного секретаря, и Brentоном Скоукрофтом, советником по национальной безопасности президента США Джорджа Буша-старшего.

Здание Госдепартамента почти во всем напомнило мне здание Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза. Центральный холл, похожий на железнодорожную станцию, толпа, которую создают посетители всех рас, вероисповеданий и наций (особое сходство), затянутая и объемная административная процедура, которая применяется на входе. Сравнение, конечно, не имеет никакой связи с идеологией или политикой. Речь идет о простой истине, что все великие административные системы похожи одна на другую. И обе эти организации были устрашающе велики.

В то время американское министерство иностранных дел имело четверть миллиона сотрудников. На меня этот факт особо подействовал. Поймал я себя на удручающих мыслях. Я сам являлся президентом страны, в которой всего было около 150 тысяч работающего населения. О других параллелях и не говорю. Поэтому мне нужно было убедить сначала себя, а потом уже и других, что я приехал с «рабочим визитом в целях улучшения двустороннего сотрудничества».

Сам разговор с заместителем государственного секретаря и его командой был лучше моих мрачных ожиданий. Буду искренен, заслугу в этом можно приписать тому факту, что я от них ничего не ждал, а не тому, что принимающая сторона уделила мне некоторое понимание и готовность принять мои аргументы. Я понял, как эта система функционирует. И из самого источника, от людей, которые ее хорошо знают. А это вообще не так уж мало.

Они сообщили мне, что Америка присоединится к санкциям против Сербии и Черногории, хотя сами не считают их полезным средством. Однако им очень важно сохранить и выстроить общую политику с Европейским союзом. С этой целью они поддержат это решение, которое прежде всего в американских интересах и только во вторую очередь направлено против нас. Существует ли что-то, спросил я их, что мы можем сделать сами, чтобы улучшить наше международное положение (особенно их отношение к нам)? Сказать честно, достаточно мало. Картинка о сербах, как плохих ребятах на югославских территориях, укоренилась. Чтобы она изменилась, требуется много упорства и труда. В короткий срок, который меня интересует, это кажется невозможным предприятием. При этом мои собеседники не обсуждают сути. Похоже, что им совсем не важно, такими ли являются события, какими их представляют. Важнее, как «они выглядят».

Из-за желания сделать хоть что-то, когда главное уже недостижимо, меня интересовало, какова во всем этом вина Черногории? В их понимании — ничего. Действитель-

но, у них нет ничего конкретного нам предъявить. Более того, они думают, что мы хорошо держимся в тяжелых условиях распада страны и нарастающих столкновений. Но все-таки мы останемся под санкциями, так как являемся союзниками Сербии. «И где тут справедливость?» — спросил я покорно. «Разве молодой человек еще верит, что мы живем в мире, основанном на справедливости?..» — был окончательный ответ, который я получил. Впрочем, с таким «объяснением» я сталкивался все последующие годы. Американские собеседники, почти без исключения, всегда были четкими в объяснении своих позиций и открытыми для дискуссии. Они принимали все мои аргументы, особенно те, что укладывались в их логику. Так, идут разговоры в направлении, которое противоположно их изначальной позиции, и только вы понадеетесь, что получилось их переубедить, неожиданно магическим образом возвращаются они к «несправедливому» миру, в котором мы живем и который описан в народной пословице: «Привязывай коня там, где тебе хозяин велит».

Перед окончанием переговоров я получил несколько сообщений для Слободана Милошевича. Мне было не тяжело изображать почтальона, но я спросил, почему и его не позовут с визитом и не сообщат это ему лично. Я считал, что это справедливо, что ни один из шести тогдашних президентов югославских республик не будет пропущен в списке тех, кто приезжает с визитом в США. Меня позвали как пятого президента. Поэтому остался еще только президент Сербии.

Лоренс Иглберг объяснил мне, что это невозможно. Если бы Слободан Милошевич приехал к ним в гости, албанское лобби организовало бы на площади перед Государственным департаментом демонстрацию численностью не менее двухсот тысяч человек. Американскому правительству, чьим гостем он был бы, пришлось бы войти в конфликт с очевидно агрессивными демонстрантами. Из-за политической резкости, которая была бы приписана правительству, мы бы потеряли много голосов избира-

телей. Считая этот риск совсем неоправданным, позвали меня и верят, что я передам их сообщения всем важным адресатам. Это хрестоматийный пример того, что внешняя политика — это только продолжение внутренней.

Вторая, еще более важная, встреча состоялась в Белом доме.

Я нервничал еще больше. Чтобы не опоздать (это был немислимый грех), мы пришли намного раньше. Процедуру встречи провели безупречные морские пехотинцы. Она состояла в определении людей, которые должны пройти в главные ворота, кроме меня. Их предупреждают, что никто не смеет иметь при себе личное оружие и каждый должен повесить на грудь идентификационный бейджик. Минуты текли как вечность, а мое одиночество и ощущение беспомощности росли. Рядом с бронированным автомобилем, который нам предоставила принимающая сторона, перед самым охраняемым зданием на свете стоял Бошко Бойович, тогдашний глава Государственной безопасности Черногории. Я подумал, насколько бессмысленна его позиция телохранителя, но потом понял, что это его работа и что он, таким образом, придает себе значимость. В какой-то момент он повернулся к моему стеклу, показывая намерение что-то мне сообщить. Тогда любая помощь для меня была важна, и я нетерпеливо ожидал некую срочную информацию от такого важного функционера. «Президент, когда вы завершите, здесь совсем рядом есть один хороший магазинчик, в котором дешевые Ниндзя-черепашки, которые нужно купить вашим детям...» — сообщил мне Бойович, сохраняя в то же время важное выражение лица. Истина в том, что без этих игрушек нельзя было вернуться домой (Нина и Бошко по-другому воспринимали основную цель моего путешествия в Америку), но все же он должен был бы подождать, пока я проведу тот разговор в Белом доме. Как и должна была подождать моя потребность получить достоверную и своевременную информацию от черногорской службы, отвечающей за безопасность страны.

Брент Скоукрофт, человек, занимавший исключительно важное место советника по национальной безопасности президента США, как и его заместитель Иглбергер, имел дипломатический опыт в Югославии. Это только усилило позитивное впечатление, которое он произвел своим появлением и манерой общения. Он мне показался мудрым человеком, чье спокойствие не проявлялось только в глазах, которые в свою очередь излучали ненасытную любознательность. Он был достаточно открыт, чтобы выслушать информацию с «другой стороны», и мне показалось, что он ее будет серьезно анализировать. Его прежний опыт в «Титовской Югославии», по крайней мере мне так думалось, помог разрушить черно-белую картинку и эпитет «плохих парней», который нам был прикреплен.

Поскольку официальная позиция нами была уже озвучена в Государственном департаменте, не было необходимости снова повторяться. Поэтому, это была возможность ее прокомментировать, а также объяснить свою точку зрения. Я использовал эту благоприятную возможность, а помогло мне то, что собеседник высказывал полную заинтересованность, которую я оценивал как понимание. Для меня осталось неизвестным, насколько я преуспел в своих намерениях, так как мой уважаемый собеседник не сделал заключительного комментария. Может, так было и лучше. По крайней мере, какое-то время у меня оставалась надежда.

К слову сказать, я был очарован не только господином Скоукрофтом, но и его кабинетом. Он был таким маленьким и оформлен так скромно, что мы, трое гостей, еле уместились на диване. В нем не было горы бумаг, которые, как проклятие, наполняют кабинеты наших политиков, с которыми я лично не смог справиться ни в одном из своих мандатов. Вероятно все-таки, как мне кажется, был один важный лист бумаги, который лицом вниз лежал перед ним. Очевидно, это была тайная памятка для нашего разговора. Но она стала результатом деятельности сложной административно-политической структуры. Как мне объ-

яснили позднее, в состав его кабинета входит один советник и одна секретарша. Они получают данные из канцелярии, в которой «три плюс три» таких же служащих, а в начале цепочки находится кабинет с тремя десятками, «плюс три десятка» низших чиновников. Я не знаю, насколько эти цифры точные, но все крайне логично. Конечно, сюда стекается информация из всех стран мира, государств, которые лишь немногие могли бы поименно назвать, не вдаваясь в какие-либо детали о них. Понимание, которое из всего этого проистекало, заключалось в том, что чрезвычайно важно знать того, кто начинает процесс написания таких бумаг (специалиста по вашей стране), постараться, чтобы он принял вашу позицию и вник в ваши аргументы. Если вам это удастся, тогда дальнейшие необходимые бюрократические сокращения не изменят сути. Мало вероятно, что процесс может развиваться наоборот, с вершины к подножию. Я тогда не следовал этому пути. Позднее я пробовал исправить ошибку, но успех был минимальный.

Выходя из кабинета, я пережил настоящий шок. На столе симпатичной секретарши (номер 1) сидел мой телохранитель. На поясе у него висела кобура, куда был вставлен огромный пистолет. Секретарша восторженно смеялась какой-то его истории, и самое удивительное было то, что он не знал ни одного слова по-английски. Ко всему этому, он не был в списке посетителей, даже не имел бейджика на ленте. Опасаясь настоящего дипломатического скандала (в одночасье нарушены все правила безопасности Белого дома), я подхватил его под руку и, выходя, прошептал: «Откуда ты здесь?» «Ну, это, я немного заблудился...» — ответил он, словно оправдываясь, что заскочил в киоск.

К счастью, никто ничего не заметил. Система безопасности Белого дома, очевидно, имела достаточно проблем, но в мои планы не входило их создавать или решать.

Еще одно событие, которое также касалось безопасности, помогло мне тогда еще больше понять Америку.

Мне нужно было прочесть лекцию и поучаствовать в заседании Совета по внешней политике в Нью-Йорке. Перед зданием проводились должным образом разрешенные демонстрации. Людей было немного, но они выступали громко и по-балкански устрашающе. Было удивительно наблюдать, как по Манхеттену разносятся ругательства, направленные четникам и сербским матерям. Мое внимание привлекла очень симпатичная молодая женщина, которая особенно страстно выбирала самые грубые оскорбления и посылала их в моем направлении. На минуту мне стало жалко, что мы находимся на таких далеких полюсах.

Демонстранты были довольно терпеливы, дождались конца обсуждения и снова начали представление, когда мы выходили из здания. Вот тут-то и возникла проблема моей безопасности. Ведь автомобиль был припаркован вплотную к ограде, за которой стояли участники протеста. Мои сопровождающие, полицейские из Черногории, собирались войти в толпу и «немного расчистить дорогу». У местных распорядителей решение было более простое. Передо мной появился огромный темнокожий полицейский в обычной полицейской форме, какую мы видим каждый вечер в полицейских сериалах. Несколько угрюмо, но в любом случае полностью заинтересованно, он спросил меня: «Это вы в каком-то смысле президент?» Я сразу это подтвердил и послушался его призыва следовать за ним. Мы прошли небольшое расстояние, находясь между охраной и эскортом. Не возникло никаких проблем, потому что на американского полицейского никто не посмел косо взглянуть, не говоря уже о том, чтобы оскорбить или напасть.

Спектакль был завершен. Мы все были в машинах, а демонстранты разошлись. Через несколько сотен метров югославский генеральный консул, который меня сопровождал, предложил посетить знаменитый магазин. Сразу при входе мы столкнулись с той привлекательной дамой из числа демонстрантов и слышали от нее очень любез-

ное приветствие. Моему удивлению, которое было огромным, положил конец консул, объяснив, что здесь ничего не нужно принимать лично на свой счет. Участие в подобных протестах — это вещь, которая, как правило, оплачивается от 50 до 100 долларов, что, нужно признать, хорошая сумма за несколько часов цивилизованной забавы.

Мой третий визит в Америку произошел через пять лет. Его ход и политические последствия изменили не только мою жизнь, но и жизнь многих людей на этих просторах.

Кто это там фотографируется...

После Дейтонского мирного договора отношения Союзной Республики Югославии и США перешли в новую позитивную фазу. Это особенно касалось отношения Америки к Слободану Милошевичу, которому приписывали ключевую роль в достижении мира. Интересы наших двух государств в отношении Боснии и Герцеговины, записанные в Соглашении, которое прекратило войну, были очень близки. Было особенно важно осуществлять всестороннее сотрудничество, поскольку американская сторона готовилась послать свои вооруженные силы с целью сохранения мира, особенно опасаясь многочисленных муджахетдинов, которые проникли в ряды армии боснийских мусульман.

С этой целью ЦРУ установило тесные контакты со Службой государственной безопасности Сербии, которая располагала объемным и достоверным досье об этих экстремистах и фанатиках, которым особенно нравится убивать американских военных. Признание, что благодаря сербским сотрудникам государственной безопасности спасено много американских жизней, озвучил сам шеф ЦРУ, господин Джон Дойч во время своего (абсолютно тайного) визита в Белград. Последствием стал молниеносный рост влияния и силы и без того сильного Йовици Станишича, тогда первого человека сербской Службы безопасности. Более поздние события показали, что это кому-то сильно мешало.

На федеральном уровне мы договорились о том, что в качестве своего рода противовеса этому сотрудничеству Служба государственной безопасности Черногории установит тесное сотрудничество с британской спецслужбой МИ-6. В мире спецслужб всегда лучше иметь два источника информации, чем полностью доверять одному. Особенно, если учитывать его историческую и конструкционную взбалмошность. Черногорская служба могла предложить данные, важные для размещения миротворческих войск в Герцеговине. В обмен я просил найти больше важной информации в связи с Превлакой. Мы исходили из предположения, что хорватское правительство и политики находятся под влиянием Германии, поэтому хотели, чтобы Великобритания, как традиционная морская держава, поняла, какое значение этот полуостров имеет для Черногории, и своим влиянием помогла, чтобы при окончательном решении Превлака отошла к Черногории.

Букашин Мараш, тогдашний помощник министра государственной безопасности, внимательно записал мои требования и сообщил, что на первый контакт в Лондон пошлет своего самого лучшего и самого проверенного оперативника. Не стоит напоминать, что он лично «воодушевился» моим требованием, потому что видел, что двери открыты для этого сотрудничества. Он оценил, что я «гениально» выбрал вопросы, которые надо поставить как центральные в обмене информацией.

В скором времени я получил письменное сообщение о первой встрече на весьма «высоком разведывательном уровне» в Лондоне. Текст сообщения был делитантским, а его содержание изобиловало глупостью. По крайней мере, я его так воспринял, сравнивая сообщение с задачей, которую получила Служба безопасности. О Превлаке не было ни одного слова, речь шла об отношениях Слободана Милошевича со своей супругой, делами, которыми занимаются его дети, любовными и другими связями сербского политического и экономического истеблишмента... Короче, речь как будто шла о сборе сплетен на ближайшего соседа.

Я сразу позвал Мараша и сказал, что думаю об «успехах» его разведки. Когда он услышал мои возражения, то изменился в лице и сжался на стуле. Разумеется, он очень хорошо знал, как пригорюниться, чтобы вызвать сострадание начальства. Многочисленные профессиональные просчеты, которых было много, дали ему возможность хорошо этому научиться.

Я спросил у него имя «эксперта», который был в Лондоне, так как информация этих данных не содержала. Он отказался, ссылаясь на служебные правила. Он был готов нести ответственность за плохо выполненную работу, но сказал, что не должен открывать имен своих сотрудников разведки. Действительно, такими были правила, и я должен был их уважать. Но все-таки я сомневался, предполагая, что он защищает не Службу и оперативников, а прежде всего себя. Я вызвал к себе Филиппа Вуяновича, тогдашнего министра внутренних дел и потребовал, чтобы он мне сказал, кто недавно ездил в Лондон. Оказалось — Слободан Милич (так открылась личность «великого шпиона»), тогда шеф протокола Союзного правительства и кум Вукашина Мараша. Это человек, которого Мараш постоянно таскал за собой, позже был участником многих афер. С ним ездил и переводчик, так как тот не владел ни одним иностранным языком. Только тогда у меня сложилась картина о том, как Мараш опозорил не только свою Службу, но и всю Черногорию. Учитывая, что нанесенный урон был непоправим, я письменно распорядился прекратить начатые контакты и «заморозить» сотрудничество. Впредь я не получал никакой информации на эту тему. Это не означало, что мое распоряжение было выполнено. «Обмен информацией» продолжался, но далеко от моих глаз.

Таким образом, пропала идея, которая для меня много значила. Но все-таки результатом всего этого стал новый и неожиданный вывод. Целью британских спецслужб были данные, которые могут скомпрометировать Слободана Милошевича. Цель, таким образом, была определена. Искали теперь подходящие стрелы.

Эти события не оставили заметных следов в официальных отношениях наших стран. Был принят и хорошо подготовлен мой визит в Великобританию (начало мая 1996 г.). Впервые мне был оказан прием на высоком уровне (югославское знамя и гимн в Лондоне), что означало переход международного сотрудничества в мирное русло. Я беседовал с заместителем премьера и министром иностранных дел (Майком Хазелтайном и Малкольмом Рифкиндом). Больше не говорилось о войне и мирных планах, а только об экономике и особенно о помощи, которую мы просили для строительства регионального водоснабжения на черногорском приморье. Объезжая некоторые из их объектов водоснабжения, у меня была возможность увидеть немного Англию, которая меня очаровала порядком, миром и красотой. Это могло бы мне понравиться, размышляя я, сравнивая такой Лондон с тем, из августа 1992 г. и Конференции по Югославии.

За несколько дней до этой поездки ко мне пришел Милан Панич, бывший югославский премьер и калифорнийский бизнесмен. Мы с ним поддерживали корректные отношения, и он хотел, чтобы так было и дальше. Он сообщил нам, что через несколько дней проводит гуманитарный прием, на котором будет присутствовать и президент США Уильям (Билл) Клинтон. Для меня он обеспечил приглашение и возможность сфотографироваться с ним. Одна фотография в таких условиях стоит около пяти сотен долларов. Он предложил сразу же сесть в самолет, игнорируя вопросы протокола (поскольку все это неофициально), но в любом случае поехать. Фотография с Клинтоном была его последним аргументом, это должно было мне помочь в политической карьере.

Я решил, что вместо меня поедет Мило Джуканович. Сам я и не мог (из-за визита в Великобританию), и не хотел после двухдневного мотания по самолетам до Калифорнии получить фотографию, которая бы представляла собой «ложное знакомство». Для Мило это не было проблемой. Он вернулся с двумя фотографиями (заплатив тыся-

чу долларов, которые не дал Милан Панич) и политическим объяснением, что «проведена была короткая рабочая консультация с президентом Клинтон». На самом деле он стоял в длинной шеренге тех, кому Клинтон пожимал руку, так как они оплатили эту услугу. Оппозиция и часть общественности поняли, что речь идет об обмане, и поднялась огромная волна. Тогда я лично встал на защиту своего премьера. Я участвовал в распространении лжи, подтверждая историю Мила Джукановича. Однако эта фотография имела особенно важное значение в предвыборной компании ДПС в конце того года. Ее вставили в продолжительный пропагандистский фильм, и везде, ну просто на каждом месте, она вызывала громкие аплодисменты.

Фотографирование черногорского премьера с президентом Америки для многих журналистов стало знаком, что что-то не работает в его и моих отношениях. Как только он вернулся из Калифорнии, еще на аэродроме в Подгорице, его спрашивали на эту тему. Он ответил, что никаких разногласий нет, и еще точнее — «по всем политическим вопросам, а особенно в вопросе развития Черногории, мы консультируемся по каждой детали и действуем со схожих политических позиций» (Победа, 1 мая 1996 г.). На этот раз он говорил правду. Различия появятся позднее, после его очередного визита в Америку.

А до этого была моя очередь ехать в Америку. Этот визит (с 8 по 15 сентября 1996 г.) был очень тщательно подготовлен. Его первая часть проходила во Дворце ООН и представляла собой продолжение борьбы за Превлаку. А именно, после Дейтона и Парижа и маневров, которые предпринял Ричард Холбрук, я решил поставить этот вопрос перед послами стран — постоянных членов Совета Безопасности (плюс Италия) и перед самим Генеральным секретарем Бутросом Гали. Был подготовлен «Файл по Превлаке» с десятком документов, представленных так, чтобы подкрепить наше утверждение, что Превлака принадлежит Черногории. Здесь были все проекты договора с

Хорватией, включая и тот, который был заключен и ратифицирован в Дейтоне.

Досье по Превлаке я вручил каждому, с кем разговаривал. На приглашение о переговорах в апартаментах отеля «Валдорф Астория» откликнулись все главы миссий при ООН стран — постоянных членов Совета Безопасности, кроме США. Америку представлял заместитель госпожи Мадлен Олбрайт, что было ясным сигналом само по себе. Чтобы все было представительно, были оплачены (по невероятно огромной цене) апартаменты на 32-м этаже этого люксовского отеля. Все помнящие владельцы гостиницы сообщили мне, что до меня это помещение из лидеров Юго-Восточной Европы занимал только Йосип Броз Тито. Кроме этих, в гостинице существовали еще только одни представительские апартаменты. Но они были недоступны, так как весь верхний, самый элитный 33-й, этаж занимала Мадлен Олбрайт, получается, таким образом — моя ближайшая соседка, которую я не успел и увидеть. Я считал, что это не было расточительством, ведь нельзя о таких важных вопросах и с такими значительными собеседниками вести беседу на месте, которое не в полной мере соответствует моменту. Сами переговоры были достаточно напряженными (семь раз я повторял одну и ту же историю), но и относительно успешными. Многие дипломаты поняли, какая это маленькая территория, а насколько большая проблема. Я верю, что именно это они имели в виду в своих дальнейших решениях по данной территории. Конечно, я не смог сделать никакого впечатляющего пересмотра вопроса, но и этим маленьким шагом я мог быть доволен. Этот этап завершился приемом у Генерального секретаря в штаб-квартире ООН.

Вторая часть визита прошла в Вашингтоне. Здесь я должен был открыть черногорское торговое представительство. Глава этой миссии и человек, который все готовил для этой части визита, был господин Ратко Кнежевич, близкий друг Мило Джукановича и особа, которая любила подчеркивать свои международные политические и де-

ловые связи. Я знал его еще задолго до политической деятельности, но его бесспорный шарм во внешнем виде и поведении на меня не производили никакого впечатления. Я держал его на большом расстоянии (и он знал, почему я так поступаю), хотя признаю, что он тогда сделал намного больше, чем могла тогда наша официальная дипломатия. Он больше использовал «язык денег», чем дипломатические представители нашей бедной страны. Для того чтобы уменьшить пропасть подозрения, которую могла вызвать эта «двойная дипломатия», всегда рядом со мной были официальные югославские представители (посол при ООН в Нью-Йорке Владислав Йованович и Небойша Вуйович, поверенный в делах нашего посольства в Вашингтоне). Их советы были очень полезны, хотя чаще всего они не совпадали с мнением Кнежевича.

Я был очень доволен подготовленным списком собеседников. В Государственном департаменте — это Питер Тарноф, государственный секретарь по политическим вопросам. В Конгрессе — Бенджамин Гилман, председатель внешнеполитического комитета, и влиятельный конгрессмен Ли Хамильтон. В Белом доме — Александр Воршбол, специальный советник президента Клинтона, и Сэмюэль Бергер, заместитель советника по национальной безопасности.

В Государственном департаменте в день моего визита было настоящее чрезвычайное положение. Причиной тому были завтрашние выборы в «Дейтонской БиГ». После четырех лет войны и неполного года мира приближался первый серьезный тест функционирования Договора, к которому мы пришли в Дейтоне, Огайо (воспоминания об этом до сих пор вызывают у меня мурашки) после стольких усилий и неизвестности. В то утро два специальных самолета, полных американских дипломатов, которые отправались в качестве наблюдателей на выборы, увы, уже улетели в Боснию и Герцеговину. Из-за этого переполоха изменился и распорядок принимающей стороны. Сопровождавший меня молодой и симпатичный чиновник,

извинился от имени своего шефа и попросил несколько минут терпения. Центральный этаж этого здания, место пребывания высшего руководства, оформлен в неовикторианском стиле. Наконец у меня появилась возможность восхититься всем внутренним убранством и уделить время безупречным деталям приемного салона. Блуждая взглядом по ним, я заметил, что у моего молодого сопровождающего возникла неприятная проблема с обувью. Его туфли разваливались и, это было заметно, потому что они стояли на необычайно красивом и дорогом ковре. Он перехватил мой взгляд (я не был достаточно быстр и сдержан), немного покраснел и сказал, что должен меня поблагодарить. Последовало объяснение: во всем виновата эта Босния, которую он считает непонятным государством. Время от времени его туда посылают, и он все больше и больше попадает в финансовые трудности. Там не принимают его карты, они годятся только для того, чтобы получить наличные. Когда в Вашингтоне он получает возмещение затрат, негативные процентные ставки растут, и он постоянно в минусе. Поэтому буквально и туфли не может себе купить. Он должен меня благодарить, завершил он свою грустную историю, поскольку обязанности меня сопровождать его освободили от поездки в Сараево. Для него это будет чистая финансовая выгода.

Разговор с заместителем государственного секретаря не принес ничего нового. Больше говорилось о Боснии, чем о Югославии и Черногории. С точки зрения Государственного департамента, я попал в неправильное время. На выходе меня ожидала одна молодая дама. Она сообщила, что мой сопровождающий неожиданно должен был уехать в Боснию. Заполнен и третий самолет, и он уже находится в воздухе. Мне осталось только беспокоиться, выдержит ли его обувь «столько дорог», и будет жаль, что, по крайней мере, ему я не был, как он предполагал, полезен.

Что все тогдашние мероприятия были под «боснийской тенью» подтверждает и следующее событие, которое меня поставило между редкими политиками, которые отказа-

лись выступать на признанной в мире CNN. Организаторы программы нашли меня в Вашингтоне и предложили интервью в прямом эфире в прайм-тайм. Признаться, я был польщен. Каждый политик такое предложение расценил бы как подарок небес. Разумеется, я сразу же его принял. Лишь тогда я спросил, откуда такой внезапный интерес к Черногории и Югославии и что нужно конкретно объяснить. Однако их интересовала только Босния и завтрашние выборы, а я был самый высокий функционер из этого региона, который находится в Америке и который может поучаствовать в актуальных прогнозах. Но я не из Боснии и Герцеговины, попытался я объяснить. «Да это почти одно и то же. Вы только придите!» — были они настойчивы. Я не пошел, так как для меня это было ни одно и то же. Или даже вовсе «ни одно и то же». И я об этом поступке не жалел.

Встреча с конгрессменом Ли Хамильтоном представляла первую часть мозаики, составить которую мне предстояло. Мне его порекомендовал Ратко Кнежевич через какие-то пиар-службы. Лоббирование было составной частью тогдашней политики, и по-другому тяжело было устроить переговоры с такими влиятельными людьми. После этой встречи они в мою честь устроили обед в Конгрессе, на котором ожидали «не меньше десяти влиятельных конгрессменов».

Конгрессмен Хамильтон в то время был уже в возрасте и передвигался с помощью своих проворных сотрудников. Он почти не слышал, а концентрация у него была на уровне, который я не смог определить. Все же я сказал несколько вводных предложений... «А почему вы там, в вашей стране, обижаете и изгоняете бедных албанцев из Косова?» — спросил он, хотя я был в середине изложения о Черногории. Насколько я знаю, начал отвечать, ситуация там абсолютно иная. Намного тяжелее условия, в которых живут косовско-метохийские сербы и черногорцы, чем албанцы, которых там огромное количество... «Очень интересно! Мне сказали, что их положение совсем другое.

Если у вас есть какие-то конкретные предложения, передайте их моим помощникам, если мы договоримся, то окажем поддержку вашему видению истины», — сказал он, покидая нас, потому что его «ждало голосование». Сотрудники, возможно, ожидали, что я пушусь в какую-то более конкретную дискуссию. Однако у меня не было для этого ни разрешения, ни средств. Особенно этого второго, ведь я знал финансовую мощь албанского лобби в Америке. Впрочем, эта короткая и непродуктивная встреча показала нам, что Косово выходит на первый план повестки дня.

Обед, который я подготовил для «десятка» американских конгрессменов останется в памяти потому, что на нем не было ни одного конгрессмена. На входе в зал я пожимал руки и сердечно щебетал с различными ассистентами, секретарями, сотрудниками кабинетов и многочисленной чиновничьей ратью, которая уважала институт «бесплатного обеда». Но ни с одним конгрессменом. Тогда я понял, как себя чувствует жених, к которому пришли все приглашенные, кроме его будущей супруги. Взглядом я стрелял по Ратко Кнежевичу и «нашим лоббистам». Они, заметив, что места для шуток не остается, расстарались и привели человека, утверждая, что он «настоящий конгрессмен». Предполагаю, что они с трудом убедили того господина взять на себя эту роль, но я ни на секунду не поверил, что он сказал правду. Особенно когда (посадили его рядом со мной) он не поддержал ни одной темы в разговоре, а только дисциплинированно ел все, что стояло перед ним.

Независимо от участников, протокол нужно соблюдать. Я говорил, они ели. Потом они задавали вопросы, я отвечал, а они ели. В конце концов и это завершилось. Как и закончилась любая возможность доверять Ратко Кнежевичу когда-либо организовывать политические и дипломатические встречи. Конечно, для меня. С Мило Джукановичем он продолжил работать, неизменно нерадиво, как и раньше, но, кажется, тогда Мило это особенно не мешало.

Отвергнутое предложение

Разговор с советниками по национальной безопасности проходил в административном здании Белого дома. Рабочее время закончилось, и коридоры казались призрачно пустыми. Впечатление усиливал мрачный дневной свет, которого быстро не стало, казалось, наступила еще одна осенняя ночь.

Члены американской администрации (включая и дипломатов) не имеют привычки использовать витиеватые выражения. Их высказывания ясны и односложны. У них не нужно спрашивать, что они на самом деле хотели сказать? В нашем и в большей части всего европейского менталитета есть такой момент, когда всегда ищут «настоящий смысл» или скрытый намек. Поэтому большая часть времени политиков уходит на объяснение и анализ отдельных заявлений политиков и государственных деятелей. У нас это так устоялось, что уже подразумевается, что наш политик никогда не говорит то, что думает.

Американцы поступают совсем по-другому. Особенно, когда не присутствуют журналисты. Когда они что-то говорят, можно считать с наибольшей вероятностью, что так оно и будет, хотя сначала могло казаться это невозможным или даже сумасшествием. Такое поведение абсолютно естественно, когда речь идет не только о великой державе, но и в настоящее время единственной силе в международных отношениях. В конце концов, разве ожидается от воспитателя в детском саду, что он будет говорить детям шифрованно, опираясь на силу их самоконтроля?

Меня просили начать дистанцироваться от Слободана Милошевича. Насколько я буду удаляться от него, настолько будет расти международная поддержка и уважение, которое мне будут оказывать. Таким образом, у меня есть шанс превратиться в самого перспективного демократического лидера в регионе.

Здесь речь не идет о какой-либо идеологии, только о стратегических американских интересах. Отношения

между Сербией и Черногорией должны ослабнуть, что приведет к концу, по их мнению, неестественное образование СР Югославии. В конце концов, они изначально называли Сербия и Черногория. В качестве стимула этому процессу Америка предложила Черногории стабильную экономическую и финансовую помощь. Подразумевалось, что она будет иметь и соответствующие гарантии безопасности, то есть военную защиту.

Сербия очень скоро встретится с большими проблемами в Косове. Там начнется вооруженное столкновение, и потом там разместятся около пятидесяти тысяч американских военных. Америка планирует значительное и долгосрочное военное присутствие на этой территории. В Боснии и Герцеговине уже размещен такой же американский контингент. Эти две точки являются основой решения проблемы, возникновения которой США ожидают после истечения (полувекового) договора об американском военном присутствии в Германии. Если они не смогут оставаться на территории Европейского союза, им нужно найти место в непосредственной близости. Их возвращение домой не рассматривается ни в каком варианте, так как это означало бы крах американской внешней политики. Особенно в той ее части, которая касается борьбы за влияние в Европейском союзе.

Европейский союз превратится в огромную экономическую силу. Потенциально он может стать и великой военной силой. Чтобы этому противодействовать, предвидится SECI³ инициатива (объединение стран Юго-Восточной Европы). Они все бы находились под прямым влиянием американской администрации и зависели от ее помощи и поддержки. В перспективе значительно развился бы рынок с многочисленными природными ресурсами и квалифицированной и относительно образованной рабочей силой. В более длительной перспективе эти государства

³ Southeast European Cooperative Initiative — Инициатива по сотрудничеству в Юго-Восточной Европе.

могут почувствовать рост благосостояния, но вся идея отражает интересы Америки в этой части мира.

Как особо важное подчеркнуто, что молодые люди из нашей страны необычайно успешно интегрируются в Америке и Канаде. Они быстро осваивают необходимые знания, получают солидное общее образование, легко учат английский язык, и, что очень важно, принадлежат белой расе. В отличие от них, как граждан, наше государство не вписывается в эту концепцию. Особенно Сербия, которая очень велика, и в которой всегда существует возможность ориентации на другие центры силы. Поэтому в ней намечены серьезные политические перемены.

Во всей этой истории, в конце концов, не было особенных сюрпризов. Только сложились все части мозаики и выдали картинку, которая давно уже угадывалась. Если бы я был американцем, размышлял я, и любил, и защищал свою страну, вероятно, я бы будущее планировал схожим образом. Но проблема была в том, что я не американец. И не хотел им становиться, даже если бы это было возможно.

Я бы очень хотел, начал я свое объяснение по поводу предложения, чтобы Америка меня воспринимала и поддерживала как демократического лидера. От этого была бы польза и мне, и государству, во главе которого я имею честь быть. Надеюсь, вы заметили, что я все годы моей карьеры трудился в этом направлении. Но предложение, которое мне было сделано, требует цену, которую я не могу заплатить. Мне нужна поддержка и понимание самого сильного государства в мире, но не с условием, которое означает разрыв связей с Сербией. Вся мне известная государственная история Черногории представляет собой непрерывное стремление обеспечить свободу и объединение с Сербией. Я твердо уверен, что у Черногории нет ближе друга, чем Сербия. Это факт, который не зависит ни от международных условий, ни от внутренних политических обстоятельств. Если я должен (а все указывает на то, что должен) выбирать между Америкой и Сербией, мой выбор будет — Сербия, всегда, несмотря на последствия.

Поэтому, пока могу, я буду продолжать работать на благо СР Югославии. Мне очень жаль, что их планы относительно Косова и Сербии таковы, но я слишком серьезен, чтобы тратить слова в надежде, что эти планы пересмотрят и изменят. Пусть каждый делает то, что считает лучшим для себя. Я благодарен, что вы меня вспомнили, но для предложенной работы вы должны поискать кого-нибудь другого.

Разумеется, они искали и нашли другого. Через полгода в ходе своего четвертого — «рабочего и официального визита в США» Мило Джуканович был провозглашен «демократическим лидером регионального значения». Больше об этом рассказу позже.

Конец моей политической карьеры головокружительно приближался. Это было не тяжело предвидеть. Я не колебался и не каялся. Конечно, ничто не длится вечно. Американцы патриотизм размещают среди своих основных жизненных ценностей. Против чужого часто борются, но не могут не ценить таких противников. Мне казалось, что с такими мыслями я расстанусь со своими собеседниками. Хотя сами американцы придумали изречение: «Есть только одна вещь хуже, чем быть врагом Америки. Это быть другом Америки». Или в переводе: врага нужно заставить поступить в соответствии с нашими интересами. Друзья должны это делать всегда и везде.

(Из кн.: *Bulatović M. Pravila ćutanja: istiniti politički triler sa poznatim završetkom*. Beograd, 2004. S. 90—96, 225—238.)

Перевод И. В. Руднева и Е. Ю. Гуськова

Алексей Михайлович СЕРГЕЕВ¹

Мы – первые. Записки миротворца

*Эти записки я посвящаю своей жене,
так рано ушедшей.*

*Она, как нормальная русская женщина,
«стойко и мужественно переносила все тяготы
и лишения» армейской жизни своего мужа,
растила детей, сохраняла семейный очаг.
Я не успел дать ей все то, что хотел и мог.
Она была моей музой, моей помощницей,
моим корректором, моим архивариусом,
собиравшим материалы российских СМИ,
пока я был в Югославии.
Неоценима ее помощь и во время ее приездов
ко мне. Она — свидетель некоторых событий,
происходивших в нашем секторе.*

Время течет, как песок сквозь пальцы. Приходят новые поколения и начинают судить о предшествующих событиях с сиюминутной точки зрения или не подвергают сомнению мнение «цивилизованной части культурного общества», создаваемого вне пределов нашей страны и для своей выгоды. Но еще страшнее, когда в руководство страны попадают не умные, а «преданные и верные исполнители». Тогда и рождаются всевозможные мифы и легенды о недавних событиях, умаляющие честь и достоинство нашей Родины, ее Вооруженных сил. Мои близкие, особенно жена, давно просили меня сделать какие-либо записки о тех событиях, участником которых я был в 1992–1993 гг., находясь в Югославии. О них я иногда рассказывал по вечерам за чашкой чая или бокалом хорошего черногорского вина.

¹ Сергеев Алексей Михайлович — полковник ВДВ в отставке, заместитель командира сектора «Восток» войск ООН в Югославии в 1992—1993 гг.

Но наибольшую подвижку в этом вопросе сделали безграмотные сердюковские менеджеры, разработавшие за бешеные деньги и запустившие сайт Минобороны. Многих моих знакомых просто взбесило, что о российском миротворчестве там говорилось начиная с 1995 г. До этого ничего не было. Они сделали то, о чем мечтали все наши зарубежные «друзья» с лета 1992 г. Именно о таких *специалистах-патриотах* говорил в своей поэме «На смерть поэта» М.Ю. Лермонтов:

*«...не мог щадить он нашей славы,
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!»*

Все знают о марше десантников на Приштину в 1999 г. Блестящий марш-бросок! Только мало кто знает, что в Воздушно-десантных войсках (ВДВ) каждые полгода молодые водители завершают свою подготовку 500-километровым марш-броском. Так что для большинства участников этот марш был рядовым знакомым событием, проходившим к тому же под прикрытием югославского спецназа и аркановских «тигров».

В течение 1992–1993 гг. в секторе «Восток» UNPROFOR² было проведено несколько операций, по своему значению превосходящих марш. Как отмечал в своем приветствии в июле 1992 г. генерал-лейтенант С. Намбияр, командующий войсками ООН в Югославии, по поводу одной из операций: «Успех «русского сектора» был первой крупной военной победой ООН за предыдущие двадцать лет».

Но об этом периоде современной военной истории российской армии мало кто знает, так как в то время мы были непонятно чем, скорее всего, разменной картой в период «kozyревщины». И любые успехи, которые мы достигали, были не нужны верхушке страны, хотя давали возможность в то время остановить мясорубку на Балканах. Таким образом, о деятельности российского миротворческого контингента знают крайне мало.

² UN Protection Force — Силы ООН по охране (СООНО).

Будни штаба воздушно-десантных войск. Пока Москва

«Товарищи офицеры!» Вся оперативная группа выстроилась возле Ан-12 на площадке авиационной стоянки Клинского военного аэродрома на пронизывающем холодном вечернем апрельском ветру. Вся группа — это 12 уставших офицеров Управления Командующего ВДВ, почти две недели проводивших между небом и землей, за это время налетавших несколько десятков часов и проехавших на уазиках несколько тысяч километров.

Мы — квартирьеры, по указанию Генштаба проверяющие места возможной дислокации частей и соединений ВДВ, выводимых с мест постоянной дислокации из бывших союзных республик на территорию России.

Вот как описывал в своей книге «За державу обидно» нашу работу А.И. Лебедь: «Соединения и части воздушно-десантных войск дислоцировались на территории девяти союзных республик... Проводили рекогносцировку предполагаемых районов вывода десантных соединений и частей с территории, как тогда уже стало модно говорить, стран ближнего зарубежья. И я летал в буквальном смысле этого слова. Один АН-12-й, в него загоняются три уазика, швартуется десяток бочек бензина, сотня сухпайков, 13–15 офицеров штаба ВДВ, способных всесторонне оценить обстановку, — и вперед!.. В общей сложности мы отрекогносцировали районы потенциальной дислокации для четырех дивизий и одного отдельного полка».

«Товарищи офицеры!» — генерал-майор Лебедь вскинул руку к козырьку фуражки, поблагодарил нас за проделанную работу и сообщил, что, по его представлению,

Командующий ВДВ дает нам по 2 дня выходных. Потом дал команду разойтись, и мы, забрав парашютные сумки со своими вещами, направились к штабному автобусу, который должен был доставить нас в Москву.

«Алексей Михайлович! Задержитесь на минутку». Я подошел к Лебедю, который стоял рядом с подполковником Юрием Горским. Юра и я составляли как бы мини-штаб группы: как офицер-квартирмейстер, я определял направления работы на той или иной территории, куда мы должны были прибыть, докладывал генералу, мы втроем определяли исполнителей, сроки, а Юра готовил распоряжения и вел всю штабную документацию. Мы переговорили накоротке по подготовке доклада Командующему и тем документам, которые уже были сделаны, и тем, что еще надо было сделать. Потом генерал извинился и попросил, чтобы я завтра обязательно с утра вместе с ним был на докладе у генерал-лейтенанта Беляева, начальника штаба ВДВ, подготовив необходимую справку и распечатав ее в машбюро. «Отдохнуть и побыть с семьей успеешь, сдвинешь все на один день!» Но если учесть, что за 2,5 месяца 1992 г. это была уже 4-я командировка продолжительностью более 10 дней... Александр Иванович поинтересовался, сколько времени утром уйдет на оформление необходимых для доклада документов, и был очень удивлен, когда я сказал, что все уже готово и осталось только распечатать. Он сказал, чтобы я садился в его «Волгу» и, пока будем ехать до Москвы, он все посмотрит.

Утром, в полдевятого, Тамара, начальник машбюро штаба, уже ждала меня и дала материалы сразу нескольким машинисткам. Без пяти десять мы втроем (Лебедь, Горский и я) были в приемной у начальника штаба. В этот момент мимо пробежал кто-то из кадровиков, мимоходом поздоровался и сказал, что меня на всякий случай включили в список. Увидев мое удивленное лицо, он сказал, что от министра обороны пришло распоряжение подготовить группу офицеров для возможного направления в распоряжение ООН. И штаб тыла ВДВ дал список из не-

скольких офицеров, и моя фамилия в нем фигурирует. В этот момент нас пригласил генерал Беляев, и я выкинул из головы этот разговор.

Вернувшись после доклада, я начал собираться домой, но меня вызвал генерал-лейтенант А.Г. Зуев, заместитель Командующего ВДВ по тылу и мой непосредственный начальник, и попросил срочно поехать в Ленинградскую квартирно-эксплуатационную часть района, обслуживающую парадную площадку, и проконтролировать подбор и погрузку деревянных конструкций остовов палаток для батальона, чтобы не подсунули гниль. Я знал, что под Рязанью, в учебном центре, формируется батальон для отправки в Югославию, так как по просьбе своей племянницы добился перевода туда ее жениха. В дальнейшем я мало принимал участие в тыловом обеспечении батальона, так как 3 наших офицера штаба тыла практически не вылезали из Тульской дивизии, комплектуя все необходимое: людей; продовольственное и материально-вещевое обеспечение; горюче-смазочные материалы (ГСМ) и, самое главное, формируя тыловые службы батальона.

Отдохнув два дня дома, я в пятницу вышел на службу. Где-то через час после начала рабочего дня к нам в комнату заглянул заместитель начальника оргштатного управления. Переговорив по текущим вопросам и уходя, он мимоходом спросил: сдал ли я фотографии? В ответ на мой недоуменный вопрос, что за фото, он сказал, что я захожусь в утвержденном списке, присланном из «десятки» (10-е Главное управление МО РФ) и скоро должен уехать в Югославию на несколько месяцев. Мы всегда были готовы к неожиданностям, но эта... Тут же пошли к моему шефу, генералу Зуеву, он подтвердил эту информацию и поздравил меня. Короче, меня отправили домой, чтобы я сделал фото на загранпаспорт и утром в понедельник вместе с группой офицеров штаба ВДВ был на собеседовании в 10-м Главном управлении Министерства обороны. Потом в течение двух-трех недель я должен был завершать текущие дела и убыть в Белград.

Как потом мне рассказал один из знакомых офицеров оргштатного управления, данный список составлялся и утверждался до банальности просто. Из «десятки» пришло распоряжение — подготовить список офицеров для службы на командных должностях в штабах операции ООН в звании майор — подполковник. Требование одно — знание английского языка.

Но было и еще одно требование: один из офицеров должен обладать опытом проектирования и строительства. В штабе ВДВ под эти требования подходил только один человек — это я. Все офицеры штаба меня знали и как строителя, и как проектировщика, так как в 1987–1988 гг. я занимался практической работой по новой пристройке к штабу — от решения проектных вопросов до интерьера и меблировки служебных кабинетов и специальных помещений. А потом еще 2 года руководил группой десантников (когда не бывал в командировках по войскам, а это от 190 до 220 дней в году), с помощью которых мы хозспособом провели капитальный ремонт основного здания (один из корпусов Преображенских казарм). При этом я хорошо познакомился со всеми замами Командующего. Командующих ВДВ за это время поменялось трое: генерал армии Сухоруков Дмитрий Семенович, генерал-полковник Калинин Николай Васильевич и генерал-полковник Ачалов Владислав Алексеевич.

Начальником штаба все это время оставался генерал-лейтенант Подколзин Евгений Николаевич (впоследствии генерал-полковник, Командующий ВДВ), который и контролировал все эти работы. Замаы Командующего менялись за это время очень редко. Периодически один из замов вызывал меня с докладом о ходе работ по отведенным для его службы помещениям. А потом с каждым офицером службы уточняли вопросы по комфортности служебной деятельности в отведенных кабинетах и помещениях.

Так как офицер штаба ВДВ может служить в любой штабной структуре, наши кадровики подняли личные дела всех офицеров соответствующих званий. После этого

и составили список из тех, у кого в личном деле в разделе «Владение языком» стоял английский (а у меня к тому же стояло, что я окончил 9-месячный спецкурс английского при Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева). Таких набралось порядка полутора десятка человек. Составленный в алфавитном порядке список направили в «десятку» и там провели черту под необходимым количеством. Моя фамилия оказалась сверху черты.

Что сказать дома? И самое главное — как? Пока ехал домой, ничего путного не придумал. Переоделся в выходной костюм, пошел и сфотографировался «по-срочному». Пока в течение часа готовились фотки — зашел в детский сад и забрал младшую дочку. Она страшно обрадовалась, и мы погуляли, пока не были готовы фотографии. Дома, когда жена вернулась с работы, она удивилась, что я уже дома, да еще успел забрать дочку и погулять с ней. Скоро пришла моя мама (после смерти отца она стала жить заботами нашей семьи, благо наши дома были недалеко), закрылся обычный пятничный вечер. Посмотрел программу «Время» с сюжетом о «кровопролитных боях в Югославии с применением всех видов вооружений». Когда на кухне мы стали пить чай с мамой и женой, я сказал, что мне предложили на 3 месяца поехать в Швейцарию, на курсы ООН. До этого, в разное время, я проходил многомесячные курсы в трех академиях (в Москве и Киеве). Так что моя новая учеба была дома не в новинку. Но тут посыпалось столько вопросов. Собрались все 5 моих женщин (мама, жена, обе дочки и собака). Вопросы сыпались как из рога изобилия: когда, куда конкретно, чему я буду учиться, на каком языке разговаривать, привезу ли я Барби (младшая дочка), что мне с собой надо, что я буду делать после учебы, как я буду там питаться, в каких условиях жить и так далее, далее, далее... Отделавшись общими фразами и незнанием ответов на все вопросы, я вроде бы их успокоил.

В выходные на всякий случай (скорее даже по десантной привычке готовить все, по возможности, заранее) достал парашютную сумку от грузового парашюта. Привел

в порядок летнюю полевую камуфляжку: подшил подворотничок и пришил нашивки, первую партию которых только что изготовили: 2 нагрудные (с группой крови и подписью RUSSIA.) и 2 нарукавные (Россия с флагом и ООН), которые мне вручил генерал Зуев. С женой переговорили, что еще взять с собой из одежды, обуви и разной мелочовки.

Потом подготовил англо-русский и русско-английский словари, а также военный учебник английского языка. Начал потихоньку работать с ним, так как прошло 9 лет, как я окончил курсы английского при Военно-инженерной академии им. В.В.Куйбышева. В то время я служил в Военно-топографическом управлении Генерального штаба и много занимался научными исследованиями в области проектирования и строительства объектов топогеодезического обеспечения программ «космических войн» и крылатых ракет. По обеим программам были проведены довольно интересные научно-исследовательские работы, которые были хорошей базой для защиты кандидатской диссертации. Один кандидатский минимум — по философии — я уже сдал через 2 года после окончания спецфака МИСИ им. В.В. Куйбышева, когда окончил 2-годичные курсы при Военно-политической академии им. В.И. Ленина. По завершении курсов английского я сдал кандидатский минимум. Как нормальный советский офицер, не связанный по службе с вопросами заграникомандировок, естественно, многое забыл.

В понедельник с утра мы уже были в «десятке». Мы — это подполковник Миша Родин, майоры Арсен Авакимов, Валера Кржижановский, Андрей Шибанков и я. Там нас познакомили с нашими будущими коллегами, офицерами «десятки»: подполковником Новиковым; майорами Беловым и Филипповым; капитанами Кирютиным, Писковым и Филипповым. Полдня мы провели в коридоре, по очереди оформляя различные документы. После этого нас отпустили, предупредив, что следующая встреча и инструктаж состоится перед вылетом.

Последующие два дня прошли в обычном режиме, но в четверг с утра все вдруг закрутилось. Нас пятерых собрали в оргштатном управлении штаба ВДВ и сообщили, что на месте резко ухудшилась обстановка и принято решение об отправке нас в понедельник. Поэтому завтра утром мы должны быть на Арбате, во «втором доме» и получить необходимые документы. После этого нам пожелали удачи и отравили по домам. Я пришел к себе в штаб тыла ВДВ, сообщил об отъезде и пригласил всех своих на завтрашний вечер на отвальную. Позвонил жене и сообщил об отъезде. После этого пришлось быть на месте до вечера, так как из Рязани, где формировался миротворческий батальон, мне должны были привезти новую зимнюю камуфляжную форму. Дома я созвонился с несколькими друзьями и пригласил их на субботу на проводы. Мама эти дни практически жила у нас, поэтому все переживания мои женщины делили вместе.

В пятницу, в 9.00, мы были уже в знакомом кабинете и получили синие загранпаспорта и авиабилеты, которые оказались... на завтра. Кроме того, выяснилось, что срок нашей командировки не несколько месяцев, а больше года, с возможной пролонгацией ее при необходимости. После этого один лихой каперанг в течение почти трех часов инструктировал нас:

- ▶ раз 10 предупредил, что положенные нам обязательные ооновские подъемные (200 долларов) мы получим в Белграде, в штабе миссии (потом стало понятно, что к тому времени они уже были украдены здесь, в Москве);
- ▶ что в полете никоим образом нельзя показывать свою принадлежность к российской армии (потом я видел по ТВ сюжеты из разных стран, где миротворцы ехали в парадной форме и их проводы были похожи на праздник);
- ▶ поэтому ехать нужно обязательно в гражданском;
- ▶ повседневную форму с собой брать нельзя, только полевую;
- ▶ как проходить таможенную в аэропорту Шереметьево и какие провокации там могут быть против нас;
- ▶ и всяческий другой бред.

На наши попытки задать какие-либо вопросы по ситуации в Югославии и конкретно, что мы будем там делать (мы даже не знали, куда ехали), нам отвечали коротко и веско: «Приедете — разберетесь. Вам там все расскажут». Кто и что нам расскажет — об этом многозначительно умалчивалось. После этого нас распустили, предупредив, что за нами будут бдительно наблюдать. Как позже писал в «Красной звезде» один из ее корреспондентов, такая же многозначительная чиновничья дурь у этого морячка проявлялась не только по отношению к нам, но и ко всем российским корреспондентам, планировавшим освещать первые шаги нашего миротворческого контингента.

Хорошо, что с помощью ребят из «десятки» удалось позвонить из соседнего кабинета домой и сообщить жене об отъезде и договориться, чтобы она на такси подвезла все, что приготовили для отъездной ко мне на Матросскую Тишину, в штаб ВДВ. Она все привезла, но старалась на меня не смотреть, так как ее глаза, как я успел заметить, были покрасневшие. Остаток дня, естественно, прошел скомканно. У себя меня проводили очень тепло, но коротко, так как понимали, что мне улетать в 7 утра.

Дома мама с женой и старшей дочкой успели накрыть стол и с несколькими близкими друзьями, кто смог подъехать, мы посидели до 11 вечера, тепло попрощались и потом до 2 часов ночи я заканчивал сборы. Во время сборов все мои помогали мне, как могли, и с любопытством рассматривали мой синий загранпаспорт, а жена попросила посмотреть билет: какой он. В этот момент я о чем-то задумался и молча показал, где он лежит, а сам продолжал сборы. Через некоторое время, когда мы случайно остались одни, она вдруг задала вопрос: «А почему Белград, а не Берн, как ты говорил?» Сначала я не понял, а потом до меня дошло. Пришлось придумывать, что в Берне курсы не той направленности, а сейчас ООН развернула мои курсы в Югославии, что я буду жить в Белграде и там же учиться.

Танюша молча смотрела на меня, и я понимал, что сейчас она не верит ни одному моему слову: ведь были мо-

менты, когда я утром уходил на службу, а к вечеру уже был где-нибудь в Прибалтике, или Фергане, или в Гяндже, или еще где, а она узнавала об этом от оперативного дежурного, который звонил нам домой дня через два-три. Как-то раз она не выдержала и сама позвонила, чтобы поинтересоваться, как я. Оперативным был мой хороший знакомый, и он ее успокоил: «Если с ним что-то случится — вам сразу же сообщат». Только значительно позже я понял некоторые вещи, которые воспринимал как само собой разумеющееся.

Когда в 1987 г. я перешел из Генштаба в штаб ВДВ, жена в течение двух недель по нескольким телеканалам умудрилась 5 раз посмотреть популярный в то время кинофильм «Парашютисты» и в какой-то мере успокоилась по поводу того, что офицер штаба ежегодно должен выполнять норматив по прыжкам, и поняла мое желание прыгать больше. Особенно это понимание пригодилось после моих первых прыжков зимой 1987 г.: во время первого моего прыжка из-за низкой облачности нас с высоты 400 метров выбросили на лес, и я слегка оцарапал ветками лицо. На следующий день, при великолепной солнечной погоде, на четвертом прыжке я сдуру (по-другому и не скажешь) приземлился на краю взлетно-посадочной полосы и правой ногой попал на ледышку. Жесткая повязка на колене на 2 недели после этого была обеспечена. Ну и мое явление домой: в пятницу утром ушел на службу живой и здоровый, а в воскресенье вечером появился с царапинами на лице и хромой. В августе 1996 г., когда мы с женой отмечали свой юбилей — «серебряную» свадьбу, кто-то из друзей задал нам шуточный вопрос: «25 лет, вы не надоели друг другу?». Все засмеялись, а Танюша встала и сказала: «Из 25 лет 8,5 его не было дома. И очень часто я по несколько дней или недель не знала, где он и что с ним». Смешки угасли мгновенно.

Когда я закончил собираться, дочки уже спали, и ко мне подошла мама и с очень серьезным видом сказала: «Я хочу попросить тебя об одной вещи. Только обещай, что

обязательно ее выполнишь!». Я обещал. Она разжала кулак: у нее на ладони лежал крестик. «Это твой крестильный крест. Обещай, что будешь его носить не снимая!». И тут я с удивлением узнал, что, оказывается, моя бабушка Ксения, мамина мама, когда мне было несколько месяцев от роду, тайком от всех отнесла меня в Свято-Данилов монастырь (благо она жила рядом, в Сиротском переулке) и окрестила. Тогда я понял, что какие-то смутные детские воспоминания о льющейся на голову воде, имеют под собой почву. Милая мамочка! Как же часто я потом вспоминал тебя с благодарностью за этот крестик! Как он мне помогал и выручал.

Поспать удалось часа два, а мои так и вообще не спали. Потом встал, привел себя в порядок, перекусил, еще раз проверил две свои парашютные сумки, и пришло заказанное такси. Обнявшись со своими домашними, получив крестное благословление от мамы и погладив на прощанье собаку, я шагнул за порог, где меня ждала полная неизвестность. А за спиной остались четыре прильнувшие друг к другу и плачущие самые близкие мои женщины.

Москва. Темное раннее апрельское утро. По дороге в Шереметьево метет поземка. В 7 утра в Шереметьеве мало народа, только обращает на себя внимание группа в полтора десятка человек в обычной гражданской одежде. Видно, что большинство из них в легком возбуждении. Вижу ставшие знакомыми лица. У половины из нас, тех, кто из «десятки», это не первая заграничная поездка. А у другой половины, из штаба ВДВ, кроме Валеры Кржижановского — первая. Подхожу, здороваюсь. Ребята из «десятки» все с женами и друзьями, а у нас так не принято. Обычно мы улетаем ставшими уже родными самолетами военнотранспортной авиации или нашей эскадрильи ВДВ из Клина или с Чкаловского аэродрома. Вскоре собирается вся наша группа, кроме одного. Ждем недолго, объявляют регистрацию на наш рейс Аэрофлота: Москва — Белград. Интересно, чем отличается Аэрофлот международных линий от внутренних?

Одного все еще нет. Мы ждем до последнего, но его нет. Странно. Ребята из «десятки» говорят, что это переводчик из МГУ, которого срочно призвали. Идем через таможню. Подходит капитан в форме пограничников, что-то говорит таможенникам и перед нами загорается зеленый коридор. Подходим к девочкам на регистрации, оборачиваемся и последние взмахи провожающим. Девчата очень предупредительны — регистрируют нас как группу очень быстро, весь наш багаж завешивают чохом. Во время регистрации к ним подходит еще одна, что-то спрашивает, и регистрирующая нас ей негромко отвечает: это наши ребята, они едут на войну. Та сразу становится более серьезной и желает нам счастливого пути. От пограничников подходит капитан и ведет нас к двум стойкам паспортного контроля. Подождав, когда мы все соберемся вместе, нам открывают границу. Напоследок — рукопожатие этого офицера: счастья вам!

Все. Мы за территорией нашей страны. Поднялись в буфет на второй этаж и решили слегка перекусить оставшимися рублями: мы еще не знали, что когда будем возвращаться, то эти рубли будут уже бумажками. Цены в буфете ниже, а ассортимент богаче, и только из привычной русской кухни. Выпили по 100 граммов водки, закусили бутербродами с красной рыбкой, красной и черной икрой и запили соком. За соседним столиком просыпается какой-то мужик и спрашивает: «Ребята, вы десантники?» Мы ответили, что да. Оказалось — это наша пропажа, майор Дима Сибирцев. Он перепутал время и всю ночь провел в буфете. Объявили посадку на Белград, и теперь мы уже полным составом двинулись в самолет.

Перед входом в самолет опять видим уже знакомого капитана-пограничника — он приветливо улыбается и отдает нам честь. Похоже, что стюардессы уже предупреждены: на лицах то непередаваемое выражение, которое бывает только у русских женщин: жалость, надежда, вера во все хорошее. Кажется, про себя они молятся: «Господи! Спаси и сохрани их!» Это последний привет от нашей зем-

ли. Если бы они могли, то перекрестили бы нас. Всех пассажиров разместили в первом салоне, а нас — во втором. Из первого салона доносится непонятная для уха речь: вроде бы некоторые знакомые слова с акцентом, но в общем непонятно.

Все 2,5 часа до Белграда наши стюардессы старались как-то и чем-то нам угодить или помочь. Наверное, так же встречали русские, украинские и белорусские женщины моих дедов и отца (одного на той Великой войне, а двух других — на Великой Отечественной). Годы идут, а связь времен и память нашей земли остаются.

Здесь впервые проявилось жлобство родного Минобороны: нам не выдали подъемные ООН, которые уже как две недели были переведены в Москву и находились на его счету и которые впоследствии никто из 880 человек российского контингента так и не увидел. Зато группа в нескольких человек (офицерами назвать их язык не поворачивается) из финансового управления МО получила очень приличную премию «за экономию валюты для государства». Повезли на тележке товары из «дьюти фри», захотелось сделать маленькие подарки для своих близких, а у нас ни цента. Только у мужиков из «десятки» были доллары.

Это было обидно, но все затмевало то, что ждало нас через 3 часа — новая страна, новое место, новая служба, новая непонятная структура — UNPROFOR.

Белград

Наш самолет приземлился на аэродроме им. Николы Теслы вблизи Белграда. Город располагается в северной части Сербии, у впадения реки Савы в Дунай. Было страш-

но интересно — ведь это был первый заграничный город в моей жизни, да еще с такой историей. Ведь именно здесь происходило действие одного из моих любимых романов В. Пикуля «Честь имею». Где-то через пару месяцев, когда я по делам был в Белграде, новые знакомые пригласили меня на склад бывшего магазина «Советская книга» в центре города и там, помимо стихов В. Высоцкого и Б. Ахмадулиной, советской фантастики и ряда других, я купил и эту книгу, которая стала настольной книгой на журнальном столике в моей комнате. Перечитывая ее, я заново воспринимал сюжет этого романа и как бы сравнивал его героя — офицера российского Генерального штаба — с нами, его внуками, российскими офицерами-десантниками (а я к тому же до ВДВ служил в одном из управлений Генерального штаба). Ведь мы действовали в тех же местах, что и герой романа.

Мы прилетели еще в свободный и непокоренный город. Под именем Белград он известен с IX века, хотя поселения на этой территории существовали раньше. За эти века он был завоеван 40 армиями и 38 раз он отстраивался заново. Земля, на которой он стоит, знала многих пришельцев-завоевателей: кельтов и римлян, готов и франков, славян и турок, австрийцев и швабов.

В 1999 г. я вспомнил это опять: американцы, англичане, французы, итальянцы и немцы снова несли «цивилизацию, свободу и демократию» с помощью крылатых ракет и кассетных, термо-визуальных и графитных бомб, которые запрещены международными конвенциями.

Ни одна столица государств мира не уничтожалась силой оружия за три четверти одного века пять раз! Во всем городе было всего несколько зданий и сооружений постройки до 1914 г. (включая крепость Калемегдан).

Теперь война опять шла на многострадальной югославской земле. Новые хозяева мира хотели сделать то, что в истории еще никому не удавалось: ни туркам, ни австрийцам, ни швабам — поставить югославов (то бишь сербов) на колени.

На выходе с нижнего яруса аэропортового терминала произошла первая в этой командировке незапланированная, но приятная неожиданность: на таможенном терминале пассажиры, летевшие нашим бортом, внезапно расступились и... начали хлопать в ладоши. Мы прошли по образовавшемуся людскому коридору под одобрительные овации и дружеские похлопывания по плечам и спине: «Русы! Братушки! Добро дошли (добро пожаловать)! Сречно (счастливо)!» Не скрою, это было очень приятно: первые шаги по вроде бы чужой земле, а такое впечатление, что вокруг родственники и близкие друзья. Мы поняли, что наше вроде бы «гражданское» инкогнито раскрыто — очевидно, что кто-то из стюардесс пояснил, почему во втором салоне, кроме нас, никого не было. В очередной раз подтвердилась многовековая истина — русских на Балканах воспринимают как друзей, даже близких родственников, защитников и освободителей.

Как ни странно, встретили нас не ооновцы, а офицер в нашей форме из аппарата военного атташе российского посольства, подполковник Володя Бородай. Позже мы познакомились поближе: наше посольство в Белграде взяло над нами шефство, особенно военный атташат, который очень много нам помогал по разным вопросам.

Возглавлял его полковник Шипилов Виктор Дмитриевич. Офицер-десантник, перешедший в ГРУ и окончивший впоследствии военно-дипломатическую академию, в 1990 г. он был направлен военным атташе в Югославию. Блестящий военный дипломат и аналитик, обладающий феноменальной памятью, умением собрать команду единомышленников и огромным даром убеждения, создавший себе за время работы в Югославии непререкаемый авторитет. Ему пришлось работать в чрезвычайных условиях: сначала распад СФРЮ, потом — война. Информация, которая готовилась нашим посольством по представлению военного атташе, могла бы сыграть огромную роль в деле предотвращения войны в Югославии, и тем самым были бы спасены миллионы человеческих жизней. Но, к

сожалению, в это время в России у власти стояли люди, не заинтересованные в ее величии. И многие документы даже не доходили из МИДа до аппарата Президента (мне об этом рассказывал один из членов делегации Верховного Совета РФ, которая летом 1992 г. дважды побывала у нас, и мы организовывали неофициальные встречи с местным руководством).

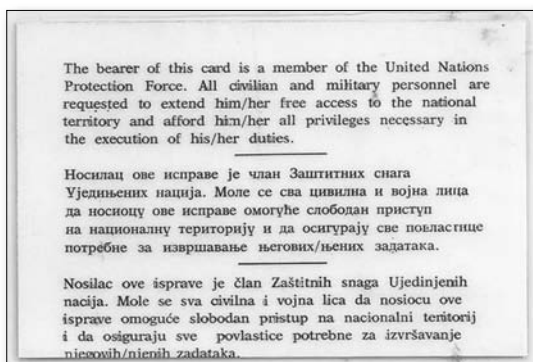
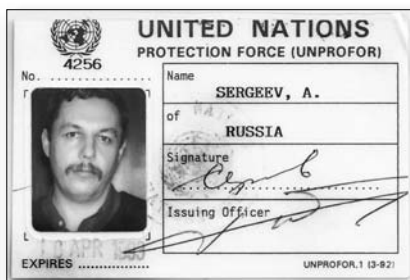
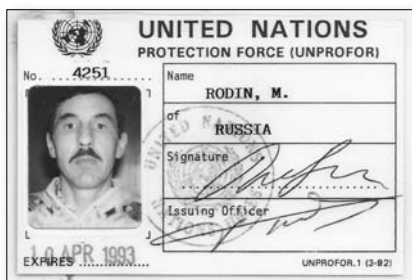
Все время нашего знакомства я с удовольствием общался с военным атташе. И вообще, мы все время чувствовали поддержку нашего посольства в Белграде: было ли это решение каких-либо вопросов, или встреча общенациональных праздников, или личные проблемы. В 1996 г. генерал-майор Шипилов был тяжело ранен в Белграде и вывезен в Москву, где его жизнь трагически оборвалась 07.05 1997 г. на 49-м году жизни. Я думаю, не последнюю роль в этом сыграл визит в Югославию летом 1996 г. тогдашнего министра обороны России Павла Грачева, сразу после которого было принято решение об отзыве Шипилова на Родину.

Ближе с аэропортом я познакомился позже, когда по различным делам, связанным с прилетом и отправкой российских самолетов для нашего контингента, приходилось бывать там часто. По тем временам это был один из самых современных аэропортов в Европе. Его композиционные, логистические и архитектурно-строительные решения приятно удивляют до сих пор, особенно в области планировки и отделки помещений различного назначения.

Встретив нас у выхода на нижнем уровне, Бородай тут же посадил нас в автобус и повез в город, находящийся в 12 км. Широкая автострада со скоростью движения в некоторых местах не менее 110 км/ч, солнце, зеленая трава, почти распустившиеся листья деревьев и кустарников — резкий контраст с завьюженным Шереметьевом. Что еще бросилось в глаза — это несколько огороженных свалок старых автомашин на пустырях вдоль трассы. На въезде в черту города — контрольно-пропускной пункт (КПП) с бронетранспортером (БТР) и вооруженными солдатами, и

далее, как былинный богатырь на заставе, — башня «Компаса». Я, честно говоря, любовался современной архитектурой города — широкими улицами, красивыми зданиями, зелеными скверами и большими, открытыми пространствами, а не скученностью жилых зданий и общественных сооружений.

Нас привезли к зданию МВД Югославии, на двух этажах которого разместился аппарат миссии ООН. Из военных, кроме дежурной смены, никого не было, и нами занимались гражданские специалисты. Сначала нас сфотографировали, занесли данные наших паспортов в базу данных и выдали нам единый документ личности ООН — пластиковую карточку с фото, фамилией и именем — ID (idicart). Причем сделано это было очень быстро и четко, а не так, как в «десятке».

Идентификационная карточка и ее оборот

Потом нас повели на логистический склад и каждому выдали отдельные элементы вещевого имущества ооновской формы: голубой берет с круглой металлической кокардой, 2 голубых на шейных шарфа, шесть круглых ооновских нашивок и 2 наплечника с такими же нашивками.

Позже, уже в июле, мы получили для всего сектора голубые бейсболки с круглой нашивкой и «зимние» голубые шапки (на рыбьем меху) с такой же нашивкой.

Никаких специальных нашивок с абвеатурой операции тогда не существовало. Сначала появились самodelки различных контингентов, а потом, через пару лет, и стандартные шевроны операции.

Во время этой «экскурсии» негры и латиноамериканцы, работавшие с нами, разговаривали очень дружелюбно, с улыбками.

Проходя по коридору, через стеклянную дверь я заметил довольно знакомый прибор, но не сразу его вспомнил. Это был космический топопривязчик, с которым я познакомился во время службы в Военно-топографическом управлении Генштаба СССР в период работы по программам «космических войн» и крылатых ракет. Было интересно, а для чего он здесь? И только когда в 1999 г. первые натовские бомбы и ракеты стали точно падать на Белград, я вспомнил об этом...

Закончив все дела, предусмотренные процедурой регистрации, мы спустились вниз и сели в автобус. Вообще желудок уже начинал о себе напоминать, несмотря на обед в самолете. Как опытные десантники и предусмотрительные люди, мы еще дома, естественно, подготовили себе допшаек, на который можно было рассчитывать. Но Бородай сказал, что по программе он нас везет в пригород Белграда — Панчево, где на территории военного городка 63-й парашютно-десантной бригады ЮНА был размещен французский логистический батальон FRENCHLOGBAT. Там нас ждет обед и ужин, и до утра мы будем отдыхать. Утром, после завтрака, за нами заедет автобус, который отвезет нас на место. Ехать каких-то 20 минут. Но по закону подлости мы ехали более часа, так как попали в пробку. У КПП нас высадили, мы забрали свои вещи, попрощались с Володей, который на всякий случай дал свою визитку, и автобус укатил.

За стеклом КПП на группу гражданских лиц (вот она тупость чиновников минобороны!) с вещами с удивлением смотрели 2 французских солдата, к тому же не понимающих по-английски. С трудом объяснили, чтобы они вызвали дежурного офицера. Минут через 10 пришел офицер, говорящий по-английски и подполковник Новиков объяснил, кто мы такие. У того вытянулось лицо: на базе не было никого из командования (все были в Белграде — ведь суббота), и ему никаких указаний ни о каких русских не было. Столовая была уже закрыта и поваров в ней, естественно, не могло быть до начала подготовки к ужину.

На свою ответственность он повел нас в казарму, где останавливались временные постояльцы вроде нас, но честно предупредил, что только утром из нее уехал французский взвод, конвоирующий гуманитарную колонну, и до среды там никого не ждали.

Об этом предупреждении мы сразу вспомнили, как только вошли в спальное помещение, рассчитанное на взвод (то есть человек на 30). Одноярусные кровати с голыми матрасами, а вокруг... Сказать, что на свалке значительно чище, чем в этом помещении, — это ничего не сказать. Металлические, пластиковые и бумажные бутылки и банки из-под пива, колы, консервов и соков, обертки какой-то бумаги, промасленные тряпки, пустые коробки из-под натовских сухпаев и много другого мусора. На мой взгляд, столько мусора, но в баках, у нас в военных городках набирается за день от батальона, а не от взвода. То, что мы впали в легкий ступор, это еще мягко сказано. Никто из нас в своей армейской жизни не видел такого бардака нигде в наших военных городках. Через несколько дней нечто подобное я увидел в Вуковаре, в кварталах, уничтоженных убегающими усташами и албанскими наемниками.

Было видно, что офицеру, сопровождавшему нас, крайне неудобно, и он не знает, как найти выход из создавшейся ситуации. Мы задали ему несколько вопросов: сколько времени нужно на уборку, нет ли других спальных помещений, где постельное белье с подушками и одеялами, как будет организовано наше питание вечером и утром? От уже этих вопросов он впал в ступор. Выяснилось, что уборка намечена на понедельник, а сейчас солдаты отдыхают, и он не может прервать их отдых. Другие спальные помещения закрыты, и французы не имеют права туда входить. Постельного белья и подушек с одеялами для этой спальни не предусмотрено, так как останавливающие здесь группы солдат из конвоев имеют с собой спальные мешки. С питанием он ничего сделать не может, так как продукты отпущены только на наличный личный

состав, а сухпай на складе под замком. Новиков потребовал соединить нас с командиром батальона, но потом мы поняли, что все бесполезно.

Решили позвонить в посольство по номеру, оставленному нам Бородаем, и трубку, на наше счастье, взял он сам. В двух словах мы объяснили ситуацию и сказали, что решили возвращаться в штаб операции. Он ответил, что автобус еще у посольства и он сейчас за нами приедет, только доложит военному атташе, а тот — послу. На этот раз буквально через полчаса автобус был у КПП, мы попрощались с дежурным и отбыли. В автобусе Володя сказал, что мы молодцы, и, судя по всему, посол сейчас устроит страшный скандал по своим каналам, а Шипилов — по своим, и что Генеральный штаб ЮНА уже приготовил места в их центре отдыха для высшего командного состава на берегу Дуная. Когда подъехали к штабу СООНО, нас уже ждали внизу на входе и сразу же сказали, что для нас забронированы номера в отеле «Югославия».

Там нас будет ждать полковник Петрунев Виталий Иванович, офицер связи ООН (потом выяснилось — это довольно высокая должность в ооновской иерархии). Бородай сказал, что это означает — все в порядке. Так, казалась, закончилась наша французская эпопея.

Приехав в «Югославию», мы действительно увидели на ресепшене полковника в нашей форме, но с ооновскими нашивками. Еще раз поблагодарив Бородаю, мы взяли вещи и ввалились в холл гостиницы — злые, уставшие и голодные. Было около 6 вечера (по Москве 20.00), а на ногах мы были с 4–5 утра (а некоторые и больше суток). Петрунев представился, с каждым поздоровался, и первое что он сказал: «Молодцы! Вы всех сейчас построили! Такой скандал в дальнейшем пойдет нам всем на пользу. А то многие до сих пор считают, что мы недалеко ушли от дикарей и соответственно обращаются с русскими».

Он сообщил, что скромный ужин в отеле будет оплачен ООН, а завтрак — шведский стол — входит в счет на проживание, и поэтому он предложил собраться часа

через полтора, а сейчас пройти в номера, немного отдохнуть и привести себя в порядок. На ужин он попросил всех прийти уже в форме, чтобы не было лишних вопросов. Мы заполнили гостевые карточки на ресепшене, поднялись на пятый этаж и разошлись по своим номерам, благо они были на этом этаже друг за другом и напротив.

Где-то через полчаса, приняв душ и приведя себя в порядок, я уже в форме зашел к Мише Родину в соседний номер и удивился, застав его в гражданском. Оказалось, что его форма прибывает только с батальоном, так как ее не успели привезти из Рязани в Москву.

Тут пришли Дима, Арсен, Валера и Андрей и невольно возник вопрос: легкий ужин — это как? Появилось предложение: до ужина слегка отметить прибытие. Ребята зашли в свои номера, взяли дополнительный паек (ДП) и к нему все необходимое и собрались у меня, так как мой номер был немного больше других (как потом оказалось, в этом отеле офицеров ООН селили в номера в соответствии со званием). У всех (естественно, кроме Димы) оказался типовой десантный набор при прыжках — сало с черным хлебом и колечками лука, ну и кое-какие деликатесики: соленые и маринованные огурцы, соленая рыбка, копченая колбаса, сыр и консервы. И все это под водочку! Где-то минут через 20 нам уже казалось, что на ужин идти не обязательно. Но тут позвонил Петрунев и сказал, что через 10 минут ждет нас внизу у ресторана. Мы вышли в коридор и практически тут же вышли из своих комнат ребята из «десятки».

Спустившись вниз, мы подошли к Виталию Ивановичу, и он сказал, что примчался командир французов: ему каким-то образом сообщили об инциденте, и он приехал с извинениями за своих подчиненных. Чтобы загладить французскую ошибку, он приглашает всех русских офицеров, включая Петруневу, на ужин в ресторан отеля. Колоритный французский полковник с каждым из нас поздоровался за руку, потом принес извинения и предложил нам выбрать меню.

Мы сидели рядом с Петруневым, и он помог мне определиться с заказом, а француз на правах хозяина заказал всем французского вина. Конечно, это был интересный ужин, с супом и разными абсолютно неизвестными блюдами и закусками. Но, по-честному, после нашего ДП есть особенно не хотелось, и поэтому ужин растянулся часа на два. Виталий Иванович немного рассказал мне о месте нашей будущей службы — секторе «Восток» и сказал, что в штабе сектора уже есть несколько офицеров-десантников: кто конкретно, он не знает, но командир сектора — полковник Хромченков. Для меня это была очень приятная неожиданность. Кроме того, на аэродроме с чудным названием «Клиса», находилась квартирнерская группа батальона. В конце ужина нам было уже тяжело, а француз, по-моему, даже слегка перебрал, так как его громкий голос был слышен в нашем зале довольно сильно. Этим ужином как бы подводился определенный этап нашей командировки: половина из нас оставалась в Белграде, а вторая половина утром уезжала.

После ужина мы разошлись по номерам, и я пришел круглые ооновские нашивки на летнюю и зимнюю формы, после чего с чистой совестью заснул, так как утром мы должны были выезжать около 9 часов. Несмотря на все дневные передряги, спал довольно хорошо и утром легко встал.

Спустившись в ресторан, я застал там двоих наших и чуть погодя подошли еще двое. То, что было предложено на завтрак, для меня было, конечно, легкое потрясение: несколько салатов, свежие овощи в разных видах, десяток нарезок колбас и сыров, яйцо в разных видах, разного сорта хлопья, вареное и жареное мясо, сосиски, бекон, несколько сортов соков, фрукты, йогурты, 4 вида кофе, различные фруктовые и цветочные чаи, всевозможная выпечка и целый ряд других деликатесов — все это заставило нас изрядно «потрудиться», сделав по несколько подходов к столу, и не торопясь провести за ним около часа. Вдобавок мы учитывали опыт вчерашнего дня: неизвестно, где, чем и, самое главное, когда придется сегодня обедать.

Забрав свои вещи, мы спустились вниз. Честно говоря, из отеля уезжать не хотелось и пожить бы в нем несколько деньков — таким он показался домашним. В течение всего пребывания в Югославии я неоднократно бывал по делам в Белграде и по возможности всегда старался останавливаться в «Югославии». В принципе нам, русским, в этом отеле редко в чем отказывали. И останавливаясь потом в нем, очень часто приходилось после завтрака собирать себе «в дорогу» сухой паек: как правило, дела завершались уже часам к 12 дня, и после этого нужно было стартовать к себе в сектор, а обед в штабе операции начинался после 13 часов. Просили официантов обед в дорогу и через несколько минут приносили здоровенный, тщательно упакованный, сверток. За те 2,5–3 часа, что занимала дорога, обязательно где-то останавливались, и этот ДП был очень сытный.

Да и потом, на гражданке, приезжая в командировки по работе, я по большей части, до натовских бомбежек, останавливался только в нем. Атмосфера уюта, заботы и внимания к постояльцам, великолепная кухня, возможность поговорить с нужными людьми в небольших барах с мягкой мебелью или посидеть в маленьких кафе на берегу. Да просто пройтись вдоль берега Дуная после тяжелого дня. Натовцы в 1999 г. накрыли его левое крыло крылатой ракетой.

К девяти подошел автобус. Было довольно тепло, и мы были в летней камуфляжке. Миша Родин попросил у меня зимнюю форму без теплой подстежки, и теперь все были в форме. У автобуса нас встретил майор ЮНА, который хорошо говорил по-русски. Свободно рассевшись в автобусе (ну еще бы, автобус был рассчитан человек на 40), мы шестером с сопровождающим выехали из Белграда. Довольно скоро мы свернули направо и поехали в направлении Нови-Сад — Бачка-Паланка — Оджац — Богоево, то есть проехали порядка 200 километров. Почему мы ехали именно этой дорогой, вдоль Дуная, я потом так и не мог понять. Дорога была великолепная, с прекрас-

ным асфальтовым покрытием, с красивым пейзажем за окном. Водитель держал скорость где-то 60–80 км/ч, так как несколько раз нас останавливали с проверкой. Впоследствии мне не раз приходилось ездить по территории Воеводины, так что многие дороги были хорошо изучены. В зависимости от настроения или выполняемого задания можно было ехать от Боевоево в Белград по различным направлениям: или по красивым местам, чтобы отдыхала душа, или так, чтобы было легко оторваться от возможной слежки и затеряться между виноградниками или плантациями хмеля.

В дороге кто-то кемарил, кто-то вполголоса переговаривался, а наш сопровождающий, сидевший на соседнем со мной кресле впереди за водителем, периодически рассказывал мне о тех местах, по которым мы проезжали. О фронте, о боевых действиях разговоров не было — словно какое-то табу висело в автобусе.

Где-то часа через полтора, переехав Дунай, на полпути между Нови-Садом и Оджаци, мы остановились возле небольшого придорожного ресторанчика, и майор пригласил нас всех на чашку кофе. Так я впервые попробовал «праву кафу», к которой впоследствии и пристрастился, так как привычного для нас черного чая в то время практически не было. Отдых растянулся больше чем на полчаса. Уютный ресторанчик, рядом плавно текущий Дунай, вокруг большие деревья с пышными распускающимися зелеными кронами, ласковое солнце — все это располагало к определенной неге. И потом мы понимали, что в ближайшее время у нас такого мирного отдыха может не быть, и сколько это продлится — никто не знает.

Наконец мы сели в автобус и часа через полтора подъехали к Эрдутскому мосту через Дунай, за которым и начинался наш сектор «Восток». Перед въездом на мост, фронтом на запад, по обеим сторонам моста были сооружены довольно мощные укрепления из бетонных блоков и мешков с песком, в которых был размещен бронетран-

спортер типа BOV-3 и 2 пулеметных гнезда с крупнокалиберными пулеметами. Чуть вдалеке стоял танк Т-54. Кроме того, здесь же были и 2 вагончика — КУНГа³. На этом посту размещалось примерно отделение во главе с офицером. Постовые подошли к открытой двери автобуса, заглянули внутрь, и один из них что-то громко крикнул. Из КУНГа вышел офицер, подошел к нам и о чем-то переговорил с нашим сопровождающим. Потом махнул рукой своим солдатам и отдал нам честь. Солдаты заулыбались и стали приветственно махать руками. Как только мы въехали на мост, внизу на Дунае, справа от моста метрах в 40, увидели пристань и 2 бронекатера возле нее с пушечно-пулеметным вооружением. На середине моста нас громко поприветствовала батарея зенитных самоходных установок, стоящая метрах в 100 справа на холме за мостом: они обстреливали хорватский самолет, которым управлял, как потом оказалось, немецкий летчик из бывшей Национальной народной армии ГДР.

Итак, здравствуй земля TERRA INCOGNITO — земля неизвестная для нас, но для которой мы должны стать ее спасителями и защитниками на целый год: Восточная Славония, Баранья и Западный Срем. Это Война Краина.

Создание сектора «Восток»

8 марта 1992 г. из Нью-Йорка в Белград одним бортом прилетела большая группа миротворцев: Командующий миротворческими силами генерал-лейтенант Сатиш Намбияр со своими заместителями и командиры ряда частей и подразделений Международных сил по поддержанию мира в Югославии. А из Белграда они уже разъехались по своим зонам ответственности. Перед отъездом из Белграда командир сектора «Восток» полковник А.И. Хромченков имел длительную беседу в нашем посольстве: его

³ КУНГ — кузов унифицированный нулевого (нормального) габарита. Предназначен для размещения личного состава, лабораторий, ремонтных мастерских, полевых кухонь, радиоэлектронных систем, медпунктов и прочее.

вводили в курс дела, особенно аппарат военного атташе, все офицеры которого хотели по максимуму помочь новоиспеченному командиру сектора.

15 марта прибывшая из Белграда международная оперативная группа приступила к работе по развертыванию структуры сектора «Восток». Она разместилась на берегу Дуная в старинном сельском поселении Даль, в здании местной школы. Через старый парк от школы находилось патриаршее подворье сербской православной церкви, которое с лета 1991 г. возглавлял отец Лукиан. Рядом же находилась дальская православная церковь Святого Дмитрия, настоятелем которой был отец Богдан.

Под командованием полковника Александра Ивановича Хромченкова было около полутора десятка офицеров из разных стран НАТО и трое российских — майоры Березинец и Целибеев (офицеры квартирмейстерской группы штаба ВДВ), а также старший лейтенант Ковалев (переводчик из Военного института международных отношений, ставший адъютантом командира сектора).

Все заместители командира и начальники служб — бельгийцы:

первый заместитель — полковник Пол Малербо (Poul Malherbe), бывший командир парашютно-десантного батальона в Конго,

начальник штаба — подполковник Жан-Пьер Стивелинг (Stiveling),

начальник отдела учета личного состава — подполковник Жак Барронет (Barronet),

начальник оперативного отдела — майор «Фред» (Frederic),

и только начальник связи — голландец, майор Hans Те Лоо.

Многие имели за плечами опыт службы в войсках НАТО. Еще некоторое время назад мы были противниками из двух военных блоков: Варшавского Договора и НАТО. Сейчас необходимо было создавать единую команду.

Первыми, с 13 марта 1992 г., начали прибывать в зону ответственности сектора подразделения бельгийско-люксембургского батальона (BELBAT — по аббревиатуре штаба операции). Состав BELBAT имел ряд интересных особенностей:

- ▶ армию Люксембурга представлял взвод из 41 человека (3 офицера, 7 сержантов и 31 рядовой);

- ▶ одна рота, дислоцированная в с. Батина, была франкоговорящей;

- ▶ 97 человек были десантники из состава 1-го парашютного бельгийского батальона.

Также срочно в сектор был передислоцирован голландский взвод связи. Связисты оборудовали и начали эксплуатировать 3 однотипных центра связи:

- штаб сектора;

- штаб BELBAT;

- штаб RUSBAT.

После перевода штаба сектора из Даля в Эрдут (в начале апреля) на старом месте, в школе, остались дублирующий центр связи и служебно-бытовые помещения взвода связи.

В последних числах марта прибыл норвежский полевой медпункт в количестве 13 человек, среди которых была и одна женщина. Они пробыли у нас три месяца, в течение которого шло и разворачивание сектора, и операции по разведению враждующих сторон. К большому счастью, помощь врачей практически никому из ооновских солдат не понадобилась, но местным жителям они помогали очень много.

Зона ответственности, которая была отведена сектору, занимала следующие территории Подунайской Краины (у границы с Воеводиной):

- ▶ часть региона Баранья (от венгерской границы к югу до Дравы);

- ▶ северо-восточную часть Славонии;

- ▶ Западный Срем.

Подразделение	Преставители стран							
	Россия	Бельгия	Канада	Голландия	Великобритания	Норвегия	Люксембург	Финляндия
Штаб сектора	10	10	1	1	1	–	–	2
554-й отд. миротворческий батальон ВДВ России	883							
Бельгийско-люксембургский батальон		549					41	
Канадский отдельный инженерный эскадрон			120					
Норвежское медицинское отделение						13		
Голландский взвод связи				30				

Численный состав подразделений сектора «Восток»

Сектор «Восток»

Начало нашей деятельности

И вот наш автобус подъехал к пансионату, где размещался в настоящее время штаб сектора «Восток». Этот комплекс на высоком (порядка 90 метров) обрывистом берегу Дуная принадлежал осиекскому химическому комбинату «Saronia». У калитки часовым стоял солдат ЮНА. Ввиду отсутствия своих собственных солдат и соответствующих структур штаб находился под охраной югославской армии и на ее полном обеспечении.

На крыльцо штаба вышел невысокого роста полноватый старший лейтенант в российской форме и, поправляя очки на носу, поприветствовал нас: «Меня зовут Леня Ковалев. Я переводчик полковника Хромченкова. Он с нашими ребятами и другими офицерами в Осиеке на переговорах у хорватов, а потом у них футбол». Как потом оказалось, неделю назад аналогичное мероприятие проводилось по приглашению штаба Новисадского корпуса ЮНА на местном стадиончике в Дале, и на следующий день после него хорваты пригласили наших к себе в Осиек.

В штабе находился начальник штаба — подполковник Жан-Пьер Стивилинг и пара дежурных офицеров. Он поприветствовал нас и предложил пройти в оперативную комнату, где проводились совещания. Оказывается, о нашем приезде в штаб сектора пришла информация, и начальник штаба специально ждал нас. Жан-Пьер был очень интересный человек: невысокий ростом (где-то около 165 см) и с размером обуви 43 (в своем кругу мы иногда в шутку называли его Donald Dag). Со временем мы поняли друг друга, особенно пройдя несколько критических моментов, но первые два-три месяца у нас был вооруженный нейтралитет, который, впрочем, не сказывался на работе штаба.

Практически о большинстве наших новых коллег можно было бы сказать, что они думали про нас приблизительно так же, как фон Ф.В. Мелентин в своей книге «Танковые сражения 1939–1945 гг. Боевое применение танков во Второй мировой войне»: «Можно почти с уверенностью

UNITED NATIONS NATIONS UNIES -

UNPROFOR

UNITED NATIONS PROTECTION FORCE IN YUGOSLAVIA

Page 1 of 4

URGENT

Outgoing Fax Number: 10-B/102	Date: 11 APRIL 92
To: State Committee for Cooperation with UN	From: 10-B Col. PETROVIC <i>PH</i>
Fax No:	Fax Inmarsat 873-1512477 or Belgrade 38-11-609368
Attn: JNA-10	Ref: Originator:
Info: C10 - CNPO - MONCON - SEEA JEND UNPROFOR HQ AO-B; TRAVEL 8; NORTHCON 8; SMO-B; SMO-Z; Fax Number: 10-Z; FRENCH LOG 8; Subject: REQUEST ESCORT - TRANSPORT MEANS FOR RUSSIAN HQ PERS	

1. REQUEST 1X MINIBUS AND 1X SMALL TRUCK
FOR TPT OF SIX RUSSIAN PERS WITH 400 KG
(20 BOXES) LUGGAGE TO SEC EAST ON 12 APRIL 92.
PICKUP PLACE PANCEVO BARRACKS 120300 APR

2. REQUEST 1X MINI BUS AND 1X SMALL TRUCK
(OR OTHER APPROPRIATE MEANS) FOR TPT OF
SIX RUSSIAN PERS WITH 400 KG (MAX 20
BOXES) TO UNPROFOR HQ SARAJEVO.
PICKUP PLACE PANCEVO BARRACKS.
DATE OF TPT UP TO YOUR DECISION
ACCORDIN G TO THE SITUATION AND THE
AVAILABLE MEANS (EVENTUALLY FLT)

3. THANKS FOR COOPERATION. REGARD

Копия факса о нашем прибытии

сказать, что ни один культурный житель Запада никогда не поймет характера и души русских... Никогда нельзя заранее сказать, что предпримет русский: как правило, он пугается из одной крайности в другую. Его натура так же необычна и сложна, как и сама эта огромная и непонятная страна».

Это отношение — легкого пренебрежения и превосходства культурного человека над дилетантами в операциях ООН — длилось приблизительно месяца два, потом

сменилось сначала на непонимание (а как это они делают?), потом на легкую зависть (все-то у них получается), а потом на признание (да, без них мы здесь никто). Единственное, что у некоторых осталось, это чувство противника, которого надо изучать, чтобы потом его подчинить. Недавно один из их разведчиков сказал как-то несколько месяцев спустя: «Наша задача на ближайшие годы сделать так, чтобы ваши правители как можно дольше сидели в своих огородах. Как только к власти придут умные люди (по-нашему — патриоты своей страны), они выкинут наших протеже из политики и экономики. Тогда в течение нескольких лет Россия, Белоруссия и Украина объединятся, и к ним тут же примкнут остальные. И вновь Европа должна будет идти вслед за Россией».

Начальник штаба (НШ) с чувством явного превосходства и большим апломбом провел с нами вводный инструктаж, который переводил Леня, обрисовал фронтовую обстановку и очертил круг необходимых, с его точки зрения, вопросов, которые в ближайшее время придется решать штабу. Этот брифинг, занявший порядка 40 минут, проходил довольно своеобразно: на стене висела карта с фронтовой обстановкой и НШ, стоя к нам спиной, зачитывал малопонятные для него славянские названия населенных пунктов (деревень и городов). Понять что-либо, не видя карту, висящую в нескольких метрах от тебя, — весьма проблематично. Тем более что эти названия нам ничего не говорили. Так что поверили ему на слово.

К слову сказать, информация о фронтовой обстановке, которая доводилась до наших натовских коллег соответствующими структурами обеих сторон, была, мягко говоря, неполной. Со временем, когда наладились личные отношения, мы стали обладать более полной информацией о ситуации по обе стороны линии фронта. Где-то через месяц военные наблюдатели и наблюдатели ЕС стали обращаться к нам с просьбами уточнить обстановку на каком-либо интересующем их направлении, так как на штабной карте были отражены только официальные данные.

После «ввода во фронтовую обстановку» нам разъяснили некоторые политические аспекты нашей деятельности:

- ▶ ни в коем случае не проявлять свои эмоции ни в каких ситуациях;
- ▶ ни в коем случае не выказывать неприязнь ни одной стороне;
- ▶ ни в коем случае не подчеркивать свое православное происхождение (?!);
- ▶ не заводить никакие знакомства без предварительного разрешения командования сектора (?!);
- ▶ в случае нахождения рядом с раненым комбатантом ни в коем случае не оказывать ему никакую помощь (???!!!), а только сообщать об этом «инциденте»;
- ▶ и т.д., и т.п.

И последнее: сербская и хорватская стороны очень часто приветствуют пальцами рук. Причем каждая сторона по-своему. Поэтому ни в коем случае не отвечать на приветствие аналогично. Было продемонстрировано приветствие:

*по-хорватски
(двумя пальцами)*

*по-сербски
(тремя пальцами)*

С этим символом связано много нелепостей и анекдотов. Очень часто в хорватских СМИ говорилось, что любой, кто поднимает троеперстие — тот враг. Одно время в

Хорватии начались перебои с куриным мясом. И тут же появился анекдот: Туджман (президент) распорядился уничтожить всех кур, потому что они оставляли за собой на земле след четника — «три прста» (у куриц на лапах всего по три пальца).

После брифинга нас милостиво отпустили до ужина и рассадили в несколько легковых «Пежо» черного цвета с голубыми эмблемами ООН на дверцах, приданных Югославией нашему штабу, и отвезли на две виллы, где мы теперь должны были квартировать. Они находились в трех километрах от штаба, на другом конце Эрдута, в его низинной части, метрах в 200 от Дуная. Выше нас, справа за перекрестком, в большом двухэтажном доме жили все другие офицеры штаба. Наши двухэтажная и одноэтажная симпатичные виллы стояли на двух уровнях в нескольких метрах друг от друга, так что окна второго этажа нашей виллы выходили на окна первого этажа соседней. Двухэтажное здание с наружными стенами в полтора кирпича было предназначено для проживания подполковников, а соседнее — для майоров и младших офицеров.

Для нас с Мишей были приготовлены две комнаты в доме для подполковников, а остальных разместили в соседнем доме в комнате по два человека. У нас в доме уже жили Жан-Пьер и Жак. Их комнаты были на втором этаже, напротив моей и общей гостиной. Мне досталась угловая комната 20–22 кв. м окном на восход с высоким потолком (под три с половиной метра). В ней стояла полуторная деревянная кровать. Через пару недель мне поставили новую мебель: огромный масляный обогреватель, 4-створчатый шкаф и журнальный столик с настольной лампой типа чертежной, а из коридора занесли длинный раскладной диван со спинкой, который поставили в глухой угол. Он был низким, типа оттоманки, но длиной более двух метров. В комплекте с низким журнальным столиком и настольной лампой на струбцине он создавал довольно уютный уголок. Первые 3 месяца я в основном спал именно на этом диване: в форме, не снимая ботинок с высоким

берцем, только слегка ослабив ремень портупей и расстегнув несколько пуговиц на десантной куртке. Очень редко удавалось снять все обмундирование и воспользоваться кроватью.

У нашего дома был довольно широкий двор, где свободно могли разместиться 5–6 легковых машин, и 2 сарая. Ворота выходили на продольную улицу, которая тянулась от нас метров на 200 параллельно Дунаю.

На крыше нашего дома очень любил сидеть аист. Но что интересно: когда он видел меня или Мишу, то задирает голову и курлыкал, как бы приветствуя нас. Если же видел кого-то из бельгийцев, то начинал точить клюв о керамический конек крыши. Мы неоднократно наблюдали его действия и стали называть на сербский манер — наша «гарда» (охрана).

Быстро разложив и развесив по стене вещи (благо их было мало), я стал думать, что делать еще пару часов до ужина. В этот момент раздался голос Лени Ковалева, приглашавший нас с Мишей в их дом.

Мы зашли к ним и осмотрелись: там было несколько приблизительно одинаковых комнат, в которых жили по два человека, и одна, в которой жил Володя Березинец. В ней же стояла тумбочка с цветным телевизором. Эта комната была как бы гостиной, в которой собирались ребята. Леня предложил посмотреть ТВ: он брал несколько каналов, как общегославских, так и хорватских, по которым в этот момент гоняли военную хронику. Так как ничего не было понятно из-за незнания сербо-хорватского (так он назывался в СРЮ) языка, Леня сказал, что у них есть кассеты с фильмами, которые остались как подарок от солдат ЮНА. Из более чем 20 кассет только две оказались не «чернухой» самого низкого пошиба, сделанной в Германии.

Но в этот момент раздался какой-то шум и в комнату ввалились Володя Березинец и Андрей Целибеев — оба с сильно загоревшими лицами и какие-то на вид другие. Для меня это был приятный сюрприз: мы ведь не знали, что в штабе кроме командира есть еще наши десантники.

В «десятке» нам не удосужились сказать, что здесь уже есть российские офицеры. С Андреем мы поздоровались за руку, так как почти не знали друг друга (в штабе ВДВ он был недавно, и мы практически не пересекались по службе).

С Володей мы крепко обнялись, так как были хорошо знакомы. Андрей радостно воскликнул: «Ну, теперь мы им покажем!». Как выяснилось, им — это «бельгийцам», которые, пользуясь своим временным большинством в штабе, слегка третировали наших ребят. К сожалению, это оказалось правдой — первое время после приезда нас пытались учить, как надо улаживать межнациональные конфликты. Эти люди, которые не участвовали ни в одном конфликте, пытались учить нас, у которых у каждого за плечами было по 2–3 года «горячих точек» Советского Союза.

Тут подошли другие приехавшие с нами ребята: Арсен, Володя, Андрей и Дима. Разговор стал общим, перескакивал с одного на другое — с Москвы на Белград, с Белграда на Россию, с России на Югославию и т.п. Новостей было много и у нас, и у них. Так прошло минут 10–15, и тут открывается дверь и входит полковник Хромченков. Для меня это был очень приятный момент: в последние полтора года мне часто приходилось работать вместе с офицерами Управления разведки штаба ВДВ, особенно с Александром Ивановичем. Он за руку поздоровался с каждым из ребят, а со мной обнялся. Было видно, что он очень рад. «Леша! Неожиданный приятный сюрприз. Не знал, что ты приедешь. Ну, все — гора с плеч. С сегодняшнего дня — ты мой зам!» Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Ребята смотрели на меня во все глаза, только Целибеев сразу же вскрикнул: «Ну, теперь мы их зажмем!» «Подробнее поговорим после ужина и завтра», — сказал Александр Иванович.

Где-то через час пришли машины, и мы поехали в нашу столовую. Она оказалась двухэтажной: на верхнем этаже кухня, небольшой зал и маленький бар, а на нижнем — большой сводчатый подземный зал. Первое время нас кормили из полевой кухни ЮНА пищей, которую привозили в термосах. На кухне готовили только яичницу,

кофе, грели молоко и мыли посуду. Время приема пищи для российских военных было определено во вторую смену, и поэтому мы засиживались дольше. С Хромченковым мы сели за отдельный столик, и он постепенно стал вводить меня в курс дела.

Как оказалось, обстановка в Югославии действительно резко накалилась. За несколько дней до нашего прилета в соседней Республике Босния и Герцеговина состоялось, как всем казалось, знаменательное событие: 5 апреля в Сараеве прошла «Демонстрация мира». В этот день сербы и боснийцы собрались вместе (как оказалось в последний раз), вышли на центральную площадь под лозунгами единой Боснии и пытались предотвратить повторение событий в Крайне, но по ним открыли огонь. Кто отдал приказ и кто именно стрелял по демонстрантам, убив несколько человек и ранив несколько десятков, по горячим следам установить не удалось. А через некоторое время исламские боевики Изетбеговича на ступенях миссии ООН устроили резню офицеров ЮНА, захваченных ими в разгромленной колонне, которая по соглашению выходила из Сараева под контролем миротворцев. И наши коллеги ничего не смогли сделать для спасения этих людей.

После ужина мы вернулись к себе, немного поговорили с ребятами и разошлись по своим комнатам — с 9 вечера начинался комендантский час. Я опустил на окне гостиной штору светомаскировки, взял учебник английского для академий, по которому занимался в ВИА им. Куйбышева, и сел в гостиной, накинув на себя зимнюю куртку без подстежки, и продолжил восстанавливать свой английский. Потихоньку начала разгораться стрельба: сначала отдельные винтовочные выстрелы как вблизи, так и вдалеке. Потом их сменили автоматные и пулеметные очереди, начали тявкать минометы, и затем в эту какофонию включились орудия. Было немного жутковато и непривычно: кто и куда стрелял — непонятно, но разрывов где-либо вблизи не было. Так продолжалось часов до двух ночи, после чего я мгновенно заснул.

Первым утром на новом месте я проснулся рано, где-то часов в 6 утра. Несмотря на теплые дни, ночи стояли довольно прохладные, а одеяло на моей кровати было тоненькое, летнее, так что к утру немного промерз. Принял душ (как оказалось, при этом использовал почти всю горячую воду из бака), накинул зимнюю куртку, взял учебник английского и забрался в кресло. Позанимавшись где-то минут 40, я услышал с нижнего этажа голос Родина: он крикнул, что через 10 минут выезжаем. Первый раз оделся по полной ооновской форме: камуфляжка, берет, голубой шарф и быстро спустился.

Первый завтрак был плотный, но не разнообразный: яйца в разном виде, сливочное масло, сыр, вареные сосиски, колбасы, копченое мясо, джем, чудный воздушный белый хлеб, кофе, молоко, хлопья.

Вообще, первый месяц наше питание организовывала ЮНА. Пища была простая, сытная, обильная, но не разнообразная.

Завтрак. Как сейчас принято говорить — шведский стол: вареные яйца, яичница с беконом и без, вареные сосиски; нарезка колбас, сыров и мяса; плавленые сырки, мюсли с молоком, джем, сливочное масло, черный кофе с молоком, свежее выпеченный белый хлеб.

Обед. Все блюда порционные:

- маринованные овощи;
- разнообразные супы из пакетиков (после месячного питания ими у некоторых возникли проблемы со здоровьем, а я на такого рода «пищу» теперь смотрю как бы сквозь прицел);

- второе мясное блюдо, как правило, с подливой и гарниром из картофеля в разном виде, спагетти, фасоль, шпинат и некоторые местные овощи;

- разнообразные консервированные компоты и свежайший белый хлеб.

Ужин. Шведский стол: консервированные овощи, немного мясной и сырной нарезки. Мясное блюдо с гарниром или без. Консервированный компот, кофе, хлеб.

В конце мая нам стали готовить на нашей кухне местные повара, и мы познакомились с богатейшей югославской кухней. Очень часто наши ребята просили побаловать чем-нибудь вкусным. И тогда я договаривался с поварами (так как кухня была в моем ведении), и они готовили что-то местное, оригинальное.

Так как мы стояли на берегу Дуная и его притоков, то казалось, что с рыбными блюдами проблем никаких не будет: карп, щука, плотва, сазан и другие рыбы, включая царь-рыбу — стерлядь, в изобилии водились как в нем, так и впадающих в него Драве, Вуке и других более мелких речушках. Но наши коллеги (кроме финнов) были категорически против речной рыбы: как оказалось, в их странах речная рыба считалась отравленной, то есть не пригодной в пищу, и они ели только мороженую морскую рыбу. Но для нас, в ограниченных количествах, все-таки иногда готовили и стерлядь, и щуку, и сазана, и карпа. Но в такие дни мы старались приходить в столовую позже, когда наши коллеги уже отобедают.

Обеденный зал в подвале

После завтрака все собрались в комнате для брифингов, и нас познакомили со всеми офицерами штаба. Как мы впоследствии узнали, офицеры штаба имели мандат на год. Через год, при ротации, они должны были меняться должностями: на должность, занимаемую бельгийским офицером, приходил российский офицер, и наоборот.

Когда меня представили как заместителя командира сектора, лица почти у всех натовцев вытянулись от удивления. Начальник штаба что-то хотел сказать, но на него косо посмотрел Пол и тот, вздохнув, проглотил пилюлю. Как потом мне рассказал переводчик, предыдущим вечером Хромченков долго разговаривал с Малербо, объясняя свое решение, и тот его принял. После представления Хромченков сказал, что ввиду нашего срочного приезда некоторое время, необходимое для адаптации, мы будем пользоваться переводчиками. Их, помимо Ковалева, оказалось еще двое, сербов по национальности: Небойша Вуков и Синиша, которые хорошо говорили и по-английски, и по-русски. После этого все разошлись, а меня командир попросил задержаться.

№ п/п	Вид	Количество
1.	Длительность рабочего дня в сутки	24 часа
2.	Длительность рабочей недели	7 дней
3.	Отгулы с нахождением в стране пребывания	60 часов в полгода, с 1993 г. – 5 дней в квартал
4.	Отпускные за каждые 30 суток пребывания	2,5 дня
5.	Новогодние отпускные	9 дней

*Распорядок несения службы военнослужащих-миротворцев
(по директивам ООН)*

Еще немного меня проинструктировав, Александр Иванович сказал, чтобы я с освоением языка не тянул, и пока батальон не прибыл, как можно лучше познакомился с зоной ответственности, фронтовой обстановкой и начал

завязывать необходимые контакты с местными властями. «Ты один из немногих, кто постоянно будет находиться в гуще событий по обе стороны разграничения. Поэтому, помимо основной работы зама, ты должен заводить всевозможные знакомства как можно более широкого круга и постоянно ... вести разведку, добывать необходимые нам сведения через свои глаза и уши, используя любые каналы информации и проводя необходимый мониторинг ситуаций», — так довольно неожиданно обрисовал мои служебные обязанности командир.

Но самое главное он сказал в конце: «Ты мой зам и у нас линия фронта — 180 км. Пол без меня практически не ездит, так как понимает проблематичность любой поездки, особенно по территории, контролируемой ЮНА. Жан-Пьеру нет никакой необходимости покидать штаб. Связи пока нет никакой, и когда она появится — неизвестно. Мы с тобой можем находиться в разных концах сектора, и могут возникать любые чрезвычайные ситуации, о которых ты не сможешь доложить. Поэтому сам принимай решения и отдавай необходимые команды. Но помни: отвечать за свои решения ты будешь не только передо мной. Возможные твои решения — это возможные человеческие жизни!»

Мы — миротворцы

С первых же дней началась проверка нас на «слабо». Пользуясь тем, что все наши бельгийские коллеги были здесь на 3 недели больше и, естественно, лучше знали все текущие вопросы, а также неплохо говорили по-английски, они почти ежедневно пытались как-то нас подставить, причем по-мелкому. С другими иностранцами у нас сразу же сложились деловые отношения, очень быстро переросшие в дружбу, особенно когда мы стали их вытаскивать из разных нештатных ситуаций. Бельгийцев же поддерживал начальник штаба, показывая, что уровень их подготовки выше, чем наш. Так продолжалось недели две, но потом наступил резкий перелом.

Во-первых, мы начали вращаться «в тему» и довольно быстро осваиваться. Ведь за плечами каждого из нас была не одна «горячая точка» Союза, чего у бельгийцев не было априори, то есть опыта улаживания межнациональных конфликтов и работы в условиях отрыва от мирной жизни. И своей работой мы уже показали, что многие вопросы, которые для наших коллег были чрезвычайно сложными, мы решали очень легко и быстро. А самое главное, мы перестали стесняться своего плохого английского.

Во-вторых, мы потихоньку заговорили по-сербски, чему они так и не смогли научиться до конца своего пребывания.

В-третьих, Хромченков устроил страшный скандал по одному поводу. Из штаба операции по факсу пришло распоряжение на имя одного из моих офицеров, майора Геттова (Gaethof), где он именовался начальником лог-службы сектора. Леня Ковалев обычно утром успевал просматривать приходящие за ночь документы. И, увидев такую бумагу, еще до завтрака сказал об этом командиру. После завтрака начштаба и Геттов начали ее искать. Похоже, она родилась с их подачи. Потом события покатились вскачь. Жан-Пьер зашел в кабинет к Хромченкову с Полом (из-за тесноты они первое время сидели вместе) и поинтересовался этой бумагой. Минут 10 из их комнаты (наши офисы были через 2 стенки) раздавались почти крики, потом несколько ударов по столу. Туда же был вызван Геттов. Еще через несколько минут НШ с Геттовым выскочили оттуда красные, как раки. Как потом мне рассказал Леня, командир только начал, а дальше, вникнув в суть дела, «по полной программе» выдал Малербо.

После той бани, которую Хромченков с Полом устроили двум бельгийцам, меня пригласили к ним в комнату и рассказали об инциденте. Малербо извинился за своих офицеров, а А.И. продиктовал мне письмо на имя заместителя командующего операцией, французского генерала Марилона. Я с огромным удовольствием записал его в свой рабочий блокнот, Леонид тут же его перевел, а я

отнес на узел связи, где все оформили и передали в штаб операции. Вечером на брифинге Хромченков добавил еще. Текст письма сохранился в рабочем блокноте, и я его приношу:

«Моим заместителем по тылу (логистике) является подполковник Сергеев. Направлять FAX майору Геттову по вопросам, не входящим в его компетенцию, минуя моего заместителя, считаю неприличным».

Письмо, конечно, резковатое. И в штабе операции оно произвело эффект разорвавшейся гранаты. Судя по всему, Марилон вел разговор на эту тему с Намбияром, так как через день его адъютант вышел на связь с Хромченковым. О чем они говорили, не знаю. Но похоже, что французскому генералу дали понять, что его подставили. Как порядочный мужик, он сделал правильные выводы. С тех пор отношения к нашему сектору у него было особенное. И по некоторым признакам, соответствующие вливания кое-кому из своих офицеров в штабе операции он сделал.

№ п/п	Наименование	Время
1.	Завтрак	7.00–8.30
2.	Обед	13.00–15.00
3.	Брифинг	17.00
4.	Ужин	18.30–20.00
5.	Дежурство офицеров по штабу (2–3 раза в месяц), сутки	9.00–9.00

Распорядок дня в штабе сектора «Восток»

Все службы штаба сектора, каждая по своему направлению, ежедневно готовили отчеты к брифингу. Затем они обобщались и систематизировались оперативным отделом, и готовый «sitrep» (суточный доклад) под контролем дежурного офицера до 24.00 отправлялся в штаб операции. На следующий день между 6.00 и 8.00 мы получали из штаба операции общий «sitrep» UNPROFOR с раз-

бивкой по секторам и главному штабу. Отправив «sitrep», дежурный офицер после часа ночи имел право на отдых почти до шести утра. В случае необходимости его будил кто-нибудь из дежурной смены голландских связистов.

С середины июня в шесть утра дежурный офицер должен был дать сводку погоды в штаб операции. Для этого нам привезли полевой метеорологический комплект. С его помощью определялась скорость и направления ветра, температура воздуха и влажность (?). Видимость определялась визуально: дежурный выходил на площадку для отдыха (курилку), которая была расположена на краю отвесного берега Дуная, метрах в 80 по высоте от уреза воды, и смотрел на восток, через реку, в сторону Воеводины. Если был виден г. Апштин — значит, видимость более 20 км. Если за ним просматривался г. Сомбор — видимость более 30 км. Мы шутили, что каждое утро УНПРОФОР молится на Югославию и часто за завтраком спрашивали дежурного: не забыл ли он утреннюю молитву? Эти данные были необходимы для авиационной эскадрильи ООН, вертолеты которой мы часто заказывали, начиная со второй половины июня.

С первого дня фактического начала службы офицера-миротворца в секторе многие понятия, казавшиеся неизблемыми многие годы, пришлось переосмысливать и переоценивать, но при этом стараться остаться собой. По неволе вспоминался Лев Толстой, его философия войны и мира, ее восприятие людьми из различных социально-политических слоев общества, с различными взглядами на исторические процессы, протекавшие на данной конкретной территории. К происходящему вокруг тебя ежедневно можно относиться двояко: по-человечески, то есть пропуская все через свое сердце, или «по-цивилизованному», относясь ко всему как сторонний наблюдатель.

Было и резкое непонимание друг друга, когда ты, исходя из конкретного опыта, знания истории этой страны, ее богатой культуры, предлагаешь что-то сделать, а тебе отвечают снобы, не знающие этой страны и относящиеся

к ее жителям, как к диким племенам где-то в Африке, и не имеющие даже представления о международных конфликтах: «Это делать вообще нельзя потому, что нельзя обеспечить личную безопасность (personal security) и нет соответствующих процедур и рекомендаций ООН». Именно поэтому представители отдельных контингентов неоднократно бросали свои позиции и убегали в тыл. К сожалению, такой случай был и у нас в начале 1993 г., когда БЕЛБАТОм были брошены позиции по берегу Дравы.

Как оказалось впоследствии, вопросы личной безопасности персонала миротворческих миссий очень часто ставились во главу угла и считались одними из основных условий эффективного действия миссий. Гарантии безопасности и защиты официальных лиц структур ООН отражены в целом ряде документов: Уставе ООН (статьи 100 и 105, 1945 г.), Конвенции о привилегиях и иммунитетах ООН (1946 г.), Типовом Соглашении о статусе сил операций ООН и о статусе миссии ООН между правительствами стран пребывания и Секретариатом ООН и ряде других.

Некоторые международные документы (типа «Конвенция о безопасности персонала ООН и связанного с ним персонала» 1994 г.) были разработаны позже, в том числе с учетом проблем, возникавших в Югославии. В России же никакой правовой базы по миротворчеству на момент убийства первого военного контингента не существовало.

В первый рабочий день, после завтрака, Хромченков вызвал к себе Петра, старшего над группой водителей, прикрепленных к нам по соглашению с правительством Югославии на период начала операции, и познакомил нас. Он попросил выделить машину с проверенным и надежным водителем. Петр выделил мне машину с пожилым водителем по фамилии Тешич. В дальнейшем я сначала старался заказывать только Тешича, а потом все к этому привыкли и со мной стал ездить только он.

Как-то так получилось, что мы быстро сошлись, и почти на три месяца он стал моим ангелом-хранителем, через которого я начал познавать эту страну, этот балканский

народ, их обычаи, нравы, их язык. Сначала мы говорили на странной смеси русского и сербского языков и языке пальцев. Постепенно я все лучше его понимал и недели через три уже начал потихоньку говорить. Наши отношения были довольно своеобразны: не как шефа и водителя, а скорее двух хороших знакомых, из которых старший (Тешич) старался как можно больше помочь более молодому и в какой-то мере облегчить мне не только труд, но и жизнь. Во время моих поездок в Белград по делам, из сектора мы летели на максимальной скорости километров в 160, благо автострада Е-70 позволяла это. Тешич старался показать мне город во всей его красе, выбирая наши маршруты как опытный гид. Он прекрасно знал Белград, так как многие годы работал в нем, и там же жила его семья, по которой он сильно скучал. Так что наши поездки для него были в определенной степени праздником и отдушиной от походной жизни.

Со временем я только говорил конечную точку и время, к которому нужно добраться, а дальше — на усмотрение Тешича. Когда впоследствии началось ночное патрулирование, то иногда по 2–3 суток не удавалось сомкнуть глаза, и во время наших с ним дневных поездок я понемногу кемарил. Пару-тройку раз я замечал, что вместо 20–30 минут наша дорога стала занимать 40–50 минут, но ничего не стал ему говорить: я был просто благодарен за заботу. 25 мая все машины, кроме Петра и Тешича, в соответствии с договором, убыли в Белград после того, как мы стали наконец-то получать автомобили от ООН. Тешич же убыл из сектора предпоследним из всех водителей, во второй половине июня. Мы тепло с ним распрощались, и, честно говоря, я думал, что мы вряд ли когда-либо еще встретимся.

Но судьба есть судьба, и ее не обманешь. Где-то осенью, в конце сентября, я в очередной раз приехал в Белград, который, благодаря Тешичу, довольно хорошо изучил. Проезжая по кольцу в районе офицерских и генеральских домов, недалеко от спортивного комплекса ЮНА, я услы-

*Мы с Тешичем и Юрой Лисмаком, 19 мая 1992 г.
Маки на минных полях под Липовцем*

шал непрерывные сигналы автомобиля, шедшего сзади. Мы притормозили у обочины, и нас обогнала легковушка, почти подрезав наш джип. Все движение на кольце замерло: машины затормозили, из автобуса стали выходить люди, так как в Белграде было несколько инцидентов с ооновскими машинами и местные жители иногда косо посматривали на миротворцев.

Я был в повседневной советской форме: брюки на-выпуск, рубашка и офицерская куртка, ооновский берет, нарукавник и шарф. И вдруг вижу: из остановившейся машины выскакивает... Тешич и бежит ко мне. Я бросил берет на сиденье и тоже выскочил из машины. Мы крепко обнялись (а он был на голову ниже меня) и троекратно поцеловались. Вокруг нас быстро стала собираться толпа (откуда только и набежали), а мы все обнимались, похлопывали друг друга по спине и плечам и бессвязно что-то говорили друг другу. Стоящие возле нас люди ничего не

понимали. Тешич оторвался от меня, вытер глаза (честно говоря, мои тоже были на мокром месте) и несколькими словами разрядил обстановку. Он сказал, что это русский, с которым он три месяца вместе был «на первой линии» (то есть на фронте) под Вуковаром. Тут уже стало раздаваться: «Рус! Братушка!», которое перешло в традиционное похлопывание по плечам. Женщины стали всплакивать, вытирать кончиками платков глаза и креститься. Восстановить движение удалось только через несколько минут, но проезжающие мимо нас приветственно махали руками или жали на клаксон. Нам удалось переговорить всего несколько минут, так как у меня была назначена встреча и опаздывать на нее было нельзя. Мы еще раз обнялись и распрощались. С тех пор наши пути больше не пересекались, но этот человек навсегда останется в моей памяти.

Новые задачи, новые знакомства, неожиданности

Через пару дней нужно было ехать знакомиться с мэром общины Даль — местной территориально-административной единицы. По заданию Торнбери необходимо было определиться с возможностью размещения в этом сельском поселении (4,5—5,0 тыс. жителей) гражданского персонала миссии. Переводчиком со мной поехал Небойша Вуков. Здание общины находилось в центре поселка, на центральной улице, через дорогу от супермаркета и церковного дома. На этой же стороне, метрах в 200, на прямом повороте основной дороги располагалась старинная православная дальская церковь, рядом с которой находилась большая спортивная площадка. В противоположном направлении от здания общины, метрах в 300 и чуть в глубине от дороги, находился католический храм, сооруженный в стиле модерн. За спортплощадкой и православной церковью находилось патриаршее подворье сербской православной церкви. За прямым поворотом, метрах в 20, под дорогой по оврагу протекал небольшой ручей, метров через 150 впадавший в Дунай.

В небольшой, скромно обставленной приемной сидела секретарь, просто одетая женщина лет 30–35. Небойша нас представил, и мы поздоровались. Она протянула мне руку, и тут у меня в голове мелькнула мысль: «А как здесь нужно здороваться с женщиной?» Ведь по книгам и фильмам, которые я до этого читал и видел, за границей, знакомясь с женщинами, целуют им руку. Решил сделать то же. Эффект был потрясающий. Женщина смутилась, а вышедшие из кабинета несколько мужчин добродушно и весело засмеялись и стали вроде бы подшучивать. Небойша тоже засмеялся и на мой вопрос ответил, что это местный юмор. Как потом оказалось, совершенно непроизвольно и неосознанно я сделал очень важный шаг к сближению с людьми, живущими на этой территории «под защитой ООН», особенно с женской его частью.

Один из мужчин, лет 35, с красивой традиционной сербской бородой, подошел ко мне и на приличном русском представился: «Бранко Юришич. Председника сейчас нет. Я секретарь общины Даль. Чем обязан?» Я выдохнул и стал объяснять задачу, которая передо мною стояла. В этот момент Небойша сказал, что, наверное, теперь мы можем обойтись без него, и попросил, чтобы Тешич отвез его обратно в штаб, а минут через 25 машина вернется. Я согласился, и он уехал. Дежурная по офису общины (ею оказалась эта женщина) предложила нам выпить по чашечке кофе. Как выяснилось — кофе, это целый ритуал в жизни каждого югослава, от восхода и до заката, и впоследствии я стал любителем этого чудесного напитка, который к тому же великолепно готовили. Позже я побывал почти в двух десятках стран, но такого чудного кофе, как в Югославии, нигде пить не приходилось. Юришич предложил пройти в кабинет, и мы минут 20 довольно мило беседовали о жизни за традиционным «комплектom»: рюмка знаменитого югославского виньяка «RUBIN» (знакового мне по московскому магазину «Ядран»), чашечка кофе и стакан минеральной воды «Князь Милош». Это оказался стандартный набор при проведении любых переговоров

или официальных встреч. Бранко оказался очень интересным человеком, и мы довольно быстро перешли с ним на «ты».

В ходе разговора выяснилось, что по этому поводу в общину уже обращались бельгийцы, но как-то отвлеченно, неконкретно. Мы договорились, что Бранко обо всем сообщит мэру, они обсудят все вопросы, переговорают с хозяевами и подготовят список. А через день я подъеду, и мы осмотрим все дома. Вернувшись в штаб, я засел за бумаги и карту. С бумагами были большие проблемы, так как с моим английским я их мог читать только со словарем. С картой было проще, но необходимо было разобраться со всевозможными нюансами: дороги, водные объекты, правильное звучание географических названий — карты были на латинице сербо-хорватского языка, так как были предоставлены Генштабом ЮНА.

Через день я поехал уже один. Благо хороший переводчик в лице Бранко имелся. В здании общины была знакомая мне секретарь и рядом с ней еще три-четыре женщины. Она улыбнулась мне, как старому знакомому, и подала руку для поцелуя. Потом представила мне остальных, и им тоже пришлось целовать руку, чему они почему-то были страшно рады. В этот момент в приемную вышел Бранко и, увидев эту картину, страшно развеселился: «Алексей! Теперь ты любимец всех женщин Даля!» Посмеявшись, он сказал, что они с шефом переговорили с хозяевами 24 домов и 16 из них согласились принять людей. Он готов проехать со мной, но сначала надо заехать к мэру.

Его дом был недалеко, и через несколько минут мы уже познакомились. Сели за стол и с помощью Бранко стали разговаривать. Внезапно один из них спросил меня: «Что у тебя на шее за шнурок?» Я молча достал крестик и показал им. Показалось, что они были ошарашены. «Так ты православный?» — в один голос воскликнули оба. И я рассказал историю своего крещения. Они немного посмеялись, и потом мэр сказал, чтобы мы ехали, но через три

часа он ждет нас на обед. Даже для Бранко это оказалось неожиданностью. Я поблагодарил и попытался отказаться, но это оказался пустой номер — отказ не принимался. «Вы осмотрите не больше 5–6 домов. Я наших людей знаю. Поэтому нужно хорошо подкрепиться и продолжать дальше». У меня возникло какое-то непонятное чувство. Что же это такое, что за три часа мы осмотрим не все 16 домов, а только 5–6? Но это оказалось именно так. Бранко сказал, что около общины находится большая часть предлагаемых к осмотру домов, то есть практически в центре села. Я предложил Тешичу вернуться в штаб, а часа через 4 подъехать к общине и дожидаться меня.

В каждом доме происходило практически одно и то же: нас с улыбкой встречали хозяин или хозяйка, причем хозяйка подавала мне руку для поцелуя, а хозяин (если он был) слегка вырубался. Бранко смеялся, говорил что-то про женское радио (как оказалось, мое поведение при первом посещении общины в течение суток было обсуждено всей наличной женской частью Даля, а еще через сутки об этом прошло оповещение «радио ОБС — Одна Баба Сказала» по территории всего сектора), потом представлял меня и говорил: «Он — наш, православный». Хозяева были удивлены и после этого ко мне относились уже почти как к родичу: усаживали на самое удобное место, тут же принесли «комплект» с домашней ракией или виньяком, варили на всех чудный кофе, ставили на стол домашнюю выпечку и предлагали слегка закусить (а это — разные сорта мяса и колбас). После этого начинался общий разговор «за жизнь», многие вспоминали о том, что в школе учили русский и пытались на нем говорить.

Только минут через 20 удавалось ненавязчиво перевести разговор в нужное русло, напоминать о цели нашего визита и приступать к осмотру. Обычные для этой земли, как правило, двухэтажные дома. В большинстве своем я бы назвал их виллы. Продуманная для жизни внутренняя планировка, хорошая и удобная мебель, туалеты и ванны с мини-бойлерами на обоих этажах, во многих домах в гос-

тиной камины или печи. Очень часто гостиная совмещалась с кухней, но функциональные зоны разделялись глухой стойкой типа барной. О том, что это все-таки сельский дом, напоминал подвал, большие кухни, как правило, с дровяной печью, и много подсобных помещений различного размера и назначения, а также 2–3 сарая во дворе.

После этого предлагалось выпить еще по одной и говорилось, что желательнее, чтобы в доме жил русский, тогда для него цена будет в 2 раза ниже. После этого мы целовались на прощание и меня приглашали обязательно заходить в гости, а не по делам. И так везде. Хотя рюмочки были граммов по 20–30, но их общее количество... Погода стояла отличная — солнечная и теплая, поэтому мы пешком переходили к следующему дому.

Наступило время, назначенное мэром общины для обеда. Мы с Бранко не спеша дошли до его дома минут за десять. Он встретил нас, как встречают друзей, тут же подошла его жена и, улыбаясь, протянула мне руку для поцелуя. Мужчины засмеялись и Бранко сказал: «Человече! Так ты разбалуешь наших женщин, и нам придется плохо». Отсмеявшись, я ответил: «Им нужно руки целовать уже за одно то, что они отправили в безопасное место своих детей, а сами остались в прифронтовой зоне со своими мужьями». Как потом оказалось, за нами, вновь прибывшими ооновцами (и не только русскими), все местное население наблюдало очень пристально, фиксируя и обсуждая каждую мелочь в нашем поведении и делая необходимые для себя выводы.

Хозяйка пригласила нас умыться с дороги (так что я познакомился с дальской системой водопровода и канализации), а потом за стол, на котором стояло несколько блюд с домашней мясной и сырной нарезкой и маринованными овощами. На аперитив (для аппетита) хозяин налил по рюмочке своей фруктовой ракии, прозрачной, как слеза, и поинтересовался, как идут дела. Я рассказал, что мы осмотрели, и посмеялся над его прозорливостью. Он ответил, что иного и не ожидал, так как у людей только одна

надежда на спасение и нормальную жизнь — это русские. И все это прекрасно понимают — и сербы, и хорваты. А также память предков: за последние 200 лет русские уже не раз приходили на эту землю и всегда приносили с собой мир и спокойствие. Обед был очень плотный и сытный. Незнакомые вроде бы блюда оказались на редкость вкусные, а отсутствием аппетита (несмотря на ранее принятое при осмотре домов) я никогда не страдал. Так что по лицу хозяйки было видно, что она крайне довольна, как едят еестряпню. Обед и последовавший за ним отдых за чашечкой кофе растянулся часа на три. Сначала я, честно говоря, про себя волновался, что так бездарно провожу время. Но потом, вспомнив слова Хромченкова о том, что необходимо вращаться в местные условия, успокоился и уже с удовольствием воспринимал все окружающее. А разговор был для меня очень интересный, так как вращался только вокруг одной темы — войны. Все, что я узнал, естественно, было для меня внове и легло первым слоем информационного фундамента здания, на котором впоследствии стало базироваться знание обстановки и проблем вокруг нее.

Поблагодарив хозяев и попрощавшись, мы двинулись дальше. На сей раз осмотр нескольких домов прошел гораздо быстрее, хотя кофе пришлось пить в каждом доме. Закончив часам к 7 вечера, мы с Бранко вернулись к общине, где меня ждал Тешич, и договорились, что остальные дома осматриваем дня через два: мне нужно было осмыслить увиденное, переговорить с командиром, да и других дел хватало.

Через несколько дней мы закончили осмотр домов, затратив дополнительно еще целый день: появились новые претенденты, уже в разных концах Даля. Но в этот день случилось знаменательное для меня событие. Бранко пригласил нас с Тешичем к себе домой на обед. Он сказал, что его домашние очень хотят познакомиться с русским. Его дом стоял в центре села, на перекрестке, по диагонали от дальской церкви, и напротив отделения милиции. Он поз-

накомил со своей, как оказалось, большой семьей — женой Миленой и 12-летним сыном Павлом, сестрой жены Мириной и ее дочкой 13-летней Дуницей, тестем и тещей — Миро и Савинкой. Вновь целование рук довольных сестер, крепкое рукопожатие с дедом и Павлом, а Савинка меня перекрестила и поцеловала в лоб, назвав «сыном». Мы сели в большой кухне с огромной 4-конфорочной дровяной плитой и окном с видом на находившийся в метрах 40–50 перекресток.

Еда была традиционная домашняя, то есть вкусная и сытная. Бранко предложил официально перейти на «ты» и поэтому поводу выпить. Я согласился, и он принес бутылку сухого вина «Шардоне» эрдутской винодельни. Мы выпили, обнялись и поцеловались. Тут обе сестры что-то сказали, а Бранко засмеялся и ответил им, а потом пояснил мне, что они тоже хотят перейти со мной на «ты» и он задал им вопрос: они хотят перейти на «ты» или поцеловаться с русским? Они сказали, что и то, и другое. Все дружно посмеялись, и мы перешли на «ты». Бранко немного рассказал о своей семье. Еще полгода назад все они жили в Осиеке, где у них были свои квартиры и хорошая работа.

Дед был военным пенсионером ЮНА, подполковником, но осенью устали выгнали их с женой из двухкомнатной квартиры — как же, семья оккупанта (хотя бабушка Савинка родилась и выросла в Теня). Они вынуждены были перебраться в этот дом. А дом построил дед Бранка в 1928 г., когда вернулся из-за границы, где проработал больше 15 лет, и решил завести семью. Этот дом считался как бы летним, дачным. Сюда приезжали на лето или на выходные. На стене висело несколько старых фотографий, в том числе какой-то групповой снимок. Бранко подошел к нему и сказал, что его дед до Первой мировой войны работал в Москве и это снимок любительского оркестра русской музыки.

Я встал и подошел к стене, чтобы посмотреть на снимок, который издали мне что-то напоминал. Вглядев-

Семья Бранко.

*Слева направо: сын Павел, племянница Дуница,
сестра жены Мирена и жена Милена*

шись в фотографию, я невольно вздрогнул: недалеко от деда Бранко стоял... мой дед Степан! Наверное, на моем лице что-то отразилось, потому что Милена спросила, что со мной? Я показал на фото и сказал: «А это мой дед!» За столом установилась мгновенная тишина, потом все встали и подошли к фото и стали разглядывать ее и меня, потом разом возбужденно заговорили о чем-то, но я не понимал. Немного успокоившись, мы опять сели за стол, и бабушка сказала, что это Божье провидение.

Русский, первый раз за границей, за тысячи километров от дома, в зоне боевых действий, и вдруг — привет из прошлого от своего предка. Для того чтобы прийти в себя, Бранко предложил выпить в память наших дедов. Все с ним согласилось, и мы выпили по бокалу еще одного прекрасного белого сухого вина «Грашевина». После этого Бранко сказал, что, когда узнал, что я православный, он почувствовал что-то почти родственное и теперь понял, что. Все с ним согласилось. Я очень благодарен

этим людям, ставшими для меня как бы моей семьей на долгие месяцы моей службы в Югославии и называвшими меня «Аца» или «ты наш родной». Этот дом стал для меня тем местом, где я мог хотя бы на короткое время скинуть со своих плеч все заботы и хлопоты окружающего мира и стать просто Аца. Последствия этого обеда сказались для меня очень быстро: «радио ОБС» разнесло, что «этот русский не только православный, но по дедам и родственник Юришича, то есть наполовину серб».

МАМОЧКА! Я не знаю, какими словами выразить свое восхищение твоей прозорливостью и мудростью! Одним своим поступком, когда ты благословила меня и надела мне крестик, ты как бы заново подарила мне жизнь. Благодаря ему и случаю с моим дедом, твоим отцом, я стал своим для этих людей, и они воспринимали меня не как чужака, зачем-то пришедшего помирить разругавшихся соседей, а как своего, в какой-то степени старшего родственника, к мнению которого обязательно нужно прислушаться. И получилось сделать это не в официальной обстановке, за столом переговоров, а за домашним столом, за домашними разговорами о жизни, урожае, семье, соседях, о своих горестях и заботах. Как часто потом я не один раз вспоминал тебя, мама! И когда смертельная опасность нависала надо мной, и когда удавалось решить неразрешимую вроде бы проблему, и когда окружающие меня люди бескорыстно делились со мной своими мыслями и знанием взрывоопасной ситуации изнутри, невольно помогая мне в моей миссии. СПАСИБО ТЕБЕ, МОЯ РОДНАЯ!

Инструкции ООН рекомендовали нам налаживать тесное взаимодействие как с местной гражданской властью, так и с военными обеих сторон. Футбол с обеими сторонами, как в день нашего приезда, как раз и являлся одной из форм таких контактов. Дней через 10 после этого командир вызвал меня и сообщил, что сегодня вечером мне и двум-трем русским офицерам необходимо быть в Вуковаре, где в военном городке 14-го понтонного батальона ЮНА стоял штаб бригады.

Казарма в Вуковаре, весна 1993 г.

Нужно было уточнить ряд вопросов с размещением РУСБАТА и принять участие в ужине. Рядом со мной за столом сидел майор лет 45, как оказалось призванный из запаса и выполнявший функции переводчика (он неплохо говорил по-русски). К концу ужина майор обратился ко мне с просьбой личного характера: «У меня здесь есть девушка, и ее мама услышала, что пришли русские. Она очень просила привести русского!» Мне стало интересно, что это за мама и что это за девушка? Я согласился, но задал вопрос о ночной стрельбе.

Командир бригады, прислушивающийся к нашему разговору, сказал, что в этом конце города уже давно не стреляют, так как здесь все зачистили. Он отпустил нас на полчаса и отдал какую-то команду одному из офицеров. Только спустя несколько лет я узнал, что это был приказ направить несколько спецназовцев «на всякий случай» прикрыть периметр того кольца, в котором мы будем на-

ходиться. Я сказал нашим ребятам, что выйду на воздух и надо потихоньку закругляться. И мы с майором пошли. Только потом, вспоминая этот эпизод, я поражаюсь той своей бесшабашности, с которой было принято и выполнено это решение. А может, так и надо было?

На улице было довольно светло, так как светила полная луна. Вечер был на удивление теплый (а первые ночи были довольно холодные), и мы, несмотря на сплошные развалины, по какой-то тропке добрались буквально за 5–7 минут. Во дворе полуразрушенного двухэтажного дома какая-то неопределенная фигура в старом спортивном костюме при ярком свете полной луны месила раствор в большом растворном ящике. Майор ее окликнул — это оказалась его девушка. Мы поздоровались и познакомились. Крепкая женщина лет 40–45, с простым добродушным лицом и руками крестьянки. Она очень обрадовалась гостям и стала приглашать нас в дом. Но я извинился и отказался. Майор сказал, что я пришел из уважения к маме. Она заулыбалась и крикнула: «Мама! Это русский пришел!» Вскоре послышались шаги, и к нам подошла пожилая женщина лет семидесяти. Увидев меня, она приблизилась, прильнула своей седой головой к моей груди и стала что-то шептать.

Не знаю, что чувствуют в такие моменты другие, а у меня спазм перехватил горло (мне сразу вспомнилась моя мама), я обнял ее и погладил по плечам. Она подняла свою голову и стала рукой гладить меня по щеке. Потом что-то проговорила, а ее дочь с майором весело рассмеялись. Я удивленно на них посмотрел, и майор, улыбаясь, пояснил: «Мама сказала, что когда она узнала о том, что пришли русские, то она дочкам и внучкам рассказала, какие русские солдаты добрые... (тут непереводаемое сербское слово, подчеркивающее мужские способности русских). Она их еще по 44-му году помнит!» Тут уже мы все рассмеялись. А мне было очень лестно: оказывается, наших отцов и дедов здесь помнят не только как освободителей! Потом была традиционная «домача лозовача» (типа грузинской

чачи, только гораздо приятнее и качественнее) и тост за жизнь, после чего мы тепло распрощались, я получил крестное благословение, поцеловал руку этой женщины, и мы ушли.

Как много раз я впоследствии получал такие материнские и сестринские благословения от простых сербских женщин. Не одну молитву, наверное, они вознесли Богу — Спаси и сохрани! Низкий поклон вам!

Этот ужин имел для меня и последствия: через пару месяцев мне потребовалось провести комплексную оценку (как сейчас принято говорить — экспертизу) территории Вуковара. И я ее провел, и не только наземной части. Но мне разрешили осмотреть и небольшой участок подземного «Вуковара-2». Да и с местной общиной было разговаривать значительно легче. Оказывается, мой ночной визит не остался незамеченным. Похоже, и здесь поработало радио «ОБС».

А еще через несколько лет я опять получил привет с этого ужина. Весной 1999 г., на День Победы, я внезапно потерял маму. А накануне Дня ВДВ меня на «скорой» отвезли в госпиталь им. Вишневского, где я находился почти до середины сентября. После этого жена сказала: «Хватит. Врачи не знают, от чего тебя надо лечить. А я знаю — тебе нужно время, чтобы пережить утрату». И увезла меня на Адриатику, на один из его прекраснейших участков побережья — Будванскую Ривьеру. Через несколько дней, ночью, у меня случился приступ — зашкалило давление. Пришлось вызывать «скорую». Когда меня привезли на станцию скорой помощи г. Будвы, я уже «плыл», лежа на смотровом столе. На мне была майка с эмблемой и надписью «Советские Воздушно-Десантные Войска». Ко мне подошел дежурный врач — мужчина лет 35, посмотрел и воскликнул: «Полковник! Что с вами?» Медсестры, да и моя жена слегка опешили. Я сказал, что давление. Он быстро осмотрел меня, смерил давление и сделал какой-то комбинированный укол. И меня на машине срочно отвезли в больницу г. Котор, в 27 км от Будвы. При виде приемного

покоя мне очень захотелось жить, тем более что в течение 30 минут ко мне никто не приходил. Когда ко мне вышла дежурный врач, давление оказалось уже нормальным. И мы с женой вернулись в Будву.

Через пару дней, я узнал, что на станции скорой помощи будет дежурить врач, принимавший меня, и мы с женой решили подойти к нему, благо станция была в 10 минутах ходьбы от нас. Увидев меня, он заулыбался и спросил, как самочувствие. Я поблагодарил и задал мучивший меня и жену вопрос — откуда он меня знает? Он не переставал улыбаться и сказал: «Вы меня вряд ли помните, а я вас запомнил очень хорошо. Ведь вы были первым русским, которого я увидел в жизни. Весной 92-го я служил в бригаде, которая стояла в Вуковаре, и вы с другими русскими офицерами были у нас на ужине. Вы сидели в голове стола, с командиром, а я в самом конце, так как был всего лишь поручик». Мы еще немного поговорили о превратностях судьбы, сталкивающих нас. А потом он спросил, какие лекарства я принимаю. Жена показала целую горсть коробочек с таблетками. Он внимательно посмотрел каждую из них, а потом сказал: «Полковник! Все это вы будете принимать в Москве. А здесь я вам рекомендую: бокал белого местного сухого вина в обед и бокал красного местного сухого вина после девяти вечера и ужина! Крепкие напитки — ракию, лозу, дуню или вильямовку — можно как аперитив перед обедом или ужином». С тех пор эти рекомендации я свято выполняю каждый год.

Марш на... Берлин

После того как меня признали наполовину сербом и родственником Юришеча, за «успомен» деда Ивана, дравшегося на фронте против усташей, в дальской церкви была произнесена молитва. В последующие дни я еще несколько раз заезжал в общину по разным вопросам. Потом начали прибывать эшелоны РУСБАТа и закрутилась круговерть больших и малых дел. В один из дней дежур-

ный по штабу передал мне, что звонили из общины Даль и просили приехать к часу дня. Я подъехал в условленное время, и секретарь сказала, что Бранко ждет меня дома. Уже через пару минут я был у него. Он открыл дверь своего дома, поздоровался и начал разговор с извинений. «Извини, но у меня тут сидит человек, который хотел бы с тобой переговорить неофициально». На мой немой вопрос он сказал, что это представитель международной организации (как потом оказалось — «Врачи без границ»). За столом на кухне сидел молодой мужчина лет 35–38, высокий, подтянутый и, честно говоря, мало похожий на врача в моем представлении. Мы познакомились и присели за стол. Бранко налил нам кофе и тоже присел.

В этот момент за окном послышался наплывающий гул танковой техники, потом одиночные выстрелы, переходящие в очереди. Я насторожился. Нет, прорыва хорватских танков быть не могло даже теоретически. Но тогда что? И где-то через пару минут из-за домов у поворота напротив дальской церкви, на дороге, показалась... наша БТР-Д, затем еще одна, еще и еще... Я вскочил из-за стола и подошел к окну. По улице на приличной скорости шла колонна наших бронемашин. Из верхних люков высывались рогатые шлемофоны десантников, люки механиков-водителей тоже были открыты.

А что творилось на улице! Только что она была пустая и вдруг, в мгновение ока, заполнилась людьми. Почти из каждого дома кто-то выскакивал: ополченцы или солдаты ЮНА с оружием в руках, женщины, старики. Казалось, что в Дали никого нет, так как до линии фронта по прямой было меньше 5 километров, но десятки, сотни людей на улице?! Увидев на броне знаки советских ВДВ, казалось, они мгновенно сходили с ума. Не прекращающаяся автоматная и винтовочная пальба в воздух, непрерывающийся рев «Р-у-с-ыыыы! Братушкиии! Дошлиии!», который временами перекрывал грохот проходившей техники. Люди выскакивали к машинам, махали руками, бросали откуда-то взявшиеся цветы, обнимались, целовались, мно-

гие плакали, старики крестились и крестили мелькающие машины. Священник дальской церкви отец Богдан с непокрытой головой благословлял наших ребят: «Црвена Армия! Дошлааааа!» Документальные кадры военной хроники, которую ко Дню Победы показывали по телевизору, даже у меня иногда вызывали вопросы: «А как оно было на самом деле?» Оказывается, было!!! И есть!!! Наверное, на Балканах любовь к освободителям и защитникам, к русским, впитывается с молоком матери и передается из поколения в поколение.

Я смотрел на то, что происходило за окном, и огромное чувство гордости поднималось во мне. Сейчас, там за окном, вместе с БТР-Д прошел мой дед — подполковник авиации, прошел его сын — мой отец — гвардии рядовой гвардейской артиллерии, прошла Моя Красная Армия — армия-освободительница, армия-победительница!

Когда колонна скрылась из виду и даже шум движков перестал доноситься, возбужденные люди стали расходиться по домам. Но по их лицам было видно, что у них уже начался праздник души, праздник надежды. Как мне потом рассказывали офицеры РУСБАТа, на всем 150-километровом маршруте движения колонны до К्लисы, в каждом из населенных пунктов, их встречали именно так. А в этот момент марш колонны с воздуха прикрывало звено югославских МИГов. Хотя хорваты были предупреждены, но...

Особенно были довольны самоходчики и танкисты механизированных частей ЮНА. В тот день и позже они говорили, что 150-километровый марш 15 русских БТР-Д на Клису по своему психологическому воздействию был равен прибытию гвардейской танковой дивизии ЮНА. А среди рядового состава поползли упорные слухи о том, что если Германия не прекратит вмешиваться во внутренние дела Югославии, то ЮНА с помощью русской армии сделает то, что в 1945 г. не удалось сделать Народно-освободительной армии Югославии — участвовать в штурме Берлина.

На следующий день после марша БТР-Д метрах в двухстах от окраины д. Сарваш появился новый дорожный указатель, причем на русском языке, который можно было принять за напоминание: Осиек — 1 км, Загреб — 370 км, Берлин...

Я пришел в себя и повернулся к своим собеседникам. Оба смотрели на меня во все глаза, но... глаза были разные. «Врач», похоже, потерял всякий интерес ко мне, а Бранко... У Бранко глаза были на мокром месте, и внутри их мерцал восторг. В течение нескольких минут шел пустой разговор, я пообещал, что если у миссии врачей будут возникать вопросы, то мы постараемся помочь. На этом наша беседа закончилась, гость откланялся, и больше мы с ним не пересекались. «Кто это был?» — задал я вопрос Бранко. «Один америкос, — ответил он. — Человеке! Пока моих женщин нет, давай отпразднуем прибытие русских танков!» Я не стал возражать.

В этот момент открылась дверь на кухню и на пороге появились... жена Бранко — Милена и ее сестра Мирена, живущая в их доме со своей дочкой. У них в руках были две тарелки с закусками, графинчик с домашней виноградной ракией и четыре рюмки. «Аца! — сказала Милена. — Сегодня ты принес в наш дом праздник. Господь накажет нас, если мы не поздравим Црвену Армию!» Мы с Бранко засмеялись, и я сказал: «Какие же у тебя женщины! Все понимают». После выпитой виноградной ракии мы еще посидели за чашечкой кофе и немного поговорили о разных домашних делах. Причем разговор шел очень оживленный сразу на трех языках: мы с Бранко говорили по-русски, Милена говорила по-сербски, но понимала по-русски, а Мирена говорила по-сербски и великолепно по-английски. Думаю, что в быстром освоении как сербского, так и английского языков не последнюю роль сыграло постоянное общение с этой семьей, так как я стал бывать у них очень часто, отдыхая душой в этом семейном кругу.

Я спросил, а где у них в Дали почта и можно ли оттуда позвонить в Москву? А то я уже почти три недели, как

уехал из Москвы, и мои домашние наверняка волнуются. Тут стали расспрашивать о моей семье и мне пришлось коротко поведать о всех моих пяти женщинах. Тут сестры напали на Бранко и стали ему что-то выговаривать. Он засмеялся и поднял руки вверх: «Почта не работает, да и связи прямой нет. Приходи сегодня к восьми вечера в штаб обороны (то есть в общину), мы постараемся тебя соединить по местной линии».

К назначенному сроку мы с Бранко были на месте, и он, объяснив ситуацию, попросил дежурного попробовать выйти на Москву. Тот сказал: «Нет проблем!» и стал по цепочке Даль – Апатин – Сомбор – Нови-Сад – Белград вызванивать Москву, на каждом этапе поясняя, что это нужно русскому, который уже месяц на «первой линии» под Вуковаром, а его семья в Москве не знает, что с ним. Вся эта процедура заняла больше часа, пока наконец Белград не сказал, что дает Москву. Трубку взяла мама, тут же заплакала и закричала: «Ганя! Танечка! Скорей, Лешенька на проводе!» И в этот момент начался обстрел Даля с хорватской стороны. Правда, мы были в центре, а обстрел шел по окраинам, но грохот стоял солидный. Первый вопрос жены: «А что за шум? Плохо слышно». Пришлось сказать, что я на почте, рядом разбитое окно, а на улице идет дождь и гроза. Поговорить удалось всего пару минут, но они поняли, что у меня все хорошо, скоро к ним должно прийти мое письмо (к сожалению, оно так и не пришло). У них тоже все было хорошо. Творилось новое российское беззаконие. Жену уволили с работы из ЦНИИЭПжилица по сокращению (хотя с двумя детьми и мужем-офицером не имели права). У мамы тоже все хорошо. Моя племянница, не зная, где я, звонила нам домой и просила узнать, что с ее женихом. Последнее, что я успел попросить жену, чтобы она позвонила оперативному дежурному штаба ВДВ и передала мою просьбу: завтра (так как в Москве был уже двенадцатый час ночи) обзвонить жен наших офицеров и передать от мужей, что они все живы и здоровы.

Ночью я вернулся к себе на виллу, умылся, переоделся, пришел в свою комнату, сел на кровать и стал вспоминать моменты этого короткого разговора. Сердце колотилось, кровь бурлила. Несмотря на усталость, спать не хотелось. Сидя в темноте (комендантский час действовал с десяти вечера), я смотрел в окно на огромные незнакомые звезды, и что-то медленно подкатывало к горлу. Вдруг так накатило, что захотелось во весь голос завывать зверем! Боже мой! А ведь мне здесь быть еще целый год! Целый год без моих милых и дорогих! Ни отец, ни дед никогда не рассказывали о своих чувствах, переживаниях, мыслях, которые были у них на фронте. Возможно, если бы кто-то из них был бы сейчас жив, он бы понял меня. Единственное отличие от них — я знал, что должен вернуться через год.

Как позже мне стало известно, жена офицера ВДВ сработала по-десантному оперативно. Она, как никто другой, прекрасно понимала: семьи ждут любой весточки от своих мужей и отцов, ведь неизвестность хуже любой пытки. Поэтому, наверное, она и хотела обрадовать их приветом от любимых как можно скорей. Она вытерла слезы, вместе с мамой попили воды с валерьянкой, успокоилась и дозвонилась до оперативного, но уже около полуночи. Тот поблагодарил ее, занес информацию в журнал дежурств, и тут же доложил моему начальнику, генералу А.Г. Зуеву. Тот поблагодарил и сказал, что утром сам доложит Командующему и начальнику штаба.

После этого дежурный сел за городской телефон и стал обзванивать квартиры наших офицеров. Закончилось это все где-то к двум часам ночи, так как каждый раз повторялось одно и то же. Сначала сонный голос спрашивал, что надо, потом начинался плач, потом оперативный успокаивал, потом несколько минут сыпались вопросы, на которые, естественно, не было ответов.

Мои же домашние после нашего разговора все дружно пили валерьянку и валидол, плакали и потом еще больше двух часов чаевничали и разговаривали. Как потом мне рассказали мои женщины, Танюша никому не сказала, что я в Югославии — не хотела никого волновать. И этот

мой звонок снял табу. После разговора мама опомнилась и устроила допрос с пристрастием: ведь трубку сняла она и телефонистка сказала, что соединяет с Югославией. Танюша отделалась нейтральными фразами: «Я сама ничего не понимаю. Но хорошо, что с ним все в порядке!» Но потом, когда девочки ушли спать, она сказала маме, что не хотела волновать, так как только видела билет до Белграда, и я ничего не объяснил. Мама до утра не сомкнула глаз и пила успокоительное. Утром посмотрела по телевизору новости об «ожесточенных боях в Югославии» и, придя на работу (она много лет работала начальником отдела в «Моспроект-3»), не выдержала и разрыдалась среди нескольких близких сотрудников. К концу дня весь институт шумел, так как маму знали почти все сотрудники, а меня — многие. Сын Валентины Степановны — на войне! У нее побывали все руководители института, а каждый из сотрудников ее отдела (а это более 80 человек) до конца дня нашел необходимым переговорить с мамой. После этого любая информация по Югославии, услышанная, увиденная или прочитанная ее сотрудниками, докладывалась маме. Любой репортаж по телевизору, где упоминался наш сектор или напрямую показывали меня (а это было не раз), вызывал шквал телефонных звонков на мамин или наш домашний.

В дальнейшем, в течение нескольких дней, на Танюшу вышли жены нескольких наших ребят. Они еще раз обсудили тот небольшой объем информации, который я успел передать, сделали свои выводы и создали свою «информационную сеть жен российских миротворцев». После этого любая информация, услышанная по радио, прочитанная в газете или увиденная по телевидению, тут же по цепочке в кратчайшие сроки доводилась до всех семей.

Так начиналась наша служба — миротворцев первого российского миротворческого контингента. О российском миротворческом батальоне в Югославии еще есть кое-какая информация, но о контингенте — практически нет.

Мы пришли на эту землю, щедро политую кровью наших отцов и дедов в конце 1944 г. Пришли, как и они —

спасителями и освободителями. Так воспринимало нас большинство людей.

С 1987 г. мы прошли все «горячие точки» Союза, разъединя горячие головы в союзных республиках, но еще не знали, что нас ждет впереди. А впереди была обычная, так знакомая по Союзу и тяжелая работа.

Мы пережили и светлый праздник День Победы, возлагая вместе с сотнями людей цветы к могилам советских солдат, и диверсию венгров с нашим последним эшелоном. Мы начали убеждать в своей правоте и сербов, и хорватов, которые стали прислушиваться к нам и выполнять наши рекомендации. Мы стали учить ооновцев и нашли в их среде своих соратников. Какое прекрасное слово — соратники — воины, плечом к плечу стоящие в одной рати.

Мы вместе пережили и радость огромной победы: впервые участвуя в такой операции, «русский сектор» (как с легкой руки генерала С. Намбияра стали называть сектор «Восток») первым из всех секторов к 30 июня 1992 г. выполнил в полном объеме первый этап миротворческой операции. Как отмечали в своих поздравлениях генсек ООН Б. Бутрос-Гали и командующий миротворцев в Югославии генерал-лейтенант Сатиш Намбияр, эта была первая крупная военная победа ООН за последние двадцать лет. Мы с удовольствием поздравляли наших коллег по сектору из Бельгии, Великобритании, Канады, Люксембурга и Нидерландов, получивших за эту победу поощрения и награды, так же как и российские сотрудники МВД, убывшие домой, — ордена «Мужества». Мы же от родного государства в лице Министерства обороны получили... выговор — за то, что на наших ногах разваливалась «экспериментальная» бракованная обувь (на которой кто-то хорошо нагрел руки) и за то, что наши медики, оказав помощь более чем 2000 некомбатантам (на что ООН закрыло глаза), «допустили перерасход лекарств».

Нас еще ждала ненависть «всего цивилизованного человечества» за честно исполняемый долг и потоки лжи и клеветы в СМИ. В секторе не появились первые ране-

ные, и мы еще не узнали вкус горечи от гибели наших товарищей. Хорватские экстремисты пока не устраивали провокации на границах сектора. Делегации других секторов еще массово не приезжали, чтобы изучать и перенять наш опыт. Мы еще не спасали сербские и хорватские религиозные святыни. Мы еще не руководили работами по составлению планов восстановления разрушенной инфраструктуры сел и городов по обе стороны разграничения. И пока не было многого другого в жизни российского контингента.

Все это нас еще ждало. В том числе и признание через полгода одного яркого русофоба перед своим высоким начальством: «Без русских мы здесь — никто!»

Юрий Семенович ДОНСКОЙ¹

Подполковник Петя: штрихи к портрету вице-мэра Южного

Пуля снайпера щелкнула слева, потом правее голубы телеоператора. А он продолжал снимать. Стоял у стены всемирно известной уже сгоревшей библиотеки в Сараеве, старейшем городе, который впервые упоминается в источниках 1244 г. под названием Врхбосна. На этом месте произошло убийство наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда 28 июня 1914 г., что послужило поводом для начала Первой мировой войны.

— Ложись! Тебя взяли в «вилку»!

Майор Ковальчук рванулся, выдернул из опасной зоны гостя 240-го украинского миротворческого батальона журналиста Андрея Кулиша. Это было в девяносто третьем. С тех пор они и подружились.

Рассказал мне об этом директор пресс-департамента национальной образовательной программы рыночных реформ Андрей Кулиш. Подполковник запаса, кадровый офицер, он прошел через многие международные конфликты. Служил танкистом в Забайкалье, побывал в Нагорном Карабахе, входил в социально-психологическую службу Министерства обороны, часто выезжал в «горячие точки» планеты, в том числе в бывшую Югославию.

А служба там — не мед. Каждый вечер мусульманская бригада, стоявшая впритык к украинскому батальону, вела артобстрелы. Снаряды попадали и в расположение 240-го. В итоге сгорели два этажа здания, где располагались украинские миротворцы. Кулиша же (видимо, ска-

¹ Донской Юрий Семенович — сотрудник миротворческой миссии ООН в Боснии и Герцеговине.

залась «военная косточка») тянуло туда, где опаснее. Так оказался он в районе боевых действий. Потому и появились позднее его фильмы и публикации на миротворческую тему.

Миротворцами просто так не становятся. Перед этим они проходят долгий путь, набираясь боевого опыта. Скажем, такой, как у Петра Ковальчука.

Парень из села Побережное Винницкой области, что в двадцати километрах от областного центра, окончив восьмилетку, по рекомендации своего классного руководителя Анатолия Николаевича Кирилюка поступил в педучилище и удачно окончил его. Потом потянуло на «подвиги». Вместе с другом Аркадием Шевчуком уехал в Новосибирск в военно-политическое училище, где готовили в основном десантников. Это и решило судьбу друзей. А какой из Петра десантник? В то время вес до 60 килограммов, рост 1 метр 70 сантиметров. Хоть и перворазрядник по баскетболу, гимнастике, легкой атлетике.

Отец Петра — Леонид Григорьевич, фронтовик, дошел до Будапешта, был тяжело ранен, лечился в бакинском госпитале, выжил. Сержант минометной батареи, кавалер орденов Славы, Отечественной войны, многих медалей...

В семье сыновей было трое. Старший — Александр, средний — Петр, младший — Николай. Все стали людьми, как говорят в народе.

А Петр стал курсантом Новосибирского военного училища, где готовили десантников, «общевоисковиков», политработников. Но здесь, кроме общеобразовательных предметов, были и спортивные. Не отбегаешь за год пятьсот сибирских километров на лыжах — долго сидеть тебе в казарме без увольнительных...

...А Петру куда деваться? В самый день рождения — 30 ноября — получает «боевое крещение». Бросили его с другими курсантами на «обкатку» боевыми танками. Сидишь в окопе, идет в упор многотонная броневая машина, «утюжит» тебя, бросаешь ей вслед гранату. Температура — минус тридцать...

Или, наоборот — плюс сорок! Это когда в качестве стажера — заместителя командира роты, Петр попал на китайскую границу, в район Черной Даурии. Степь, жара, дыхнуть нечем. А нужно было в полном боевом снаряжении с одной ночевкой пробежать 60 км. Только вышли на маршрут — телеграмма из Винницы: «Вашу свадьбу с Ларисой определили на 10 августа». Наутро комроты пошутит — решил разбудить курсантов взрывпакетом. Вот он и рванул в руках Ковальчука. Какая тут свадьба?

И все же успел к назначенной дате залечить рану. Женился.

Спокойный, уравновешенный Кулиш вдруг «заводится».

— Понимаешь, попади Петрусь в Сараево сегодня, его бы за руку водили из дома в дом чуть ли не год, столько добра он людям сделал.

Я задаю «наводящий» вопрос:

— А что, действительно часто приходили местные жители на КПП батальона и просили вызвать подполковника Петю?

— Там к нам прибилося больше сотни местных голодных ребятишек, давали им все, что могли. И не только малолеткам, которых знали по именам и окрестили на русский лад — Слава, Варя, Лида... Собственно, и фамилия Петра звучала здесь тоже по-сербски.

— Ковалич. Его не просто знали, его любили. Кстати, еду «отрывали» от себя те самые полтысячи солдат, офицеров и прапорщиков, которые входили в контингент батальона. Кроме этого, раз в неделю готовили на 20–30 славянских семей пакет продуктов, чтобы их хватило до следующей выдачи. Среди опекаемых были и наши бывшие земляки, жившие на тот момент в Югославии. Все они знали друг друга, и весть о благотворительности украинских воинов быстро обошла всю диаспору. Так пришел в батальон и правнук Лермонтова.

Здесь мой собеседник замолчал, но я уже знал, что в судьбе правнука самое серьезное участие принял Андрей

Кулиш, с помощью которого потомка классика-поэта на военно-транспортном самолете вывезли в Россию...

Одной из самых активных приверженцев украинских миротворцев в те дни стала Хашима — профессор русского языка, сербка по национальности, мусульманка по вероисповеданию. Благодаря доброте наших солдат, ее мужа буквально вытащили с того света. И не только потому, что находили возможность кормить. Когда у батальонного врача не хватало медикаментов, одалживали их во французском санбате...

Заканчивалось лето 1993-го. Из четверых кандидатов выбрали его, меньшего по званию. Так и попал Петр Ковальчук в заместители командира 240-го украинского миротворческого батальона.

Усиленная рота батальона дислоцировалась в Жепе. И что-то часто начали подрываться на минах наши ребята. Ковальчук выезжает туда. Выясняет на месте: ежедневно наши саперы зачищают контролируруемую территорию, а мины появляются вновь и вновь. Там, где проходят группы мусульманских войск, переносящих оружие в регион Жепы.

Утром выехали в обозначенный КПП. Впереди шел командир саперной роты. Остановился, показывает: вот противопехотная мина свежая, вчера ее еще не было. Стоп — растяжка! Стоят, рассматривают, начинают уходить. А в кустах серб сидит с тросиком в руках (потом узнали — у него семья погибла, вот и обозлился на весь белый свет), не разобрался, кто есть кто, и рванул. Виталий погиб сразу, у командира саперной роты Сергея перебило и сложило пополам ногу, у Петра иссечены руки, ноги, лицо мелкими осколками. Наши услышали, подбежали, раненых и убитого тут же вывез УАЗ.

Медицинские батальоны — сербский, французский. Из аэропорта Сараево военно-транспортным самолетом Ковальчука отправили в Загреб, госпиталь США, где он находился более месяца. А операцию по извлечению осколка из его глаза хорватские врачи провели в клинике, построенной еще Иосипом Броз Тито.

В один из дней здесь подъезжает к Петру на коляске инвалид без ног, только вернувшийся с фронта, и показывает пальцем: «Рус?» Ему отвечают: «Нет, украинец». «Все равно подложите ему отравы в пищу...»

Петр подумал: не взорвался на mine, зачем же гибнуть сейчас. И попросил американцев, чтобы забрали обратно к себе. Так и сделали. На процедуры возили ежедневно...

Подполковник Петя вываливает из сумки на стол голубой берет с кокардой войск ООН, личный жетон офицера АВ-2625, паспорт, дающий право пересечения границ любого государства без предъявления дополнительных виз, нагрудный знак ветерана войны, медаль Организации Объединенных Наций «За службу миру», нашивки о принадлежности к Вооруженным силам Украины и миротворческим войскам, погоны лейтенант-колониала (подполковника). Особая гордость в этой коллекции Петра Ковальчука — голубой флаг ООН, который крепили на всех бронеемоблях, окрашенных в белый цвет. На нем — 35 эмблем государств, принимавших участие в миротворческой акции в Югославии: США, Британия, Гана, Канада, Россия, Польша, Украина...

После службы подполковник Ковальчук, уволившись по состоянию здоровья, поступил в 97-м году в Одесский филиал академии государственного управления, получил диплом магистра и по направлению областной госадминистрации ушел на работу в Южный в качестве заместителя городского головы. Так и работает.

Дай Бог Петру Леонтьевичу стать полковником. Но только запаса...

Воспоминания о миссиях ООН на территории бывшей Югославии

10 сентября 1995 г. ... Самолет Австрийских авиалиний вечером приземлился в столице Австрии — Вене и доставил нас, 17 российских представителей правоохранительных органов, в этот прекрасный город. Это была промежуточная посадка на пути в Загреб, столицу Хорватии, где находился штаб миротворческих сил для бывшей Югославии. Многие из нас были в Центральной Европе впервые и, конечно, сразу же, оставив свои вещи в гостинице «Novotel», отправились на экскурсию по ночной Вене, которая поразила нас своей красотой и чистотой.

Этому полету предшествовали сложный языковой отбор кандидатов (перед началом экзаменов нас было около 150 человек, но прошли не все), обучение в отдельном учебном центре (где мы изучали различные предметы, такие, как сербо-хорватский язык, английский язык, радиопереговоры, страноведение, международное право и другие), сдача экзаменов по физподготовке и вождению автомобиля и, конечно же, происходило становление и сплочение нашего коллектива, который направлялся в страну, где еще продолжалась гражданская война.

У нас были прекрасные преподаватели и руководители, прошедшие уже через югославское горнило: Дмитрий Панкратов из Рязани, Александр Мельников из Краснодара, Александр Борисов из Тулы, Роман Карась из Москвы. Они передавали нам свой опыт и знания и позже поехали вместе с нами.

¹ Новиков Сергей Степанович — участвовал в миротворческих миссиях ООН и ОБСЕ на территории бывшей Югославии в 1995–2001 гг. Доктор исторических наук, доцент. Начальник факультета Владимирского Юридического института Федеральной службы исполнения наказаний. Полковник внутренней службы.

На следующий день (день моего рождения) мы приземлились в Загребе и, получив ID card (наши удостоверения личности), поселились в загородном мотеле «Миханович», откуда и выезжали каждый день в Загреб — то в центральный штаб на Илицу, то на аэродром Плесо, где располагались все управления и отделы миссии и где мы прослушали вводный курс и вновь сдавали экзамены. Все интриговало нас, даже детские игрушки с ооновской символикой (в магазине бельгийского батальона я купил симпатичного медвежонка в бронежилете и голубом берете, с которым сейчас любит играть моя внучка Вероничка).

После того, как основная масса ребят из нашего коллектива (более десяти человек) не смогла сдать экзамен по вождению джипа с первого раза, мы сняли дом недалеко от Плесо, потому что выданных нам денег для проживания в гостинице уже не хватало. Еще пришлось платить за уроки вождения, которые мы брали (по рекомендации инструкторов транспортного управления ООН) в местных автошколах. Я даже спросил у финского инструктора, который поставил «неуд» всем русским полицейским: «Возможно, у вас предвзятое отношение к России?» Он ответил, что, работая дальнбойщиком, он неоднократно прочувствовал на себе некорректное отношение сотрудников ГАИ и даже побывал в «Крестах» Санкт-Петербурга. Это все объясняло. А ведь среди нас были ребята и с достаточным опытом вождения (более 15 лет).

После сдачи со второй попытки экзамена по вождению меня и моего друга (с которым сдружились во время обучения), майора милиции Коротенко Валерия² из Нижнего Новгорода (кстати, это была уже вторая миссия для него, первая в 1992–1993 гг.), направили в сектор «Восток», на границу с Сербией в г. Бели-Манастир, примерно в 350 километрах от Загреба. Из Осиека (самого крупного

² Подполковник милиции в запасе В.Н. Коротенко в настоящее время работает в штаб-квартире ОБСЕ в Вене, в департаменте по полицейским делам, и занимается проблемой борьбы с наркотиками. Участник многих миссий ООН в Хорватии, Боснии и Герцеговине, Косове, Грузии.

хорватского города Восточной Славонии) к месту нашего назначения вела только одна дорога, на которой было несколько КПП (check-points) хорватских сил, сербских войск и два КПП бельгийского миротворческого контингента. На нейтральном участке дороги стояли металлические «ежи», бетонные надолбы и колючая проволока. Все обочины дороги и поля вдоль нее были заминированы. Добравшись до города, где нам предстояло служить, мы решили поселиться вместе с украинским полковником милиции Владиславом Фалько из Чернигова. Он был единственным из бывшего СССР в этом месте сотрудником ООН и снимал большой дом недалеко от полицейской станции ООН.

Мы с Валерой Коротенко прожили в этом доме недолго — пару недель, а потом нашли другой очень удобный дом по соседству и уже начали планировать выезд в отпуск на Родину через Белград. У Владислава Фалько период его миссии подходил к концу, и он был переведен на аэродром Плесо диспетчером по перевозкам ООН. Все знали, что это — «руска куча» — русский дом, вокруг проживали только сербы (все хорваты сбежали из этих мест, но, несмотря на это, как-то приехав на ооновском джипе пообедать, через полчаса мы обнаружили, что все наши четыре колеса пробиты ножом. Возможно, это показывало охлаждение сербов к России после невнятных заявлений и действий нашего руководства, особенно министра иностранных дел России А.В. Козырева.

В Бели-Манастире мы в основном занимались патрулированием района, часто посещали село Батина (придунайское село на границе с Сербией), села Дарда, Змаевац, Кнежеви-Виногради, Суза, Чеминац, Поповац, Грабовац и др.

Прожив в новом доме всего пару дней, мы получили приказ передислоцироваться в сектор «Запад», в г. Дарувар, главный город Западной Славонии. Так, в середине октября 1995 г. мы оказались в Даруваре. Я был назначен полицейским наблюдателем на станции Дарувар, а Валера — на полицейскую станцию в Грубишно-Поле (к северу от Дарувара).

Мы сняли второй этаж в одном из немногих сербских домов, и началась рутинная полицейская работа. Командиром полицейской станции ООН Дарувара был египетский полковник полиции Мохаммед Мусса. Полицейских наблюдателей из десяти стран было около двадцати: из Нигерии, Польши, Украины (Володя Осадчий из Одессы, который, будучи еще студентом, придумал и создал «Джентльменов из Одессы»), Португалии, Норвегии, Дании, Египта и других стран.

Здесь я впервые столкнулся с новой функцией СИВ-ПОЛа³ — распределением гуманитарной помощи нуждающимся. Списки нуждающихся составлялись хорватским отделением Международного комитета Красного Креста (МККК), и, естественно, в этих списках почти на 100 % были только хорватские семьи и за редким исключением венгры и чехи. Сербь в них отсутствовали. Мы ездили в основном в паре с датчанами Питером Хельвегом и Хенриком Расмуссеном и, когда приезжали по указанному адресу и видели, что во дворе гуляют десятки кур, гусей и индеек, а во дворе стоят трактора или машины, то мы обоюдно решали передать эту помощь (в основном это было подсолнечное масло, крупа и сахар) действительно нуждающимся (не обращая внимание на национальность). Так мы делали неоднократно, и впоследствии эта информация дошла до хорватов, и они попросили вмешаться в этот вопрос (хотя гуманитарная помощь поступала от международного сообщества) командира сектора «Запад» финского полицейского комиссара Ханну Ювоннена. Все его за глаза называли Хански. Это был настоящий хороший полицейский, с чувством справедливости и сострадания к обездоленным. Несмотря на давление с хорватской стороны, он одобрил наши действия, но после этого хорваты фактически взяли в свои руки распределение гуманитарной помощи.

Понемногу стал осваивать на практике сербо-хорватский язык: старался разговаривать с местными полицейскими, с нашими переводчиками на их родном языке. В

³ UN Civilian Police (СИВПОЛ) — гражданская полиция ООН.

магазинах также говорил на местном языке, но когда заходил туда в нашей милицейской форме, с эмблемой России, то я чувствовал то, что чувствовали русские в советской Прибалтике — продавцы просто меня не замечали и отворачивались. С тех пор я посещал магазинчики и лавки только в гражданской одежде.

Патрулируя территорию, мы иногда попадали в интересные места. Как-то в районе Равна-Горы около села Каменско мы добрались до сербской православной церкви, которая была так удачно расположена в низине между двумя сопками, что туда даже не было никакой дороги. Сербь, выжившие после майской операции хорватских войск «Блеск»⁴, жили там автономно, были крайне удивлены нашему приезду и просили никому о них не говорить. В памяти остался теплый прием хорватских ребятишек и их учителей в начальной школе села Биело, куда мы с Х. Расмуссеном привезли гуманитарную помощь и провели урок об опасности мин в окрестностях. В этой школе обучалось шесть ребятишек, пострадавших от мин (кто без руки, кто без ноги). Детишки подарили нам свои рисунки, спели песни, и мы сфотографировались на память.

Главная военная база ООН в этом секторе Camp Romeo⁵ находилась недалеко от Дарувара по дороге на г. Пакрац. В основном там были подразделения из Непала, Иордании и Чехии. С военными у нас были хорошие взаимоотношения, но к их помощи на моей памяти мы прибегали лишь один раз — необходимо было вытащить наш джип Cherokee из глубокой и широкой колеи, где только что прошли их БМП. Иногда мы заезжали на базу пообедать, помыть машину, посетить магазин и сыграть на бильярде в свободное время.

Именно из Дарувара я поехал в свой первый отпуск в Россию. Это было 7 ноября 1995 г. По приезде из дома

⁴ Операция хорватских войск по «очистке» от сербов Западной Славонии в мае 1995 г.

⁵ Лагерь Полом.

полицейская работа продолжилась, но в начале декабря было принято решение закрыть сектор «Запад» и все полицейские станции. В середине декабря 1995 г. в Загребе прошло собрание российского контингента, на которое прибыли представители МВД России (А.В. Земскова и др.). У меня вновь было несколько дней отпуска, и после собрания мы с моим другом Анатолием Захаровым из Магнитогорска поехали в Македонию, туда, где он служил. Мы проехали через всю Северную Хорватию, Венгрию, Сербию с остановкой в Белграде и на поезде рано утром прибыли в Скопье.

Я побывал в штабе миссии ООН, который находился в одном здании с миссией ОБСЕ, на военной базе Camp Able Sentry, где в основном были подразделения из Скандинавских стран, и вместе с другом А. Захарова Сергеем, выходцем из СССР и женатом на македонке, решил посетить Грецию. Но Сергея, имевшего македонский паспорт, греческие полицейские не пропустили в страну⁶. Побывав в Салониках, я вернулся в Скопье и затем самолетом ООН прибыл в Загреб, с остановкой в Белграде. Это был транспортный самолет, и, попав в грозу и дождь, мы пережили немало неприятных минут.

По прибытии в Дарувар нам с Валерием Коротенко сообщили, что принято решение направить нас в составе первой группы разведки на север в Боснию и Герцеговину. Группа была сформирована из полицейских сектора «Запад». В нее вошли двое русских, два шведа — Хакан Агрэн и Пер-Эрик Лофгрэн и один датчанин Эрик Бу Уэст. Перед отъездом нас пригласил командир сектора Х. Ювонен и, пожелав успеха (так как мы направлялись туда, где не было ни одного международного полицейского ООН), сказал мне на прощание: «Сергей, вот увидишь, ты станешь полицейским комиссаром ООН». И действительно, его пророчество сбылось через несколько лет — я ему об этом сообщил.

⁶ Разногласия между Грецией и Македонией существуют из-за названия последней.

Двадцать первого декабря 1995 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1035⁷, в которой учредил для деятельности на территории Боснии и Герцеговины Специальные международные полицейские силы ООН (СМПС)⁸ и Отделение ООН по гражданским вопросам⁹ в соответствии с Дейтонскими соглашениями¹⁰. В совокупности операции СМПС и Отделения по гражданским вопросам стали называться Миссией ООН в Боснии и Герцеговине (МООНБГ)¹¹.

По прибытии в штаб СИВПОЛа в Плесо нам сообщили, что поездка планировалась на 23 декабря на вертолетах, но один вертолет накануне был подбит сербами в г. Градишка (север Боснии), и поэтому нам предстоит выдвижение на машинах до конечного пункта — г. Баня-Лука¹². Так как все мосты, соединяющие на реке Сава Хорватию и Боснию были разрушены, мы выбрали единственную дорогу через хорватские Карловац, Войнич, Мальевац. А в боснийской Велика-Кладуше нас должны были встретить полицейские-миротворцы.

Не доехав до границы с Боснией, мы попали в Кумпленско-Кэмп. Это был лагерь, созданный на территории Хорватии для беженцев-мусульман, сторонников Фикрета Абдича¹³. Проезжая через него, мы видели тысячи грязных, голодных, отчаявшихся людей, с грудными детьми и стариками, которые дрались за миску гуманитарной

⁷ Документ ООН. S/Res/1035/1995.

⁸ International Police Task Force — IPTF.

⁹ UN Civil Affairs.

¹⁰ Соглашение по БиГ (декабрь 1995 г.).

¹¹ United Nations Mission in Bosnia and Herzegovina — UNMIBH.

¹² Столица Республики Сербской (Босния и Герцеговина).

¹³ Абдич Фикрет (род. 29 сентября 1939 г.) — боснийский предприниматель и политик. Во время боснийской войны Абдич заявил о своей оппозиции к режиму А. Изетбеговича и основал непризнанную Автономную область Западная Босния, в состав которой вошли г. Велика-Кладуша и несколько деревень. Мини-государство просуществовало в период между 1993 и 1995 г. Осенью 1995 г. для сторонников Абдича, спасшихся от зверств 5-го корпуса армии Боснии и Герцеговины, Комитетом ООН по делам беженцев был организован лагерь.

помощи. А более взрослые дети растаскивали наш багаж, который лежал в кузовах наших машин. Мы раздали практически весь наш сухпаек голодающим. Никакого руководства в лагере мы не нашли и примерно через час выбрались на дорогу.

В г. Велика-Кладуша нас ждали полицейские ООН, и каково же было наше удивление, что командиром станции был наш товарищ Сергей Шипилов¹⁴ из Орла. Напив кофе, он дал нам сопровождающего, одного из самых отчаянных своих сотрудников — португальца Пако. За то, что он был отличным водителем, его называли «Шумахером». Пако доехал с нами до Босанска-Крупы через Цазин и, так как зона ответственности закончилась, пожелав нам удачи, вернулся на базу. А мы продолжили путь, наблюдая повсюду разрушение и смерть, горе и отчаяние местных (немногочисленных) жителей, разбирая завалы на дорогах и оттаскивая мины с проезжей части.

Миновав г. Сански-Мост, мы подъехали к линии разграничения между мусульманами и сербами, которая проходила около села Оштра-Лука. Повсюду стояли КПП мусульман, которые тщательно проверяли наши документы, а нам с Валерой приходилось вспоминать все, что мы знали из местного языка, чтобы доходчиво объяснить, с какой целью мы едем в Баня-Луку. В сербском селе Оштра-Лука после КПП сербских войск нас первыми встретила веселая свадьба, которая заставила пригубить местной раки (иначе наше путешествие закончится — так сказал отец жениха).

Мы проехали Приедор, крупный сербский город на северо-западе Боснии, и наши радиостанции перестали работать, лишь на подъезде к Баня-Луке радиостанция Х. Агрена случайно поймала волну штаба в Загребе, и мы

¹⁴ Шипилов С. — полковник милиции, участник миротворческих миссий с 1993 г., работал в Хорватии, Боснии и Герцеговине, в Косове. Возглавлял центр подготовки в ВИПК МВД РФ в 2000–2001 гг. Около пяти лет работал в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке. В настоящее время возглавляет службу безопасности миссии ООН в Газе.

успели сообщить, что добрались до места дислокации. Это было примерно в 22.00, а выехали мы 06.00. Таким образом, примерно 360 километров мы проехали за 16 часов. Но мы были у цели. Особенно рады были иностранцы, так как через пару часов наступало католическое Рождество.

Город был практически полностью во тьме, электричества не было, лишь в отдельных кафе, где были генераторы, мерцал свет. Мы остановились в главном отеле города — «Босна». Номера были дорогие, хотя и не шикарные, но выбора у нас не было, к тому же для нас, как для иностранцев, были и особые цены. Шведам и датчанину это было все равно, так как их государство оплачивает каждому полицейскому, находящемуся на службе за границей в течение года, 18 дней и ночей в любой гостинице страны пребывания. Наше государство, как вы понимаете, этого не предусмотрело.

На следующее утро, собравшись в холле гостиницы, мы встретились с переводчиком Радомиром, сербом, который ранее работал с военными наблюдателями, и мы имели его контактный телефон.

Началась работа по созданию плацдарма для развертывания СМПС и МООНБГ в Республике Сербской. Никаких вспомогательных гражданских сил ООН в тот период не было, и мы стали налаживать контакты с местными властями и представителями Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ). Были встречи с мэром г. Баня-Лука, главой УВКБ на севере Боснии Владимиром Цурко (Россия), представителями полиции и армии Республики Сербской, командирами военных миротворческих подразделений. Первоначально офисом для нас служил холл гостиницы, но впоследствии нам был предоставлен пустой этаж в здании позади гостиницы.

Валерий Коротенко нашел пустующий дом на улице Гаврила Принципа, в котором ранее проживала мусульманская семья, сбежавшая на юг страны. Зима в Боснии 1995–1996 гг. была суровой для этих мест, бывали дни,

когда температура опускалась ниже минус 20 по Цельсию, а в доме не было ни тепла, ни воды. Мы нашли во дворе подобие печки-буржуйки, воду топили из снега, которого выпало очень много, а свет нам заменили свечи, привезенные еще из России. В доме было так холодно, что вода, оставленная в стакане, к утру замерзала. Именно тогда я решил отрастить бороду.

Так как нас было всего пятеро (связи с Загребом практически не было), должны были прибыть новые полицейские. Нам пришлось неоднократно ездить в Плесо, забирать пополнение и показывать единственную дорогу. Кстати, датчане — наши приятели по сектору «Запад» — также прибыли в Баня-Луку. Мы с ними крепко подружились и ходили в гости друг к другу, предлагая им русскую и украинскую кухню, они нам — кухню северных народов. Нас становилось все больше, и мы начали налаживать контакты по всему северу Боснии: Приедор, Стара-Градишка, Прнявор, Бихач, Цазин, Дубица, Дервента, Теслич и другие города. В конце января 1996 г. временным командиром региона был назначен норвежский полицейский Тригве Каллеберг, с которым впоследствии мы встретились в миссии ОБСЕ в Восточной Славонии (он был командиром станции Вуковар).

Первое реальное испытание МООНБГ произошло в начале 1996 г., когда семь муниципалитетов в окрестностях Сараева¹⁵ в соответствии с Мирным соглашением должны были перейти под юрисдикцию правительства Федерации. Была определена дата — 4 февраля 1996 г., через 45 дней со дня начала действия Дейтонского соглашения. Аналогичные события проходили по всей Боснии. Все полицейские ООН региона Баня-Лука выехали в города Мркониц-Град, Шипово, Дрвар. Первые два должны были отойти сербам, а Дрвар — хорватам. Согласно договоренностям, жители этих муниципалитетов могли остаться, но даже западные СМИ отмечали нежелание

¹⁵ Вогоща, Сентар, Нови Град, Илиаш, Хаджичи, Илиджа и Грбавица.

властей Федерации проводить политику добрососедства в жизнь¹⁶. Крис Яновски, пресс-секретарь УВКБ, отмечал: «Боснийское правительство ничего не делает, чтобы сербы остались»¹⁷. В Мркониц-Граде, расположенном на холмах, повсюду текла вода из-за взорванного водопровода и канализации, все окна и двери выворочены — так хорваты «приветствовали» возвращение сербов в этот город. В городе не было ни одного жителя, лишь в окрестностях, в лесу мы наткнулись на двух сербок: 75-летнюю старушку и ее дочь, которые, как выяснилось, перезимовали в землянке и уже практически не двигались. Мы обратились к британским военным с просьбой оказать им медицинскую помощь, но они отказали. Тогда мы нашли представителей организации «Врачи без границ». Те, предварительно спросив о национальности женщин, лечить отказались. Лишь сотрудники УВКБ взяли на себя заботу о больных. Я просто не могу себе представить такую ситуацию с хорватами или мусульманами.

В г. Шипово, также переходившем к сербам, мы держали несколько мародеров — бошняков, которые подъезжали на тракторах с тележками и пытались разграбить еще не заселенные дома. Мы их передали местной полиции (были еще только хорваты), но, вероятно, их вскоре отпустили.

12 февраля я был назначен командиром группы в количестве пяти человек с зоной ответственности Приedor. В нее входило двое русских, два голландца и один швед. В Миссии стала налаживаться работа гражданских специалистов, отвечающих за обеспечение СМПС всем необходимым, в том числе начало проводиться тестирование местной молодежи на замещение вакантных должностей переводчиков. Хотелось бы отметить у сер-

¹⁶ *Hirsh M.* The fraying of the peace // *Newsweek*. 1996. Feb. 26. P. 11; *Nordland R.* Suburban flight // *Newsweek*. 1996. March 25. P. 18; *Jurisin P.* A cold welcome for Serb returnees // *Transitions*. 1998. № 5. P. 8–9.

¹⁷ *Nordland R., Sullivan S.* Edging toward partition // *Newsweek*. 1996. March 4. P. 24.

бов и хорватов какое-то врожденное чувство иностранных языков и прекрасное владение ими. И грамматика, и фонетика, и стилистика почти всех наших переводчиков были выше всяких похвал. К тому же зарплата у них была довольно высокой — около тысячи немецких марок в месяц. Но и с ними иногда были проблемы. Так, в апреле, когда я уже был командиром станции Приедор, на одном из совместных совещаний в Любии (там находилась военная база межнациональных военных подразделений ООН, в основном из Чехии и Словакии), наш переводчик Предраг неправильно перевел фразу, после которой мусульманские полицейские встали и собрались демонстративно покинуть совещание. Зная местный язык, я понял, что он сказал, что ООН разрешил сербам посещать их бывшие дома в г. Сански-Мост, в результате чего на мусульманской территории был убит известный приедорский врач-серб, который добрался до своего бывшего дома. ООН такого разрешения не давала и не могла дать, а его неправильный перевод мог привести к резкому обострению отношений не только враждующих сторон, но и с ООН. С этим переводчиком нам пришлось расстаться. Впоследствии, уже в конце лета, ситуация с неправильным переводом вновь повторилась. Поэтому вскоре по своей инициативе и по просьбе шефов полиции конфликтующих сторон я стал ездить без переводчиков. Как говорил мне шеф полиции Приедора Симо Дрляча: «Мне так спокойнее». Многие местные полицейские опасались, что переводчики ведут двойную игру. Но это были только опасения.

В конце апреля к нам в округ прибыла группа венгерских полицейских во главе с командиром контингента Венгрии подполковником Джозефом Бода. Он уже имел опыт работы в миссиях ООН в Камбодже и Анголе и был назначен командиром округа Приедор. Дж. Бода очень интересная личность: доктор наук, десантник (к тому времени совершил более тысячи прыжков и прыгал даже вместе с сербами на празднике их аэроклуба), волевой и

упорный, он прибыл к нам в штаб с огромным десантным ножом, пристегнутым к правой ноге. Впоследствии, так как он не желал с ним расставаться, был издан специальный приказ по миссии в отношении холодного оружия для СМПС. Он был назначен командиром округа Приедор, а 2 мая я был назначен его заместителем.

Работы было очень много, так как округ Приедор граничил с Хорватией на севере и с бошняками на западе. В нашем округе находились печально известные лагеря Омарска и Керетерм, о которых в ужасающих красках писали и снимали фильмы западные СМИ (кстати, все это было провокацией, и многое не подтвердилось); в районе Любии находился рудник, где были найдены массовые захоронения сербов и мусульман, и к нам неоднократно приезжала Элизабет Ренн¹⁸. Существовали постоянные проблемы с бошняками из Сански-Моста по поводу ответственности, создавали напряжение массовые демонстрации и столкновения сербов и мусульман с канадскими и чешскими военнослужащими в районе с. Оттока. Приедор до войны был на пересечении наркопутей в Хорватию и Европу. Здесь проживало немало обвиняемых, по мнению МТБЮ, военных преступников-сербов. Хотя и на мусульманской стороне, по данным, передаваемым нами следователям МТБЮ, жили военные преступники-мусульмане, «прославившиеся» своей жестокостью в отношении сербов (разрезание живых людей пилами) в районе Козараца.

Летом 1996 г. в Республике Сербской начались массовые беспорядки и негативные действия в отношении сотрудников ООН, СВС¹⁹ и международных организаций²⁰.

¹⁸ Рен Элизабет — бывшая военный министр Финляндии, в 1995 г. была назначена специальным докладчиком ООН по правам человека в Боснии и Герцеговине, а в ноябре 1997 г. — специальным представителем Генерального секретаря ООН по Боснии и Герцеговине.

¹⁹ Силы по выполнению Дейтонского соглашения (Implementation Force).

²⁰ В частности, забрасывали камнями дома, где проживали сотрудники миссий, пробивали колеса автомашинам ООН и т.д. Даже нам, русским, разбили ночью лобовое стекло машины бревном.

12 августа 1996 г. по приказу руководства миссии в Сараеве в Республике Сербской была объявлена «Оранжевая фаза» безопасности и поступил приказ всему персоналу эвакуироваться. Все сотрудники округа были передислоцированы на несколько дней на базу СВС в с. Любия. Мы с Валерием Коротенко и Анатолием Захаровым (к тому времени переведенному из Македонии и назначенному командиром станции Нови-Град) совершали поездки по муниципалитетам и местным полицейским станциям с целью стабилизировать ситуацию и успокоить граждан. Думаю, что нам это удалось, и обстановка в нашем округе нормализовалась.

В целом наши взаимоотношения с местным руководством полиции и городов были хорошие, рабочие. Мы неоднократно проводили футбольные матчи с полицейскими, соревнования по стрельбе (которые всегда проигрывали), вместе обедали и ужинали. Существовало взаимное уважение.

Подходил к концу период нашей миссии в бывшей Югославии, и, честно говоря, уезжать из этой прекрасной страны не хотелось. И тут пришел приказ из штаба миссии продлить нам срок службы еще на десять дней в связи с намеченными на 14 сентября национальными выборами в Боснии и Герцеговине. Я получил назначение контролировать работу по обеспечению проведения честных выборов и давать рекомендации (в чем они практически не нуждались) Управлению общественной безопасности Приедора. Два дня и две ночи мы работали рука об руку с шефом Центра Симой Дрляча и его оперативным штабом. Больших инцидентов, особенно на западе округа, удалось не допустить, и все граждане получили возможность проголосовать.

За период службы в Приедоре в нашем округе мы потеряли только одного полицейского ООН — из Нигерии, он умер летом 1996 г., так как не выдержало сердце. Запомнилось много хороших людей, которые меня окружали: и

местные сербы, и международный персонал²¹, и наши российские коллеги²².

Никогда не забуду один момент, когда мы почувствовали, что Россия далеко, а мы, российские полицейские, являемся обузой для нашего посольства в Загребе. 12 июня 1996 г. в России проходили выборы, и мы втроем (В. Коротенко, А. Захаров и я), надев парадную форму, приехали в Загреб проголосовать. Охранник посольства нас долго не пропускал внутрь, сказав, что раз вы из Боснии, то и голосуйте в Сараеве (тогда там не было ни посольства, ни консульства). Лишь через полчаса, когда к нам вышел советник-посланник, нам разрешили войти внутрь. Послом России в Хорватии в тот период был Л.В. Керестеджиянц. На просьбу дать нам каких-нибудь российских газет мы получили отказ. Вот такой «теплый» прием мы получили в родном посольстве. Осадок остался на всю жизнь, и впоследствии, в 1998 г., когда в Боснию прилетел в качестве министра иностранных дел России Е.М.Примаков, я ему об этом рассказал во время встречи.

24 сентября 1996 г. наша группа без потерь вернулась в Москву. Мы тогда не знали, вернемся ли мы еще когда-нибудь сюда и поможем ли этой стране и ее людям. Оказалось, что вернемся, и раньше чем через год.

²¹ Особенно — майор канадских войск Дэйвид Ласт, прекрасный психолог и дипломат, ранее работавший в Институте им. Лестера Пирсона в Новой Скоуии (Канада), голландский полицейский, юморист и хохмач Тео Моранг, непалиец Хадка, которому я привез нашу военную зимнюю шапку, а он мне подарил нож Гурку, малаиец Дэниэл Тунг Енг, американский полицейский Денис Костер — он всегда раздавал продукты и воду всему коллективу, которые ему еженедельно привозили из его посольства (это делали для всех граждан США). У него была знакомая русская девушка из Петербурга, и однажды он попросил меня перевести его письмо на русский язык и отправил ей письмо на кириллице.

²² В Приедоре, когда открылся офис ОБСЕ, его руководителем был назначен российский дипломат Александр Николаевич Грибков, ранее работавший в ЮАР. Примечательным было то, что он со всеми международными сотрудниками своего офиса и переводчиками говорил только по-русски. Он повторял: «Все должны знать великий и могучий!..», хотя прекрасно знал английский, и никто на него не жаловался.

Живадин ЙОВАНОВИЧ¹

Из воспоминаний о визите президента Сербии С. Милошевича в Москву в 1995 г.

Милошевич — Ельцин

Четверг, 10 августа 1995 г., 12 часов

Мы летели на «Фальконе» союзного правительства — президент Сербии Слободан Милошевич, шеф кабинета президента Республики Горан Милинович, руководитель государственной безопасности Йовица Станишич, помощник Союзного министерства иностранных дел Живадин Йованович, руководитель службы безопасности президента Сента Миленкович и два сопровождающих.

Приглашение в Москву последовало от президента Ельцина, который планировал поговорить одновременно со Слободаном Милошевичем и хорватским президентом Франьо Туджманом. Однако Туджман за день до встречи отказался лететь в Москву.

Разговор между Милошевичем и Ельциным состоялся в Екатерининском зале Кремлевского дворца. С сербско-югославской стороны на встрече присутствовали Живадин Йованович, посол Югославии в Москве Данило Маркович, Горан Милинович и Борислав Милошевич как переводчик, а с русской стороны — министр иностранных дел Андрей Козырев и русский переводчик.

Екатерининский зал очень просторный, с высоким потолком, массивными огромными дверями и окнами.

¹ Йованович Живадин — министр иностранных дел Союзной Республики Югославии в 1998–2000 гг.

Пустой, он выглядит намного больше своих размеров, а человек кажется в этом зале очень маленьким. Все там большое, но в то же время пропорциональное, соразмерное. Благодаря орнаменту, высоте, богатому позолоченному рельефу, барочной мебели зал выглядит очень торжественно. Появляется ощущение встречи с великой культурой, долгой и богатой историей и традициями. Россия разорена, многие культурные и исторические драгоценности разными способами находили путь до богатых музеев, галерей или частных коллекционеров по всему миру. Но культурное и историческое богатство, находящееся в Москве, в Кремле, или в Санкт-Петербурге, например в Эрмитаже, и по всей России, которое огромно и бесценно, производит впечатление дорогого и нетронутого. В русских галереях и музеях находятся работы отечественных мастеров, а не иностранцев, авантюристов или торговцев драгоценностями из бывших колоний. У посетителя, который впервые находится в таком величественном зале, неизбежно появляются мысли об истории России, Москве, СССР, Евро-Азии, с которыми зал и Кремль неразрывно связаны. Кто проходил через этот зал, кто и в честь кого готовил торжественные приемы, балы, вручали подарки и награды?

Мы разговаривали за круглым низким столом цвета слоновой кости, который стоял справа от больших двойных дверей. Вокруг него — несколько стильных кресел. Государственные флаги, высокохудожественные картины, подсвечники, скульптуры, предметы украшения. Все предметы, рамы, рельефы позолочены, дышат роскошью, мощью, говорят об исключительности пространства и события.

Президент Ельцин приветствует президента Милошевича в связи с приездом и в Москву, и в Россию, и в Кремль. Милошевич благодарит, тоже приветствует президента Ельцина, говорит, что ему приятно видеть его в добром здравии и отличном настроении. Ельцин отвечает, что победил болезнь и что сейчас хорошо себя чувствует.

Когда здоровье хорошее, говорит Милошевич, можно решить и самые трудные вопросы.

Атмосфера на переговорах стояла дружеская, спокойная.

Югославия является одной из горячих проблем, которой мы занимаемся, продолжает Ельцин, переходя к основной теме разговора. Говорит, что у них были и есть большие проблемы в Чечне. Недавно подписали договор о решении военных вопросов и тем самым преодолели главные проблемы, хотя еще не до конца. Важно жить в мире, чтобы поддерживать нормальные контакты и сотрудничать с Чечней и со всеми федеральными республиками. Их опыт показывает, что все проблемы надо решать посредством согласования и договоров.

Это большое счастье для России, говорит Милошевич. Самое важное, это сохранить мир, так как в мире все можно решить проще, лучше и справедливее, чем во время войны.

Ельцин говорит, что в мире, а вероятно и у нас, растет тренд националистических ориентаций. У них в России 130 наций, и каждая из них имеет свои специфические интересы, свои представления. Поэтому, если где-то появляется выраженный национализм, то мы сразу ориентируемся на подписание федерального договора. Торжественное подписание проходит в Георгиевском зале в Кремле. Если есть проблемы или какие-то вопросы, то к каждой федеративной единице, к каждому уровню государственной структуры они подходят как к субъекту, и через согласование приходят к взаимно приемлемому решению. Во многих случаях произвели перераспределение полномочий, увеличивая самостоятельность федеративных единиц по отношению к власти федерации. Мы не боялись. Наш выбор был правильным. Республики не ощущают унижения. Многие сами взяли русский язык как свой, государственный. Не так-то просто регулировать проблемы в многонациональных государствах, таких, как наши, но возможно. Как у вас дела, какие у вас проблемы, как

можем помочь и вам лично, и вашей Республике? Действительность и обстоятельства нам известны. Вот, Запад уговорил Туджмана не ехать в Москву, чтобы мы, как говорится, не создали какой-нибудь тройственный союз против Изетбеговича, чтобы не изолировали мусульман и не оставили их в стороне. Запугали их.

Милошевич говорит: что касается Туджмана, то это было нетрудно. Туджман несамостоятелен, он марионетка. Вы были удачливы, успешно разобрались с националистическими тенденциями. И у нас бы получилось, но вмешались международные силы. Вы — великая страна, и вам не могут указывать. Мы же маленькая страна, а речь идет о больших интересах иностранных субъектов. Балканы всегда были мостом на Восток и Ближний Восток. Им не нужна большая и сильная страна, какой была Югославия. Поэтому ее развалили на маленькие кусочки. Целью было в каждой части поставить марионеточные правительства, чтобы ими было легко манипулировать. Нынешняя Союзная Республика Югославия (СРЮ) все-таки это половина СФРЮ, ее потенциалы, как ни гляди, значительные, у нее есть основа и ресурсы развиваться и проводить самостоятельную политику. Но и это им не подходит. Поэтому нас наказали. Посмотрите, какой абсурд: тем республикам, которые в одностороннем порядке отделились, Запад помогает, а тех, кто остался вместе, Сербию и Черногорию, которые хотят сохранить единство, наказывают. Нас, тех, кто за единство, провозглашают националистами, а тех, кто односторонне отделились, демократами и европейцами. Свой неприкрытый интерес Запад провозглашает принципом, а кто его не воспринимает, того будут наказывать.

Словения стала районом Австрии, Хорватия — марионетка Германии, БиГ распадается, в ней пылает гражданская война. Македония — оккупационная зона США. Единственным независимым фактором на Балканах осталась СРЮ. У нас нет иностранного хозяина, и мы хотим такими и остаться. Югославия — важнейшая часть Балкан, самый значительный военно-политический фактор, гео-

Президент Сербии Слободан Милошевич и Президент России Борис Ельцин в Кремле, 10 августа 1995 г.

графически больше Венгрии, Болгарии, Греции. Поэтому мы находимся под таким огромным прессингом. Нас обвинили в агрессии против Боснии и Герцеговины, что является ложной конструкцией. Точным является то, что там между собой воюют тамошние сербы, мусульмане и хорваты. БиГ является республикой трех конституционных равноправных народов — сербов, мусульман и хорватов. Если бы, например, в Швейцарии подрались немцы, французы и итальянцы, то вряд ли так называемое международное сообщество в этом обвинило и наказало Германию.

Мусульмане в БиГ решили отделиться. Это противоречило существующей Конституции. Никто не может принимать такое решение от имени сербов. А сербы не хотели выходить из Югославии. В этом единственное различие с вашей ситуацией. По Конституции БиГ, сербы, мусульмане и хорваты равноправны, по всем важным вопросам принимают решения консенсусом. Так называемое международное сообщество, однако, признает их отделение, хотя

оно противоречит Конституции. В результате, против СРЮ вводят санкции, хотя в БиГ у нее нет ни одного солдата.

Югославия проводит политику мира, стремится все свои проблемы, возникшие в связи с разрушением Югославии, решить мирным путем с помощью компромисса. Но все-таки она наказана. Прямой ущерб от санкций составляет более 50 млрд долларов США, что для относительно небольшой страны является огромной суммой. И в таких условиях у нас хорошая экономическая программа, и мы делаем все, чтобы получилось ее осуществить.

Самое главное — снять санкции. Не существует ни один аргумент, чтобы продолжать санкции. Абсурд: Хорватия осуществила самую большую этническую чистку в Европе в в этом веке, силой и зверствами выгнала 10 % своего населения сербской национальности. Так называемое международное сообщество смотрит на это толерантно, США дали Туджману согласие на это, а Югославию наказывают санкциями. Это еще один геноцид в отношении сербского народа, который не послушал великие силы — пусть добровольно распадется!

Если санкции будут сняты, югославский кризис можно будет быстрее разрешить. Пока санкции действуют, мусульмане думают, что СРЮ из-за санкций пропадет, и тогда будет легко победить сербов и хорватов. Серб в Боснии надеется, что санкции вовлекут Югославию в войну и тогда легко можно победить мусульман и хорватов. Санкции поощряют силы войны. Снятие санкций означает уважение Югославии как фактора мира, приближение нас к миру. В этом случае и сербы не ожидали бы, что Югославия вступит в войну, а мусульмане, что Югославия пропадет, а они выиграют войну. Санкции являются инструментом поддержки войны на Балканах. Двойные стандарты — это большая ошибка международного сообщества.

Поэтому он просит Ельцина сделать все, что в его силах, чтобы снять санкции. Правительство Ельцина знает правду. Министру Козыреву известны все детали. Для санкций нет никаких оснований. И русский парламент пришел к

такому выводу. Это в Югославии хорошо встречено, так как видно, что русский народ уважает истину. Я не прошу помощь в каком-то грязном деле. Нам необходима помощь в борьбе за справедливость. Сейчас, после агрессии Хорватии и нового геноцида сербского народа (операции «Блеск» и «Буря»), мы ожидаем, что Россия заявит, что больше не придерживается санкций. Это был бы радикальный поворот к миру. Они, на Западе, знают, что Хорватия совершила новый геноцид над сербами, но все-таки закрывают глаза на этот факт. Зачем России закрывать глаза и соглашаться с геноцидом сербского народа и несправедливостью в отношении Югославии, которая хочет нормально развиваться, дружить с тем, с кем хочет, с Россией и другими странами? Если же не хочет с Австрией или Турцией, то это суверенное право каждого независимого государства. Он просит, чтобы Ельцин принял во внимание изложенные факты и помог. Если Россия примет решение не участвовать в применении санкций, то последние не удержались бы. Россия ввозит 15 млн тонн зерна. Югославия в состоянии сразу дать России 3 млн тонн зерна. Кто бы посмел запретить Сербии продать зерно России!

Козырев ерзает в своем кресле, затем слегка наклоняется к Ельцину и что-то шепчет ему на ухо. Ельцин сначала не замечает, что Козырев хочет ему что-то сказать, но потом и сам немного наклоняется к своему министру, но, похоже, не понимает его или плохо слышит. Козырев говорит громче, поэтому мы практически все, прислушавшись, можем понять. Он предупреждает Ельцина, что согласие с просьбой Милошевича в одностороннем порядке снять санкции или нарушить эмбарго партнеры России на Западе восприняли бы негативно.

Ельцин фиксирует совет Козырева и продолжает: он выступит с инициативой провести международную конференцию с участием заинтересованных великих сил где-то в Европе — Москве, Праге, Белграде или в другом городе. Он напишет письма лидерам заинтересованных стран и предложит, чтобы президент Милошевич выступил на

этой конференции и изложил, что является правдой, а что ложью, объяснил миротворческую роль, вклад Югославии в мирное решение, а также вред санкций для дела мира. Он уверен, что все поймут такой прагматичный подход и не смогут его отклонить. А Ельцин тогда предложит снятие санкций.

Козыреву снова нейдет в кресле. Похоже, что ему и в этот раз не нравится то, что сказал Ельцин. Как будто все, что говорит Ельцин, он оценивает и пропускает через единственный критерий — как на это будут реагировать США и «западные партнеры». Это стало стержнем и ключевым определением русской дипломатии Козырева.

Милошевич пытается переубедить и нейтрализовать влияние козыревских советов на Ельцина: «Клянусь вам, — обращается он к Ельцину, глядя ему прямо в глаза, — никто не сможет вас упрекнуть. Они (Запад) прекрасно знают, где истина, что и с какой целью делают. Вас бы еще больше ценили, поскольку не соглашаетесь с ложью и наказанием всего сербского народа. Вы бы показали пример гуманности. Это бы поддержал и весь русский народ».

Милошевич много раз во время разговора напоминал о просербском настроении русского парламента и общественного мнения в целом.

Ельцин все же был ближе Козыреву. «Лучше всего, если санкции будем рушить через систему Объединенных Наций, где они и были введены».

«Та система не существует и не функционирует, — реагирует Милошевич. — Разрушили ее как раз те, кто навязал санкции». Милошевич исключает Россию, хотя и Россия голосовала за введение санкций. Китай воздержался. Зимбабве Мугабе было против.

Ельцин говорит, что сегодня мы прочно стоим на ногах. В Лондоне² все высказались против военных действий, и этому никто не смог противостоять. Клинтон зво-

² На конференции, где участвовали 16 стран, включая Россию, 21 июля 1995 г. принято решение о более активном участии НАТО (США) и ликвидации «двойного ключа» для Горажде.

нил ему, говорил, что хочет мира и переговоров, что сила будет употреблена только в том случае, если мирный план будет отклонен. Мы все будем работать во имя мира, говорит Ельцин и продолжает: у нас хорошие отношения с Колем, уважаем друг друга, часто разговариваем. Но думаю все же, что Коль хитрит, изначально выступает за мир и договор, но тайно всесторонне поддерживают Хорватию, несмотря на то, что она, как это видно, продолжает агрессивную политику в отношении сербов. «Коль, безусловно, поддерживает Хорватию», — утверждает Ельцин. Туджман не приехал в Москву из-за позиции Коля, а не Клинтона, уточняет он предыдущую свою оценку. Завтра он это по телефону скажет Колю. Над предложением Милошевича, чтобы Россия отказалась от санкций, Ельцин обещал серьезно подумать.

Милошевич держится ключевой темы. Идея о международной конференции хорошая, но должна быть посвящена не санкциям, а политическому урегулированию проблем, появившихся в связи с односторонними сецессиями, окончанием гражданских войн. Чтобы страны на такой конференции и на переговорах были равноправными, необходимо предварительно снять санкции с Югославии. Без этого стороны формально равноправны, только одна — под санкциями, а другие, что бы ни делали, даже если противостоят усилиям мира, получают открытую и скрытую поддержку и помощь от Запада! «Я должен переговариваться, находясь под обручем санкций, из тюрьмы, а другие из привилегированного положения», — припечатал он свою позицию.

Ельцин спрашивает, что Югославия должна сделать, чтобы показать, что она за мир, а не за войну. Может ли заставить боснийских сербов не воевать? Он спрашивает это так же, как это делают Роберт Гелбард, Ричард Холбрук и другие представители США и стран Запада.

Милошевич сдержанным тоном объясняет: Югославия всему миру показала, что она по определению за мир и против войны. Мы согласились со всеми мирными пла-

нами³, которые предлагали международные представители, мы даже закрыли границу с Боснией (РС), что было исключительно трудным решением. А другие не соглашались с теми планами. Мы доказали, что хотим не войны, а мира и стабильности на Балканах. Мы руководствовались идеей, что мир в Боснии и на всем пространстве бывшей СФРЮ в интересах Югославии. Если бы это было не так, то уже завтра Югославия бы воевала.

Ельцин соглашается с мнением Милошевича и добавляет, что если кто-нибудь втянет Югославию в войну, то она перекинется на все Балканы и за их пределы.

Милошевич говорит, что, несмотря на ответственную, миролюбивую политику Югославии, она единственная постоянно находится под санкциями. Поэтому, если бы Россия выступила с инициативой, что больше не будет терпеть несправедливость, что Югославия является фактором мира и именно поэтому Россия решила отменить санкции, это стало бы историческим решением, которое поддержала бы половина земного шара — Китай, Индия, Африка, Латинская Америка...

Ельцин говорит, что Россия вместе с Китаем была готова внести в Совет Безопасности предложение об отмене санкций и убедить остальных поддержать ее. Но маловероятно, что Китай согласился бы стать соавтором подобного решения, он предпочел бы поддержать авторство других.

Милошевич считает, что Совет Безопасности не поддержал бы отмену санкций, так как нашелся бы тот, кто притормозил это намерение. Но Борис Ельцин может самостоятельно выйти из режима санкций, и тогда бы вся система санкций пала. Организация Объединенных Наций сегодня не функционирует на тех принципах, на ко-

³ 1. План Каррингтона, октябрь 1991 г.; 2. План Вэнса по Хорватии, декабрь 1991 г.; 3. План Кутильеро по БиГ, декабрь 1991 г.; 4. Лиссабонский договор, февраль 1992 г.; 5. Лондонская конференция май–декабрь 1992 г.; 6. План Вэнса–Оуэна, январь–май 1993 г.; 7. План Оуэна–Столтенберга «Уния трех республик», сентябрь 1993 г.; 8. Акционный план ЕС, декабрь 1994 г.; 9. Вашингтонский договор, март 1994 г.; 10. План Контакт-группы, июнь–август 1994 г.

торых была основана. Она стала машиной для голосования в интересах нескольких стран.

Козырев не устоял перед искушением вмешаться, словно боясь, что Милошевич настойчивостью и аргументами получит согласие Ельцина на то, чтобы Россия вышла из режима санкций. Он снова наклонился к Ельцину и низким голосом прошептал, что Россия не может отменить санкции без решения Совета Безопасности. Это бы привело к конфронтации с западными партнерами. Ельцину неприятно нашептывание Козырева. Он смотрит на часы и извиняется, что должен сделать перерыв, так как ему нужно выпить лекарства, которые он регулярно принимает. Предполагается, что переговоры продолжатся через двадцать минут. Он встает и уходит в дверь напротив входа, через который мы пришли на переговоры. Козырев тоже вышел, но в другом направлении.

В перерыве нам подали соки, водку и канапе. Мы рассматриваем картины известных русских мастеров и мимоходом комментируем переговоры. Милошевич доволен позицией Ельцина. Нашептывание и «советы» Козырева Ельцину в ходе переговоров он расценивает открыто проамериканскими и вредными для России.

После паузы переговоры Милошевич — Ельцин продолжают.

«А что там с планом Бильдта?»⁴ — интересуется Ельцин.

Отмечает, что не заметил заявления Милошевича о том, что примет план Бильдта. Он считает, что подобное заявление было бы полезно, особенно, если бы оно сопровождалось и сдержанностью в отношении позиции сербов в БиГ.

Милошевич говорит, что в этом вопросе существует одна тонкость. С Контактной группой и Бильдтом достигнута договоренность о том, что он примет предложение, которое прежде всего должна утвердить Контактная группа

⁴ Карл Бильдт — спецпредставитель ЕС, Верховный представитель в БиГ в 1995–1997 гг.

(КГ), а потом и Совет Безопасности. После этого было бы озвучено предложение международного сообщества. Когда предложение Бильдта получит согласие КГ и СБ, когда документ будет опубликован, тогда и он сделает свое заявление. Общественность в Сербии, в Югославии, объясняет Милошевич, также должна быть ознакомлена с содержанием плана прежде, чем он заявит о своей позиции.

Козырев, который, кажется, в перерыве консультировал Ельцина, берет слово и заявляет, что главное, чтобы США приняли план Бильдта, главная дипломатическая борьба всегда ведется с США. Он советует Милошевичу уже сейчас дать оценку плану, сказав, что он представляет собой важный позитивный шаг вперед, что Югославия привержена миру, что она выступает против военных действий любой из сторон. Если кто-то не принимает план, то несет ответственность за продолжение конфликта и его последствия.

Милошевич обращает внимание, что «Плана Бильдта» не существует, что Бильдт участвовал в подготовке чернового варианта плана. Только когда предложение пройдет согласованную процедуру в КГ и СБ, он станет планом международного сообщества. Когда это будет сделано, тогда он представит свое заявление, которое, как и прежде, будет конструктивным, в поддержку мирного политического решения. Милошевич подчеркивает, что ожидает заявления России о выходе из режима санкций. Для позиции России по отмене санкций в отношении Югославии должно быть безразлично, примут ли другие стороны или отклонят мирный план.

Далее Ельцин спрашивает, может ли Милошевич повлиять на боснийских сербов? Милошевич отвечает, что на их руководство у него влияния нет. «А на генерала Младича?» — уточняет Ельцин. Милошевич отвечает: «Да, имею, но это влияние невелико». Важно, однако, подчеркивает Милошевич, что Югославия привержена мирному политическому решению, лично я уверен, что военного решения не существует. Но санкции, по его мнению, явля-

ются чрезвычайно важным вопросом, они делают Югославию неравноправной, ограничивают и ее, и общие мирные усилия международного сообщества, и даже то, что делает сам президент Ельцин. Пока Югославия находится под страхом наказания, до тех пор стороны конфликта не заинтересованы в мире и политическом решении. Поэтому снятие санкций с Югославии, которая не является стороной конфликта, уже является фактором мира, необходимым условием мирного политического решения.

Ельцин говорит, что понимает и согласен с аргументацией Милошевича. Однако он опасается, что одностороннее снятие санкций со стороны России рассердит американцев, немцев и других, что повредило бы общим международным усилиям.

Милошевич реагирует на это: наоборот, снятие санкций только бы усилило и ускорило мирное решение. Ни одна сторона конфликта больше не могла бы считать, что у Югославии санкциями связаны руки, и не смогла бы этим злоупотреблять в своих военных намерениях.

Ельцин говорит, что после этих переговоров публично представит свои пять пунктов мирного урегулирования.

Первое: он выражает поддержку мирной политике СР Югославии и президенту Милошевичу лично.

Второе: он предложит проведение международной конференции на высшем уровне, в работе которой примут участие и руководители СР Югославии, Хорватии, Боснии и Герцеговины.

Третье: он считает, что неприемлемо дальнейшее сохранение санкций против СР Югославии, страны, которая сегодня выступает за мирное решение кризиса, которая не участвует в военных действиях, лишь в мирных инициативах. Он обратит внимание глав других стран, что если они не займу такую же позицию, Россия в одностороннем порядке прекратит санкции.

Четвертое: он лично обратится к главам заинтересованных государств и Совету Безопасности и обратит их внимание на тот факт, что Туджман в последний момент

отказался участвовать в переговорах в Москве под воздействием извне, что противоречит мирным усилиям.

Пятое: он обратится со специальным посланием к Совету Безопасности и сделает заявление о том, что после тщательного рассмотрения ситуации и переговоров с Милошевичем пришел к выводу, что тот полностью поддерживает мирное решение кризиса, что Россия гарантирует выполнение Милошевичем своих обещаний и что система санкций противоречит мирным усилиям. Поэтому он будет просить Генерального секретаря ООН срочно поставить на повестку дня Совета Безопасности вопрос о прекращении санкций в отношении СР Югославии. Одновременно он переговорит по телефону с представителями всех стран — постоянных членов Совета Безопасности для того, чтобы обеспечить их поддержку по этим пунктам. Он непременно поговорит и с китайским президентом.

Милошевич со своей стороны выступает за то, чтобы это предложение стало общей инициативой Ельцина и Цзэминя⁵. Ельцин не отказался от этого, но прямо и не согласился. Он сказал, что переговорит со всеми, в том числе и с Мейджором⁶, несмотря на то, что тот колеблется из-за американского давления. Тем не менее он полагает, что сможет склонить его на свою сторону.

Козырев отмечает, что США согласились с осуждением Хорватии, что Мейджор в этом вопросе действовал с оглядкой на Вашингтон. Милошевич обратился к Ельцину: «Вы друзья с Мейджором, можете его убедить, что прекращение санкций в интересах мира. Экономические санкции должны быть отменены моментально. Когда речь идет о еде, нельзя ждать формальной отмены. Доставка продуктов питания никогда не должна находиться под действием санкций. Мы уже готовы поставлять зерно в Россию». Ельцин соглашается. Говорит, что сейчас же даст инструкцию

⁵ Цзэминь Цзян (Zemin Jiang) — председатель Народной Республики Китай в 1993–2003 гг.

⁶ Мейджор Джон (Major John) — председатель правительства Великобритании в 1990–1997 гг.

премьер-министру Черномырдину, чтобы поставить зерно из Сербии в Россию транспортом по Дунаю.

Милошевич «кует железо, пока горячо» и добавляет, что весь русский народ и все Балканы поддержат подобное решение президента Ельцина. Такое решение укрепит репутацию России в Европе и мире, констатирует Милошевич. Румыния и Болгария уже направили официальные требования о прекращении санкций.

После переговоров два президента в Кремле провели пресс-конференцию. Милошевич объявил, что встретил огромное понимание и поддержку президента Ельцина в мирных усилиях по урегулированию серьезного кризиса. Оценка президента Ельцина причин конфликта, сегодняшней ситуации, мирного решения всех проблем и его личная — идентичны. Приверженность президента Ельцина к равноправному отношению международного сообщества ко всем заинтересованным сторонам имеет ключевое значение для решения кризиса. Существует полное согласие в том, что решения можно достичь только политическим, но никак не военным путем. Санкции противоречат миру, так как Югославия, как ключевой фактор мира, ставится в неравноправное положение с другими сторонами конфликта. Поддержка президента Ельцина прекращения санкций является проявлением гуманизма, вековых традиций близких, дружественных отношений, но одновременно и сильнейшей поддержкой мира. «Мы упорны в борьбе за мир, так как мир является единственной победой».

Ельцин поблагодарил Милошевича за визит и переговоры. Результаты покажут историческую значимость этой встречи. Россия выступает за мирное окончание конфликта в бывшей Югославии. Война на территории бывшей Югославии разгорелась не по вине Югославии, не по вине президента Милошевича. Ваши намерения прекратить санкции — это и наши намерения. Россия не выступает с позиции каких-либо узких интересов, только в общих интересах — обеспечить мир, сотрудничество и развитие.

Такой политики придерживается одинаково и российское правительство, и оппозиция. Считаю, что Югославия и Милошевич искренне борются за мир и поэтому санкции должны быть отменены как можно скорее. Если международное сообщество в ближайшем будущем не отменит санкции в отношении Югославии, Россия осуществит это в одностороннем порядке. Ельцин инициирует созыв саммита ведущих стран мира и бывших югославских республик по вопросу решения регионального конфликта, которому должно предшествовать подготовительное совещание лидеров Хорватии, Боснии и Герцеговины и Союзной Республики Югославии. «Я ценю позицию Милошевича и верю ему», — подытожил Ельцин.

Одновременно в Москве был опубликован официальный текст плана Ельцина из пяти пунктов, в которых говорилось:

«1. Международная Контактная группа, которую представляют США, Великобритания, Россия, Франция и Германия, должна обязать Хорватию уважать утвержденные на международном уровне права человека и права сербского меньшинства. Хорватия должна приостановить все враждебные действия и предотвратить перемещение боевых действий в Восточную Славонию и Боснию.

2. Нужно предпринять срочные меры, чтобы предотвратить гуманитарную катастрофу в любом месте бывшей Югославии, обеспечить всем беженцам возвращение домой, чтобы они могли свободно получать гуманитарную помощь. Международные наблюдатели должны иметь возможность свободно следить за соблюдением прав человека в Хорватии и во всех других частях бывшей Югославии.

3. Обеспечить полную безопасность миротворческим силам Объединенных Наций на территории бывшей Югославии.

4. В бывшей Югославии следует прекратить все военные действия.

5. Не откладывать реализацию мирного плана по Боснии, который предложило международное сообщество».

Милошевич — Козырев
Милошевич просит нефть, уголь
и самолеты МИГ-31

*10 августа 1995 г.,
особняк на Ленинских горах*

После пресс-конференции в Кремле мы приехали в особняк на Ленинских горах, где Козырев организовал рабочий обед в честь президента Милошевича. Во время обеда ведется неформальная беседа.

Милошевич напоминает, что Россия задолжала бывшей Югославии более 1,5 миллиардов долларов. Он предлагает, чтобы Козырев, сообщая премьер-министру Черномырдину о сегодняшних переговорах в Кремле, внес предложение, чтобы этот долг вернуть русской нефтью, углем, другими грузами, в том числе и военной техникой. Например, Югославия сразу купила бы два самолета нового типа компании «Сухой» для подготовки югославских летчиков. У нас есть самолеты МИГ-29, мы хотим купить МИГ-31 в целях модернизации устаревшей авиации. Мы не собираемся их использовать, они будут служить сдерживающим фактором. Если наши закупки российской техники и грузов вообще окажутся выше текущего уровня задолженности, то разницу мы покроем поставками продовольствия. Таким образом, вы можете сэкономить, говорит Милошевич и добавляет, что России только морские перевозки стоят 30 долларов за тонну. Мы можем поставить вам миллион тонн мяса, два миллиона тонн зерна, пять миллионов тонн кукурузы. Если Германия импортирует у нас малину в размере от 30 миллионов марок, почему бы России не вывозить мясо, зерно, продукты питания. Мы не просим у России что-то бесплатно, только за деньги!

Козырев внимателен. Президент Ельцин в любом случае сообщит Черномырдину о переговорах и даст ему соответствующие указания. Козырев также будет беседовать с Черномырдиным, который, к сожалению, сейчас не

в Москве и не может встретиться с Милошевичем. Однако он замечает, что правительство последовательно будет решать, какая часть долга России относится к СР Югославии, а какая — к другим бывшим югославским республикам.

Милошевич отвечает, что речь идет не о долге другому государству, а только о долге конкретным югославским компаниям, которые являются реальными кредиторами российских партнеров. Он не видит никаких рисков, что подобные долги используются для ввоза наиболее необходимых товаров из России. После изучения происхождения товаров и услуг, которые Россия не оплатила, легко можно утверждать, что на 80% российского долга претендуют компании из Сербии и Черногории. Для России лучше сейчас оплатить долг товарами, чем позднее возвращать в денежной форме, с процентами. Кроме того, мы готовы новыми поставками продовольствия, которое и так Россия покупает, оплатить то, что нам нужно из России.

Милошевич предлагает, чтобы Россия, если возможно, как можно скорее направила большой конвой гуманитарной помощи с топливом. Добавляет: мы готовы это оплатить. Шла речь и об обмене документацией по поводу правопреемственности Владимира Павичевича, югославского посла при ООН в Женеве.

Диалог с Козыревым остался без договоренностей по вопросам, которые затронул Милошевич. Мне было непонятно, зачем вообще Милошевич обсуждал с Козыревым такие чувствительные вопросы, как покупка новых самолетов, ведь о нем президент всегда говорил как о проамерикански ориентированном политике.

В Белград мы прилетели вечером этого же дня, около 22 часов. На аэродроме, так же как и во время отъезда, не было ни официальной встречи, ни журналистов. По настоянию Ивицы Станишича мы поехали выпить на виллу в Ужице, которую СГБ⁷ использовала для своих гостей. Мне

⁷ СГБ — Служба государственной безопасности.

казалось, что Ивица Станишич хотел в спокойной обстановке смягчить неприятные последствия жарких дискуссий с Милошевичем в самолете во время полета в Москву. Нас обслужили в саду виллы. Выпивая, мы разговаривали долго и расслабленно. Милошевич был доволен результатами своего визита в Россию. Мне, который никогда раньше не бывал в таком обществе и в таких обстоятельствах, все было невероятно интересно и необычно.

Наблюдения

Предложение Ельцина представляет собой предтечу Дейтонской конференции. Оно отражает политику России, которая в данный момент и в конкретных условиях призвана обеспечить механизм для поиска компромиссного решения боснийского конфликта и прекращения санкций в отношении Югославии. При этом он использует близкие отношения с СР Югославией, что одобряется Западом. Ельцин, особенно его окружение, персонифицируют позицию Козырева (и Черномырдина), принимают во внимание интересы и реакцию Запада, прежде всего США (Великобритании) и Германии, но оттуда получают за свои действия строго дозированную поддержку. Об этом, кроме всего прочего, свидетельствует и отказ Туджмана приехать в Москву, что в любом случае не самостоятельное решение самого Загреба. Запад в своей политике управления югославским кризисом, по-видимому, выдал Ельцину ограниченный мандат — только влиять на Милошевича. Поэтому он создает лишь условия, а Ельцин должен получить от Милошевича обещание надавить на сербов в БиГ, пока Запад держит под своим контролем Туджмана и Изетбеговича. Естественно, Ельцин понимал, что при этом есть целых два ограничения. Первое, Милошевича не просто «обработать», так как он осознает, что США и Великобритания проводят антисербскую политику, а политика Германии пропитана реваншизмом, и что, в конце концов, у Милошевича есть свои границы уступок. Вторым ограничением Ельцина является общественное мнение и россий-

ская Государственная Дума, которые ожидают поддержки Югославии со стороны России, соответственно — Ельцина.

Бросается в глаза, что в объявленном плане Ельцина не упоминаются требование отмены санкций, инициатива проведения заседания СБ ООН по санкциям с оценкой, что Милошевич и Югославия проводят миролюбивую политику, не утверждается, что Россия в одностороннем порядке отменит санкции, если это не сделает международное сообщество. Такая позиция осталась на уровне заявления на пресс-конференции. Это тоже имеет значение, но в любом случае меньшее, чем если бы это было частью официального документа. Ельцин это предназначал российской общественности. А может, сам Козырев исключил эти положения из «Пяти пунктов», стараясь не злить «западных партнеров России»? Иными словами, в документе угадывается «рука Козырева». То, что он не мог исправить в заявлении Ельцина перед телевизионными камерами, на мой взгляд, педантично исправил в тексте Плана из пяти пунктов. В конечном счете результаты Плана Ельцина, независимо от того, насколько формулировки соответствовали заявлениям Ельцина или ожиданиями Милошевича, зависели от деятельности российской дипломатии того времени, которой руководил Козырев. После переговоров в Кремле и поведения Козырева, который много раз перед присутствующими грубо исправлял Ельцина, у меня сложилось определенное впечатление, что российское Министерство иностранных дел (МИД) не будет действовать, если позиция не совпадает с убеждением Козырева, даже если речь идет о мнении самого Ельцина. С другой стороны, это выбор Ельцина назначить Козырева министром и своим соратником.

Ожидания Козырева и Ельцина, что Милошевич поддержит план Бильдта до верификации Контактной группой и Советом Безопасности, что от процедур в Контактной группе и СБ ООН важнее, чтобы План поддержали США, требование дистанцироваться от руководства боснийских сербов, — все это говорит о том, что Россия в основном

действует под давлением США. Это особенно подтверждает требование, чтобы Милошевич изолировал и ослабил сербов в их отношениях с мусульманами и хорватами в БиГ.

Милошевич еще до визита в Москву, наряду с остальными, старался спланировать и свою встречу с премьер-министром Черномырдиным. После заявления Ельцина в ходе разговора о том, что он даст инструкции Черномырдину сразу передать поручение о ввозе зерна из Югославии, заявив даже, что перевозки будут осуществляться по Дунаю, Милошевич напомнил о своей собственной инициативе встретиться с Черномырдиным и попросил Козырева проверить, когда подобная встреча может состояться. По прибытии на обед в особняк на Ленинских горах Козырев сообщил, что проверил и обнаружил, что Черномырдин, по-видимому, не в Москве. Все другие встречи, которые Милошевич готовил, состоялись, кроме встречи с Черномырдиным. Осталось без ответа, почему отсутствие Черномырдина и невозможность встречи с ним были объявлены только после завершения переговоров с Ельциным и личной настойчивости Милошевича, а не прежде.

Перевод И. В. Руднева и Е. Ю. Гуськова

Живадин ЙОВАНОВИЧ¹

Встреча в Женеве — реализация Дейтонского договора

Женева, понедельник, 18 марта 1996 г.

Реализация Общего рамочного соглашения о мире в Боснии и Герцеговине, более известного как Дейтонское соглашение, является важным сегментом внешней политики Союзной Республики (СР) Югославии начиная с 1995 г. Для Югославии это означало установление прочного мира на границах, обеспечение свободы и равноправия сербского народа в Боснии и Герцеговине (БиГ), прекращение санкций и нормализацию международного положения (членство в международных организациях).

Как подписавшая сторона и гарант Соглашения, Югославия в процессе его реализации уделяла особое внимание уважению конституционного принципа консенсуса на уровне унии Боснии и Герцеговины и утверждения Республики Сербской (РС) в качестве одного из двух равноправных субъектов. Она последовательно выступала за то, что необходимо быстро перенести ответственность с Высокого представителя по БиГ на институты в соответствии с Конституцией, которая является составной частью Дейтонского соглашения, и конституциями субъектов. СР Югославия и Слободан Милошевич все усилия направили на то, чтобы эффективнее применять Дейтонское соглашение и Конституцию БиГ. Одновременно югославское руководство и дипломатия решительно боролись против всех попыток пересмотреть основные решения в распределении полномочий, которые с самого начала были направлены

¹ Йованович Живадин — министр иностранных дел Союзной Республики Югославии в 1998–2000 гг.

на отнятие конституционных полномочий у Республики Сербской и централизацию принятия решений в Сараеве, на уровне унии. Югославия в этом усматривала уступку чаяниям мусульманских лидеров доминировать, нарушение равноправия двух субъектов и трех конституционных народов и унитаризм, что в своей основе представляло собой угрозу начала гражданской войны.

За осуществлением Дейтонского соглашения следил Совет по выполнению мирного соглашения², который состоял из высокопоставленных представителей гарантов Соглашения, членов Контактной группы, других заинтересованных государств, международных организаций и Организации Объединенных Наций. Рабочие встречи Совета проводились на уровне министров иностранных дел или политических директоров, в зависимости от важности вопроса в повестке дня, интересов участников и конкретной ситуации. В первый год после подписания Дейтонского соглашения Сербию, Хорватию, БиГ, соответственно РС и Федерацию БиГ на встречах Совета представляли президенты (главы государств).

Кроме того, проводились разного уровня встречи представителей всех или отдельных стран, которые подписали Соглашение и являлись гарантами.

18 марта 1996 г. в Женеве по инициативе Уоррена Кристофера, государственного секретаря США, прошла встреча в верхах президента СР Югославии, Хорватии, Боснии и Герцеговины, соответственно РС и Федерации БиГ.

Встреча в Женеве последовала после аналогичного совещания в Риме 18 февраля 1996 г. Она предшествовала заседанию Контактной группы на уровне министров, которая была запланирована на 23 марта 1996 г. в Москве. В России были недовольны тем, что их партнеры, американцы, запланировали встречу в Женеве после решений в Риме, а следующую встречу Совета по выпол-

² Peace Implementation Council.

нению мирного соглашения на уровне министров планируют провести в Москве 23 марта 1996 г. Они считали, что целью женевской встречи является желание американцев уменьшить значимость московской встречи, а тем самым и роль Москвы в мирном процессе. И в Белграде, и в Москве по дипломатическим каналам нам говорили, что речь идет об американской тактике «обгона» или «предварительно-го опустошения» (preempting). Свой гнев они выразили и тем, что на женевскую встречу, хотя и были приглашены, не послали ни одного функционера из МИДа, но решили в качестве наблюдателей отправить дипломатов из состава русской миссии при ООН в Женеве. На рабочем обеде русский дипломат сел напротив меня.

Эта встреча, хотя и является отражением своего времени, все-таки может помочь понять процесс реализации Соглашения, технологию переговоров и роль СР Югославии. Заметки, которые я представляю, в известной мере помогут понять и современные процессы, связанные с Боснией и Герцеговиной.

В ходе переговоров в Женеве президента Слободана Милошевича сопровождали Живадин Йованович, помощник союзного министра иностранных дел, и Горан Милинович, глава кабинета президента Сербии; делегацию Хорватии представляли Франьо Туджман, президент республики, Мате Гранич, заместитель председателя правительства и министр иностранных дел; Республику Сербскую представлял Никола Колевич, заместитель президента РС, а Федерацию Боснии и Герцеговины Эйуб Ганич, Муратович и Крешемир Зубак, президент Федерации БиГ. Высокий представитель Карл Бильдт и представители Контактной группы представляли международное сообщество³, а американский адмирал Лейтон Смит — НАТО. Хозяин и председательствующий женевской встречи был Уоррен Кристофер, государственный секретарь

³ Понятие «международное сообщество» автор использует условно, в качестве общепринятого в политической терминологии, а не как замена понятия «мировое сообщество» или «Объединенные нации».

США, которого сопровождал Джон Корнблум, помощник государственного секретаря (ГС).

Из Белграда «Фальконом» мы вылетели в 8 часов утра. В Женеве мы остановились в отеле «Ричмонд». Первый запланированный разговор Милошевич провел с Корнблумом в салоне своих апартаментов в отеле. Часовой рабочий обед Уоррена Кристофера прошел в отеле «Интерконтиненталь». Встреча глав делегаций, Бильдта и Контактной группы состоялась в американской миссии при ООН, а продолжилась на трехчасовых пленарных переговорах под председательством Кристофера.

В конце переговоров был принят документ о мерах⁴ по реализации Общего рамочного соглашения о мире в Боснии и Герцеговине, представляющий собой четыре страницы текста.

После пресс-конференции наша делегация вечером, около 21 часа, отправилась из Женевы в Белград.

Милошевич — Корнблум

18 марта 1996 г., 11.30

Переговоры состоялись в салоне гостиницы «Ричмонд». С югославской стороны присутствовали Слободан Милошевич, Живадин Йованович и Горан Милинович, а с американской — Джон Корнблум⁵ и Шутак. На переговорах присутствовал и Никола Колевич, заместитель президента Республики Сербской.

Корнблум передает, что Туджман и Кристофер просят отдельные встречи с Милошевичем.

Главная тема сегодняшних переговоров — подготовка и проведение свободных и справедливых выборов до конца сентября 1996 г., как это предусмотрено Дейтонским соглашением. Это должно быть отражено в содержании документа, который будет принят, говорит Корнблум. Де-

⁴ Согласованные меры (Agreed Measures).

⁵ Посол Джон К. Корнблум (John C. Cornbloom) — помощник государственного секретаря в 1995–1997 гг.

лается вывод, что восстановление, возвращение беженцев и политические процессы в БиГ продвигаются медленно. СВС⁶ усилят свою роль. Бильдт готовит предложения о Западном Сараеве. Кристофер в особенности настаивает на быстром взаимном признании и установлении дипломатических отношений между Сербией и БиГ и обмене послами. Он предлагает, чтобы Милошевич сегодня лично переговорил с Ганичем на эту тему. С Туджманом говорили о Превлаке. Формулировка в заключительном документе требует личного участия Кристофера.

Милошевич говорит, что очень важно, чтобы Кристофер в вопросе по Превлаке уважал Дейтонское соглашение. Кристофер на эту тему публично озвучил реальный и приемлемый вариант, а затем удалился.

Корнблум говорит, что сегодня нужно сделать шаг навстречу взаимопониманию. Это не шанс для борьбы с Туджманом, но шаг вперед. Необходимо найти взаимоприемлемую формулировку.

Милошевич обращает внимание Корнблума на то, что Югославия готова без промедления наладить авиационное сообщение по маршруту Белград — Сараево — Баня-Лука и Белград — Загреб. Адмирал Смит готов оказать поддержку радарам, когда речь идет о Боснии. Что касается маршрута Белград — Загреб, то существует опыт с зонами контроля авиационного сообщения в бывшей Югославии, который можно применить. Телефонное сообщение мы готовы восстановить в любой момент. Необходимо активировать реле на Требевиче. Корнблум доволен готовностью Милошевича восстановить разорванные связи и улучшить отношения Белграда и Сараева. Мусульмане также готовы, утверждает он. В общем, существуют условия для того, что вдохнуть жизнь в Соглашение.

Милошевич спрашивает, есть ли прогресс в отношении Сараева и возвращения изгнанных сербов. Он отмечает, что осуществляется только то, что требуют мусульмане, договоренности, достигнутые в Риме, не реализованы.

⁶ Силы по выполнению Соглашения.

У Корнблума, очевидно, нет прямого ответа. Вместо ответа говорит, что над этим работает Бильдт, предлагает Мелосевичу разговаривать непосредственно с ним. Повторяет, что выборы являются самой важной темой.

Милошевич соглашается по поводу значения выборов и добавляет, что важно прежде установить правовые и законные институты в Образованиях и в Сараеве и дать им возможность взять на себя ответственность за решение проблем и за будущее развитие.

Корнблум говорит, что Фровик⁷ уже сформулировал условия проведения выборов, утвердил правила. Он будет контролировать весь предвыборный процесс и даст окончательную оценку, были ли они демократическими и справедливыми.

«Мы прислушались к вам в связи с выборами. Это находится в сфере внимания американской стратегии», — говорит Корнблум, неожиданно переключаясь на внутреннюю югославскую сцену.

Затем слово берет Шутак, который сопровождает Корнблума, и поднимает тему Гаагского трибунала. Он приветствует арест двух гаагских обвиняемых в Югославии. Спрашивает, есть ли проблемы с передачей их в Гаагу⁸. Благодарит за сотрудничество в этом деле.

Милошевич отвечает, что это вопрос судов, а не политиков.

Однако Шутак задает вопрос, как скоро два задержанных боснийских серба будут доставлены в Гаагский трибунал?

Милошевич отвечает, что не ожидает никаких проблем и повторяет, что это компетенция судов. Шутак затем указывает на необходимость быстрого освобождения

⁷ Фровик Роберт (Robert Frowick) — американский посол, глава миссии ОБСЕ в Боснии и Герцеговине, 1995–1997 гг.

⁸ Согласно сообщению Республиканского общественного обвинителя, опубликованному 8 марта 1996 г., арестованы Дражен Ердемович из Донье-Драгуна, община Тузла, на основании обвинения в военных преступлениях в Сребренице, и Радослав Кременович из Быстрицы, община Бая-Лука, за сокрытие Ердемовича.

всех (военных) заключенных всеми сторонами конфликта, что станет одним из заключений сегодняшнего пленарного заседания. Корнблум добавляет, что этот вопрос стал одним из внутренних вопросов в США и что Государственный департамент находится под сильным давлением Конгресса, чтобы все заключенные были выпущены из тюрьмы.

Милошевич говорит, что ожидает в Тузле освобождения 220 сербских заключенных. Что касается Сербии, все заключенные, которые требуются, будут освобождены в течение следующих трех дней.

Милошевич — Ганич, Муратович

Переговоры проведены в апартаментах президента Сербии по инициативе Ганича, о чем Милошевичу сообщил Корнблум. При разговоре присутствовал и Никола Колевич, заместитель президента Республики Сербской.

Интересно, что Алия Изетбегович не приехал в Женеву. По какой причине, об этом не говорили, но вполне возможно, что он отправил другую команду, чтобы избежать критики за слабые результаты, достигнутые мусульманской стороной в реализации Дейтонского соглашения.

Милошевич напоминает Ганичу и Муратовичу, что они обещали гарантии безопасности сербам, а события говорят об обратном.

Ганич объясняет, что проблема возникла из-за того, что СВС не обеспечил достаточного количества полицейских, их всего около 100 человек. Уже сейчас их больше, что улучшит состояние общественной безопасности в целом.

Милошевич удивлен, что СВС, как военная организация, обеспечивает полицейскими!

Ганич уверяет, что действительно хочет возвращения (изгнанных) сербов, что это в их интересах. Он приводит данные из письма Изетбеговича о том, что, например, в Вогошче вернулись 3000, в Илияш 2000 беженцев. Муратович поддерживает основной тезис Ганича и усиливает аргументацию на примере хороших результатов: в селах

осталось около 80 % сербов. Сбежали лишь несколько молодых людей. В районах Боснии ни один сербский дом не был поврежден или выселен, в Блажуге люди (сербы) также остались.

Милошевич отвечает, что, по его данным, ситуация не такая радужная. Тем не менее он рад, что Федерация освободит всех сербских заключенных до встречи министров иностранных дел 23 марта в Москве.

Ганич заявляет, что они не могут сейчас принять пункт 8 предложенного документа и предлагают, чтобы этот вопрос обсудили министры иностранных дел на встрече в Москве⁹.

Милошевич соглашается, что в самое ближайшее время будут восстановлены и заработают железнодорожное сообщение, автомобильный и воздушный транспорт, торговля, производство, что быстро будут подготовлены и подписаны соответствующие договоры. ЈАТ готов оперативно создать регулярную линию Белград — Сараево — Бания-Лука.

Ганич спрашивает, как решится вопрос с визами? Может ли БиГ использовать железную дорогу Белград — Бар?

Нам не нужны визы, достаточно гражданского паспорта, отвечает Милошевич и предлагает об этом официально договориться с Миланом Милутиновичем и Ядранкой Прилич 23 марта в Москве.

В Сербии есть мусульмане, говорит Ганич (который, между прочим, сам родился недалеко от Нови-Пазара) и спрашивает: «У вас есть экономические интересы, чтобы мы работали с ними?»

⁹ Пункт 8 предложения заключительного документа в Женеве гласит:

«Стороны нормализуют отношения, обмениваются послами, признают друг друга в рамках их международных границ. С этой целью:

– Правительства Боснии и Герцеговины и Союзной Республики Югославии сразу обменяются послами;

– Эти два правительства заключат соглашения о сотрудничестве и торговле между их странами, транспортных потоках через СРЮ для БиГ, телефонной связи, железнодорожном и авиационном сообщении».

Наш основной интерес сегодня в подготовке выборов в Боснии и Герцеговине. Именно поэтому мы, в первую очередь, и встретились. Все ваши мандаты давно истекли. После выборов люди будут меньше конфликтовать, мы сможем сделать больше во всех областях.

Муратович говорит, что существует огромная проблема — сербы. По-видимому, они не будут голосовать.

Колевич заявляет, что Республика Сербская понимает значение выборов, готовится к ним, и, что касается РС, выборы будут проведены.

Ганич возвращается к более широкой теме: он считает, что нужно унифицировать отношения, обновить и восстановить линии сотрудничества, узаконить государство БиГ, установить прочные дипломатические отношения. Он хочет, чтобы все сербы вернулись в свои дома в Боснии, особенно в Сараеве, чтобы сербы стали частью системы, чтобы и мусульманам в Сербии было хорошо... Экономические связи нужно обновить, везде, где у вас есть интерес, — Босния открыта.

Милошевич как бы хочет устранить неясности в переговорах: «Наши инициативы по обновлению связей и более широкому экономическому сотрудничеству мотивированы не каким-либо эгоизмом, а нормальными общими интересами». Он упоминает необходимость восстановления телефонной связи и говорит, что есть одна техническая проблема где-то в Требевиче. Муратович реагирует, что он лично займется этим вопросом.

Ганич спрашивает, как Милошевич относится к установлению дипломатических отношений, к взаимному открытию посольств.

Милошевич отвечает, что мы открыты этому, необходимо, чтобы они признали преемственность международной правосубъективности Югославии, чтобы отозвали жалобу в Международный суд правды. Наследование мы можем решать по двум линиям — на двусторонней и многосторонней основе.

Ганич предлагает, чтобы министр иностранных дел Милан Милутинович посетил Сараево перед встречей в

Москве 23 марта. Милошевич отвечает, что в настоящее время не знает обязательств Милутиновича, но министрам в любом случае нужно в Москве переговорить на двусторонней основе по поднятым вопросам и, где это возможно, достигнуть формальных договоренностей. Безвизовая и беспопшлинная система будут иметь не только экономическое, но и политическое значение. С Югославией у вас будут более тесные отношения, чем с Хорватией, уверил их Милошевич.

Потом все политики из Сараева заинтересовались возможностью постоянного использования порта Бар на условиях, которые бы были похожи на те, что существуют между Сербией и Грецией относительно использования порта Салоники.

Милошевич открыт — они могут использовать железные дороги Тузла — Зворник и Белград — Бар, порт Бар для всех перевозок без каких-либо проблем, на тех же самых условиях, что и местные (югославские) пользователи.

Муратович по окончании выразил уверенность, что мы преодолеем текущие трудности.

Милошевич также оптимист. Хотя использует момент, чтобы напомнить: «Поэтому освободите сразу заключенных из тюрьмы в Тузле, мы освободим 300 из Байна-Башты».

Милошевич — Туджман

18 марта 1996 г.

Переговоры велись в апартаментах Милошевича в гостинице «Ричмонд» в Женеве в первой половине дня. С югославской стороны кроме Милошевича участвовали Живадин Йованович, помощник союзного министра иностранных дел, и Горан Милинович, глава кабинета президента Сербии, а с хорватской стороны кроме Туджмана присутствовал Мате Гранич, заместитель председателя правительства.

После приветствий и рассаживания за столом с десятком стульев Милошевич начал разговор с предложения,

чтобы он и Туджман решили вопрос Превлаки, а потом обсудили и все остальное.

Туджман реагирует неожиданным образом. Он начинает с того, что хорватское общественное мнение убеждено, что Бока-Которская является хорватской территорией. Согласно хорватскому общественному мнению, из Боки происходят истинные хорватские святые. А вы теперь еще и Превлаку требуете! Сейчас новый порядок в мире. Мы можем решить вопрос демилитаризацией и свободой судоходства, говорит Туджман.

Придерживаясь цели своего визита, Милошевич говорит, что нам нужно понять, как избавиться ото всех этих глупостей и не создавать новых. Вы помните, что мы говорили об этом в Дейтоне и достигли договоренности о курсе, в рамках которого закроем этот вопрос, — я до Поповича, вы до Молуната. Давайте сейчас это подтвердим и формально. У вас там нет ни одного живого человека. Едва ли встретится какая-то коза.

Туджман говорит, что в нынешней ситуации речь идет об унии трех республик (намек на БиГ, как унии Республики Сербской, мусульманской и хорватской частей БиГ — все интересуются идеей обмена землями. — *Прим. авт.*).

Милошевич его поправляет: два образования. Может быть, мы в состоянии это решить. Для обмена есть резервная плодородная земля за Дубровником.

Туджман отмечает, что это нигде не закреплено. Милошевич считает, что договоренность достигнута, только проблема в том, что у Туджмана плохие советники с прагматичными идеями.

Вмешивается Мате Гранич. Проблем с советниками нет. Сложность в том, что 95 % хорватского общественного мнения выступает против отказа от Превлаки, даже если бы речь шла об обмене территориями. В Саборе еще больше — 99 % депутатов принципиально против этого.

Милошевич чувствует игру. Давайте посмотрим правде в глаза: если Туджман поддержит предложенное решение, то он преодолеет сопротивление общественного мне-

ния. Если бы он во всем угождал общественному мнению, нам вообще было бы трудно решать какие-либо проблемы.

Туджман придерживается концепции решения вопроса, по которой Превлака остается в Хорватии, наряду с демилитаризацией и свободой судоходства. Он не исключает переговоры.

Теперь Милошевич говорит, что это также нигде не зафиксировано, и снова повторяет, что обмен территориями является логичным и взаимовыгодным решением. Здесь и представители Республики Сербской, они согласны на обмен территориями. Практически границу быстро можно подвинуть, и вы сразу же сможете владеть плодородными равнинами. В результате обмена вы получаете большую площадь и плодородные земли. Почему вы замедляете процесс?

«А почему вы настаиваете на обмене?», — отвечает вопросом на вопрос Гранич. Милошевич не ожидал такой реакции и говорит, что, по сути, передает позицию и ожидания руководства Черногории и верит, что это хорошее решение для всех, для региона.

Туджман придерживается своей основной линии: демилитаризация, свобода судоходства. Что-то мы уже скажем в итоговом документе. Превлака перекрыла другие темы, шире остальных вопросов, которые сегодня рассматриваются. Он боится, чтобы кто-нибудь третий не использовал Превлаку (если бы дошло до обмена территориями. — *Прим. авт.*).

Ясен двойной намек, нетрудно догадаться, кто кого боится. Возможно, у Туджмана есть резоны. Милошевич как раз сегодня утром в разговоре с Корнблумом отметил, что Уорен Кристофер в Дейтоне поддержал идею обмена, а затем «затих». Понятно, что Туджмана устраивает, что интересы Хорватии опираются на интересы США.

Становится ясно, кого Милошевич имеет в виду, когда говорит, что у Туджмана плохие советники. Он призывает Туджмана внимательно оценить аргументы Гранича, веря, что от них ничего не останется. Туджман отвечает,

что это не только аргументы Гранича. Выслушал бы он нас, если бы причина была только в его позиции.

Гранич не упускает возможности озвучить свою и Туджмана позицию: президент Туджман дал благословение, и он сразу с Милутиновичем подписал семь соглашений. Ничего не возвращается назад.

Милошевич недоволен твердой позицией Туджмана и Гранича по Превлаке: у вас неожиданно появились новые союзники, говорит. Первые союзники будут другими (в смысле: недовольны. — *Прим. авт.*). Мы можем отдать их вам, предлагает Туджман. Нам это не нужно, отвечает Милошевич.

Переговорщики — Милошевич и Туджман, — очевидно, хорошо понимают друг друга и даже когда разговаривают в стиле, который для новичков, таких, как ваш покорный слуга, является представлением. Гранич пытается переключить внимание с Превлаки на другие вопросы. Спрашивает, будем ли мы подписывать соглашение по гуманитарным вопросам.

Милошевич игнорирует вопрос Гранича: «Подумайте и сделайте вывод о том, что мы обсуждаем по Превлаке». Туджман повторяет в который раз, что знает, в каком направлении двигаться: решение заключается в демилитаризации, свободе судоходства, наблюдателях Организации Объединенных Наций. Возможно, завтра создадутся условия для чего-то другого, сегодня их нет.

Гранич говорит, что можно обсуждать формулировку позиции по Превлаке по женевским документам. Она должна будет соответствовать ожиданиям общественного мнения в обеих странах. Для них только неприемлемо то, что стоит в конце («спорная территория». — *Прим. авт.*).

Милошевич продолжает: мы должны дать определение Превлаке и обеспечить выход Республики Сербской к морю. В противном случае получится, как будто я солгал. Я не ожидаю, что вы будете препятствовать логичному решению в интересах долгосрочной стабильности.

Туджман говорит, что Республика Сербская постоянно требовала вывода хорватских сил с территории Дубров-

ника. Как бы это выглядело в Загребе, если бы мы теперь пошли на уступки?! Гранич подводит итог, что то, на чем сейчас настаивает Милошевич, нереально. Милошевич не соглашается, спрашивает, почему нереально — отдавая скалы, вы получаете плодородную землю.

Приближается время рабочего обеда в отеле «Интерконтиненталь» в 13 часов. Туджман говорит: «Может быть, позже». Гранич добавляет: «Отдельно». Очевидно, он бы не хотел обсуждать Превлаку в большом составе.

Дальше они договорились о кратком сообщении в печати: Милошевич и Туджман провели переговоры в Женеве, они позитивно оценили двусторонние соглашения, которые были подписаны на прошлой неделе в Загребе, что это шаг в деле нормализации взаимоотношений.

Лидеры Сербии, Хорватии, Боснии на обеде у Уоррена Кристофера

*Женева, Отель «Интерконтиненталь»,
18 марта 1996 г., 13 часов*

Рабочий обед у американского государственного секретаря Уоррена Кристофера состоялся в отеле «Интерконтиненталь» в 13 часов. За столом в одном из относительно небольших залов было в общей сложности около 30 гостей. Место хозяина находилось посередине длинной стороны стола лицом к входной двери, как это предусматривал дипломатический протокол. Около хозяина располагались его ближайшие сотрудники: помощник госсекретаря Джон Корнблум, адмирал Лейтон Смит, командующий европейского отделения НАТО и другие. Около Милошевича, Туджмана, Гранича, Муратовича и Зубака сидели группой их сотрудники, а Никола Колевич практически был в составе делегации, которую возглавлял Милошевич. В любом случае размещение за столом было определено хозяином в соответствии с характером обеда и потребностями несложных взаимных консультаций в процессе разговора.

жало печатное меню с позолоченным гербом США. Подали крем-суп из спаржи, филе говядины в трюфельном соусе, фрукты, кофе и чай, а из вин — Шардоне 1994 года и Шато де Монс 1988 года. На столе не было никаких ноутбуков. Вот то, что я записал кратко из разговоров на двух меню. Я записывал сначала на обороте, потом и на лицевой стороне, избегая мест расположения герба и напечатанных знаков. Когда я с одной и с другой стороны заполнил все свое меню, то попросил русского дипломата, который сидел рядом со мной, одолжить его меню, где я продолжил писать заметки.

Кристофер приветствует присутствующих, подчеркивая значение встречи и переговоров, и призывает всех к ответственности за осуществление Дейтонского соглашения. Потом он дает слово адмиралу Смигу, который представляет основные замечания по реализации военных, гражданских и политических частей Соглашения. Он отмечает, что наибольшие результаты достигнуты в процессе реализации военных положений, хуже с выполнением гражданских, и самое слабое место — осуществление политических разделов. Что касается политического процесса, то, по его мнению, он разбит. Взаимное уважение между СВС и местными военными силами хорошее. Движение улучшается. Прогнозы хорошие. Завершены проверки в зонах разграничения. Уважаются утвержденные пропорции военных сил по формуле 50–35–15. Силы уравновешены 50:50. Однако, отмечает он, недостаточно точной информации о местоположении оружия.

Политический процесс идет плохо. Существуют серьезные проблемы внутри Федерации Боснии и Герцеговины, а также между Федерацией и Республикой Сербской. Гражданский сектор в целом не обладает достаточной силой. Ситуация в Сараеве и Илидже плохая, ухудшается. Он приводит пример проблемы 12 человек, которых полиция Федерации задержала за нарушения и передала полиции РС, а та их сразу отпустила. Власти Федерации заявили, что после такого отношения в дальнейшем они

будут арестовывать подозреваемых, но больше не станут передавать их органам РС. Уже 72 часа не происходит передачи задержанных лиц. Подобная ситуация усугубляет атмосферу и ставит под угрозу свободу передвижения, что является одним из основных прав человека. Он считает, что обеим сторонам нужен более эффективный контроль над полицией.

Потом слово берет Карл Бильдт — Высокий представитель международного сообщества. Он напоминает, что обязанность обеспечения свободы передвижения на Д+30 и освобождение всех заключенных на Д+90 не выполнена. Ни Федерация, ни РС еще не выполнили обязанности по принятию поправок в свои конституции, как это требовалось и предполагалось. Они обосновывают это парламентскими процедурами, что не является реальной причиной. РС представила проект поправок к своей Конституции, Федерация еще нет. Сегодня нам необходимо утвердить, что крайний срок для принятия поправок — 31 марта. Следующим этапом является восстановление экономики, экономическое сотрудничество РС и Федерации. Ключевым обязательством является подготовка к выборам. Препятствием этому служит то, что до сих пор нет свободы передвижения, что беженцы возвращаются слишком медленно. Самые серьезные проблемы связаны с возвращением беженцев в Сараево. Необходимо намного больше усилий для скорейшего возвращения беженцев в Сараево и Восточную Боснию.

Представитель ОБСЕ американец Фровик, ответственный за организацию первых после Дейтона выборов, напоминает, что инструкции о правилах выборов он передал еще 22 февраля. Зарегистрировано 900 000 беженцев, обладающих правом голоса, плюс перемещенные лица. Необходимо найти способ, чтобы всем им дать возможность проголосовать. Политические партии жалуются, что они не сформировали избирательные комиссии. Напоминают о том, что критерии для выборов, которые содержатся в Соглашении и документах из Копенгагена, должны

быть переданы властям в обоих образованиях и должны соблюдаться. Для свободных и справедливых выборов особое значение имеют открытость средств массовой информации и их равный доступ ко всем партиям.

Туджман говорит, что недоволен ситуацией в Федерации. Недавно он принял делегацию хорватов из Федерации, они жаловались, что подвергаются дискриминации. Он выслушал их и сослался на то, что проблемы решаются договором, компромиссом, что, по его словам, они приняли. Он убежден, что хорваты через своих политических представителей будут ответственными и станут работать над укреплением единства Федерации, ее правительства и кантона. Необходимо, чтобы мусульманское руководство из Сараева внесло аналогичный вклад, когда речь идет об отношениях мусульманских политических представителей в Федерации и кантонах. Хорватская делегация посетила Сараево и подписала Соглашение о специальных параллельных отношениях, чтобы обеспечить тесное сотрудничество Федерации и Республики Хорватии. Он уверен, что сможет обеспечить быстрый прогресс в реализации Вашингтонского¹⁰ и Дейтонского соглашений.

Кристофер, который в основном слушал сообщения своих гостей, отреагировал на завершающее заключение Туджмана и отметил, что это является ключевой частью Дейтонского соглашения.

Милошевич говорит кратко и эффективно. Он отмечает, что некоторые вопросы лучше обсудить на встрече во второй половине дня, а сейчас он коснулся бы только упомянутых самых важных вещей. В основном у него такая же позиция, как и у адмирала Смита. Военная часть осуществляется, на гражданскую нет средств, а политическая часть идет слабо (по оценке Кристофера), почти заморожена. Необходимо ее разморозить. Этого можно достичь только хорошо подготовленным и проведенным избирательным процессом. Поэтому необходимо ускорить

¹⁰ Вашингтонским соглашением от марта 1994 г. была сформирована Хорватско-мусульманская Федерация.

подготовку к выборам. Он соглашается с оценками и задачами, о которых говорил посол Фровик. Но надо сконцентрироваться на сути, на том, что возможно сделать, чтобы не утонуть в массе деталей. Когда речь идет о доступе к средствам массовой информации, крайне важно, чтобы посол Фровик обеспечил открытость основных СМИ — телевидения и радио — для всех.

Кристофер говорит, что это особенно важно для Сараева, где больше всего проблем. Ганич говорит, что он разочарован. Туджман иронично отмечает, что Ганич хочет быть настоящим президентом. Ганич ставит вопрос: как мы будем действовать дальше с учетом того, что встреча в Риме не принесла того, что ожидалось? Потом отвечает. Существует только один путь — уважение прав человека в Федерации и свобода передвижения для всех людей по всей Боснии. У них есть положительный опыт работы с сербской общиной. Почему беженцам приходится выполнять акробатические номера, чтобы достигнуть своего места жительства в Боснии? В Сараеве надо сделать все, чтобы повернуть процесс в позитивное русло. Он выступает за то, чтобы ограничить влияние Караджича и Младича, которые осуществляют этнические чистки в отношении собственного народа! Мало денег на гражданский сектор, суды работают медленно. Необходимо залить водой гору, чтобы она под силой тяжести сошла вниз! Отдельные политики делают так, чтобы все оставалось по-старому. Беженцы должны вернуться в Сараево, все в Боснии должны вернуться в свои города. Найти инструменты, чтобы изменить, кто что делает, насколько кто ответственен на своем посту. Существует много проблем. Необходима серьезная поддержка Боснии как единого государства, подчеркивает Ганич, не скрывая своего отношения к будущему и своих желаний. БиГ нужны средства на восстановление, добавляет он.

Хозяин, Кристофер, отмечает, что положение в Федерации критическое, прогресс слабый. Он просит Зубака взять слово.

Зубак говорит, что в Федерации есть договоренности и соглашения, но «у нас есть серьезные проблемы с реализацией». Присутствует принятие односторонних решений со стороны мусульман, вплоть до односторонней оккупации хорватских территорий мусульманской армией. Об этом существует и документ. По делу, которое произошло в кантоне Сараево, началось расследование. В общих интересах такие случаи прекратить и создавать атмосферу взаимного уважения. Сегодняшняя встреча является важным стимулом для решения всех проблем. Он оптимист по вопросу возможности прогресса.

Корнблум предлагает вывод: Сараево, Федерация имеют политические обязательства нормализовать и ускорить отношения между членами на двусторонней основе, а потом свою позицию представит и Контактная группа (КГ).

Кристофер считает, что мнения, представленные здесь, должны служить опорой в предстоящей встрече министров КГ в Москве. Шутак резюмирует, что успех выборов в основном будет зависеть от уважения прав человека, более быстрого возвращения беженцев и перемещенных лиц, свободы передвижения, освобождения заключенных, выяснения судьбы пропавших без вести людей. Во всем этом незаменимую роль будет играть Международный Красный Крест. Ускорение сотрудничества с Гаагским трибуналом также может помочь улучшению условий проведения выборов.

Милошевич — Кристофер

Женева, 18 марта 1996 г., 16.50

На встрече присутствовали с югославской стороны, кроме Милошевича, — Живадин Йованович и Горан Милинович, а с американской стороны, кроме Кристофера, — его помощник Джон Корнблум.

Кристофер интересуется, как прошел разговор с Ганичем? Милошевич отвечает: хорошо, с пониманием. Он добавляет, что отдельно беседовали Колевич и Ганич.

Кристофер поднимает вопрос Младича и Караджича. Отношение к ним в Вашингтоне рассматривается, как тест. Он не объясняет, о чем «отношении» идет речь, ни что или кто «тестирует». Подразумевается, что речь идет об отношении Милошевича к Младичу и Караджичу и о тестировании кредита доверия к нему в американском понимании этих терминов. «Нью-Йорк Таймс» пишет, продолжает Кристофер, что, пока ничего не будет принято в отношении Младича и Караджича, Дейтонское соглашение не встанет на правильный путь. Что вы скажете на это?

Милошевич отвечает, что Дейтонское соглашение на хорошем и стабильном пути и что осуществление Соглашения будет успешным. Важно действовать политическими методами, а выборы с этой точки зрения имеют эпохальное значение. Другого способа он не видит.

Кристофер интересуется открытием посольств в Сараеве и Белграде. Он считает, что это необходимо, так как даст возможность сотрудничать напрямую и обеспечит скорейшую нормализацию. Милошевич не отрицает необходимость этого шага, но считает, что послы не могут выполнять чужие дела, чем понижается значимость американских инициатив. Изетбегович принял нормализацию и установление дипломатических отношений, но боится, чтобы мы его не обвинили в сецессии. Ганич и Муратович не понимают проблему. Пусть об этом поговорят с Милутиновичем в Москве. Наши органы освободят 300 их заключенных в последующие несколько дней, но необходимо, чтобы и они также освободили сербов, которых удерживают в своих тюрьмах. Это он сказал Ганичу и Муратовичу. Он обещал им, что они могут использовать порт Бар, железную дорогу Белград — Бар на тех же условиях, что и отечественные компании. Он объявил об открытии регулярного воздушного сообщения Белград — Сараево — Баня-Лука. Они хотят восстановления торговли, бизнеса, телефонного сообщения. Для всего этого мы открыты. Было бы хорошо, если бы им в этом помог адмирал Смит.

Он уже обещал, что обеспечит поддержку радарными для создания воздушного сообщения.

Корнблум добавляет, что установление дипломатических отношений и обмен послами между СРЮ и БиГ имеют большое значение, так как снизят недоверие. Хорватия это уже сделала.

Кристофер поднимает вопрос Превлаки и говорит, что Туджман готов снова вести переговоры с Милошевичем, что он принял демилитаризацию полуострова, гарантирует безопасность судоходства. Милошевич выражает готовность к переговорам, чтобы предложить большие уступки. Однако он не может отказаться от того, что было достигнуто в Дейтоне и что публично объявлено. Проблемы, которые якобы есть с оппозицией в Загребе, по своей сути маргинальны, и тем больше, чем хуже советники. Проблема должна быть решена так, как это было согласовано, тогда не будет препятствий не только для полной нормализации, но и для дружбы. Скупость в малом наносит огромный вред. Мы не можем игнорировать позицию черногорского руководства.

Кристофер сообщает: «Ведите переговоры напрямую, я не могу (от Туджмана) требовать большей концессии». Яснее ясного не может быть. То, что прежде говорил Туджман, является и американской позицией.

Переходя к другой теме, Кристофер говорит: «Для вашей репутации было бы чрезвычайно важно отметить, что два задержанных боснийских серба будут экстрадированы в Гаагский трибунал». «Это судебное дело, неуместно главе исполнительной власти в это вмешиваться, — отвечает Милошевич. — Позволим судам выполнять свою работу. Я не могу их судить. Они доступны. Я не вижу никаких препятствий в этом направлении».

Кристофер, однако, настаивает на своем тезисе: «Существует необходимость продемонстрировать готовность к сотрудничеству. В противном случае существует возможность отменить приостановление санкций. То, на чем мы настаиваем, в ваших же интересах». Кристофер, очевидно,

не придерживается демократического принципа разделения властей, как средства реальной политики, каковыми являются санкции.

«Мы сделали много. Вы можете принять решение, чтобы все разрушить. Это в ваших руках». Напоминание Милошевича о роли и вкладе в Дейтонское соглашение звучит и как предупреждение. Кристофер позже свою угрозу о приостановлении отмены санкций объяснит давлением средств массовой информации и общественности. «Мы должны действовать ответственно», — возвращает предупреждение Кристофер.

Милошевич переходит к проблемам изгнанных из Сараева сербов. Он сделал все, чтобы они там остались. Это не пропаганда, это — правда. Мусульмане, мусульманская полиция изгнали их силой. Командующий СВС сегодня заявил, что мусульманская полиция не заинтересована в том, чтобы сербы остались в своих домах в Сараеве. Все делается вопреки тому, что необходимо для возвращения беженцев и перемещенных лиц.

Затем Милошевич поднимает вопрос двусторонних отношений СРЮ — США. Он считает, что пришло время для их нормализации. «Почему бы не ускорить?» — спрашивает он. Кристофер отвечает, что необходимо прежде всего нормализовать отношения с Хорватией и Боснией. Милошевич объясняет, что нет никаких препятствий для скорейшей нормализации отношений с Хорватией. И то, что было сделано до сих пор, сделано в основном по инициативе Югославии. Ответственность за медлительность не на югославской стороне.

Кристофер добавляет и другие аргументы. Нормализация отношений с США невозможна до нейтрализации деятельности Младича и Караджича. Если они по-прежнему создают серьезные проблемы СВС и разгуливают, то у нас в отношениях с Югославией связаны руки. Милошевич цитирует Караджича, который заявил, что Милошевич ему не противник, но — недруг!

Кристофер хочет быть справедливым: «Действительно, вы сотрудничаете, но способны на большее. Нормализация отношений (СРЮ — США) важна для вас, но для нас есть более важные вещи. Фотографии Младича на лыжах восприняты нехорошо. Предайте его суду». Милошевич реагирует: Ганич, Муратович и другие согласны, что сейчас самое важное — провести выборы. Беженцев в любом случае нужно поощрять, чтобы они вернулись, не делать ничего, что их отвлекло бы, поколебало. Хорошо, что мандат рассчитан на два года, нужно постепенно вводить на посты новых, не затронутых войной людей. Условия не могут быть идеальными, нужно быть реалистами...

Кристофер согласен — условия не идеальные, но достаточно нормальные для проведения выборов.

Перевод И. В. Руднева

Военно-дипломатический курорт: Дубровник — Превлака — Герцег-Нови — Москва (1995—1996 гг.)

Миротворческие миссии ООН — это сложные международные многонациональные операции, в которых нарабатывается бесценный опыт сотрудничества и взаимопонимания между людьми самых разных убеждений и верований, традиций и воспитания.

По-моему, если бы правительства использовали этот механизм для подготовки кадров своих ведомств, отвечающих за международное сотрудничество, дела на международной арене пошли бы куда как лучше. К сожалению, наши госструктуры этим опытом практически не пользуются.

В 1994—1995 гг. в составе UNPROFOR (миссия ООН в бывшей Югославии) в соответствии с мандатом ООН по штату было 640 офицеров военных наблюдателей, представлявших 28 стран-доноров. Объединенные одной благородной целью — обеспечить примирение сторон и соблюдение достигнутых перемирий, — они ежедневно рисковали жизнью во имя восстановления мира в бывших югославских республиках. Это была отличная школа воспитания / выживания, а порой и перевоспитания уже состоявшихся личностей в духе идей миролюбия и человеческого отношения к окружающим и товарищеской взаимопомощи.

¹ Тарусин Виктор Иванович — подполковник запаса, 1961 г. рождения, работал военным наблюдателем ООН в Боснии и Хорватии в период с сентября 1994 г. по март 1996 г. Был начальником отдела военной информации штаба военных наблюдателей в Загребе, занимался сбором и анализом военной информации, поступающей из всех секторов миссии военных наблюдателей.

В процессе службы каждый офицер находится на одном месте (в одном секторе) не более 6 месяцев, после чего — либо отправляется домой, либо переводится в другой сектор. Это обеспечивает более полное понимание общей обстановки и уравнивает положение военных наблюдателей по отношению к окружающим условиям. Ведь в случае с бывшей Югославией, а миссия ООН там была самой большой по численности и масштабу, условия обстановки в разных частях некогда одной большой страны отличались, как небо и земля, и довольно часто менялись даже в течение одного дня.

Так, Босния была самой «горячей точкой», хорватские сектора в районах самопровозглашенной Республики Сербская Краина — умеренно активными, а сектор «Дубровник» — чем-то вроде военно-дипломатического «курорта». Македонскую же миссию вообще тогда называли «холодильником» для военных наблюдателей — там практически ничего не происходило, но и вознаграждение в виде суточных там были в два раза меньше, чем в Боснии.

Ротации проводились штабом военных наблюдателей, располагавшимся в Загребе. Как правило, с учетом всех этих особенностей, наблюдатели ротировались по принципу: из «горячего» сектора — в спокойный, и наоборот.

Свою службу в миссии я начал в сентябре 1994 г. в секторе «Бихач» (Западная Босния), бывшим на тот момент тихим медвежьим углом. Но уже через месяц он превратился в «горячую точку», оказавшись блокированным от внешнего мира с юга и востока боснийскими сербами, с запада краинскими сербами, а с севера — войсками мятежного мусульманского лидера Фикрета Абдича. Так что с октября 1994 г. по март 1995 г. Бихач не сходил с новостных лент мировых агентств, как один из наиболее активных очагов балканской войны. Для военных наблюдателей эти месяцы стали серьезным испытанием на прочность и мужество. Как говорится, там было место для подвигов.

Вот с этим багажом в феврале 1995 г. по приказу Главного военного наблюдателя миссии ООН генерала Бану-

ма (Бразилия) на французском вертолете меня вывезли из заблокированного сектора в Загреб на собеседование с руководством миссии на предмет назначения на одну из командных должностей в другом секторе. Согласия особенно не спрашивали, но так получилось, что следующим моим сектором стал сектор «Дубровник».

Особенностью миссии военных наблюдателей является то, что штаб-квартира ООН в Нью-Йорке назначает только старший командный состав миссии военных наблюдателей — Главного военного наблюдателя, его заместителя и начальника штаба миссии. Остальные командные должности заполняются офицерами, отобранными штабом миссии на месте. При этом командные должности не предполагают никаких привилегий или дополнительного вознаграждения, тогда как ответственность за принятие решений и личный состав многократно выше, чем у простого военного наблюдателя.

Сектор «Дубровник» с момента его основания 20 октября 1992 г. (резолюция 779 Совета Безопасности ООН) и до 1 февраля 1996 г. был полностью автономным (резолюция 1038 Совета Безопасности ООН о создании независимой миссии военных наблюдателей ООН на Превлаке). Кроме военных наблюдателей, там не было никого из других компонентов миссии ООН — ни вооруженного контингента, ни гражданской администрации. Кроме того, группы военных наблюдателей дислоцировались по обе стороны демаркационной линии (заметьте, не линии фронта, как в Боснии, но и не границы, поскольку она была не согласована сторонами), а это подразумевало ежедневное общение с представителями обеих противоборствующих сторон.

Несколько слов о самом конфликте. В 1992 г. в начале балканского кризиса, переросшего в войну, полуостров Превлака был одной из военных баз Югославской народной армии (ЮНА). С началом развала Югославии и размежеванием бывших «братских республик» и Хорватия, и Черногория (в составе Союзной Республики Югославии) предъявили свои права на этот небольшой полуостров

(примерно 2 километра в длину и 400 метров в ширину). Во второй половине 1992 г., когда столкновения сербов и хорватов в районе Дубровника приняли ожесточенный характер, Превлака оставалась под контролем ЮНА.

Хорватия настаивала на своих правах на эту территорию на том основании, что в соответствии с территориально-административным делением СФРЮ полуостров входил в состав Хорватии. Восстановление справедливости требовало большой дипломатической работы — ведь исторические корни территориального деления в этом регионе так запутаны, что у обеих сторон имелось огромное количество взаимоисключающих аргументов в пользу владения этим полуостровом.

Исторически этот клочок суши привлекал внимание многих армий и завоевателей. В окрестностях, на прилегающих горных склонах можно найти могилы и австрийских, и французских солдат.

Стратегическое положение Превлаки состоит в том, что она практически является ключом к бухте Которского залива, который был и остается военно-морской базой некогда Югославского флота. В XVIII и XIX вв. Которская бухта использовалась Российским императорским флотом. Для защиты бухты в XVIII в. на полуострове был построен форт со сложной системой подземных тоннелей и балконами, вырубленными в скальной породе для береговой батареи. Так что, покопавшись в истории, можно найти еще несколько объективных «претендентов» на этот полуостров.

Но в любом имущественно-территориальном споре самым веским аргументом является текущий статус. Тот, кто владеет объектом, априори в выигрыше. Черногория (Сербия) не воспользовалась этим преимуществом.

Трудно себе представить, как протекали переговоры между сторонами при участии международных посредников Вэнса и лорда Оуэна. Однако в октябре 1992 г. было подписано соглашение о демилитаризации Превлаки и района, прилегающего к полуострову, и размещении в де-

милитаризованной зоне контингента военных наблюдателей ООН в составе 14 офицеров. ЮНА покинула базу Превлака, передав ее под контроль военных наблюдателей ООН. Фактически исход конфликта уже тогда был ясен.

Чиновники от ООН убеждали сербскую сторону в том, что, делая такой широкий жест, Сербия показывает свое миролюбие и готовность вести диалог и ставит себя на *moral high grounds* — получает моральные преимущества в споре. Увы, история подтверждает еще раз: материальные преимущества в современном мире важнее моральных.

Середина 1995 г. на Балканах выдалась беспокойной. Сначала в мае в результате молниеносной операции хорватских сил пал сектор «Запад» — часть территорий, на которых жили крайние сербы. Обстановка начала накаляться и в секторах «Север» и «Юг». В итоге в августе — сентябре и эти территории самопровозглашенной республики Сербская Краина были «зачищены» хорватскими силами «военной полиции». Операция «Буря» предопределила исход всего противостояния и стала прологом подписания Дейтонских соглашений.

На фоне этого процесса Дубровник оставался весьма спокойным районом. Но это не означало отсутствие активности. Обе стороны, не прекращая, вели работы по укреплению своих позиций в непосредственной близости от демаркационной линии, а порой, в нарушение мандата ООН, и в пределах демилитаризованной зоны.

Режим демилитаризации района предполагал создание двух зон: «Голубая» зона — территория полностью свободная от любого вооружения. В нее входил собственно полуостров и 3-километровая полоса с обеих сторон. В «Желтой» зоне допускалось наличие полицейских формирований с легким (короткоствольным) оружием. В обязанности военных наблюдателей входило наблюдение за соблюдением этих режимных ограничений и оповещение штаба военных наблюдателей о нарушениях.

Особую активность в середине 1995 г. проявляла хорватская сторона. В пределах «Желтой» зоны было развер-

нито масштабное строительство оборонительных сооружений долговременного характера. Доты росли, как грибы после дождя. При этом наряду с небольшими модульными конструкциями строились и тяжелые укрепленные позиции, явно предназначенные для размещения артиллерии. Сербская сторона неоднократно направляла представителям ООН протесты на подобную активность, но эти протесты, транслировавшиеся штабом военных наблюдателей ООН хорватской стороне, никакого воздействия не имели.

В марте 1995 г. военные наблюдатели сектора попытались остановить строительство ряда долговременных объектов военного назначения в пределах демилитаризованной зоны. Однако мандат миссии, а также ограниченность сил и средств (отсутствие тяжелой техники и вооруженного компонента) не позволили этого сделать.

Сербская сторона в ответ на повышенную активность соседей также предприняла ряд мер, которые долгое время оставались для наблюдателей неизвестными, поскольку сербы применяли режим запрета на передвижение наблюдателей в тех районах, где велось какое-либо военное строительство.

В штабе миссии в Загребе мне, назначенному заместителем старшего военного наблюдателя сектора «Дубровник», была поставлена задача восстановления отношений с хорватской стороной. Действовавший тогда старший военный наблюдатель майор Эйнар Стромблад (Швеция) испортил отношения с хорватами в результате нескольких заявлений, опубликованных в черногорской прессе. В результате хорватская сторона практически объявила его персоной нон грата. А Эйнар в ответ перенес штаб сектора из Дубровника на территорию военной базы на полуострове Превлака, бывшего объектом конфликта между Хорватией и Черногорией.

В момент моего приезда в сектор структура его выглядела следующим образом: штаб — три группы наблюдателей и группа связи — всего 28 офицеров. Штаб размещался непосредственно на полуострове, то есть в расположении

группы Превлака, в Дубровнике была оставлена так называемая группа связи. На хорватской территории, кроме группы на Превлаке, еще имелась группа в горной деревушке Дубравка. На черногорской стороне обстановку контролировали наблюдатели одной группы в Герцег-Нови. По мнению Эйнара, такая компоновка носила более сбалансированный характер. Хотя исторически с 1992 г. штаб военных наблюдателей находился в Дубровнике на вилле «Урсула», бывшей частью гостиницы «Аргентина». К 1995 г. с виллы наблюдатели переехали в офисное помещение гостиницы и занимали всего три кабинета.

Сам полуостров, как я уже говорил, был примерно 2 километра в длину и метров 400 в ширину. Практически всю его территорию занимала старая ракетная база ЮНА. На территории помимо старого форта и маяка имелись многочисленные постройки — стандартный армейский набор — казармы, учебные корпуса, две стартовые ракетные площадки с пакгаузами и командными пунктами, а также центральный командный пункт, представлявший из себя весьма современное здание, увенчанное стеклянной башней, которую мы использовали в качестве наблюдательного поста с круговым обзором. Жизнь на базе была практически автономна. Электричество от генераторов, только вода поступала от центрального водопровода Герцег-Нови. Полуостров населяли аборигены: 2 одичавшие коровы, постоянно пасшиеся на заброшенном футбольном поле, большая семья кабанов и несколько десятков шакалов, устраивавших ночные концерты, змей никто не считал.

Мое знакомство с полуостровом началось с приключения. Естественно, мне было интересно осмотреться на подконтрольной территории, и начинать я решил именно с фортовых сооружений на самой оконечности полуострова. Форт имел многочисленные отметины прямых попаданий пуль и снарядов, которые трудно было отнести к той или иной эпохе. Внутренняя начинка была также в плачевном состоянии — лестницы, ведущие на верхние ярусы, были опасны, и подняться туда не представлялось возможным.

Вторым знаковым сооружением был маяк, он стоял чуть позади и выше форта. Маяк был в рабочем состоянии, более того, наблюдатели обслуживали его, обеспечивая тем самым безопасность местного мореплавания. Процедура зажигания газового маяка сводилась к элементарному поджигу фитиля, но ввиду неисправности автоматики делать это приходилось вручную. Один наблюдатель по пояс практически погружался в колбу маяка, а второй держал его за ноги, чтобы в момент воспламенения быстро выдернуть товарища наружу.

Далее, по словам моего экскурсовода, командира группы Превлака, норвежского капитана, шла самая интересная часть — подземные казематы Превлаки. Это целая система подземных коридоров общей протяженностью не менее 500 метров, пробитых сквозь скальную породу поперек полуострова. В системе казематов имелась электростанция, комнаты отдыха, хранения воды и продовольствия, артиллерийские погреба. Логичным завершением системы был выход на балконы береговых батарей, внизу под балконами в пене прибоя можно было отчетливо видеть остовы старых береговых орудий.

Но всего этого в тот момент мой экскурсовод мне не смог показать. Когда мы подошли к решетке, закрывавшей вход в подземелье, к нашему удивлению, она оказалась запертой изнутри. На всякий случай мы заблокировали дверь автомобильным блокиратором руля и решили проникнуть внутрь через артиллерийские балконы с западной стороны полуострова. Когда мы спустились по крутому склону и оказались на батарее, то увидели на балконе импровизированный столик из старых снарядных ящиков с остатками свежей трапезы, но главное — столик был накрыт вчерашней хорватской газетой. В казематах слышны были какие-то звуки. По нашей оценке, непрошенных гостей было 3–4 человека.

Ретировавшись с балкона вверх по скале, мы решили оставить дозор с обеих сторон тоннелей и вместе с Эйнером стали разрабатывать план поимки негодяев. О происшеств-

вии было доложено в Загреб. Центр приказал нам войти в подземелье и захватить врага. Но мы решили действовать измором. Было понятно, что пришельцы — с хорватского берега и явно не на рыбалке и рано или поздно, выполнив какую-то одним им ведомую задачу, они постараются покинуть убежище. Тем временем стало темнеть, и погода резко ухудшилась — на море поднялся шторм.

Видимо, наткнувшись на закрытую нами дверь, «гости» поняли, что у них остался один путь отхода — через балкон по склону. Когда на балконе началось шевеление, мы предложили им сдаться. Но вместо этого по самому отвесному склону, который мы не рассматривали как путь отхода, четыре тени с автоматами в руках, как кошки, быстро достигли ровной площадки и бросились бежать.

Наши патрули были расставлены таким образом, чтобы задержать их у главных ворот. Уварачиваясь от наших «сетей», беглецы вышли практически к линии главных ворот. Увидев, что через них не прорваться, они пошли левее прямо по кромке воды по скалам, где забора не было. Чтобы перехватить их в случае побега, я с одним патрулем бросился по главной дороге наперехват. В этот момент, перекрывая шум шторма, прозвучал взрыв.

Я остановил машину в 100 метрах за воротами. Оглянувшись — Эйнар шел по направлению к скалам. Вернувшись назад, я увидел, что ему навстречу с поднятыми руками выходят трое из четверых беглецов, в ужасе приговаривая: «Мины!» Перед нами стояли трое промокших до нитки людей в униформе местной военной полиции. Лезть на минное поле за своим товарищем никто из них не хотел: ночью это было полным безрассудством. К слову сказать, его так и не нашли, видимо, ночной шторм забрал тело в море.

Я связался с хорватским офицером связи и сообщил ему о происшествии. Мишо согласился приехать. По статусу он не имел права появляться на территории базы, являвшейся исключительной зоной, разрешенной для персонала ООН. Я встретил его в пяти километрах от базы,

он пересел в мою машину и только так незамеченным для наблюдателей с черногорской стороны попал внутрь запретного периметра.

В штабе базы ему представили и передали трех задержанных и оружие, захваченное у них. Сразу же возникла тема частной инициативы местных охотников, которые не так давно были уволены из военной полиции и решили поохотиться на кабанов. Тогда Мишо пригласили пройтись по казематам. Там, помимо вещмешков диверсантов, мы нашли три гранатомета «Муха» и боеприпасы к Калашникову, брошенные при отступлении.

Через пару недель после этих событий в Нью-Йорке проходили переговоры на уровне глав МИД по урегулированию балканского кризиса. Эпизод обсуждался на высшем уровне. Министр иностранных дел Хорватии повторил «охотничью» версию, на что генсек ООН пошутил, что с «мухой» на кабана охотиться несколько странно.

С этого эпизода мои отношения с Мишо стали налаживаться.

Потом, разбираясь в причинах такого интереса к базе со стороны хорватов, я узнал, что за месяц до моего приезда, мой предшественник — заместитель Эйнора — польский майор, объезжая территорию базы, на одном из стартовых ракетных столов в пакгаузе нашел несколько странных ящичков с маркировкой на русском языке. В продолговатых контейнерах лежали темно-желтые цилиндры непонятного состава, которые почему-то поляк в рапорте предположительно назвал химическим оружием.

Вся наша связь прослушивалась и просматривалась всеми враждующими сторонами. Мы ее не зашифровали, демонстрируя полную открытость и прозрачность всем и вся. Так что не успело донесение из Дубровника поступить в штаб в Загребе по спутниковому каналу Капсат, как соответствующие органы в Хорватии уже всполошились по поводу «химического оружия». Эта история еще имела продолжение с участием американских дипломатов, но об этом позже.

Начало

В начале апреля 1995 г. в Дубровнике проходила встреча министров иностранных дел Хорватии и Сербии при посредничестве специального представителя генсека ООН Ясуши Акаши. Военные наблюдатели отвечали за координацию и безопасность сербской делегации на пути следования, Эйнар распланировал все по нотам: и визит Акаши к нам на базу на Превлаке, и технические детали обеспечения приезда делегации ООН, включая телевизионные группы. Переговоры проходили в гостинице «Дубровник» и закончились подписанием очередного коммюнике ни о чем. В этой встрече важнейшим был сам факт встречи и продолжение разговора о возможных путях урегулирования.

Получилось так, что практически недели через две после моего приезда в сектор Эйнар уехал в отпуск, а я остался на хозяйстве. Ежедневные патрули составляли основу нашей работы.

Наблюдатели патрулировали «Желтую» и «Голубую» зоны, выявляя новые нарушения с обеих сторон, а также регистрируя незаконное присутствие военного транспорта, что сделать было несложно — весь транспорт хорватской армии имел специальные желтые номера. Для отчетов и составления протестов нам необходимо было фиксировать конкретные номерные знаки. В патруле обычно разделяли обязанности: водитель запоминает буквы, второй наблюдатель — цифры и фиксирует все на бумаге.

Мой предшественник, Эйнар, был настоящим программным гением, говорили, он был автором комплексной программы компьютеризации шведских ВС. Вся деятельность сектора была зафиксирована и учитывалась в созданной им базе данных на основе неведомой мне тогда программы Oracle. Ведь это был 1995 год. Так что дело он поставил на научную основу, и мне оставалось только поддерживать ее в рабочем состоянии, пополняя базу данных нарушений и происшествий, учитывая прибывающих и выбывающих наблюдателей.

Сектор в составе большой миссии славился своими курортными достопримечательностями и привлекал к себе большое количество уважаемых гостей. Первым таким гостем оказался полковник Лорд Эшворт — бывший тогда заместителем Главного военного наблюдателя миссии. Я тщательно подготовился к приему лорда. Договорился о встречах в Дубровнике и в Герцег-Нови, сам проехал по всем маршрутам, которые намеревался показать гостю.

Программы приема мы откатали без проблем и неожиданностей, хорошо поланчили в Дубровнике и перебрались на Превлаку. Осмотрев полуостров (на сей раз без приключений) и проведя церемонию награждения офицеров медалями ООН, полковник приказал переходить к черногорской части нашего тура. Погода стояла солнечная и располагала к поездке вдоль побережья теплого моря.

Превлаку с Черногорией связывало две дороги: верхняя и нижняя. Верхняя была длиннее и шла через КПП «Кобила-Глава» (кстати, сейчас там официальный современный пограничный переход), нижняя — короче, но она была заблокирована хорватами. Верхней точкой этой второй дороги являлась метеорологическая станция, условно называемая нами «здание с двумя флагами». К слову сказать, от флагов там осталось одно название — лохмотья. Мы завернули на нижнюю, к этому зданию, и выйдя из машины, направились в сторону странного заграждения, сооруженного хорватами. Это был бруствер из песка и щебня, утыканный противопехотными минами, а сверху на него был водружен большой деревянный ящик, очевидно, содержащий что-то взрывоопасное (ночью 1 мая 1995 г. во время сильной грозы и шторма все это сооружение детонировало, и участок дороги в 15 метров сполз по склону далеко вниз).

Днем раньше я все проверил и был полностью уверен в безопасности этих минных прогулок. Когда мы были на полпути к злополучному брустверу, что-то блеснуло на солнце у меня под ногами. Я успел схватить полковника за рукав и толкнуть назад. Это была свеженькая растяж-

ка. В кустах, прямо у края асфальта, красовался «ананас» на палке — противопехотная мина ПМР-2М. Расстановка минных заграждений в демилитаризованной зоне также являлась грубым нарушением договоренностей сторон. Установка же их на путях патрулирования наблюдателей вообще выходила за все рамки.

Вместе с полковником мы продолжили путь в Герцег-Нови, где нас ждали представители местных служб безопасности.

После завершения инспекции Эшворт уехал в Загреб, а до сектора донеслись слухи, что Эйнар не вернется из отпуска и нам назначат нового старшего военного наблюдателя.

Через неделю в моем штабе раздался звонок — это был Эшворт. Он сообщил, что решением командования в наш сектор старшим наблюдателем назначен русский офицер. Я сначала удивился и высказал сомнение, что не может и заместитель и начальник быть одной национальности. На что Эшворт ответил, заместитель как раз будет из Бразилии. Так через месяц после приезда в Дубровник я возглавил сектор.

Через неделю прибыл мой новый заместитель — бразильский морской офицер Бенто Альбукерке (джуниор). Первые дни он был как-то настороженно скованным. И чтобы раз и навсегда снять это напряжение, я пошел на прямой разговор. Поговорили напрямую без дипломатии. Бенто оказался опытным офицером и отличным мужиком. Причина напряженности была, как обычно, в кабинетных интригах. Главный наблюдатель миссии — генерал Банума (Бразилия) — хотел назначить Бенто старшим в Дубровнике и уже объявил об этом Бенто, а заместитель Бонума — полковник Эшворт — настаивал на моей кандидатуре и каким-то образом отстоял меня.

Мы подружились с Бенто, так что дружим до сих пор. То, что нас могло противопоставить друг другу, нас сблизило. Поняв, что делить нам особенно нечего, мы стали одной надежной командой.

Бенто происходил из очень уважаемого рода Альбуерке. Его дед был главкомом ВМФ Бразилии. Бенто был последним из девяти детей в своей семье. Все 8 старших увернулись от службы в ВМФ. Так что по требованию деда Бенто была уготована карьера морского офицера. Даже если бы он этого не хотел — адмиральские эполеты все равно уже где-то ждали его. (К слову сказать, сегодня он вице-адмирал и начальник Главного штаба ВМФ Бразилии.)

Так сложилась окончательная команда сектора.

Хорватская сторона

С хорватской стороны отношения с сектором ООН обеспечивал «офицер связи», представитель командования хорватской армии (ХА) майор Мишо Петар Михочевич. Импозантный офицер, в котором читалось его творческое прошлое — модельный бизнес — лицо Брионии в 70-х, известный не только в Хорватии оперный продюсер в 80–90-х гг. Мои отношения с ним сложились с первой встречи в весьма позитивном плане. Как ни странно, негатива не было (ведь везде не на сербской территории к российским офицерам относились, мягко говоря, с недоверием), или он его искусно скрывал. Но общее отрицательное отношение к тому, что делает ООН, присутствовало и у него. К 1995 г. и в Хорватии, и в Боснии активно муссировалось мнение о неспособности ООН решить этот конфликт, а порой ООН открыто обвинялась в нерешительности противодействия сербам. Таким образом, подготавливалась почва для ввода войск НАТО.

Помимо Мишо на хорватской стороне я общался с начальником полиции города. Но это были только эпизоды. В плане организации взаимоотношений здесь все было жестко регламентировано — все действия через офицера связи.

Обстановка в секторе была спокойной, и в какой-то момент у меня возникла идея окончательно восстановить отношения с хорватами — я решил привести в Дубровник

свою семью. Ход оказался весьма правильным. Сработал он как мера доверия.

Он имел несколько негативные последствия на противоположной стороне, но там все уладилось быстро — бытовые условия в Дубровнике, безусловно, были лучше, чем в Герцег-Нови.

Формальные отношения сводились к регулярным встречам с Мишо для обсуждения обстановки и передачи официальных протестов, которые наш штаб направлял властям Дубровника, протестуя против строительства очередного нового дота или бункера или появления в демилитаризованной зоне армейского транспорта.

Общая обстановка начала накаляться уже в мае, когда на севере Хорватии началась операция по ликвидации сектора «Запад». Молниеносная «полицейская» операция заняла всего несколько дней, и сербский анклав перестал существовать. На остальных фронтах: сектора «Север», «Юг» и «Восток» — стали готовиться к той же участи. Дубровник, как мы предполагали, мог быть использован в качестве болевого приема — в случае начала хорватского наступления на Сербскую Краину, сербы и черногорцы могли начать атаку на город.

В связи с обострением обстановки возобновились настойчивые требования хорватской стороны допустить на территорию Превлаки инспекцию с целью проверки наличия химического оружия. Я нашел рапорт польского наблюдателя об этом мифическом открытии. Ящики он нашел на стартовой ракетной позиции в пакгаузе. Я проверил эти данные и нашел в указанном месте несколько ящиков с твердотопливными ракетными ускорителями. В каждом ящике располагалось по три цилиндра высотой полметра и сантиметров 30 в диаметре. Почему у коллеги возникли ассоциации с химическим оружием — не знаю. Но массу хлопот он доставил не только нам.

В середине мая нам поступило сообщение из штаба наблюдателей в Загребе, что командование миссии решило послу США П. Галбрайту посетить Превлаку. Это

был из ряда вон выходящий случай. В связи с этим к нам снова приехал лорд Эшворт. Мы оговорили все нюансы визита. Дело в том, что по протоколу посол должен был быть постоянно в сопровождении своей охраны, но по правилам ООН и мандату нашей миссии на территорию Превлаки имели права доступа только сотрудники Организации Объединенных Наций. На следующий день мы с лордом выдвинулись на границу «Голубой» зоны. Через некоторое время появился конвой из двух машин американского посольства в Хорватии. Мы представились и после короткого брифинга пригласили посла пересесть в мою машину. Посол отдал указания охране остаться на месте, с ним поехал только заместитель военного атташе посольства США в Загребе майор Иван Сарак (хорват по национальности).

Мы проехали по короткому патрульному маршруту по хорватской части «Голубой» зоны. Показали несколько только что построенных артиллерийских бункеров на хорватской стороне и даже сфотографировались с хорватскими солдатами. Дальше наш маршрут проходил по территории самого полуострова. Я показал форт и маяк, штаб и жилые блоки наблюдателей, подземные казематы артиллерийской батареи. Завершив объезд, мы уже двинулись к выезду.

И тут Иван Сарак, заместитель военного атташе, неожиданно спросил, а где у вас нашли химическое оружие? Я объяснил, что никакого оружия на базе нет. Тогда П. Галбrait попросил сам — все-таки покажите то, что все считают «химическим» оружием. Я посмотрел на Эшворта, он кивнул — давай покажем. Я завернул на стартовую ракетную площадку. Мы все вышли из машины, подошли к ящикам. «Будь здесь химическое оружие, никто бы так спокойно себя не вел», — сказал я. П. Галбrait внимательно осмотрел ящики и содержимое. Иван взял перочинный нож, отколупал маленький кусок, положил на асфальт и поджог. Материал мгновенно воспламенился. Теперь мы убедились, что это не химическое оружие. Это ракетные ускорители. Так закончилась история с мифическим хи-

мическим оружием Превлаки. Но последствия визита еще аукнулись мне на черногорской стороне — естественно, их наблюдатели заметили необычное движение на полуострове, думаю, что оптика позволила им даже идентифицировать всех фигурантов. Уже на следующий день я получил протест по факту посещения Превлаки американскими дипломатами. Для урегулирования ситуации я предложил Лабану обратиться с аналогичным запросом на посещение Превлаки послом России. Предложение понравилось, но, по-моему, так и не было реализовано.

Заложники

В мае 1995 г. отношения сербов с ООН резко обострились. Авиация НАТО нанесла несколько бомбовых ударов по сербским позициям. Планировался массированный удар по сербскому аэродрому в Удбине. В ответ сербы захватили в заложники около 150 миротворцев, в том числе и военных наблюдателей ООН. Несколько недель продолжалась война нервов, с угрозами и применением физического насилия против захваченных миротворцев². Так,

² Весной 1995 г. мусульманская армия начала наступление на сербские позиции, нарушив заключенное перемирие. 27 марта Р. Караджич направил письмо Генеральному секретарю ООН, в котором просил остановить мусульманское наступление на Республику Сербскую. Натовцы были уверены, что угрозы бомбовых ударов являются самым эффективным способом давления на сербов. Несколько раз они совершали налеты на расположенный в Хорватии Удбинский аэродром. Наступление хорвато-мусульманских сил в районе Бихача, Тузлы, Сараева показало, что обе стороны используют тяжелое вооружение, которое должно было находиться на пунктах сбора оружия. Однако НАТО 25 и 26 мая бомбила сербские склады боеприпасов. Виновность только сербов ни у кого не вызывала сомнения.

Сербия, находясь в политической изоляции в роли мировых изгоев, пыталась по-своему привлечь внимание мировой общественности к необъективности международных организаций и остановить дальнейшие удары авиации. Зная, как болезненно реагируют западные страны на потери своих солдат, они решили брать миротворцев в заложники. Задержав 199 и ограничив передвижение более 200 миротворцев, они выставили их в качестве живого щита на объектах, по которым стреляли натовские самолеты. Тогда европейская дипломатия объединилась по вопросу освобождения заложников. Воздушные удары НАТО были прекращены, а миротворцы по просьбе России были отпущены на свободу. Вскоре после этого силы мусульманского правительства блокировали сотрудников СООНО в Высоком, Горажде, Горни-Вакуфе и Кладане, однако заслужили лишь неудовольствие СБ, который выразил «глубокую озабоченность». — *Примеч. Е.Ю. Гусковой.*

Павел Тетеревский, капитан ВДВ ВС РФ, вместе с еще одним наблюдателем даже приковывался наручниками к мачте в торце ВПП аэродрома Удбина и использовался в качестве живого щита против возможного натовского налета. Эти кадры облетели все телевизионные новостные каналы в те дни.

Так или иначе, кризис разрешился мирно и без жертв. Все мы переживали за судьбы наших коллег и старались как-то помочь им с реабилитацией. В этот момент в секторе Дубровник планировалась весьма чувствительная ротация — 9 человек. Я написал рапорт генералу Банума с просьбой направить по ротации в сектор бывших заложников. Инициатива была поддержана штабом, и уже через неделю ко мне стали собираться только что освобожденные из плена офицеры. Приехали отдохнуть и друзья, Павел Тетеревский и Валерий Рубцов, правда, всего на неделю — провести плановый отпуск у моря.

Приняв пополнение, в соответствии с установленной в секторе традицией, мы провели вечер знакомств, когда каждый из вновь прибывших рассказывал о себе. А тут еще и масса вопросов о последних испытаниях — не каждый день тебя берут в заложники!

Среди новичков были шведы, норвежцы, датчанин, кенийец, ганиец, бразилец, поляк. Больше всех в плену пострадали шведы, им досталось и морально, и физически, несладко пришлось и кенийцу с бразильцем. Когда очередь рассказать о злоключениях в плену дошла до польского полковника, он наотрез отказался говорить на тему плена.

Позже, один на один, он мне пожаловался: «Ну что я могу рассказать после шведов — я за двадцать дней поправился на десять килограммов, ничего плохого не могу сказать о тех, кто меня охранял в собственном доме, разве что на улицу не выпускали. Так это скорее в целях моей же безопасности». Такие же истории я слышал от соотечественников, попадавших в аналогичные ситуации.

Вновь прибывшие в сектор нашли службу здесь не менее интересной и насыщенной. Да, здесь не стреляли,

но ежедневное патрулирование и работа по обеспечению жизнедеятельности групп наблюдателей отнимали много времени и требовали определенных навыков, в том числе вождения по серпантину горных дорог, обслуживанию генераторов и т.д. Отсутствие ооновской логистической базы в непосредственной близости заставляло нас производить мелкий ремонт машин своими силами или с помощью местных гражданских автосервисов.

Не все адекватно воспринимали эти повседневные задачи. Был один из ряда вон выходящий случай. Однажды мне позвонил старший группы Превлака лейтенант Камерон (Великобритания) и доложил, что вновь прибывший наблюдатель из Ганы, майор, отказывается проводить регламент дизельной установки, а кроме того, требует, чтобы его в первоочередном порядке отпустили в отпуск. Камерон пояснил ему, что все отпуска спланированы и график никто ломать не будет, а работать на генераторе — обязанность каждого наблюдателя по очереди. Я вызвал этого офицера в штаб. Он, вместо того чтобы прибыть на разговор, в тот же вечер улетел в отпуск. Такого явного неповиновения я не ожидал. Все офицеры были шокированы. Я написал рапорт Главному военному наблюдателю с просьбой репатриировать строптивного майора.

В миссии, когда тебе приходится работать с людьми разных возрастов, карьеры, званий, знаний и опыта, разной национальной и религиозной культуры, при принятии кадровых решений приходится находить правильную комбинацию. В секторе были моменты, когда на двадцать пять человек приходилось аж три полковника. И тем не менее командиром основной группы на Превлаке я назначил английского лейтенанта — он стоил трех полковников, вместе взятых. Кто-то воспринимал это нормально, а кто-то болезненно.

Через две недели после инцидента мне позвонил генерал Бонума и попросил спокойно подумать над судьбой вернувшегося в Загреб ганийского майора. Посоветовавшись с Камероном, мы приняли пожелания Бонумы ра-

зобратся на месте. На следующий день мятежный майор появился у меня в штабе. Склонив голову, с порога начал каяться и пояснять, что его не так поняли и теперь он готов и генератор обслуживать, и обед готовить, и маяк зажигать. Он рассказал о трудном положении, в которое попал. Оказывается, у себя на родине он был вождем племени и в министерстве обороны был одним из руководителей управления миротворческих операций. Дома его ждали восемь жен. Разложив на столе пасьянс из фотографий своей многочисленной семьи, он чуть не плакал.

Я пригласил в штаб Камерона. В непродолжительной беседе он получил извинения и заверения от своего подчиненного в полном повиновении и беспрекословном подчинении его приказам. Сменив гнев на милость, мы согласились снять свои претензии. Я позвонил генералу и доложил, что вопрос закрыт.

В июле Мишо на очередной встрече спросил меня, когда я собираюсь отправлять семью домой? Я рассказал о своих планах на отпуск с отъездом из Загреба, но он хотел конкретики — я сказал, что вылетаю в Москву утренним рейсом 4 августа. «Хорошо, — сказал Мишо, — тогда успеешь».

4 августа, завершив свой европейский автотур, я с семьей вылетел из Загреба в Москву догулять несколько дней дома и вернуться в Дубровник. Уже в Москве мы узнали, что через час после нашего вылета аэропорт Загреба был закрыт в связи с возможным ракетным обстрелом. Началась широкомасштабная операция «Буря» по освобождению хорватских территорий самопровозглашенной Республики Сербская Краина. Следующие дни в Москве я каждый день следил за развитием обстановки по телевизионным репортажам и разговорам с представительством Хорватских авиалиний. Аэропорт Дубровника был закрыт. Чудо это было или нет, но 9 августа, в день моего прилета, аэропорт открылся всего на несколько часов, и мне удалось без особых проблем вернуться к исполнению своих обязанностей, а моему заместителю Бенто улететь в отпуск.

Дубровник тех дней напоминал город, готовящийся к осаде. На улицах, и так немногочисленных, стало еще пустыннее. Изредка слышалась очень удаленная канонада. Спустя пару дней стали слетаться «коршуны» — представители всех уважаемых мировых информационных агентств. Судя по тому, на чем они приезжали и как были экипированы — пресса ждала военное шоу. В городе там и тут стояли специальные автомобили, некоторые даже бронированные, со спутниковыми антеннами. Корреспонденты тащили на себе бронежилеты и каски. Все — взрослому. Для уточнения обстановки из Загреба к нам прислали начальника оперативного отдела штаба военных наблюдателей английского подполковника Джона Деверелла (закончил службу генерал-майором, командовал 145-й бригадой обеспечения, после выхода на пенсию возглавил администрацию Тони Блэйера, специального посланника по Ближнему Востоку).

Вместе с Джоном и канадским офицером Стэном Виллоу (офицер моего штаба в Дубровнике) мы зашли в один из ресторанов в Старом городе пообедать. В зале было занято всего несколько столиков. Через стол от нас сидела Кристиана Аманпур со своей съемочной группой CNN. Мы спокойно обедали, когда она подошла к нашему столу с вопросом, не узнаем ли мы ее, присела за стол и попросила неформально прокомментировать происходящее, и особенно обстрелы Дубровника. Джон, как старший по положению, ответил, что не располагает какой-либо информацией об обстрелах, которой он мог бы поделиться с прессой. Кристиана настаивала на интервью, ссылаясь на свой богатый опыт освещения событий в Боснии, особенно в Сараеве (о чем свидетельствовала страшная рана на лице ее коллеги из группы, пострадавшей там). Но Джон был непреклонен, и мы спокойно доели свой обед.

Но история на этом не закончилась.

Вечером того же дня по каналу CNN мы увидели репортаж из Дубровника. Сербские танки шли фронтом на какие-то позиции, стреляя на ходу. Горели дома и рушились

здания, и голос Кристианы Аманпур вещал за кадром, что сербское наступление на Дубровник началось, город подвергается артобстрелам и несколько снарядов упали в Старом городе, причинив разрушения и жертвы. Мы были в шоке.

Утром следующего дня эта дама догадалась прийти ко мне в офис то ли за интервью, то ли просто за информацией. Но до разговора дело не дошло. Ее в коридоре встретила наша переводчица хорватка Катерина. Я вышел из кабинета на шум. Прижав Кристиан своими пышными формами к стене, Катерина громко выговаривала: «Как вы посмели так лгать, где вы были, когда мы здесь действительно умирали в 1992 г. Вам что, крови мало, еще хотите?». Выскользнув из-под Катерины, вдоль стенки Кристиана бросилась вниз по лестнице. Больше я ее в Дубровнике не видел.

Тем не менее обстрелы окрестностей города имели место. Стояла сильная жара, и возникшие из-за артобстрелов пожары распространялись с невероятной скоростью. Горели травянистые склоны и леса вокруг города. Тушение было осложнено нехваткой воды и угрозой артобстрелов. В середине августа аэродром Дубровника был выведен из строя — несколько снарядов легли в центр взлетно-посадочной полосы (ВПП). Из-за пожара к аэропорту невозможно было пробиться со стороны Превлаки и Дубровки. Я был в Дубровнике и в одиночку поехал на место происшествия. Проезжая по серпантину в тех местах, где горящий лес подходил прямо к дороге, я чувствовал жар внутри машины даже с включенным кондиционером. Разве что краска не дымилась на бортах моего пикапа.

До аэропорта я долетел за 20 минут — воронки на ВПП и крыше вспомогательного здания аэровокзала еще дымились. Когда я попытался вытащить из воронки на взлетной полосе один из крупных осколков — он вспыхнул — это, без сомнения, был осколок фосфорного боеприпаса. Такие же воспламеняющиеся осколки я нашел и на месте второго прямого попадания на крыше здания. Стало понятно, почему так хорошо горят леса и окрестные поля.

Окончание моего срока службы в секторе оказалось веселым. В конце августа приехал из отпуска Бенто (мой заместитель, которому мне предстояло передать сектор после ротации). В первый вечер мы долго засиделись на Превлаке, обсуждая последние события, произошедшие во время отпуска Бенто. Когда стемнело, собрались в Дубровник, где квартировал весь штаб сектора. За руль сел наш новый оперативный офицер, английский лейтенант Джон, я сел на переднее пассажирское сиденье, Бенто — сзади. Дорога от Превлаки до первой деревушки в «Желтой» зоне петляла по густым зарослям. Местами она была настолько узкой, что две машины не могли разъехаться. Сидя в полоборота, я продолжал разговор с Бенто. Боковым зрением я увидел, что через заросли пробивается свет фары идущего в нашу сторону транспортного средства. Я на всякий случай предупредил Джона, он подтвердил, что все видит.

Через мгновение я увидел в глазах Бенто ужас. Он закричал: «Джон, давай вправо!» В следующую минуту раздался страшный грохот, и нас всех резко бросило вперед. Было ощущение, что мы въехали в стену. В качестве стены выступил армейский пожарный автомобиль. Джон ударился о руль, меня бросило на ветровое стекло, которое я благополучно разбил лбом, стесав по дороге все брови и порвав нос. Бенто коленом продавил сплошную спинку переднего сиденья. Мешки с песком, которые мы специально возили в кузове для дополнительной нагрузки на задний мост, пробив заднее стекло, влетели в салон. К нашему счастью, мы практически въехали в ту самую ближайшую деревушку в демилитаризованной зоне. На улице как раз сидели и отдыхали хорватские полицейские. Они-то и оказали нам первую медицинскую помощь. Джон ударился грудью о руль и повредил голеностоп правой ноги, то ли жал на газ, то ли на тормоз. Бенто здорово ушиб колено. Столько собственной крови я до того еще не видел. Меня быстро перевязали. Оперативно подъехала «скорая помощь» и нас повезли в госпиталь в Дубровник.

Бенто успел сообщить в штаб об аварии, чтобы эвакуировали машину.

Когда вызванные наблюдатели приехали на место происшествия, им предстала впечатляющая картина — автомобиль с капотом домиком, лобовое стекло — окровавленное изнутри, и лужа крови на переднем сиденье, мешки с песком, завалившиеся в салон из кузова. Так что дежурный отправил сообщение в штаб в Загреб о том, что все руководство сектора — старший военный наблюдатель, его заместитель и начальник оперативного отдела штаба — попали в серьезную аварию и госпитализированы в тяжелом состоянии.

На следующий день на утреннем брифинге в Загребе генерал Банума устроил разбор полетов. «Была ночь, на дороге была одинокая машина, навстречу шла другая, было предупреждение — и удар. Как такое могло произойти на пустой дороге?», — вопрошал генерал. Уже в 10 часов утра я связался с ним и успокоил, что все не так страшно, как было в рапорте. Все мы живы и уже приступили к служебным обязанностям. Более того, сам факт столкновения свидетельствовал о бдительности наблюдателей, пресекших движение хорватской военной машины по демилитаризованной зоне, пусть даже с риском для жизни. Интересно, что хорваты отрицали, что это была армейская пожарная машина, но только до тех пор, пока в утренних газетах в Дубровнике не появилась маленькая заметка о том, что три поименованных военных наблюдателя попали в аварию, столкнувшись с пожарной машиной, с указанием номерных знаков, прямо свидетельствующих о ее принадлежности ХА.

Спасибо хорватским полицейским и медикам, которые оказали оперативную первую помощь. Джону наложили гипс, Бенто — компресс на колено. Меня положили на операционный стол, и медсестра пинцетом вынимала из моего лба осколки триплекса, собирая их в лоток. Хирург, осмотрев повреждения, констатировал у меня перелом носа с ампутацией его передней части. С переломом

разобрались быстро — нос кривой от рождения. А с ампутацией — интересно смотреть на то, как пинцетом твой нос поднимается выше и потом падает на место, держась только на коже переносицы. Врачи, посоветовавшись, предложили мне бесшовный метод спасения моего носа. Посмотрев на меня, врач сказал: «Ты еще молодой — у тебя все должно зарастать как на собаке — приклеим тебе нос пластырем, а ты смотри — две недели в носу не ковырять!» Когда на следующий день я взглянул на себя в зеркало — то вздрогнул. Лоб походил на деревянную заготовку, по которой несколько раз прошлись крупной шкуркой, бровей вообще не было — как у заправской модницы — выщипаны напрочь. Нос придерживала полоска пластыря. Вот в таком виде я уже в обед принимал двух конгрессменов США. Закрыв лицо темными очками и надвинутым на лоб беретом, я постарался минимизировать отпугивающий эффект. После получасовой беседы о перспективах разрешения конфликта вокруг Превлаки, перед тем как распрощаться, один из гостей предложил сфотографироваться на память. «Может быть, без очков?» — спросил он. Я снял очки. «Нет... Пожалуй, лучше в очках», — быстро поправился он. Еще двадцать минут они расспрашивали меня, насколько опасен наш сектор для передвижения.

В Загребе, уже в должности старшего офицера военной информации штаба миссии, коллеги-кадровики регулярно подшучивали надо мной — мол, ты не думай, эту аварию не мы придумали, чтобы решить ребус с твоим следующим назначением.

Черногорская сторона

Исторически миссия военных наблюдателей на Превлаке была односторонней — все группы базировались только на хорватской стороне и на самом полуострове. Кроме того, согласно мандату миссии, ее численность на бумаге оставалась 14 офицеров. По факту и в соответствии с объемом задач это число удвоилось. В процессе работы выявлялись основные болевые точки и узкие места. Ста-

ло ясно, что для улучшения взаимодействия с черногорской стороной требуется постоянное, а не эпизодическое присутствие наблюдателей в Герцег-Нови. Черногорские власти пошли навстречу, и в 1994 г. там был открыт тим-сайт наблюдателей.

Основным переговорщиком с черногорской стороны был заместитель начальника центра безопасности Герцег-Нови г-н Лабан и заместитель командира погранотряда Герцег-Нови г-н Лекич. Начальником центра безопасности Герцег-Нови был Горан Жугич, бывший баскетболист клуба «Партизан» — высоченный и спортивно сложенный, он всегда излучал уверенность и энергию. Как и положено в такой ситуации, Жугич занимал резко негативную позицию по отношению к деятельности ООН, а Лабан занимался сглаживанием углов и фактически выполнял функцию министерства иностранных дел. Нам с ним пришлось много раз находить выходы из тупиковых ситуаций, но ни разу не было клинча. В том, что касается личных отношений ко мне, как к представителю России, все было очень по-доброму и открыто. В Герцег-Нови я чувствовал себя, конечно же, больше по-домашнему, чем в Дубровнике. Достаточно привести такой пример: стоило в Герцег-Нови зайти в какой-нибудь ресторанчик с живой музыкой, как сразу же при виде русского офицера начинала звучать русская музыка.

Что касается свободы передвижения, то в силу того, что наше присутствие на черногорской стороне носило скорее условный характер, то перемещения за пределами городской черты были сопряжены с многочисленными ограничениями. Наблюдатели не могли патрулировать наиболее важные с военной точки зрения участки линии соприкосновения. Зато только там был пеший маршрут с элементами скалолазания.

Я пару раз прошел по этому маршруту и прикоснулся к истории. Маршрут пролегал по горной гряде, нависавшей над Превлакой, и заканчивался на наблюдательном посту черногорской погранохраны, с которого Превлака

открывалась как на ладони. На маршруте движения в зарослях субтропических растений было несколько захоронений XIX в., которые по надгробиям можно было идентифицировать как французские и австрийские. Но маршрут таил в себе и опасности, о которых мы до поры до времени даже не подозревали. В августе 1995 г. с одним наблюдателем после пешего патруля начались какие-то странные вещи. Человек просто стал быстро таять на глазах. Его спасла эвакуация. Вертолетом прямо с Превлаки его доставили в американский госпиталь, где диагностировали укус ядовитого паука «черной вдовы». Слава Богу, помощь была оказана своевременно, и шведский наблюдатель после реабилитации даже успел вернуться обратно в миссию.

Свою работу на черногорской стороне я начал с попыток добиться разрешения на патрулирование территорий, прилегающих к линии разграничения и запрещенных к посещению наблюдателям ООН местной погранохраной. При этом некоторые запреты носили неформальный характер и представлялись как запреты местного населения. Вот такие запреты я решил проверить на себе. В паре с норвежским наблюдателем мы отправились в горный патруль с черногорской стороны. Норвежца я выбрал не случайно. Норвежское правительство до войны делало большие инвестиции в развитие Герцег-Нови, в частности в крупный медицинский центр им. Милошевича в районе Нивице. Герцег-Нови был популярным у норвежцев курортом, куда регулярно заходили большие круизные лайнеры. Это хорошо было известно местному населению, и норвежский флаг воспринимался им с не меньшим уважением, чем российский.

Беспрепятственно проехав по проселочной дороге в горы, мы добрались до небольшой деревушки в пять домов, у которой дорога делала крутой поворот с подъемом. Естественно, здесь пришлось сбросить скорость. Неожиданно из двора ближайшего дома выскочила женщина и практически бросилась на капот машины. Она кричала,

посылая нам всяческие проклятья. Выйдя из машины, я попытался ее успокоить, рассказать, кто мы и что пришли с миром. Но это мало на нее действовало. Я старался говорить с ней на смеси русского и сербского, показывая постоянно на флаг России у меня на рукаве. Постепенно она стала успокаиваться, но с дороги уходит явно не собиралась.

Наш разговор вошел в мирное русло. Женщина рассказала обо всех тяготах, которые принесла им война и блокада. Я внимательно ее выслушал и пообещал, что мы делаем и сделаем все от нас зависящее, чтобы скорее облегчить жизнь простых людей. В итоге она уступила — решила нам ехать дальше. Когда мы добрались до хребта, стало понятно нежелание местной погранохраны пускать нас в этот район. На вершине нам открылся хорошо укрепленный оборонительный район, строительство которого было завершено буквально неделю назад. Никакой строительной техники уже не было, но не было и войск, и вооружения. С той точки хорошо была видна долина на хорватской стороне, которая заканчивалась аэропортом Цавтат. Не успели мы хорошенько осмотреться, как на позициях появилась сначала местная охрана, а потом и лично г-н Лекич из погранотряда. Он заявил, что мы нарушили все, что могли, и поэтому можем считать себя арестованными вплоть до выяснения всех обстоятельств содеянного. В сопровождении двух машин местной погранохраны нас доставили в штаб отряда, где нас уже ждал г-н Лабан.

Он был очень раздосадован, обвинял меня в нечестности и излишнем использовании своей национальной принадлежности. На что я ему сначала заявил протест по факту нашего задержания, а потом популярно объяснил, что результат, которого мы добились явочным порядком, гораздо важнее черногорской стороне, чем нам. Ведь фактически мы лично подтвердили отсутствие вооружений в том районе и тем самым де-факто сняли давно висящие над черногорцами обвинения в излишней закрытости. Я пообещал Лабану, что я на этом не остановлюсь и буду

требовать от местных властей допустить наблюдателей и до печально известного места — стыка трех границ между Хорватией, Черногорией и Боснией и Герцеговиной — под название Гусарска Яма (гусар по-сербски — пират).

В итоге наше «задержание» превратилось в двухчасовую дискуссию о принципах мирного урегулирования и методах, которые мы на своем уровне могли бы применить. Одним из таких методов, родившихся в этой дискуссии, стала идея совместного поднятия государственных флагов Хорватии и Черногории у здания метеостанции на нижней дороге у подножия Кобила-Главы (здания с двумя флагами). Проблема состояла в первую очередь в многочисленных минных загромождениях и ловушках, установленных толи той, толи другой стороной вокруг этого символического места, хорошо просматриваемого со всех сторон. Договорились, что я вызову ооновских саперов и согласую с хорватской стороной время проведения совместной акции. Так из конфликтной ситуации мы вышли с явным позитивным настроем всех участников процесса.

Я официально обратился с письмом к властям Дубровника с просьбой рассмотреть подобную совместную акцию. Однако ответа так и не получил. Хорватскую сторону я оповестил, что операцию по подъему флага Черногории мы все равно проведем, и пригласил их сделать то же в другое удобное для них время. Сказано — сделано. Через неделю на Превлаку прибыла группа датских саперов. Под палящим солнцем в течение трех часов два датских сержанта со щупами (миноискатели пели на все голоса — слишком много железа было в земле) проверили подходы к зданию. К слову сказать, мин на этом участке они не нашли. Все мины были в большом количестве разбросаны по обочинам дороги и под кустами, как грибы после дождя.

Когда мы добрались до флагштоков, возник вопрос: а нет ли ловушек где-то на крыше, которые сработают во время подъема флага? Все уже измучались на жаре, и, чтобы не затягивать процесс, я просто резко дернул трос, чтобы спустить остатки старого флага. Ничего не случилось, трос

со скрипом пошел вниз и уже через пять минут г-н Лабан и Лекич прикрепляли новый сербский флаг к тросу. Поднимали флаг мы все вместе. Когда флаг начал развеиваться на самом верху, Лабан меня спросил, не чувствую ли я себя немного сержантом М.В. Кантарией?

Мины действительно были большой проблемой в «Голубой» зоне. После инцидента с гибелью хорватского полицейского на минном поле у главных ворот базы произошло еще несколько подрывов диких животных в ближайших окрестностях. Особенно насторожил взрыв мины на обочине основной подъездной дороги — погиб шакал. Но проезжай в момент взрыва патруль мимо этого места, жертв избежать бы не удалось.

Своими силами наблюдатели провели разведку минных полей. Но это была чистой воды инициатива наблюдателей. Однажды вечером ко мне в кабинет пришел майор Стэн Виллоу (Канада) и положил на стол лист формата А4 с нарисованной от руки картой минного поля у главных ворот базы. Всего 28 мин на участке не более 100 квадратных метров с нагромождением валунов прямо у обреза воды. Я удивился, а он спокойно ответил: «Мог бы снять, но, думаю, пока пусть стоит!» Большинство наблюдателей были действительно настоящими профессионалами.

Недели через две после эпопеи с поднятием флага над «зданием двух флагов» в главные ворота базы «неожиданно постучали» французские саперы. Было удивительно, как без согласования, а главное — практически без знания английского языка сержант и капрал французского миротворческого батальона добрались до Превлаки. Они рассказали на ломаном английском, что слышали о большом количестве мин в окрестностях нашей базы и прибыли для ознакомления с реальной ситуацией.

Я связался со штабом, проверил их рассказ, и мне подтвердили, что штабом предпринята такая программа по оценке минной опасности. С разрешения штаба я решил отвезти их в район «здания двух флагов». Растяжка «Эшворта» стояла на месте. Осмотревшись и оценив ситуа-

цию, сержант — похожий на инструктора из иностранного легиона, прошедшего огонь, воду и медные трубы, сказал, что хотел бы снять парочку мин для практики. Я запротестовал, но он убедил меня, сказав, что «они еще поставят». Решили снять ту самую растяжку — «ананас». Он что-то сказал капралу, тот подошел поближе, примерился, присел и начал работать. Мы с сержантом стояли у него за спиной, я фотографировал, сержант что-то подсказывал. Когда работа была завершена и мина оказалась безобидной железякой в руках капрала, сержант потрепал его по плечу и поздравил с первым практическим боевым разминированием. Удивившись, я ему сказал, что надо было бы предупредить о том, что он новичков тренирует, я бы отошел подальше.

Ближе к концу июля наблюдатели группы Превлака нашли две большие морские противодесантные мины. Прямо под фортом, на самом мысу. Все это докладывалось в штаб миссии.

Но были и курьезные моменты. Так, в середине августа, в самый разгар противостояния из-за хорватского наступления в секторах «Север» и «Юг», в Герцег-Нови начались перебои с водой. Водопровод, питавший город, шел из Боснии, через долину Конавле — то есть через хорватскую территорию. Хотя хорватская сторона объясняла прекращение поставки воды чисто техническими проблемами, как ни странно эти проблемы начались как раз вовремя, чтобы показать черногорцам, как они уязвимы. Коснулось это и гарнизона наблюдателей на Превлаке. Нам теперь пришлось установить еще и водяной патруль. Ежедневно мы отправляли пикап с большими канистрами на ближайшую водяную подстанцию, располагавшуюся в километре от главных ворот базы для пополнения запасов воды.

Так вот, однажды в штабе раздался звонок, и дежурный офицер принял телефонограмму от заместителя начальника оперативного отдела штаба миссии в Загребе. Под диктовку он записал следующий текст: «Срочно провести расследование по поводу водяных мин в районе

Герцег-Нови и доложить возможные пути решения проблемы». Водяные мины и водяные трубы — в английской транскрипции очень созвучны. Так как несколькими днями ранее мы действительно нашли морские мины, какая-то связь просматривалась. Проблема была чисто лингвистического свойства и во многом определялась уровнем владения английским языком офицерами разных национальностей. В принятом тексте меня озадачила вторая фраза — насчет путей решения проблемы. Мины никогда не входили в нашу компетенцию. Позиция была строго ограничена наблюдением и обозначением на местности. Перезвонив в штаб, мы во всем разобрались и посмеялись над тонкостями перевода.

Морская прогулка

В тот же напряженный период происходили мелкие и крупные провокации с обеих сторон. То катер черногорских контрабандистов попытался причалить к мысу Превлака, перепутав наш маяк с маяком Которской бухты, то глава центра безопасности Герцег-Нови Горан Жугич решил продемонстрировать, что он хозяин вод вокруг Превлаки и совершил объезд прямо вдоль берега на катере. Это были мелочи, почти шалости. Но однажды Лабан срочно пригласил меня к себе в офис. Уже на подъезде к Центру безопасности по большой шумной толпе я понял, что-то случилось. Лабан был напряжен. Мы вместе с ним прошли в кабинет Жугича. Тот встретил меня без агрессии, но слегка на взводе. Последовала длинная тирада о зарвавшихся хорватских агрессорах, из которой я понял, что хорватская береговая охрана захватила черногорских рыбаков в нейтральных водах на траверзе Превлаки. Понятно было, что правды в этой ситуации не найти, потому что демаркации морской границы в этом районе не было. Единственное, что стало понятно после изучения карты, что рыбаки не нарушали «Голубой» зоны.

Жугича больше всего беспокоило напряжение толпы и требования принятия активных мер для освобождения

рыбаков. Я принял от него официальную ноту протеста для передачи полиции Дубровника, пообещав со своей стороны потребовать скорейшего возвращения рыбаков. В штабе я написал свой протест по поводу инцидента и отправил его Мишо, одновременно запросив встречи с начальником полиции Дубровника. Встреча ожидалась сложной. Готовясь к тяжелым переговорам, я взял с собой на эту встречу майора Стэна Виллоу (Канада). Его чрезвычайно авторитетная в размерах фигура и англосаксонская самоуверенность вкупе с травмированной (как у Ельцина) рукой делали его серьезным аргументом в переговорах любой сложности.

Все так и получилось. Начальник полиции с ходу перешел в атаку, обвинив меня в том, что я солидаризируюсь с черногорскими властями. Обменявшись «любезностями», мы начали сближать позиции. Стэн с точки зрения эпистолярного жанра английской словесности, как носитель языка, объяснил неправильную интерпретацию написанного при переводе на хорватский. Постепенно перейдя в прагматичное русло, начальник полиции предложил вернуть рыбаков и лодку сразу после уплаты штрафа в размере 15 тысяч немецких марок. Поняв, что на этом раунд закончился, я отправился обратно в Герцег-Нови. К моему приезду события там перестали быть томными. Разгневанная толпа уже нашла способ разрядиться, разбив стекла в одной из наших патрульных машин. Я передал предложение Лабану, он чертыхнулся и попросил один день для принятия решения.

Утром следующего дня я был уже в Центре безопасности. Пройдя через толпу и войдя в кабинет Лабана, я увидел там делегацию родственников рыбаков. Лабан рассказал, что жители Герцег-Нови собрали требуемую сумму и просят меня помочь в процессе передачи денег и возвращения людей. Наверное, то, что я делал, было на уровне интуиции. Глядя в глаза родственников, полные слез и страдания, я не смог отказаться. Написав расписку в получении денег и пересчитав сумму, я отправился в Дубровник.

В Дубровнике Мишо проводил меня в местный банк. Отстояв очередь и предъявив свой паспорт, я внес деньги на счет полиции Дубровника в качестве уплаты штрафа. С квитанцией в руках через пятнадцать минут я был в местной тюрьме. Меня проводили в камеру к задержанным. Реакция с их стороны была сродни реакции узников концлагерей на появление Советской Армии. Объяснив порядок действий и оформив формальности, мы в сопровождении полицейского конвоя вышли на улицу. С хорватами договорились так: они доставляют задержанных до хорватского КПП на Кобила-Глава, там они пересаживаются в мою машину. Что касается лодки, то она осталась в порту Дубровника.

Договорились, что мы проведем еще консультации по вопросу порядка передачи, а главное — доставки лодки в Герцег-Нови. Через полтора часа мы были уже на черногорской стороне. Рыбаков встречали шумно, досталось немного благодарности и наблюдателям. Но дело еще не было закончено — лодка осталась в порту Дубровника, и толпа требовала ее возвращения. Я обратился к толпе с обещанием в течение недели решить эту проблему. Следующие несколько дней ушли на организацию операции по переброске лодки. Мишо показал нам лодку — обычный рыбацкий моторный баркас, метров семь в длину. Лодка была на ходу. Мишо сказал прямо — забирайте хоть сейчас.

На расширенном совещании в штабе сектора я спросил, есть ли добровольцы на морскую прогулку из Дубровника до Герцег-Нови? Вызвалось сразу несколько офицеров, так что пришлось организовывать конкурс профессионалов. В итоге выбрали командира группы Превлака английского лейтенанта морской пехоты и офицера бразильских ВМФ. Операцию спланировали с учетом всех особенностей обстановки. Дабы избежать провокаций и случайного обстрела были проведены беседы с хорватскими и черногорскими пограничниками. Предупредили о том, что на следующий день в обозначенное время оди-

ночный баркас под ооновским флагом проследует малым ходом вдоль берега из Дубровника в Герцег-Нови.

На следующий день, собрав необходимую оснастку для морской прогулки, на двух машинах мы выдвинулись в порт Дубровник. Мишо обеспечил все формальности с портовыми властями. Баркас поднял флаг ООН и вышел в открытое море. Две патрульные машины медленной скоростью следовали вдоль побережья. Постоянно поддерживалась радиосвязь «берег — море». Когда наши мореплаватели дошли практически до траверза Превлаки, на баркасе сдох двигатель. Команда налегла на весла. С большим трудом преодолевая морские течения, баркас под флагом ООН прорывался в воды Которской бухты. В территориальных водах СР Югославии их уже встречали местные рыбаки и представители береговой охраны. Так что после непродолжительного весельного броска баркас отбуксировали в порт Герцег-Нови.

Так завершилась эпопея с освобождением рыбаков и баркаса. Правильно или нет, но я посчитал единственно возможным активно вмешаться в ситуацию. В Загреб об этом эпизоде я не докладывал. И только задним числом обмолвился в приватной беседе с помощником Главного военного наблюдателя. Все, что мы провернули, он назвал авантюрой и предпочел быстро забыть. Но ведь победителей не судят.

Гусарска-Яма

Видимо, в знак признательности за решение этой проблемы с рыбаками через короткое время Лабан сообщил мне, что командование пограничных сил района Герцег-Нови разрешило наблюдателям провести патрулирование дороги до Гусарска-Яма — места, где сходились три границы Боснии, Сербии и Хорватии. Дело в том, что этот район постоянно фигурировал в протестах с обеих сторон. Хорваты заявляли, что сербы из этого района постоянно обстреливают их территорию, а сербы утверждали, что этот район подвергается регулярным артоналам с хорватской стороны.

Это решение совпало с приходом начальника оперативного отдела штаба миссии военных наблюдателей, подполковника Джона Деверелла (Великобритания). Была суббота. Мы с Джоном приехали в Центр безопасности, где нас ждал Лабан. Извинившись за то, что он не может угостить нас кофе, в субботу не было секретарей, он достал из шкафа литровую бутылку сливовицы. Разговор сложился вполне доверительный, обсудили все насущные проблемы региона, периодически поднимая тосты за мир и дружбу. Наконец Лабан извлек из ящика стола документ — официальное разрешение командования укрепрайона Герцег-Нови на посещение военными наблюдателями района Гусарска-Яма. «Ну что, поедем или нет?» — спросил он, глядя на нас помутневшим взглядом. Мы с Джоном переглянулись: «Конечно, поедем!» Выпили на посопок, допив до дна выставленную бутылку, и с чувством выполненного долга тронулись в путь.

Лабан ехал впереди на служебном мерседесе (а-ля Гелендваген) зеленого цвета с водителем, я — следом с Джоном в качестве пассажира. Знал бы я заранее, на что подписываюсь, может быть, и отказался от этой затеи. Серпантин уходил в горы, как мне казалось, постоянно сужаясь. Я держал в поле зрения габариты джипа Лабана, стараясь не отставать. Сложность дороги состояла еще и в том, что, хотя она и была чисто военной, движение на ней было весьма интенсивным, и нам приходилось неоднократно разъезжаться со встречными армейскими грузовиками. Слава Богу, при виде специальных номеров Лабана, грузовики пятились до мест разъезда. Поднявшись на перевал, мы созерцали всю красоту Герцег-Нови с высоты птичьего полета, природа явно не скупилась на краски и ароматы цветущих деревьев.

Проехав еще километров пять, мы оказались около контрольно-пропускного пункта так называемых наблюдателей Европейского союза, мониторингивших пограничные переходы Сербии с сопредельными странами. КПП представлял собой пару контейнеров — один жилой блок

и один офисный. На посту было два наблюдателя, один из них — русский. Работа у них была не бей лежачего, но в то же время диковатая. Они сидели по принципу месяц через месяц. И активности там практически никакой не было. Со скуки можно было умереть. Пограничные наблюдатели очень обрадовались неожиданным гостям — для них это было событие.

Специфика горного терренкура не позволяла попасть в Гусарска-Яму иначе, чем через территорию Боснии, подконтрольную боснийским сербам. Чтобы преодолеть эти несколько километров по чужой территории, Лабан предложил нам пересечь в его джип. У нас не было мандата на передвижение по той территории. Так что мы оставили свою машину на посту пограничных наблюдателей и дальше двинулись одной машиной.

Дорога за КПП была уже проселочной, ехать пришлось медленно, через километра полтора дорогу нам преградили вооруженные люди, больше похожие на партизан Второй мировой войны. Они появились из-за кустов и приказали остановиться. Лабан вышел из машины со своими бумагами и начал переговоры со старшим «партизаном». Два других бородатых партизана подошли к машине, внимательно разглядывая пассажиров и водителя. Особый интерес у них, очевидно, вызывал Джон, точнее, его британский камуфляж. Разговор затянулся, старший связывался с кем-то по рации. Напряжение нарастало. Но все-таки нас пропустили. Доехав до места назначения, мы увидели странную картину: межгорная долина, абсолютно пустынное место, испещренное воронками от артиллерийских снарядов. Никаких следов разрушений — поскольку разрушать там было нечего. Ситуация мне очень напомнила поля в пригороде Цазина (сектор «Бихач»), когда мне неоднократно приходилось расследовать так называемые «сербские» артиллерийские налеты на город, при которых все снаряды аккуратно ложились в чистом поле. Кто стрелял по этому пустырю в Гусарска-Яме и зачем — еще одна загадка этой порой очень странной войны.

Эпилог

Покинув Дубровник и возглавив отдел военной информации штаба военных наблюдателей в Загребе, я не терял связи со своим сектором Дубровник. Несколько раз удалось побывать там с инспекциями. Но самое непосредственное участие в судьбе миссии на Превлаке пришлось принять в январе 1996 г. Мандат миссии ООН в Хорватии по восстановлению доверия (ООНВД) истекал 15 января 1996 г. 3 января 1995 г. штаб-квартира ООН в Нью-Йорке получила информационное письмо от министра иностранных дел Хорватии М. Гранича, извещающее ООН о том, что Хорватское правительство считает миссию военных наблюдателей ООН в районе Превлаки исчерпанной и, более того, дальнейшее пребывание их на территории Хорватии вредным, поскольку это наносит вред делу восстановления туристического климата республики. Хорваты требовали, в крайнем случае, заменить военных наблюдателей на так называемых «белых наблюдателей» — гражданских наблюдателей Европейского Союза.

Такой подход никак не соответствовал общей обстановке в регионе и мог породить непредсказуемую реакцию со стороны Черногории. Лучше других зная обстановку в районе Превлаки, я очень лично воспринял эту новость. Получив копию письма, я доложил свои соображения Главному военному наблюдателю бригадному генералу Сусило Бамбанг Юдхойоно (СБЮ) и попросил его разрешения обратиться к Специальному представителю Генерального секретаря ООН Кофи Аннана. Мой доклад был очень эмоционален, так что СБЮ согласился с моими доводами и дал «добро» на мой демарш. В секретариате Кофи Аннана меня перехватил его заместитель Джулиан Харстон. С ним я регулярно общался в формате Специальной аналитической группы при Кофи Аннана, в которой я представлял военных наблюдателей. Джулиан по моему агрессивному виду понял, что я собираюсь сделать что-то страшное, и затащил в свой кабинет. Приняв на себя пер-

вый удар моего гнева, Джулиан как настоящий карьерный дипломат, предложил все взвесить и обсудить, дабы понять возможность компромиссных решений. В дискуссии с ним мы пришли к интересному выводу — нужно добиться от наблюдателей Европейского Союза официального отказа от развертывания их миссии в районе Превлаки.

На следующий день в корпусе «А» штаба миссии Джулиан созвал совещание с повесткой дня «О возможной передаче функций мониторинга в районе Превлаки от военных наблюдателей наблюдателям ОБСЕ», с участием представителей руководства миссии ОБСЕ. Я сделал доклад о текущем состоянии вопроса и основных особенностях выполнения миссии наблюдения в районе Превлаки. После чего Джулиан предложил потенциальным приемникам задавать вопросы. Первый же вопрос вызвал оживление — как далеко от Превлаки находится ближайшая хотя бы 4-звездная гостиница?

Когда же на вопрос европейцев о бытовых условиях на полуострове я рассказал им о порядке несения службы в лагере — с самообслуживанием в полном объеме от генерирования электроэнергии до включения маяка на мысе, представители ОБСЕ категорически отказались взять на себя ответственность за подобный круг задач. Это и было занесено в протокол встречи, который лег в основу официального ответа штаб-квартиры ООН министру иностранных дел Хорватии. Спустя месяц, 1 февраля 1996 г., Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1038, которая официально оформила создание новой независимой миссии военных наблюдателей ООН на Превлаке. Еще 6 долгих лет потребовалось сторонам, чтобы прийти к взаимопониманию по проблеме Превлаки. За это время успело поменяться несколько правительств с обеих сторон границы, и в итоге 15 декабря 2002 г. (резолюция Совета Безопасности ООН 1437) миссия военных наблюдателей на Превлаке была закрыта.

Теперь полуостров превращен в туристический парк. По территории некогда «Голубой» зоны курсирует мини-

поезд, доставляя туристов от ворот парка до маяка и обратно.

Превлака — один из немногих примеров полного умиротворения сторон в конфликте подобного рода (хотя, без сомнения, многие в Черногории считают себя обманутыми, а свою страну проигравшей территориальный спор).

В августе 2009 г. я отдыхал с семьей в Герцег-Нови и Дубровнике. На улице Герцег-Нови меня окликнул пожилой бородатый человек — это был мой бывший переводчик Любинко. Весь день мы провели вместе с ним и Лабаном, бывшим заместителем начальника службы безопасности района Герцег-Нови. Нам было что вспомнить!

А через несколько дней, уже в старом городе в Дубровнике, я предавался воспоминаниям с бывшим офицером связи хорватской армии Мишо Михочевичем. Через четырнадцать лет казалось, что всего мгновение прошло с нашей последней встречи в осажденном городе в сентябре 1995 г.

*Дубровник — Превлака —
Герцег-Нови — Москва,
1995–1996 гг.*

Джордже АНИЧИЧ¹

Как был сбит американский невидимый самолет F-117 «Стелс». Из военного дневника

Боевой дневник я вел, желая оставить его сыну, чтобы в случае моей гибели на войне он знал, где был его отец и что делал. Дневник я вел в перерывах между налетами, в станции наведения ракет, во время передислокации техники, во время пребывания в районе ожидания, в перерыве между сменами или, чаще всего, за счет ночного сна. Вести дневник советовал и покойный генерал Величкович, один из редких генералов, посещавших кабину 3-го ракетного дивизиона ПВО. Он часто повторял: «Описывайте все — боевую деятельность, чувства, получаемые приказы, это потребуется для исследователей». Он не знал, что я уже пишу с самого начала агрессии.

После окончания войны завершился и весьма неприятный период моей жизни, связанный с армейской средой — той, что я так любил и которая так меня обидела. Я хотел забыть содержание своего дневника как свидетеля моего унижения и забвения.

Должны были пройти годы, прежде чем появились потребность и условия для представления моего военного дневника на суд читателей. Ради истины и истории на-

¹ Аничич Джордже — подполковник югославской армии. В период агрессии НАТО в 1999 г. занимал должность заместителя командующего знаменитого 3-го ракетного дивизиона противовоздушной обороны, в период боевых действий — руководитель боевого расчета целенаведения ракетной системы S-125 М «Нева», сбившего американский невидимый самолет «Стелс». Награжден Президентом страны боевой наградой, но единственный из расчета, кто не получил повышение по службе, а наоборот, переведен на должность майора. Материал и комментарии получены от автора и частично опубликованы в книге «Смена: Ратни дневник пуковника Ђорђа С. Аничича». Београд, 2009.

шей ПВО, чтобы наша и международная общественность узнала настоящую правду в то время, когда все официальные военные представители молчали. Консультируясь с товарищами, мы пришли к выводу, что и мы своим молчанием защищаем ложь, и лишь боевой дневник, настоящий и реальный, может расставить все по своим местам в истории со сбитым «Стелсом». Ведь публично в значительной степени уже был создан стереотип о бывшем командире 3-го ракетного дивизиона ПВО и его вкладе в период боевых действий. Это историческое событие я должен был поместить в его действительный контекст — в коллектив боевого расчета 3-го ракетного дивизиона ПВО. Там живет истина, в каждом военнослужащем этого подразделения. Кроме того, в тяжелые времена было необходимо найти и материальные возможности, чтобы дневник смог увидеть свет.

Это не оперативный журнал подразделения, это личный дневник боевых действий, изданный в аутентичной форме, он не подвергался литературной редакции, написан без прикрас, языком истины, без малейшего намерения выслужиться перед кем-либо, невзирая на чины и положение. Из дневника читатель сможет узнать, как проходила работа военных, со всеми недостатками в материальном и моральном отношении.

Это не роман, не монография, не анализ боевых действий. Это военный дневник, с фотографической точностью воспроизводящий ситуацию в подразделении, срез существования общества этого времени и роли каждого, с кем мне приходилось вступать в контакт в период войны.

Дневник содержит подробное описание, вплоть до мельчайших деталей, событий, реальных персонажей, составлен в хронологическом порядке, по дням, описывает боевые действия, пороки и достоинства людей, дилеммы и размышления, отношения командования к нам — кто и как принимал решения о наших жизнях, какой была помощь местного населения общин Сурчина и Печинца, МВД, радиолюбителей, отдельных людей и многое другое.

Как командиры целенавещения, мы балансировали между приказами и ситуацией в воздухе. «Смена»² в отдельных эпизодах показывает и отношение государства к армии — насколько боевым подразделениям подчас не хватало даже элементарных вещей для выполнения боевой задачи. Годами не обновлялось старое и не приобреталось новое оборудование и материалы — с этим мы оказались в состоянии войны с технологически сильнейшими странами мира, без единого союзника. Армия не изолирована от негативных явлений общества, они, как таковые, отразились на армии, особенно на кадровой политике командного состава. Многие из них были слишком самоуспокоенными, думающими лишь о своих интересах и недопустимо поверхностными.

Начало войны 250-я ракетная бригада ПВО, следовательно, и 3-й ракетный дивизион, встретили в условиях весьма неблагоприятных кадровых перестановок командного состава. Командир корпуса ПВО и его начштаба были летчиками, а один обязательно должен быть ракетчиком. Командующий ракетными войсками и ПВО также являлся летчиком, а начштаба РВ и ПВО — ракетчиком, но он был удален от командования, пребывал вне объекта действия ракетных подразделений, на совсем других заданиях. Перестроение командования обошло и Управление ПВО, где также был ракетчик. В подобной иерархии царили непонимание, незнание возможностей ракетных систем, элементарная неосведомленность о системах боевых расчетов и роли военнослужащих в них. Давление на бригаду было огромным, она прислушивалась к командованию, а не к науке и возможностям системы. Бригада потеряла 10 боевых единиц, были потери и среди численного состава. Только 3-й ракетный дивизион воевал специфически и получал результаты на поле боя. Все это и сам анализ боевых действий никогда глубоко и серьезно не проводились. Только статистический анализ.

² Название книги.

В военном дневнике многие гордятся своими делами и подразделением, знаниями, но есть и те, кто стыдится своих поступков, слов, слабых знаний в отдельных вопросах. Команде 250-й ракетной бригады ПВО тогда более всего повредили разладившиеся человеческие отношения, и это подтверждают весьма подробно проанализированные факты. Я только все записывал, но не мог никому помочь. Каждый написал свой собственный портрет. Кто-то — великими, а кто-то — мелкими поступками, словом и делом. В другом обществе боевой расчет, сбивший «Стелс», стал бы национальным героем. В войне каждый показывает свое истинное лицо. Ни у кого нет права играть чужими жизнями и в любом случае каждый должен отвечать за свои поступки, невзирая на чин и положение. Каждый свое знание показал на войне...

Пятница, 26 мая 1999 г.

В 02.00 моя смена подошла к технике на боевую позицию. Больше, чем обычно, уставшие, невыспавшиеся, грязные, без военного опыта. Единственное, что крутилось у меня в голове, — сознание того, что мы должны быть очень осторожны и попытаться предпринять что-то в тактическом смысле. Речь шла о секундах, требовалось много знаний, сконцентрированных в кратком времени. Было очень важно, чтобы каждый выполнял свою работу. Только так — в команде. Каждый носился со своими мыслями и чувствами. Какой сегодня день войны? Посчитаем вслух.

С утра среды до сегодняшнего дня мы спали всего несколько часов. Бедная моя работа. Я учился ходить в сапогах. Я еще не умывался, чувствую запах своего пота, ноги — как в воде. Сапоги абсолютно новые, но уже пахли потом. Между пальцами на ногах настоящее болото. Время идет, а я, руководитель целенавещения, как будто в трансе наблюдаю за однообразным движением линий маркера на радаре слежения. Оперативный центр командования 250-й бригады ПВО нас подбадривает сообщением о том,

что подполковник Бацетич, командир 7-го ракетного дивизиона, со сменой сбил один самолет. Когда рассвело, мы работали над созданием имитатора радарного излучения. Нам был нужен кабель около 500 метров (расстояние от центра огневой позиции). Черт побери армию, в которой нет кабеля, а она должна воевать с блоком НАТО!

Командиру взвода связи, подпоручику-резервисту Миодрагу Стояновичу приказываю идти в Ашаню, в лесохозяйство, и как хочет, но добыть 50 стволов акации длиной 4,4–5,0 м, 30–45 см в поперечнике. Они должны быть сырыми. Это идеальная защита от «Харма» — противорадиолокационной ракеты. Эти стволы мы расставим в ряд около станции управления комплексом и так защитим людей во время выполнения боевой задачи.

На боевых дежурствах мы сменяемся каждые 8 часов. Дани на дежурстве с 10.00 до 18.00. Моя смена следует с 18.00 до 24.00. После этого мы меняемся каждые 6 часов. После дежурства в 10.30 я был в лагере. Получил сообщение на пейджер: срочно позвонить майору Србиславу Поповичу, оперативнику из командования 250-й ракетной бригады ПВО. Из Задруги я мог позвонить только по гражданской связи, а она была перегружена. Целый час я пытался дозвониться и с фермы (Земледельческой задруги), и из «Термомонта» в Шимановцах, где есть три гражданские линии, и едва успел пробиться к нужному номеру. Полковник Лазович, командир 250-й ракетной бригады, возбужденным тоном сказал, что над боевой позицией — два «Миража», нужно оповестить людей, чтобы они покинули кабину, иначе — погибнут. Я нашел одну «Ладу Ниву» и бросился к огневой позиции, чтобы известить Дани и людей, что они находятся под угрозой. По прибытии на позицию я застал пустые кабины, а Дани со сменой передвинул телефонный кабель вдоль канала на сотню метров от техники, где они сидели и наблюдали за самолетом. Я был удивлен, что они здесь, а не на технике, но воздержался от комментариев. Мне полегчало, но я сильно рисковал.

Самолет был примерно в 500 м над огневой позицией и ясно просматривался. У нас не было легкой переносной системы, у которой пуск производится с плеча, поскольку я все распределил по кругу диаметром 10–15 км. Это было первое, чему я научился. У нас должна быть непосредственная защита самой позиции, несмотря на то, что ПВО дислоцированы вокруг нас. Их предназначением является применение средств для обеспечения перевода ракетной техники в боевую позицию и позицию на марше, поскольку подразделения именно тогда находятся в самом уязвимом положении, без возможности обороняться.

Мы не знали, сфотографировал ли «Мираж» позицию и подвергнемся ли мы обстрелу в эту ночь. Позднее оказалось, что он чудом не обнаружил нашу позицию. Может, он принял ее за ложную. Мы подстраховывались. Кабина стала местом ожидания и терпения. Все замаскировано. Я был на боевом дежурстве, на командном посту на станции управления ракетами. Во время налета противника вылетели и два наших МИГ-29, которые по азимуту 270 шли на Тузлу. С командного поста (Оперативного центра 250-й ракетной бригады ПВО) нас предупреждают, чтобы мы не стреляли по ним. Постоянно согласовываем азимут и дистанцию, чтобы не ошибиться. Всегда тяжело согласовывать взаимодействие истребительной авиации и ракетных подразделений. Прекрасно обученный боевой расчет свои истребители пустит в свою зону, но по противнику откроет огонь. Я их отслеживал. Расчет спрашивал, как это — наши, а идут на Тузлу? Через 70–80 км полета они пропали с экранов радаров. На командном посту 250-й ракетной бригады ПВО я верил только полковнику Лазовичу, полковнику Станковичу и майору Поповичу. Остальные своим методом работы были опасны, являясь заложниками книжного образа действий без малейшей инициативы.

Суббота, 27 марта 1999 г.

Снова непрерывное боевое дежурство. Я был в кабине до 12.00. По прибытии в лагерь около 12.30 я попытался

заснуть. Только провалился в первый сон, как меня разбудил курьер командования Коста Чурчич, солдат срочной службы. В канцелярии меня ждал майор Срболоб Попович из командования бригады. Он передал устный приказ. Я был изможден, в голове — хаос. Чувствовал, что присутствую только физически, а его голос неразборчиво доносился издали. Замысел командования бригады состоял в том, чтобы с 14.00 до 20.00 с каждой из трех позиций, где располагались имитаторы радарного излучения, производить излучение по 20 минут. Излучаем 20 минут на первой позиции, передвигаемся на другую, излучаем 20 минут, переходим на третью, проводим излучение 20 минут, возвращаемся на первую — и так по кругу до 20.00, когда начнется налет и последует сигнал «Воздушная тревога». Значит, надо было излучать с трех точек:

Суботиште (позиция 1), азимут 270 °,

Печинци (позиция 2), азимут 270 °,

Добринци (позиция 3), азимут 230 °.

После окончания излучения с локальных позиций надо поставить имитатор на основную позицию для своих нужд. Думаю, кого отправить на задание. Попович говорит, что с расчетом должен идти я, поскольку лучше знаю место (моя жена из Печинцев). Звоню Дани, который со сменой находится на позиции, докладываю, что отвожу имитатор радарного излучения с точки, что с водителем Лукичем и оператором имитатора, командиром взвода Радивоевичем уходим на задание и что я опоздаю на смену. «Вернусь около 20.00 и тогда обо всем расскажу». Вместе с Лукичем и Радивоевичем обошел одну за другой все три позиции, соблюдая договор и приказ. Водители изредка проезжавших автомобилей сначала замедляли ход, с любопытством на нас посматривая, затем быстро удалялись. По возвращении на первую точку я задержался в Печинцах у Луки, хозяина сети магазинов в селах печинацкой общины, пытаюсь приобрести лампы и батарейки для них. Лукич и Радивоевич продолжили работу с тех

позиций, как в первый раз. Батарейки сели в первую же ночь, в момент перевода техники. Если нужно перевозить технику, купи батарейки. Всегда так было, командиры их покупают сами. Беда. Лукич дал мне 15 батареек по 4,5 В, а ламп у него не было. Попробует найти. Я подписал ему счет за батарейки. Счет в это время?! Мы воюем, а он думает, как бы получить навар. Почему это больше моя война, чем его? Ему нужен счет, чтобы оправдать навар в штабе общины.

В лагерь мы прибыли около 19.30. Не было времени, чтобы еще раз обойти все три позиции. Моя смена продолжилась с 18.00 до 24.00. Мы поужинали. Сирена объявила о воздушной тревоге. В 20.30 прибываем на огневую позицию: я сменяю Дани, а Лукич с комвзвода Радивоевичем ставит имитатор излучения. Подходим к станции управления ракетами. Знакомый шум аппарата и работы станции управления ракетами. В лунном свете виднеются ракеты на пусковых позициях. Вхожу в кабину станции управления ракетами. На месте помощника руководителя целенаведения сидит майор Борис Стоименов, помощник командира по технической части. На нем наушники с микрофоном для связи с оперативным центром командования бригады. Дани — на месте руководителя целенаведения, дремлет, облокотившись на блоки управления пусковыми установками, сбоку от монитора радара слежения. Линии радара движутся через равные промежутки времени. Воздушных целей вблизи нет. Они есть на дальних дистанциях на разных азимутах.

Майор Стоименов встает, чтобы я сел, передает мне наушники для связи с командованием бригады и отодвигается за офицера наведения ракет. Остаток боевого расчета, четыре старшины и солдат, ведущий протокол, находятся на своих местах. Моя смена. Когда Дани в какой-то момент уходит со смены, я сажусь на место руководителя целенаведения, а майор Стоименов — на место помощника руководителя. По привычке, сложившейся в последние дни, Дани и я обмениваемся информацией

о событиях, произошедших на дежурстве и в подразделении. Кратко говорю ему, что я делал днем, а он мне, в полудреме, что делал он. Имитатор излучения радара еще не установлен и не готов к работе. Вдруг на мониторе радара слежения, на азимуте 195, замечаю цель на расстоянии 23 км. Следующий круг маркера на радаре слежения ясно указывает на приближение к нам самолета. Говорю: «Дани, этот идет на нас!» Дани открыл глаза, посмотрел на экран, незаинтересованно наблюдая за ситуацией. Радар говорит о приближении самолета. Когда тот был уже на расстоянии 14—15 км, Дани скомандовал: «Азимут 210, поиск!» Как помощник руководителя целенаведения в тот момент, я приказал: «Антенна!» Командир электрообеспечения начал наводить офицера наведения по азимуту и углу возвышения на цель: «Левее, левее: стоп!», «Правее, выше, выше: стоп! Антенна». Включил излучение радара слежения. С этого момента началась игра в кошки-мышки. Кто быстрее и ловчее. Офицер наведения, поворачивая три ручки одновременно, пытается обнаружить цель. Излучаем более десяти секунд, пытаюсь выявить цель. Приказываю: «Прекратить поиск — эквивалент!» Через несколько мгновений Дани снова командует: «Новый азимут поиска 230», а я определяю момент излучения. В воздухе чувствуется адреналин. В этот раз офицер наведения на своих двух мониторах успевает обнаружить цель, но никак не может ее соединить с пересечением горизонтального и вертикального маркера. Ручки только щелкают — нужно соединить цель в перекрестье двух линий.

В тот момент, когда цель встала в перекрестье двух линий, я могу начать сопровождать ее оператором ручного слежения — по прямым линиям Ф1 и Ф2 на своих экранах. Тогда для офицера наведения были созданы условия для сопровождения цели на расстоянии, а операторы ручного слежения начали наводить ракеты на цель, находящуюся в перекрестье маркеров. Цель исчезает и совершает маневр. Вновь время излучения слишком затянулось, и

снова приказываю: «Прекратить поиск — эквивалент!» Через несколько секунд повторяем то же самое, и третий раз — на азимуте 240. Очень быстро, через несколько секунд, офицер наведения обнаруживает цель и сообщает, что цель маневрирует. Ручки поиска щелкают, операторы цель теряют. Время излучения вновь слишком долгое, и только я вновь хотел скомандовать «Прекратить поиск — эквивалент!», как оператор сопровождения Драган Матич воскликнул: «Вот он! Вот он! Поймал!» Он энергично повернул ручку, пытаясь вывести отражение цели на середину экрана. Получилось. Операторам удалось соединить цель с крестом — перекрестьем двух линий, и тем самым обеспечить условия для наведения ракет. Второй оператор сопровождения, Деян Тиосавлевич, сообщает, что у цели большая отражающая поверхность. В этот момент говорю Дани: «Смотри, чтобы не был ловушкой». В голове пронеслась мысль о военном опыте Ирака, когда объединенные силы ставили на беспилотные аппараты угловые отражатели и тем самым увеличивали поверхность отражения. Иракские боевые экипажи думали, что это настоящие самолеты и начинали слежение целенаводящим радаром. В этот момент истребители в воздухе засекали местоположение радара-наводчика, и тогда их ракетное подразделение уничтожалось противорадарными ракетами.

Офицер наведения Муминович говорит: радар отслеживает цель, цель в пределах досягаемости, дальность 13 км. Одновременно операторы сообщают: по Ф1 — «следим за целью», по Ф2 — «следим за целью». Дани командует: «Цель уничтожить, метод т/т наведения!» Офицер наведения Сенад Муминович нажимает кнопки пуска ракет. Глухой взрыв. Стартовый мотор первой ракеты завыл. Станция управления ракетами пошатнулась. Старт первой ракеты, через пять секунд — старт второй. Офицер наведения сообщает: «Первая запущена, первая сходится (операторы слежения по Ф1 и Ф2 начинают наводить ракету на цель), вторая пущена — вторая не сходится (нет возможности управления ракетой). Дальность 13 км».

Операторы по Ф1 и Ф2 устойчиво ведут ракету. Встаю с места помощника руководителя целенаведения и наблюдаю за последними километрами полета ракеты на экране оператора наведения. В точке встречи ракеты и цели на экранах видна светлая вспышка. Цель уничтожена. Время поражения 20.42. Самолет мы обнаружили на высоте 6 км. Последовал противоракетный маневр, сбит где-то на 8–10-километровой высоте. Остальные параметры офицер наведения не сообщил, речь шла о секундах. Весь процесс занял 23 секунды.

После этого в воздухе последовала паника — нигде ни одной цели. Командующему 250-й ракетной бригады ПВО Янку Алексичу из отдела по техническому обеспечению 250-й ракетной бригады по его требованию диктую состав боевого расчета, совершившего поражение цели. Дани осуществлял командование только способом наведения, а я его выполнял и, согласно положениям Правил наведения, извещал о способе наведения, расходе ракет, способе активирования боеголовок ракет, основных параметрах уничтожения цели. «Поздравляю, легенда!» — вырвалось у Алексича. Через 10 минут меня вызывает полковник Драган Станкович, начштаба 250-й ракетной бригады ПВО. Снова все ему диктую. Солдат Давор Бложич, протоколист боевых действий, записал историю в дневник боевых действий. В кабине радость. Поздравляем друг друга и целуемся. «Будем самым сильным дивизионом в бригаде. У нас будет два полковника», — сказал Дани, пока мы поздравляли друг друга.

С поста командующего Бригады через 30 минут после пуска идет команда: «Подготовиться к маршу». Звоню в лагерь, чтобы водители подогнали машины и подошел персонал. Технику нужно как можно быстрее переместить на следующие огневые позиции, в район села Прхово. Пока машины и люди из лагеря не прибыли, боевой расчет переводит технику из боевого в походное положение. Я устал. Не спал уже ночь и два дня. Говорю Дани, что иду в лагерь поспать, поскольку на передислокации я

не нужен. Ухожу в лагерь. Там мне майор Бошко Дотлич, помощник командующего по тыловому обеспечению, рассказывает, что услышал пуск первой ракеты и выбежал из канцелярии наружу. Визуально наблюдал за всем. Вход ракеты в облака, слышал взрыв и видел огромный падающий огненный шар. Ему показалось, что и вторая ракета попала в цель. Сомневаюсь, поскольку не было захвата цели. Знаю, что вторая ракета пошла по кривой траектории и упала где-то в сремском поле. Обломки самолета упали в районе села Буджановцы. Среди жителей окрестных сел воцарилось воодушевление. Все на нас смотрели с большим уважением. Так получилось, что Дани был руководителем целенавешения, поскольку я в связи с обязанностями, связанными с имитацией излучения радара, прибыл на огневую позицию около 20.30. Пуск совершила моя смена. Боевой расчет, который совершил боевое поражение, находился в составе:

подполковник Золтан Дани — руководитель целенавешения;

подполковник Джордже Аничич — помощник руководителя целенавешения;

капитан I класса Сенад Муминович — офицер навешения ракеты;

взводный I класса Деян Тиосавлевич — оператор ручного сопровождения по Ф1;

старший взводный I класса Драган Матич — оператор ручного сопровождения по Ф2;

подпоручик Дарко Николич — командир энергообеспешения;

солдат Давор Бложич — протоколист боевых действий.

На станции управления ракетами находился и майор Борис Стоименов, который в моем расчете являлся помощником руководителя целенавешения. Он ждал, пока Дани закончит дежурство.

На огневой позиции по обеспечению боевых действий другими средствами находились старший взводный I класса Джордже Малетич и солдат;

на наблюдательном радаре П-18 — взводный I класса Владимир Любенкович и солдат;

в центре связи — подпоручик Миодраг Стоянович, командир взвода связи и солдат;

на имитаторе излучения радара — взводный Игор Радивоевич и знаменосец Радислав Йович.

В лагере в радионовостях «Студии Б» в 22.00 слышим, что мы сбили F-117A, самолет стелс-технологии, гордость НАТО и ВВС США. Возбуждение в мире. Самолет — ударная сила ракетных войск США в начале следующего века. Шок общественности в Пентагоне и Вашингтоне. Спасли пилота. Прибыли три вертолета «Апач» со специалистами.

Подпоручик Дарко Николич из состава боевого расчета от президента Милошевича получил Орден мужества, а от командующего РВ и ПВО генерала Спасоя Смилянича — повышение в чин поручика. Академию закончил полтора года назад. Блестящий старт для молодого поручика. Не было объявлено о награждении всей смены, но все знали, что если не будем достойно награждены, это будет большим обманом народа и армии Югославии. Укрепилась мораль, появилась эйфория. Внимание ослабело, а напряжение отступило. Пропала горечь. Вернулась вера в то, что можно что-то сделать. Передислокация техники прошла очень быстро. Примерно за два часа техника была переведена из боевого в походное положение и передислоцирована на новую огневую позицию в район села Прхово. Я составил расписание и направления занятий позиций основных подразделений.

Понедельник, 29 марта 1999 г.

Непрерывное дежурство. Смена каждые 6 часов. На дежурстве мы были каждую ночь с 00.00 до 06.00, 6 часов на отдых, из которых в действительности спим по 2–3 часа, и вновь на дежурство. Подполковник Драгован Матиевич, мой «клас», принес мне часть сбитого самолета на память.

Сказал, что какой-то цыган Ручка, в Буджановцах, оставил два крыла F-117А длиной 3 метра и сопло для нашего подразделения как боевой трофеей. Во время отдыха не могу сконцентрироваться ни на телевизоре, ни на газетах. С Муминовичем разговариваем о том, почему только с третьей попытки обнаружили цель («Стелс» F-117А). Рассчитываем дальность полета и возможности зенитных орудий «Прага», «Бофорс», ПЗРК³ «Игла», «Шилка»⁴ и другого оружия поражения высотных целей. То, что они вне досягаемости, для нас будет началом отслеживания цели по углу возвышения. Мы измерили ту высоту, изменив метку угла возвышения для офицера управления ракетами. «Запомни параметры. Это будет нулевой отсчет. Передай это второму офицеру наведения Янковичу». Так можно было бы значительно сократить время обнаружения...

Среда, 31 марта 1999 г.

Смену вместе с расчетом закончил в 6.00. Клонило в сон. Во время смены на огневой позиции говорю Дани, что мы по распоряжению Оперативного центра 250-й ракетной бригады многократно излучали радаром наведения и искали крылатые ракеты. Безумно рисковали, и практически без возможности обнаружить и уничтожить «Томогавк». Теоретически возможность существует, но в условиях весьма краткого излучения она сводится к нулю...

Четверг, 1 апреля 1999 г.

Капитан I класса Дарко Рашчанин, с поста командующего Оперативного центра 250-й ракетной бригады приказал произвести обнаружение цели поисковым радаром на дальности 30 км. Я сказал ему: «Ты с ума сошел, это невозможно. Что для меня цель на такой дальности, когда ее досягаемость гораздо меньше. Я ее обнаружу, а достать не смогу...»

³ Переносной зенитный ракетный комплекс.

⁴ Зенитная самоходная артиллерийская установка.

Ночью разбомбили мост в Нови-Саде, между Петрова-радином и Нови-Садом. Ругова в разговоре с Милошевичем заявил, что необходимо прекратить бомбардировки и сесть за стол переговоров...

Суббота, 3 апреля 1999 г.

Сегодня ночью, через 44 года после Второй мировой войны, обстрелян Белград, стреляли восьмью ракетами по зданию республиканского правительства, республиканского министерства внутренних дел. Неизвестно, есть ли жертвы. Одна упала в 30 м от родильного дома, выбиты все стекла. Это огромный шок для молодых мам и детей. НАТО — это действительно фашисты.

Перевод А. И. Филимонова и Е. Ю. Гуськова

Воспоминания о Боснии

Более десяти лет прошло с тех пор, как я уехал из Боснии и Герцеговины, но воспоминания о пребывании в этой стране остаются неизгладимыми. Причиной тому служит и первый международный опыт работы, и знакомство с культурой и историей этой страны, и те дружеские отношения с коллегами по работе, которые удалось сформировать и пронести через все эти годы.

Вот и сегодня, перелистывая страницы Интернета в поиске новостей об этой стране, мне встретилась информация, навеявшая воспоминания об одной из самых интересных и необычных задач, которые мне, как сотруднику гражданской полиции миссии Организации Объединенных Наций (ООН) в Боснии и Герцеговине, довелось выполнять.

Статья опубликована изданием «Cazin» 23 декабря 2013 г.² Предлагаю вам ее авторский перевод:

«Министр безопасности Боснии и Герцеговины Фахрудин Радончич направил сегодня письмо членам контингента Боснии и Герцеговины, принимающим участие в миротворческой миссии ООН в Южном Судане:

Уважаемые сотрудницы и сотрудники, участницы и участники контингента Боснии и Герцеговины в миротворческой миссии Организации Объединенных Наций в Южном Судане.

¹ Гридчин Александр Анатольевич — доктор социологических наук, заместитель директора Генерального секретариата Международной организации уголовной полиции ИНТЕРПОЛ. С 15 июня 1994 г. проходил службу в составе российского контингента полицейских миротворческих сил в бывшей Югославии (UNPROFOR — 1994–1995, UNMIBH — 1997–1998, UNPREDEP — 1998–1999, UNMIBH — 1999–2001, UNMIBH — 2002). Награжден медалью «За отвагу», орденами и медалями других стран, медалями и почетными знаками МВД России, медалями ООН «За службу миру».

² <http://www.cazin.net/vijesti/clanak/radoncic-porucio-bh-kontigent-u-juznom-sudanu-ponosni-smo-na-vas>.

Министерство безопасности и я лично в течение последней недели, с началом беспорядков в Южном Судане, со всем вниманием и ответственностью следим за ситуацией и находимся в постоянном контакте с руководством контингента.

Хочу вас уверить, что мы полностью осознаем ту сложность обстановки, в которой вам приходится находиться, и что мы гордимся вами, теми, кто в такой тяжелой ситуации профессионально и с достоинством выполняет свои служебные обязанности, проявляя при этом свои лучшие качества и представляя Боснию и Герцеговину как надежного партнера в международных операциях по поддержке мира.

Нас обнадеживает информация, которую мы получили после вчерашнего заседания Кризисного штаба миссии, в которой констатируется, что уровень безопасности на территории не критичен и что миссия продолжает выполнять функции и задачи, возложенные на нее. Хочу вам сообщить, что мы и далее продолжим внимательно следить за ситуацией и в сотрудничестве с руководством контингента и соответствующими структурами ООН продолжим поиск наиболее правильного выхода из сложившегося положения.

...Хотел бы еще раз поблагодарить вас за то, что в таких условиях вы с достоинством и храбростью выполняете возложенную на вас задачу по оказанию помощи народу Южного Судана, оставаясь при этом единым коллективом, находящимся в постоянном контакте и действующим в соответствии с инструкциями руководства контингента».

Вспоминая о миротворческих миссиях, проведенных под флагом Организации Объединенных Наций, сразу вырисовываются картины эвакуаций, блокад, обстрелов, взятия в заложники и других кризисных ситуаций, в условиях которых приходилось исполнять свой долг. Об этом очень профессионально и точно в первом издании «Наши миротворцы на Балканах» уже расска-

зывали мои сослуживцы и друзья, легенды российского миротворчества Вячеслав Воробьев, Борис Ракитин, Андрей Демураенко.

Какие же задачи и в каком качестве выполняют миротворцы из Боснии и Герцеговины, страны в которой до недавнего прошлого приходилось работать нашим коллегам? В каких миссиях оказался востребованным их опыт? Каковы показатели статистики их участия? Насколько профессионально выполняют они поставленные перед ними задачи? На все эти вопросы захотелось найти ответы.

По данным Организации Объединенных Наций, в миротворческих операциях ООН Босния и Герцеговина (по состоянию на 31 января 2014 г.) представлена 62 сотрудниками (50 мужчин и 12 женщин).

Из них 41 выполняет функции гражданских полицейских, являясь сотрудниками UNMISS (United Nations Mission in the Republic of South Sudan), 9 гражданских полицейских входят в персонал UNMIL (United Nations Mission in Liberia), 7 гражданских полицейских находятся в UNFICYP (United Nations Peacekeeping Force in Cyprus).

Кроме того еще 5 экспертов входят в состав MONUSCO (United Nations Organization Stabilization Mission in Democratic Republic of the Congo). Такое представительство Боснии и Герцеговины в миротворческом движении ООН позволяет ей находиться на 40-м месте в мире по делегированию сотрудников в операции по поддержанию мира³.

Из этого следует, что Босния и Герцеговина на сегодняшний день является полноправным членом миротворческого сообщества. А с чего же начиналась история участия этой страны в операциях ООН по поддержанию мира? Когда, по чьей инициативе и при каких обстоятельствах был сформирован и подготовлен первый контингент? Поскольку мне довелось быть непосредственным участником этих событий в Сараеве в 1999–2000 гг., в этом материале и хотел бы ответить на эти вопросы.

³ <http://www.un.org/en/peacekeeping/resources/statistics/contributors>.

Первый Боснийский...

Не могу сказать, кому первому пришла в голову эта идея, сформировать первый совместный контингент полицейских из Боснии и Герцеговины, включив в него представителей как Федерации, так и Республики Сербской. Узнал я об этом в начале 1999 г., когда меня пригласил к себе руководитель Центра подготовки иностранных полицейских Дэйв Смолен, представлявший, несмотря на свои украинско-белорусско-польские корни, контингент Великобритании, и сообщил, что руководство миссии предлагает мне достаточно необычную роль — быть куратором и инструктором будущего первого контингента боснийских полицейских для участия в операциях ООН по поддержанию мира. Идея показалась мне сначала полной утопией, ведь полицейские различных энтитетов в то время не имели даже права пересекать линию разграничения, установленную Дейтонским мирным договором, но как раз своей невыполнимостью она меня и привлекла.

В то время это была моя уже четвертая миссия под флагом ООН в бывшей Югославии. Я имел опыт работы полицейским наблюдателем, трижды командовал полицейскими станциями в различных миссиях (Теня, сектор «Восток», UNPROFOR, 1994–1995; Сплит, сектор «Сараево», 1995; Вышеград, Горажде, Сараево, UNMIBH, 1997), имел опыт работы в достаточно необычной, но оттого не менее интересной превентивной миссии ООН в Македонии (UNPREDER, 1998–1999), дважды работал инструктором в Центре подготовки иностранных полицейских в Сараево, выезжал в служебные командировки по проведению тестов на знание иностранного языка и владения навыками управления автомобилем в экстремальных условиях в такие страны, как Индия, Непал, Бангладеш, Индонезия, Иордания. Но все же эта задача показалась мне настолько необычной и интересной, что я с удовольствием принял предложение руководства.

В этой связи не могу не сказать несколько слов о Центре подготовки иностранных полицейских, в котором предстояло проводить подготовку контингента. В задачи этого элитного подразделения миротворческой миссии в Боснии и Герцеговине входила организация тестов на знание рабочего языка миссии и управления автомобилем в экстремальных условиях для прибывающих полицейских из разных стран мира, а также организация курсов обучения специфике работы в миссии. Инструкторами этого подразделения становились наиболее опытные и подготовленные сотрудники миссии, которые могли передать свой богатый опыт вновь прибывающим коллегам. Из представителей российского контингента не могу не вспомнить такие легендарные, до сих пор звучащие в миссиях имена, как Евгений Омельченко, Юрий Осмоловский, Владимир Шлома. Из иностранных коллег хотелось бы вспомнить Луиша Мигеля Карильо (Luis Miguel Carrilho) из Португалии, который до недавнего прошлого возглавлял полицейский контингент ООН на Восточном Тиморе, а сейчас является

комиссаром миссии ООН на Гаити, Роберта Рэйла (Robert Rail) из Соединенных Штатов Америки, автора многочисленных учебников для полицейских, которые известны во многих странах мира, Патрика Очемпонга (Patrick Acheampong), который по возвращении из Боснии и Герцеговины в течение многих лет возглавлял национальную полицию в Гане, Патрика Фишера (Patrick Fisher), руководившего Центром в 1997–1998 гг., и многих других.

И вот на этот самый Центр и была возложена работа по подготовке первого боснийского контингента миротворцев. Наступили трудовые будни. После встречи с комиссаром Дитлефом Бувитом (Detlef Buwitt), представлявшим Германию, было принято решение о разработке детального плана организации и проведения тестирования и учебной программы для кандидатов в состав первого контингента гражданских полицейских из Боснии и Герцеговины для участия в операциях по поддержанию мира ООН. Для начала комиссаром Бувитом было составлено и направлено в министерства внутренних дел Федерации Босния и Герцеговина и Республики Сербской письмо, обязывающее

руководство ведомств проинформировать личный состав о наборе кандидатов и предоставить списки желающих участвовать в миротворческих операциях в штаб-квартиру миссии в Сараеве в ближайшие сроки.

Из опыта неформального общения с представителями местной полиции известно, что поначалу это предложение было воспринято скептически, однако позже желающие начали находиться. Во многом этому способствовал тот факт, что боснийские полицейские в течение многих лет работали бок о бок с сотрудниками миссии ООН в своей стране, и у многих возникло желание попробовать эту работу самим. Как бы то ни было, желающих оказалось достаточно, и дальше нужно было организовывать квалификационные тесты. Об этом отдельно.

Do you speak English?..

До того, как передо мной была поставлена задача отбора и организации программы обучения первого полицейского контингента Боснии и Герцеговины для участия в операциях по поддержанию мира ООН, этот вопрос казался мне одним из наиболее важных, который должен быть использован при отборе кандидатов. Оказалось все значительно сложнее. Во-первых, возник вопрос, как, не нарушая Дейтонского мирного соглашения, организовать экзамены на знание английского языка? Организовывать экзамены отдельно в Федерации и Республике Сербской представлялось нецелесообразным, ибо нарушался сам принцип, сама идея формирования единого контингента. Перевозить же полицейских через линию разграничения для исполнения ими служебных обязанностей запрещалось соглашением. Отследить, чтобы все полицейские были безоружными, то есть фактически обыскать полицейских из Республики Сербской, было бы наихудшим, к чему весь этот эксперимент мог привести. Решили проинформировать, точнее в очередной раз напомнить, о договоренностях и организовывать экзамен в штабе миссии ООН в Сараеве.

Все это происходило в казармах маршала Тито, находящихся на небезызвестной снайперской аллее, где в то время располагался Центр подготовки иностранных полицейских. Стоянку перед зданием освободили от автомобилей ООН, чтобы предоставить всем приезжающим возможность припарковаться. Эта картина до сих пор стоит перед глазами, поэтому останавливаюсь на этом подробнее. По одну сторону от главного входа — автомобили из Федерации, по другую — из Республики Сербской. Так же произошла и рассадка кандидатов в аудитории. Этот факт лишь подтверждал скептицизм, возникший в первый момент, когда мне предложили заняться подготовкой первого контингента боснийских полицейских. И в очередной раз промелькнула мысль, что вряд ли из этой затеи что-либо получится!

После приветственного слова от имени руководства миссии, начался сам экзамен. Участвовало около 80 кандидатов, отобрано было 18 человек, да и то с большой натяжкой. И они должны были еще пройти специальную проверку деятельности во время военных действий на предмет возможных нарушений прав человека или совершения каких-либо преступлений или правонарушений. А ведь могли быть еще и жалобы на того или иного кандидата от населения...

Нелегко в учении...

Когда 11 июня 1999 г. в «Докладе Генеральному секретарю о ситуации в миссии ООН в Боснии и Герцеговине» специальный представитель генсека проинформировал руководство организации о начале специального проекта по формированию контингента полиции Боснии и Герцеговины для участия в операциях по поддержанию мира ООН, никто не думал о практическом аспекте реализации этого важного и интересного проекта. На пути его реализации постоянно возникали различные проблемы. Однако назначенный в августе 1999 г. новый специальный представитель Генерального секретаря ООН по Боснии и Герцеговине

цеговине Жак-Поль Клейн (Jacques Paul Klein) отнесся к данному проекту как к одному из абсолютных приоритетов своей деятельности. И каждодневная практическая работа по его реализации вновь продолжилась. Первым делом необходимо было решить вопрос о централизованном размещении кандидатов. Те, кто были из Федерации, и думать не могли проживать на территории Республики Сербской, а полицейские из Республики Сербской ни при каких условиях не хотели ехать в Сараево. Кандидаты из самого Сараева требовали разрешить им проживать по месту жительства. С этим мы согласиться не могли. В итоге все 18 кандидатов были расселены в одном отеле за пределами города. Это был первый, но очень важный шаг для формирования единого коллектива, для создания нормальной атмосферы толерантности и взаимопонимания.

Занятия проходили ежедневно с 9 утра до 5 вечера и включали в себя практически те же предметы, которые преподавались и полицейским из других стран, прибывающим в Сараево для прохождения службы в составе миротворческой миссии ООН в Боснии и Герцеговине. Единственным и, пожалуй, наиболее серьезным отличием было преподавание английского языка. Как показали отборочные тесты, общий уровень языковой подготовки оставлял желать лучшего. Приведу один пример, точно характеризующий ситуацию. В субботу или в воскресенье, когда не хотелось «напрягать» коллег по Центру, я вызвался самостоятельно прочитать 6-часовую лекцию о правилах написания отчетной документации в миссиях. Этот курс назывался «Report Writing», и, поскольку автором его являлся я, более того, именно на этом учебном материале мной проводилась апробация моей кандидатской диссертации, мне было более чем интересно проработать ее с такой необычной аудиторией. Признаюсь честно, предмет этот не из самых занимательных, и провести 6 часов в аудитории с группой, держа ее в состоянии заинтересованности в происходящем, не так-то просто.

Да и коллег было по-человечески жаль, ведь рядом дом, семья, а они практически на казарменном положении даже в выходной день. Поэтому я решил провести занятие максимально эффективно и уложился в 5 часов. В конце я спросил, есть ли у кого-то вопросы. На что услышал очень неожиданную фразу: «Александр, а не могли бы вы за оставшийся час рассказать нам все то же самое, но кратко и на нашем языке!» И... пришлось рассказывать, ведь искренне хотелось помочь ребятам подготовиться к будущим миссиям. Такая добрая неформальная атмосфера во время занятий помогала не только усваивать материал, но и формировала спокойную, а бы даже сказал дружескую атмосферу в группе. Коллектив становился все сплоченнее и сплоченнее. Результат работы был налицо!

Выпускной вечер...

Сухое сообщение агентства Associated Press News-wires звучало так: «In February 2000, the first BiH CIVPOL training contingent, comprised of 18 police officers from the Federation and RS, representing all three ethnic groups, successfully completed back-ground checks and a two-week training course provided by IPTF. The group are scheduled to deploy to the transitional Administration in East Timor (UN-TAET) peacekeeping operation the third week of April 2000». Для нас же всех, и для Центра, и для группы, это был на-

стоящий праздник. Все испытывали какое-то неожиданное чувство радости и удовлетворения от достигнутого результата. Сложно сказать, в подготовке скольких групп из разных стран мира я участвовал в той же функции, но именно эти ребята останутся в моей памяти навсегда как самый большой успех в моей преподавательской деятельности в ходе миротворческих операций.

В процессе обучения мы, инструкторы Центра, преднамеренно не посещали кандидатов в гостинице, по месту их проживания, вырабатывая тем самым способность коллектива автономно мыслить, самостоятельно развиваться, выполняя поставленные задачи. А задачи этих мы старались дать им по максимуму. «Домашнее задание» давал каждый преподаватель. Перевести, написать сценарий патруля, выучить текст радиообмена, освоить коды, координаты — все, что угодно, лишь бы заставить их, вернувшись в отель, не разбредаться по комнатам, а, переодевшись, собираться поскорее всем вместе для работы. И вот когда все закончилось, мы приехали к ним в отель. Приехал руководитель нашего Центра Дэйв Смолен, приехали несколько инструкторов, преподававших различные дисциплины, я — их куратор. Сюрпризом нам был обильно накрытый стол. Вокруг него уже был один сплоченный коллектив. Никто не рассаживался по этническому либо какому-либо еще принципу. Впервые мы видели их без формы. И для тех, кто не знал их в лицо, поименно определить, кто из них представляет Федерацию, а кто Республику Сербскую, было бы, поверьте, абсолютно невозможно.

Мы выполнили задачу, казавшуюся нам изначально невыполнимой! И мы гордимся тем, что эти первопроехидцы доказали, что благодаря нашей помощи они смогли выполнить свою миссию! Пусть и последователи смогут!

Митрополит Черногорско-Приморский,
Зетско-Брдский и Скендерийский
АМФИЛОХИЙ (РАДОВИЧ)¹

Из летописи нового Косовского Распятия

Эта книга, читатель, — первая часть новой косовской «Летописи», родившейся в дни тяжелейших страданий 1999–2004 гг. Дополненная проверенными данными и последующими раздумьями, она, по объему должна быть разделена на две части и представляет собой лишь одну из страниц той Косовской «Священной книги», в которой записана драматическая, голгофская история народа сербского и его Церкви на просторах Древней Сербии — Косова и Метохии наших дней. Собранные в этой книге живые подлинные свидетельства о Косовско-Метохийском Распятии, в годы агрессии объединенных сил всего евро-атлантического Запада, посредством действий военного союза Соединенных Штатов Америки и европейских государств, именуемого блоком НАТО, и фактической оккупации Старой Сербии как новой попытки вырвать живое сердце нашего народа, яснее ясного показывают и открывают действительные причины — в первую очередь, духовные, а затем и земные — всего того, что происходило и сегодня происходит в Косове и Метохии...

Пролог в Рамбуйе

По благословию Священного Архиерейского Синода мы отправляемся в Париж вместе с владыкой Рашко-Призренским Артемием и другими в начале февраля 1999 г.,

¹ Из дневниковых записей Митрополита Амфилохия. Материал получен от автора и основывается на книге «Новая косовская голгофа. Дневниковые записи и воспоминания (март 1999 — декабрь 2000)». Белград-Цетинье, 2014. 384 с.

чтобы во дворце Рамбуйе — известном тем, что там французский король Карл X в 1830 г. подписал свое отречение от престола, чтобы участвовать в переговорах, решающих судьбу Косова и Метохии, на которых прозвучит и голос Сербской Православной Церкви.

Платформа выступления посланцев Сербской Церкви зафиксирована Заявлением, принятым на епископском совещании 23 января/5 февраля 1999 г., в духе общечеловеческого стремления к справедливости и косовского завета:

а) Оказать поддержку и пожелать успеха всякому «честному стремлению как в нашей стране, так и в рамках международного сообщества в том, что касается преодоления этнических столкновений в Косове и Метохии как неотъемлемой части Республики Сербии и СР Югославии», а переговоры в Рамбуйе «поддержать в надежде, что в их ходе откроется правда Божия и правда человеческая, равным образом для всех, без различия».

б) Требовать «для всех одинакового права на жизнь, солнце, хлеб, имущество, свой язык, веру, обычаи, творческую свободу и развитие» в Косове и Метохии, придерживаясь вечного Христова принципа: «чего не желаешь самому себе, не делай другим» и ожидая от всех его уважения.

в) Требовать уважения в Косове и Метохии не только сегодняшних, но и вековых прав всех народов, проживающих на этой территории, с особым акцентом на тот факт, что Косово и Метохия суть «вековое живое средоточие Сербского государства и Церкви, источник сербской духовности, культуры, государствообразующего и церковно-народного самосознания — то, что есть Иерусалим для евреев, Лондон для англичан, Нотр-Дам для французов, Москва для русских, то же самое есть и Печь, и Призрен для сербов»...

В церкви Святых Апостолов в Печской Патриархии возле Печи, в Печском Жерле, на скромном каменном престоле, под покровом благословляющего Христа Господа с фрески «Ветхий Деньми» и у самых ног изображенного под ним стоящего святого Саввы Равноапостольного, первого сербского архиепископа, с величественным крес-

том в руке, и сегодня торжественно проходит интронизация патриарха Сербского, а в Высоких Дечанах и сегодня чудотворным образом пребывают мощи сербского короля Стефана Дечанского.

г) Подчеркивать, что на Косово весь сербский народ стал, был и остается тем, что он есть между другими уважаемыми народами Земли, и что без Косова и без «земли сербских метохов», т. е. подворий и имений, тамошних великих, некогда еще более многочисленных, наших монастырей, земли, именуемой Метохией, сербский народ превращается в обезличенную биологическую массу, без прошлого и права на будущее, почему его правда и права относительно Косова и Метохии сложнее и глубже обычных, конституционно гарантированных прав в настоящее время на данной территории.

Вопросить сильных мира сего — что это за земная сила и мощь, которая посчитала бы себя вправе отнять у сербского народа память, государство, духовное бытие и поставить под угрозу его судьбу и место под солнцем? И ответить им, что отнять у сербского народа Косово и Метохию — значит не только лишить его жизненного пространства, но и вычеркнуть его из книги зрелых народов Земли, в которую он вписан самим своим историческим существованием и Промыслом Божиим, что и было бы прямо достигнуто отделением Косова и Метохии от его государства и передачей Печской Патриархии, Грачаницы и Дечанского монастыря, средоточий его Церкви, другой власти и управлению другого народа.

д) Напоминать всячески, что под гнетом такого рода несправедливости и насилия сербский народ и его Церковь прожили пятьсот лет турецкого рабства (до 1912), что оставило глубокие раны на его духовном и биологическом организме, особенно, что касается его количественного присутствия в Косове и Метохии. Нацистско-фашистская оккупация Косова и Метохии в период Второй мировой войны углубила эти раны. За время этой оккупации из Косова было изгнано 200 000 сербов.

С приходом на их очаги албанского населения, в результате насилия оккупантов было нарушено этническое равновесие среди населения. Послевоенная коммунистическая власть узаконила это насилие, запретив возвращение изгнанных сербов на их очаги... Укрепившийся в период оккупации, албанский сепаратизм продолжал, откровенно или тайно, действовать в течение всего послевоенного времени, вплоть до сегодняшнего дня. Так, в это время новые десятки тысяч сербов были вытеснены из Косова и Метохии. Причем только за последние 20 лет было этнически «очищено» свыше 800 населенных пунктов, в которых нет больше ни одной сербской семьи...

е) Передать, что архиереи Сербской Церкви, приветствуя все, что есть доброго и благонамеренного в согласованных предложениях контактной группы в Лондоне, считают своим моральным долгом выразить серьезную озабоченность тем фактом, что предложения контактной группы, в одной своей существенной части, представляют собой ультиматум Сербии и Югославии, почти тождественный ультиматуму сил Оси 1914 г. Среди не подлежащих пересмотру позиций в рамках этих предложений от 29 января 1999 г., по которым должны вестись переговоры в Рамбуйе, находятся и такие, которые, по сути, выделяют Косово и Метохию из состава Сербии, лишая ее векового сердца и мозга. Из этих принципов, в которых Сербия практически не упоминается, напрашивается вывод, что здесь речь идет не о подлинно демократическом и справедливом подходе и человеческих основах решения косовской проблемы, но, прежде всего, имеет место пристрастный диктат могущественных мировых держав... Такие принципы, будучи окончательно приняты, в международном плане неминуемо привели бы к преобладанию в мире одной сверхдержавы и ее военного потенциала.

Косово есть не только душа и судьба сербского народа, но и самое имя того наиважнейшего, что сербский христианский народ дал Христианству и привнес в сокровищницу всемирного культурного наследия и цивилизации. Неуже-

ли христианские и другие страны накануне 2000-летия Рождества Господа Иисуса Христа принесут в жертву землю, на которой этот народ воздвиг более всего храмов на христианском Востоке, землю, на владение которой народ и Церковь имеют грамоту от века? Неужели ее, запечатленную человеческими костями и мученической кровью, положат в основание некоего другого государства?..

В официальном письме, которое накануне конференции в Рамбуйе от имени Сербской Церкви направил Юберу Ведрину, министру иностранных дел Франции, одному из полномочных представителей международной контактной группы и вершителей справедливости в Рамбуйе, Его Святейшество Патриарх Сербский господин Павел, было отмечено: «Ваше Превосходительство, узнав на днях, что, в целях разрешения кризиса в Косове и Метохии — южном крае Сербии, планируется встреча представителей Союзной Республики Югославии и сербского правительства и представителей албанцев в Рамбуйе, начиная с 6 февраля 1999 г., под совместным председательством Вашего Превосходительства и господина Робина Кука, Сербская Православная Церковь выражает готовность внести свой вклад в нахождение прочного и справедливого решения для всех, кто на протяжении веков проживает на этой территории.

Сербская Православная Церковь жизненно заинтересована в том, чтобы посредством своих представителей — митрополита Черногорского и Приморского Амфилохия и епископа Рашко-Призренского Артемия и их сотрудников: иеромонаха Саввы из монастыря Високи Дечаны, Момчило Трайковича² и д-ра Душана Батаковича³ — присутствовать на этой встрече в Рамбуйе, ибо в Косове и Метохии находится свыше 1300 церквей и монастырей Сербской Православной Церкви, из которых во всем мире известны: Печская Патриархия (веками бывшая центром СПЦ), монастырь Високи Дечаны, Грачаница, Богородица Левишка, монас-

² Трайкович Момчило — сербский политик из Косова и Метохии.

³ Батакович Душан — сербский историк и дипломат.

тырь святых Архангелов возле Призрена и многие другие. В Косове и Метохии свыше тысячи лет проживают православные сербы, члены и верующие Сербской Православной Церкви, которые и в будущем желают там жить.

В интересах правильного и ответственного представления этих жизненных интересов Сербской Православной Церкви, когда решается вопрос Косова и Метохии, мы просим и требуем, чтобы нашей делегации было обеспечено присутствие на конференции в Рамбуе в качестве, которое Вы сочтете возможным (хотя бы в качестве наблюдателей), с правом изложить свое видение спорных вопросов...».

К сожалению, и само правительство Союзной Республики Югославия отвергает участие Церкви в переговорах, не лучше расположены к ней и власть имущие на Западе. В то время, как в Косове и Метохии творятся все более жестокие и дикие преступления над беззащитными и, не переставая, льются кровь и слезы мирного населения, Европа и Америка подняли нечеловеческий гам и диктуют направление своего нового империализма народам Земли, по очереди, одному за другим. Сейчас на очереди бедные сербы. Их они должны принудить присоединиться к этому направлению, по мерилам не правды Бога Истинного, но — самых эгоистичных и самых заносчивых людских страстей, во все голоса своей тиранической дипломатии и марионеточных СМИ, посредством тотальной демонизации всего сербского народа. По всему видно, что свои приговоры и решения они наперед рассматривают как окончательные и готовы защищать их любой ценой, всеми средствами политического и экономического принуждения, и даже, если потребуется, при помощи самой изощренной военной силы, которая уже давно размахивает своей дубинкой по всему земному шару и небесному своду под предлогом заботы о мире и правах человека.

В предшествующие дни Его Святейшество Патриарх Сербский господин Павел принял в связи с этим послов Англии и Франции: европейские послы действительно стараются выступать сладкоречиво и подчеркивают: Евро-

па и международное сообщество желают, чтобы в Косове прекратилось кровопролитие, желают не навязывать свое решение, но добиться того, чтобы все обрели одинаковые права. Это относится и к сербскому народу, Сербской Церкви и всему, что касается сербской истории и присутствия Церкви на Косово. Их цель, как они утверждают, в том, чтобы защитить Печскую Патриархию, монастыри и храмы. Английский посол ссылается на текст согласованных контактной группы и текст Всеобщей Декларации прав человека. Оба, по их словам, удовлетворены тем, что Церковь заявляет о своей точке зрения, призывая обе стороны приложить усилия к тому, чтобы все это осуществить и применить на деле. Говоря таким образом, они, как признаются сами, передают позиции своих стран, которые действуют во имя мира. Им особенно дорога, как они утверждают, защита «религиозных институтов» в Косове. Просят о поддержке своих усилий...

Такие красивые слова мы слышали и в министерстве иностранных дел Франции, где мы были приняты вместе с владыкой Западноевропейским Лукой, господином Костой Христичем и отцом Иоанном Георгиевским. «Церкви молчат», — замечает господин Руйар, один из секретарей министерства, отвечающий за Балканы. «Было бы лучше, если бы говорил папа или Вы, а не командующий силами блока НАТО. Пора Церкви высказаться», — говорит он.

Все, следовательно, ищут слова Церкви, только — кто в действительности слышит и слушает нашу Церковь? Пусть услышат, а разве не слышали они всех этих официальных заявлений, с которыми, в связи с событиями в Косове и Метохии, Церковь озабоченно выступала все эти годы, особенно в последние? Или ничего из этого, как кажется, господа на Западе не признают до тех пор, пока и Сербская Церковь не начнет разговаривать с позиций и при помощи словарного запаса командования блока НАТО, пока и она сама не начнет «активно продвигать проектируемую реальность» на Балканах, по знакомым следам прежних завоевателей... Об этом я размышляю с печалью...

В Париж, в эти февральские дни, под знаком Рамбу-йе, приехали и некоторые сербские политические лидеры: президент Милан Милутинович и другие официальные представители сербского государства и оппозиционные политики Вук Драшковиц, Милан Комненич...

В воздухе ощущение, что это судные дни для сербского народа, особенно для Косова и Метохии. Глядя, кто участвует в «переговорах», кто переговорщики и каковы посредники, чего требуют от сербов и что заявляют открыто или тайно, особенно главные европейские дипломаты, как, например, министр иностранных дел Великобритании Робин Кук — что «албанцы должны подписать предложенное соглашение, так как в противном случае блок НАТО не сможет бомбардировать Сербию», или один высокопоставленный функционер ОБСЕ, имени которого я не помню, — что происходящее «в Косове есть не столкновение сербов с албанцами, но столкновение Уолл-стрит с Византией», я невольно вспоминаю изречение профессора Радослава Груича: «Нет ни лучших времен, ни худших людей!..»

Начало натовской агрессии против Союзной Республики Югославии

В первую ночь бомбардировок, 11/24 марта, епископ Рашко-Призренский Артемий делает следующее заявление для радиостанции «Светигора»:

«Да поможет Господь всем, кто оказался под угрозой в эти тяжкие времена. Действительно, я и сам годами, везде и всюду, говорил, что проблема Косова и Метохии не может быть решена путем применения силы. И всюду говорил, что ее нужно решать мирными средствами, путем переговоров и диалога. К сожалению, говорил я это повсюду, и только там, где это было более всего необходимо, мне не была предоставлена такая возможность, и это в Белграде. С учетом политики, которая проводилась в Белграде, и с учетом развития ситуации на местах, здесь, в Косове и Метохии, все это уже долгое время можно было предвидеть и ожидать.

И так как возобладал отнюдь не разум, то дошли мы до того, что приходится нам ожидать, как на нас будут сыпаться бомбы. Да сохранит Господь всех нас и да отвратит злые намерения тех, кто управляет этим народом и кто угрожает этому народу. Единственное наше упование и надежда — надежда на Бога, надежда, что это не будет длиться долго и что последствия этого нападения будут ограниченными по отношению и к народу, и к армии...»

Бесконечные колонны изгнанных и новый Дамянов Серко

31 мая/13 июня

По патриаршему благословию я прибываю в Косово и Метохию, в направлении к Косовской Митровице. В Митровице — пустота и руины. Французские силы КФОР уже добрались до города и разместились в нем. Множество западных журналистов кружит по городу. Как будто забыв уже о бомбардировках и враждебных действиях своих правительств, задают вопросы: «Кто все это разрушил? Откуда такая пустота»? «Война, — говорю, — это не шутки», — будучи и сам ошеломлен хаосом, с которым встретился.

Мы продолжаем путь в Приштину. Проезжаем мимо колонны танков и наших солдат, которая покидает Косово. В Ибарской долине нас встречает множество народа, женщин и детей, автомобилей, но и повозок, запряженных волами, и телег, несчастных людей, нагруженных самым необходимым скарбом. Это народ косовско-метохийский, приведенный в ужас, оставляет свои вековые очаги.

Неизвестно, доведется ли им когда-нибудь вернуться. Возле дороги брошенные стада коров, с разбухшим выменем: нет больше хозяек, чтобы их подоить... В подобной бесконечной колонне я сам оказался четыремя годами ранее, в 1995 г., когда из Сербской Краины, через Мартин-Брод, Дрвар, Баня-Луку, Дервенту, двигалась она в сторону Сербии. Я спросил тогда одного крестьянина, двинувшегося со стадом овец через плоскогорья после Мартин-

Брода: «Куда, браток»? Собирая овец, он ответил спокойно: «В Сербию, отче!» Как будто Сербия где-то здесь рядом, за первой рощей. Я так никогда и не узнал, что стало с ним и с его стадом. Добрался ли он хотя бы до Мркониц-града. Выкупили ли военные у него овец на еду, как я просил одного офицера. Невозможно было тому старику, пастуху, уйти далеко, а куда уж его овцам...

Вдоль дороги, по которой мы едем в Приштину, скачет мелкой рысью конь. Очевидно, потерял своего хозяина и, напуганный происходящим, бросился в неизвестность, следуя автодороге. Грива его вьется по ветру. Рысь его торжественна и исполнена достоинством. Спрашиваю себя: как долго сможет он сопровождать автомашину? Пока машина отрывается от него все дальше, оборачиваюсь... Серый в яблоках конь исчезает вдаль, не оставляя своего намерения... И сегодня стоит у меня перед глазами эта животинка, словно какая-то редкость, виденная в течение жизни.

Проезжаем Приштину, в которой уже разместились войска Великобритании. Широкое косовское небо и его молчание разрывают своими лопастями и ревом стальные птицы новых конкистадоров постхристианского тысячелетия. Мы прибываем в монастырь Грачаницу и здесь остаемся на ночь, чтобы на следующее утро поехать обратно в сторону Митровицы и оттуда двинуться в Печскую Патриархию. Я все время смотрю по сторонам от дороги, не увижу ли где вчерашнего коня. И пока танки все прибывают, и войска и народ судорожно спешат в сторону Ибарской долины, чуть дальше от того места, где я вчера видел коня, обнаруживаю его — лежащим, павшим и уже мертвым, вытянувшимся во всю длину своих окоченевших членов, обращенных к небу, уже добычей червей и ворон... «Не появился ли в Косове, — спрашиваю я себя, — какой-то новый Дамянов Серко, подобный тому, о ком поется в народной песне про мать Юговичей, которой вороны приносят в крылышках руку мертвого сына, вырванную на Косовом поле...»

Натовская оккупация Старой Сербии

Июнь 1999 г.

Прибываем в Печскую Патриархию. Над городом Печь и окрестностями, у подножия гор Проклетия, навис страх. В городе хаос и пустота. Албанцы еще только прибывают, оставшиеся сербы пытаются найти защиту у итальянцев, чье командование разместилось в помещении бывшего пивного завода. Народ сжался перед воротами, никто не знает по-итальянски. Подхожу, обращаюсь к солдатам, чтобы отвели меня к командующему, генералу Дель Веккьо. Генерал принимает меня, любезно, предупредительно. Он совсем ничего не знает про город. Объясняю ему, что прежде всего нужно защитить Печскую Патриархию, а в самом городе — митрополию и приходский дом. Знаю, что где-то здесь еще и музей, но не знаю, где именно. Упоминаю монастыри Будисавцы и Гориоч. «Мы прибыли ради мира и примирения, — говорит генерал. — Сделаем все, чтобы защитить народ!» Я встречал его позднее, несколько раз, в отеле «Метохия», в Печской Патриархии. Уже в тот день было слышно о многочисленных похищениях и убийствах.

Приехав в Печскую Патриархию, застаю в ней состояние смуты. Уже полным ходом идет всеобщее бегство сербов. Дзяковица, угрожаящим образом, уже пуста, и села вокруг нее, как и сам город Печь с окрестностями. Бело Поле опустело, Гораждевац еще держится, но и оттуда какое-то количество людей отправилось в изгнание, как и из других сел по эту сторону Печской Бистрицы — Ловоши, Сиги, Брестовика... Возле Урошеваца албанцы стреляют по колонне беженцев, в окрестностях Приштины атакуют село Словинье...

В Печской Патриархии сестры, и сами испуганные, уже нагрузили на хозяйственном дворе грузовик самыми необходимыми вещами. Игуменья Феврония была против, но не могла противиться младшим. Благословение патри-

арха Павла, чтобы я приехал в эту вековую резиденцию сербских патриархов, и само мое прибытие, на радость игуменье, все это прекратили. Это благословение сербского патриарха стало спасительным не только для монастыря, но и для множества народа, который позже, особенно к Видову дню, найдет спасение, как уже многократно бывало в прошлом, в этом прежнем подворье монастыря Жича, куда в последней четверти XIV в., во времена святого короля Милутина, под угрозой набегов азиатских орд, была перенесена резиденция сербских архиепископов. «Задужбина» Печских архиепископов и патриархов находится под чудесным покровом «Красы Печской», Богородицы, всеславной надежды христиан православных и защитницы и спасительницы крестоносного рода сербского, избавления всего мира. И ее чудотворной иконы, что, как благословение из Святой Земли и Святого града Иерусалима, принес своей Церкви и своему роду святитель Савва, первый сербский архиепископ, как говорится об этом в акафисте Пресвятой Богородице Печской, служить который здесь не перестают веками...

Черногорский комиссар по делам беженцев Джерже Шчепанович сообщил журналистам, что только сего дня, 14 июня, в Черногорию прибыло 11 000 изгнанных, а в следующие дни ожидаются новые волны. В Сербии в течение последних дней к прежним изгнанникам из Хорватии и Боснии и Герцеговины, которых свыше 700 000, присоединилось более 100 000 беженцев из оккупированной Старой Сербии...

Черные «тройки» и уличная толпа начинают с похищений, убийств, избиений и изгнания беспомощных сербов и систематических поджогов их домов как в самом городе, так и в окрестных селах... Грабят и поджигают монастырь Святого Марка с церковью XV в. в близлежащем селе Кориша. На улице в Призрене из машины, в которой он ехал, похищают монаха *Харитона Лукича* (38) из монастыря Святых Архангелов, всякий след которого теряется. В Гнилане захвачены: *Власта Цветкович*, владелица

скобяного магазина на Бояниной улице, *Слободан Стойкович* из квартала Комник, *Драган Фурунович*, *Божидар* (69) и его супруга *Душица* (69) *Лазичи* из села Жегра...

Из Митрополии Черногорской и Приморской, из Цетинья, Подгорицы и Никшича, прибывает к нам группа клириков, журналистов и верующих: иерей и преподаватель Цетиньской Духовной Семинарии, Цетиньский попечитель приходских округов и главный редактор «Светигорь», о. Радомир Никчевич, иеромонах Йован Чулибрк и монах Павел Кондич из Цетиньского монастыря, Славко Живкович, журналист «Голоса черногорца» из Подгорицы, в то время мирянин, а ныне приходский настоятель из Подгорицы Миладин Кнежевич и Педжа Вукичевич, сотрудник митрополии из Никшича. А из Белграда — монах Давид Перович, фотокорреспондент Живота Чирич и журналист Мишо Вуйович.

Утром служим Божественную Литургию. Каждый день со всех сторон приходят ужасающие вести и все более частые призывы о помощи из Печи, от сербов, окруженных и атакуемых вооруженной толпой. Сообщают, что двадцать пять вооруженных албанцев ворвались в монастырь Девич. Как свидетельствует игуменья матушка Анастасия, они кричали сестрам: «Чего ждете, раз не уехали? Думаете остаться в чужой стране?» Избили старших монахинь, которые защищали и защитили самую младшую, послушницу Майю, почти девочку, которую хотели похитить. Затем заперли их в кельи, а сами двинулись осквернять церковь и гробницу Святого Иоанникия. Разбили киркой надгробную мраморную плиту, перевернули и разбросали церковную утварь, стреляли в иконы...

Одна семья из Печи, не помню фамилии, взывает о помощи. Если не приедем, их всех убьют. Не медля, ищу глазами у монастырских врат о. Радомира Никчевича, который тем временем находится где-то в жилых корпусах. Зову его громко, не в состоянии терпеть и тянуть с отъездом. Он выбегает, мы вдвоем садимся в джип и вот — мы уже на дороге в город.

В Печи подозрительно тихо. Тишину нарушают только редкие автоматные очереди и автомобили, лай собак и крики албанских преследователей возле оставленных сербских домов и квартир, которые они планомерно грабят и жгут. На почти пустых улицах — запах гари, пожарища, которые еще дымятся, и ощущение страха и опасности. Мимо нас, по перекресткам, местами, среди группок людей проскальзывают горящие ненавистью взгляды «УЧКистов». Эти албанские нацисты нового времени, внуки прежних «качаков» и «баллист», выкормыши военных инструкторов, лабораторий и фондов западных держав, начиная с 1998 г. пользующиеся дурной славой в связи с кровавыми похищениями, убийствами и террористическими атаками против сербских гражданских лиц и полиции, в ходе агрессии против СР Югославия стали в Косове и Метохии наземным ударным кулаком блока НАТО. Сегодня, после Куманова, они — его протянутая, «санирующая» рука на местности, «чистильщики» и «силы порядка», которые, очевидно, перерастают в новую, албанскую полицию и армию.

Едем молча, по-солдатски сосредоточенные. В один момент о. Радомир не может сдержаться: «Здесь, Владыко, можно только погибнуть...» «А где еще лучше всего сложить голову, как не здесь, в Косове милом?!» — говорю я ему. В районе железнодорожной станции возле нас возникает группа албанцев, в военной форме. Все это была безусая молодежь, но готовая на все. Смотрели на нас с угрозой, ничего не говорили, не кричали, не угрожали. Внезапно один из них достает гранату и подбрасывает ее под нашу машину, когда она проезжает мимо, и отбегает со своими товарищами в ожидании взрыва... Мы в машине тоже ждем, мучительно... «Пресвятая Богородице, Краса наша, моли Бога о нас, да будет нам по воле Божией!..» Секунда, другая, третья... Они проходят, и — ничего. Граната не взрывается. Продолжаем двигаться, не разговаривая. Добираемся до отеля «Метохия», где располагается передовой пост итальянского контингента. Просим итальян-

янцев поспешить на помощь окруженной семье, которой грозит суд Линча. Они идут навстречу, спасают несколько сербских голов из кольца.

Террористы заняли город и уже «зачищают» его от сербов, врываясь «тройками» в их квартиры и дома. Кого-то убивают, кого-то похищают, всех грабят и выгоняют на улицу... «Весь мир восстал против Креста!» — отзываются у меня в памяти слова, которые я слышал от старого козовца и скадарца, дяди Стана Башановича, в монастыре Дечаны. «Если нас не предаст кто-нибудь, мы продержимся до конца. Больше всего мне жаль, что я состарился и не могу пойти на Косово биться с этим сбродом. Отдал Тито Косово туркам в 1974... Сербов режут и гонят, а Косово — им... Я родился в войну 1914. Хотел бы и умереть в войну 1999. Бьет Клинтон, а ничего нам не может. Неповинный народ... Никому ничего не сделали... Американцы умные: ни один на войну не пойдет, а заставят других, чтобы потеряли и деньги, и головы...».

В конце дня посетили монастырь Будисавцы. Там остался о. Стефан и две сестры, и еще одна наша семья. Остались албанцы-католики. В Косове находится и епископ Захолмский и Герцеговинский Афанасий Евтич, чтобы самому спасти то, что можно спасти...

Долгая косовская «Варфоломеевская ночь» сгущается

4/17 июня

«Необалисты» покидают Девич с множеством награбленного добра, вывозят и тащат с собой все, что только можно — трактора, автомобили — «комби» и автомобили марки «фольксваген гольф», пилы, агрегаты, телефоны, факс-аппараты, холодильники, мебель, деньги, продукты... Скоро в Девич в сопровождении КФОР прибывает Его Святейшество Патриарх Сербский Павел с владыкой Герцеговинским Афанасием и отцом Радивоем Паничем из Косово-Поля. Над разбитым кивотом девичского свя-

того они служат молебен об изгоняемом и распинаемом народе... Как нам становится известно, Патриарх со своими спутниками навестил Грачаницу и епископа Рашско-Призренского Артемия. Обратился к собравшимся в монастырских воротах сербам и попросил их не оставлять свои очаги. Патриарх посетил в Приштине и командующего силами КФОР генерала Майкла Джексона и обратился с призывом о мире, повторив свои слова о том, что «на Косово есть место для всех, невзирая на религиозную и национальную принадлежность». Вечером новые «баллисты» врываются в ворота приштинского храма с криками: «Уходите! Уходите!..»

Около 20 000 сербов из Урошевца и окрестностей покидают свои дома. Беженцы свидетельствуют, что албанцы поливают за своими недавними соседями улицы, чтобы смыть с них и самые их следы. Албанцы утверждают, что в урошевацком крае существуют якобы массовые захоронения албанцев, но тамошние сербы свидетельствуют, что если и существуют какие-то массовые захоронения, то лишь с трупами убитых сербов — в Клечке, в Руднике возле Клины и в езерских горах возле Урошевца...

**Если уж пережили мы 500 лет под турками,
даст Бог, и это переживем...**

...Между собой мы общаемся по мобильным телефонам, «моторолам». Монастыри получили их через владыку Артемия. Благодаря такой связи многие в эти дни были спасены от неминуемой смерти. С их помощью мы связываемся и с итальянским командованием. Вести о похищениях и убийствах десятков и сотен сербов следуют одна за другой. Так, вчера нам сообщили, что похищены *Лука Петрушич* и *Радмила* и *Слободан Вуячич*, учителя из начальной школы в Печска-Бане (жена Вуячича, Драгиня, сумела бежать). В Печи похитителям попался *Бранислав Видич*. Его супругу *Ольгу* изнасиловали двое албанцев в форме. В Печи спасен и перевезен в монастырь Душан

Йович (24), как и Бранко Груич и Спасое Лалич. К Милораду Нововичу и Душану албанские бандиты ворвались в дома и изъяли у них оружие и автомашины. Избили их и приказали: «Уезжайте в Сербию!» Нам говорят, что двое *Букумиричей* и некий *Радулович* двинулись на голубой автомашине-«комби» в сторону Рожая. По какому-то иностранному телевидению видели потом их мертвые тела и автомашину возле дороги (на Савиных Водах?), опознанные их родней в Черногории...

В Печскую Патриархию прибывает и патриарх Павел. Народ, охваченный мукой и страхом за саму жизнь, обратился к вековой резиденции сербских патриархов, как к убежищу, и ищет спасения у старого патриарха. Собравшиеся беженцы спрашивают, что делает Сербия в обстановке этой гибели, а многолетний Рашко-Призренский епископ и страдалец отвечает, призывая всех оставаться у своих очагов: «Если уж выдержали мы 500 лет турецкого владычества, даст Бог, и это пройдет!»..

**Милош Чиркович — новый Обилич:
«Вы идите, я остаюсь!..»**

7/20 ИЮНЯ

Сегодня последние сотрудники полиции и военнослужащие регулярной армии Югославии покидают территорию Косова и Метохии. Как говорят ответственные лица в Сербии: «Югославская армия получила новую задачу — защитить сербский народ на Косово со стороны прилегающих к нему территорий!» Как говорят в народе, «одно строим, другое ломаем!» С Его Святейшеством мы выезжаем в Високи Дечаны, откуда патриарх продолжит путь до Белграда, чтобы провести очередное заседание Святого Архиерейского Синода. Епископ Артемий после Литургии в Грачанице проводит большой народный собор в Косово-Поле, а затем выезжает в Гнилане и окрестности. Епископ Афанасий Герцеговинский в Митровице, а потом в Липляне и Урошеваце, в котором сербов осталось совсем мало.

Вучитрн остался совсем без сербов, церковь и приходский дом в нем сожжены. С сопровождающими из Дечан я возвращаюсь в Печскую Патриархию. Толпа арбанасов разграбила и подожгла двадцать сербских домов в селе Граца, возле Бабина Моста. Все жители бежали. Британские военные из КФОР, хотя и были в непосредственной близости, не вмешивались, но продолжали спокойно регулировать движение на дороге во время разграбления села, пока албанцы вывозили полные трактора и автомашины сербского имущества и потом, пустыми, возвращались за новой добычей.

В Печи убит *Радован Булатович* (69), его отец Благо. Сообщают: народ возле Института в осаде, напротив Витомирицы — нужна срочная помощь. Новое известие: албанцы разрушают здания возле митрополии — приходский дом и другие. Итальянской охраны нет. Дреновац: остались больная старушка Божана Йованович и сын Воислав, о них ничего не известно. Мы поехали и зашли в дом. Не нашли никого. Узнаем: Српска Клина вся выселилась 17 июня.

Как похоронить убитых в Белом Поле? Выезжаем, снова вместе с отцами Милько Коричанином, Радомиром Никчевичем и другими, в Бело Поле в 17 часов, чтобы похоронить несчастных братьев *Радомира* и *Чедо Стошичей* и *Филлипа Костича*. Все трое убиты — им стреляли прямо в лицо. Одного мы нашли на пороге, он был весь в крови. Над ним, до потолка, во всю стену, портрет Слободана Милошевича. Двое других убиты перед входом в дом, у стены, пули раздробили мозги. На ногах резиновая обувь, как будто они только что вернулись с поля, выполнив обычную работу крестьян. Обернули мы их в одеяла, принесенные из Печской Патриархии. О настоящих гробах здесь и помыслить невозможно. Перенесли их на руках поближе к кладбищу, положили одного рядом с другим на взятый откуда-то стол и совершили отпевание. Отпевание снимают телевизионные группы иностранных компаний. Около нас итальянские карабинеры с автоматами наготове.

Опустевшее село словно окаменело, горные вершины безмолвствуют. Редкие птицы, только с другой стороны кладбища, откликаются со здания на выстрелы...

Итальянцы нас поторапливают. И справедливо. Мы — хорошая мишень для притеснителей-«УЧКистов». Итальянцы вывезли из села Павла Джукича и его старую мать Ефросиму. От итальянцев мы узнаем и следующее: в селе один в своем доме остался Милош Чиркович, лесник, в свои 38 лет бывший во время войны водителем у сербских спецназовцев, который «отлично знал каждое дерево, каждый камень». Остался защищать село. Я отправляю отца Радомира Никчевича с одним молодым парнем из дома Стошичей поприветствовать его и упросить, от моего имени, переехать с нами в Печскую Патриархию. О. Радомир находит его с оружием и одетым в военную форму. Снимать ее он не желает. Единственный сербский боец в форме в Косове и Метохии после июньского отступления 1999 г. О. Радомир передает ему приветствие и наказ. Просит его, Богом заклинает, настойчиво убеждая отправиться с нами. Просит его и молодой Стошич. А он исполнен неземной решимости и земным упорством: «Ты помолчи, чтоб я тебя не убил. Позор вам, все продались!.. Идите, я остаюсь!..»

Последний защитник Церкви и народа в этом погроме и разорении, готовый погибнуть «за короля и отечество», — рассказывает нам о. Радомир по возвращении. Он забаррикадировался в неприступном бетонированном углу подвального этажа с кучей боеприпасов вокруг. Решил защищать порог своего дома до самой смерти. Благодарит за заботу и приветствие, но решительно отказывается покидать свой дом, упорно прерывая всякие дальнейшие уговоры...

Потрясенный решительностью одинокого воина, отец Радомир на прощание благословляет его на последний подвиг словами: «Благую ты участь избрал, Милош с сердцем Обиличевым! Бог да благословит тебя на благой подвиг, Милош Чиркович!..»

Притеснения нового арнаутства по селам и городам

8/21 июня

...Покинутые сербские квартиры в Приштине подвергаются разграблению, из других, где еще живут, изгоняются все сербы, их бьют, ранят, похищают, убивают. В квартале Сунчани Брег сегодня с утра развиваются албанские флаги. В квартале сербов изгнали из всех фирм и больниц. По улицам разъезжают «УЧКисты» и «УЧКистки» в форме на краденых автомобилях убитых, ограбленных и изгнанных сербов. Больше не действуют сербские удостоверения личности, водительские права или какие-либо документы государства Сербия, сербский язык запрещается, а официальным языком становится вместо него английский. Сербов по квартирам и домам запугивают призывами: «Уезжай или убьем!» Те, кто не захвачен и не убит, не выходят из квартир, не в состоянии ни у кого что-либо купить, так как албанцы отказываются продавать им товары...

...Сегодня мы обнародовали Заявление для нашей внутренней и международной общественности, которое гласит:

«Сегодня, вечером 23 июня, мы заявляем нашей и международной общественности о том, что последние сербы покидают Метохию под устрашающим натиском террористов «ОАК» и различных неподконтрольных и вооруженных групп. Эти группы пополняются из числа местных албанцев и каких-то цыган или из самой Албании! При изнасиловании одной сербки были замечены люди в албанской военной форме, а тройное убийство в селе Бело Поле и многие другие убийства совершены «балистами» и чернорубашечниками, наряду с прочими.

Югославские власти, после вывода армии и полиции, оставили народ на милость и немилость, ненависть и террор сотен тысяч изгнанных и теперь возвращающихся албанцев, но и албанцев-граждан государства Албания, жаждущих грабежей и убийств. Насилие оказывается тем более удручающим и страшным, что многие

возвращаются на пепелища своих домов, в уничтоженные и разграбленные города и села. Чтобы безумие возросло еще более, на днях эти власти и их министры начали обманным образом подставлять возвращающихся сербов буквально под нож разъяренных толп, ищущих мести.

Только сегодня и за несколько последних дней здесь, в Печи, убито около 20 человек. Десять из них находятся в какой-то яме. В Джаковице — 10 человек, в Обиличе — 6 человек, многие похищены. Наблюдая все это, мы с изумлением констатируем, что и величайший враг не смог бы причинить своему противнику то, что эти власти сделали в отношении Косова и Метохии. Здесь государство буквально уничтожило само себя, подорвав и унизив свое достоинство и пред Богом, и перед последними святыми остатками честного сербского народа на его святых соборных очагах. Все крепче и крепче сжимается кольцо вокруг Печской Патриархии, Дечан и других святынь косовских, где остаются их епископ Артемий, священство и монашество, но впервые в истории — так мало народа, в некоторых местах совсем без единого человека.

Этот шестьсот одиннадцатый по счету Видов день будет для Космета самым страшным из всех предшествующих, со времен самой Косовской битвы 1389 года. Остается только надежда на Бога Живого, на Крест Честной и честного князя, великомученика Лазаря, на святого Стефана Дечанского, святых архиепископов и патриархов в Печской Патриархии, в которой все еще теплится лампада, возжженная руками монахов и стариц-монахинь, ее верных хранителей».

На той встрече с журналистами мы еще добавили устным образом: «Нигде не случилось такого, чтобы государство само себя упразднило. Власть в Белграде раздает себе отличия на пепелище собственного государства и на костях сербов, убиенных на Космете. Пусть она и дальше прославляет свои великие победы, аплодируя своему вождю, а Сербская Церковь будет молиться всем сердцем, да защитит, просветит и спасет всех нас Бог!»

Капитан Портелано, достойный человек, сообщает нам, что сожжено село Накло. Осталось только два дома. Те, кто вернулся, переночевали на кладбище и сегодня утром уехали в Кралево... В селе Главичица было 82 дома. Из них 20% арнаутов-католиков.

Одна семья Гоич Радивоя состояла из 9 человек. Из них 7–8 спасали церковь. Террористы им угрожали: «Убьем вас!» «Убейте», — был ответ. И так были спасены, хотя бы только на сегодняшний день, и церковь, и церковный дом.

Слепой арнаутский шовинизм — дьявольская испорченность разума и сердца

...В Витомирице, несмотря на наши объезды и попытки убедить народ остаться, все неожиданно стали готовиться к отъезду. Выехать готовы около 170 машин и тракторов, около 500 человек. Я все время в контакте с адвокатом Томой Марковичем, который выступает от имени витомирчан. Мы ведем долгие переговоры с полковником Саварезе, который обещает защиту и советует остаться. В отеле «Метохия» происходят дальнейшие переговоры. В качестве условия, чтобы остаться, Маркович просит о том, чтобы албанцы освободили занятые дома, чтобы обезопасили все село, а не одну только дорогу, посредством постоянного присутствия в селе итальянских солдат, чтобы немедленно было выяснено, что с похищенным шесть дней назад адвокатом Миливоем Джюричичем, жив он или мертв. Он самый уважаемый человек в Витомирице, 99% людей двинулось в изгнание после его захвата. Полковник говорит, что он и своим солдатам не может гарантировать абсолютную безопасность, но сделает все, что в его силах, чтобы защитить народ. Маркович заявляет, что гарантий защиты недостаточно и что население покидает Печь. Саварезе беспомощно пожимает плечами и организывает сопровождение до Савиных Вод включительно. Метохия пуствует все больше и больше...

... Мы обошли Накло. Храм Святой Троицы в нем был освящен в 1990 г. Село смешанное. Наших было около

35 домов. Церковь мы находим взломанной. Святой потир украден, в церкви все разбросано. В том же состоянии и церковный зал. Кладбище на данный момент еще не тронули, кроме одного деревянного креста. Мы наскоро собрали, что смогли: кадило, лампы, крест, покровы. Не смогли извлечь мощи из Святого Престола. Звонница стоит невредимой... Возвращенцы побыли здесь, переночевали на кладбище и уехали в Кралево...

Поступило нам известие, что 16 июня в Захаче (на восьмом километре дороги Печ—Приштина) были похищены четыре женщины — *Васа, Василка, Стания и Слободанка Марьянович*. В Печскую Патриархию прибыл д-р *Александр Антониевич* из Джаковицы, который свидетельствует о сербском погроме в Джаковице. К нему 23 июня ворвались в квартиру и похитили у него *единственного сына*, о котором ничего не известно. О. Мирослав Попадич сообщает, что горят сербские дома в окрестностях монастыря Гориоч и те, что остались в Белом Поле... Около 20 часов Мара и Радомир Бацкович из здания напротив Торгового центра в Печи взывают о помощи (это ниже ОВД), в сторону железнодорожной станции... Пока мы едем, чтобы их забрать, о. Радомир Никчевич комментирует этот грубый, примитивный шовинизм, который царит среди косовских албанцев: «Шовинизм, как в «Монтенegro», атеистический, биологический, характерный для посткоммунистической Черногории, — тождествен этому албанскому сербоненавистничеству. И это опасно...». Действительно, нечто весьма тревожное появилось в эти годы на просторах бывшей Югославии: речь не только о слепом шовинизме, но и о состоянии людских умов и сердец, отравленных анархическим нигилизмом.

Как здесь, в Косове, так и повсюду, во всех странах, охваченных войной, в большой степени были и остались при деле (а потому истоль страшны их плоды) — марксистско-ленинская и титоистская идеология, переплетенная с национальным самоопределением, которое всегда находит отдышку в самом грубом, слепом шовинизме. Слепение

национальным, без Бога и веры, с биологией и безбожной идеологией как содержанием, сопряжено с ненавистью к соседнему народу, это новая разновидность «революционного» человекоубийства и истребления целых народов. Очевидно, что косовские албанцы более секуляризованы, чем боснийско-герцеговинские мусульмане. Тамошние мусульмане хотя бы пережили своего рода возрождение Ислама. У арнаутов же Косова и Метохии этого нет и следа. Это видно и по тому, как албанцы изгоняют не только сербов, но и мусульман, и цыган мусульманского вероисповедания, как и по их поведению, манере одеваться. Следы бесчеловечных действий, которые оставили здесь после себя некоторые сербские полувоенные и другие формирования (страшно, что часть народа в последние месяцы позарилась на чужое, оставив после себя смрад и зловоние), свидетельствуют о той же самой безнравственности, которой опустошены и виновники этого всеобщего албанского безумия и притеснений — грабежей, поджогов, разрушения храмов, убийств, изнасилований.

И этих, нынешних, и тех, что были от века. Нет сомнения, что той же самой безнравственностью руководствовались и все вдохновители и исполнители того насилия с воздуха, при помощи бомб США и европейских государств. Тот же самый дух зла, вышедший из глубин адовых, правил и продолжает править здесь бал, только с иными, отличными знаками и дьявольскими «приманками», раздавая колотушки и «пряники» каждому по его вкусу, как говорит Негош: «И стал им дьявольский мессия ложной веры предлагать сладости». Очевидно, что, если западная демократия продолжит двигаться этим путем, она неуклонно перейдет в демонократию, которая, тайно или явно, управляется согласно старому макиавеллиевскому принципу, что неслучайно подчеркнул в разговоре один испанский полковник — «цель оправдывает средство». Именно этот принцип и есть сущность евроатлантической позиции акций ее «милосердных ангелов» в Косове и Метохии...

Мы, сербы, суть то, что говорят наши здешние святыни

...В 13 часов Его Святейшество принимал секретаря министерства обороны Итальянской Республики, Массимо Брути, и командующего итальянским сектором, генерала Дель Веккьо. Г-н Брути признается: «Наше желание состоит в том, чтобы как можно скорее обеспечить гражданское управление, а позиция правительства Италии такова, что эти святыни принадлежат европейскому культурному наследию. Мы здесь, чтобы в полной мере защищать святые места...»

Я же стал размышлять, не присоединяясь к разговору: «Значит, и во время натовского мира, как и во время натовской воздушной войны, сербские головы, но и албанские, живые и мертвые, суть нечто второстепенное, как любят говорить НАТО-вские руководители — «побочное», «косвенное»: «косвенный ущерб», когда они мертвы, и «побочные приобретения», когда остаются в живых. Самое же существенное для них, вопреки словам Брути и пожеланиям Римской курии, конечно же, отнюдь не святые места. Самое существенное состоит в овладении территорией, а после очистки ее поверхности, загрязненной урановыми бомбами, что предоставлено бешеным албанским башибузукам, которые и сами будут заражены и, вероятно, смертельно больны, — после этого, разумеется, присвоение природных богатств и дальнейшее развитие и действие самой крупной американской военной базы в Европе, растущей на землях между Урошевацем и Гнилане, где, похоже, открыты самые перспективные залежи урана в Европе. Пустая *похоть очей и гордость житейская!*»

В эти дни люди в Косове напоминают стервятников: вороны, люди и черви занимаются одним и тем же делом. Человеческое стервятничество: грабежи, поджоги, убийства — напоминает живодерство. Как с Лазарем четверодневым: прах крадет прах, смерть питается смертью, чтобы выжить в ожидании, в свою очередь, топора между глаз.

Ужасающий баланс евро-американского мира за один месяц

27 июня/10 июля 1999 г.

Епископ Рашко-Призренский Артемий направил открытое письмо командующему силами КФОР генералу Майклу Джексону и специальному посланнику генсека ООН Виейро де Мелло, в котором, среди прочего, говорится:

«Столкнувшись с неблагоприятным развитием событий в Косове и Метохии на протяжении последнего месяца, т.е. со дня прибытия сил КФОР на эти территории, мы вынуждены и на этот раз обратиться к Вам письменным образом ... Своим прибытием силы КФОР, подобно кумановскому соглашению, обеспечили безопасный отход представителей армии Югославии, МВД и полувоенных формирований, но не обеспечили безопасность и мирную жизнь для всех жителей Косова и Метохии, что также, в соответствии с соглашением, является их обязанностью... Преступно во время войны изгонять, похищать, насиловать, убивать, вырезать больных граждан, грабить и жечь их дома и места богослужения только потому, что они принадлежат к народу другой веры и нации. Однако гораздо более преступно, по нашему мнению, делать и позволять делать то же самое уже после подписания мира, что как раз и делается вплоть до сегодняшнего дня по отношению к сербскому народу.

После ухода югославской армии с албанской границы и прибытия сил КФОР из Албании, без какого бы то ни было контроля с чьей-либо стороны, вторглась огромная масса участников т.н. «УЧК» и других вооруженных и грабительски настроенных банд, которые всего за 15 дней изгнали почти всех сербов из Призрена, Сувой Реки, Дзяковицы, Дечан, Печи, Джураковца, Клины, Истока (следовательно, из целой Метохии), Урошевца, Вучитрна, Србицы и, таким образом, осуществили быструю и полнейшую этническую чистку западной части всего края, изгнав 80 000 сербов.

Одновременно с изгнанием сербского народа, при совершении разнообразных насилий и преступлений... было произведено и все еще производится систематическое уничтожение духовных корней сербского народа посредством разграбления, поджогов, разрушения и разгрома православных церквей и монастырей, приведенных здесь:

1. Средневековый монастырь Святой Троицы возле Муштуиште — сожжен.

2. Средневековая церковь в Муштуиште — сожжена и потом разрушена до основания.

3. Средневековый монастырь Св. Марка возле Кориши — сожжен.

4. Средневековый монастырь Бинач возле Витины — сожжен.

5. Средневековый монастырь Девич возле Србицы — разгромлен и разграблен.

6. Церковь в Бело Поле возле Печи — сожжена.

7. Церковь в Печской Бане возле Печи — сожжена.

8. Церковь в Накло возле Печи — сожжена.

9. Церковь в Долце возле Клины — сожжена.

10. Церковь в Подгорце возле Витины — сожжена.

11. Церковь в Сува-Реке — разгромлена, потом разрушена до основания.

12. Церковь в Велика-Реке возле Вучитрна — сожжена.

13. Церковь в Джураковаце возле Печи — разгромлена.

14. Церковь в Вучитрне — разгромлена.

15. Церковь в Петриче возле Печи — взорвана.

16. Церковь в Петроваце возле Косовска-Каменицы — сожжена.

17. Широко известному монастырю Дечаны грозит разграбление.

Добавим, что возле всех этих церквей и монастырей были разграблены или сожжены монастырские или приходские здания.

Господа, за неполный месяц времени это просто ужасающий баланс вашего мира!.. Подумайте сами, какой мрак, и бесчеловечность, и антикультура, и безбожие

стоят за всеми этими поджогами и разрушениями древних Божьих и народных святынь на исходе XX века, накануне 2000-летия Христианства, в центре просвещенной Европы!..»

Официальные данные югославского правительства: с момента прибытия сил КФОР в Косове убито более 200 лиц (в действительности, наверно, много, много больше, если только в одном списке с начала июля мы насчитали их здесь свыше 170), а более 400 лиц ранено (что также заниженная цифра). Ограблено, сожжено или разрушено около 40 000 частных домов и квартир и 70 церквей и монастырей.

...Меня часто спрашивают о вкладе Сербской Церкви в эти подобные катаклизму события, о действиях государства, отдельных лиц, всех нас, вместе взятых? Отвечаю: Миссия Сербской Церкви остается та же, что и была на протяжении веков. Церковь никогда не оставляла своего народа и своих святынь. И на этот раз старый патриарх Сербский Павел, в свои 85 лет, сразу же поспешил и прибыл сюда, чтобы действовать своей молитвой, как великий молитвенник, а и всеми другими средствами, что находятся в его руках, посетив Главный штаб Международных сил, посетив здесь монастыри, чтобы сделать все, что в его руках, что могло бы помочь в последний момент. То же в своей распятой епархии Рашко-Призренской делает и ее архипастырь Артемий, все, что в его силах, делает или пытается делать, объезжая все места днями и месяцами, где народ более всего находится под угрозой. То же самое делает и епископ Захумский и Герцеговинский Афанасий, который, вообще, был очень болен и до сих пор носит в себе последствия своих болезней, но стоит храбро на страшном месте с епископом Артемием, ободряя страдальцев своим присутствием, призывая людей вернуться, где это возможно, как бы ни близка была гибель.

Точно так же и мы, пребывая с перерывами здесь, в Печской Патриархии, с народом, который собрался здесь, как в убежище, в одно из самых тяжких времен, какие за-

помнил этот дом, вот, мы здесь, мы еще в Печской Патриархии. Здесь и разные священники и монахи, из Черногории и Белграда, кто непоколебимо остался на своем месте. Здесь монахини и разные хорошие люди — добровольцы, которые много трудились, чтобы смягчить эту беду в дни, когда было абсолютно невыносимо и когда не было практически никакой защиты от насилия... Тех, кто был более всего под угрозой в городе и в соседних селах, в июне и июле месяце мы, так или иначе, эвакуировали. В окрестностях, в кое-каких селах, остались некоторые отдельные лица, которые отказались уехать. С помощью итальянцев мы вывезли несчастных, куда возможно. Укрылись здесь и люди из Дзяковицы, последние сорок человек, прибыли по двадцать. Из Клины доставлены последние старики, которые оставались там скрытно некоторое время. Дома и дальше жгут, и горят остатки сербских сел, и есть опасность, если точно, что из Албании в Печ прибыло около 50 000 человек, что не сможет здесь сохраниться ничего сербского и что не останется ни одного дома, который не был бы предан огню.

Сербы и Сербская Церковь, монахи, священники, епископы, епископ Артемий, могут выжить ценой несения креста Христова и креста великомученика косовского Лазаря, великомученика Стефана Дечанского. Только при таком условии могут они выжить. Положение владыки Артемия в большой мере подобно положению патриарха Арсения Третьего Чарноевича. Однако епископ Артемий остался в Косове и Метохии, тогда как патриарх Арсений Третий Чарноевич был вынужден уйти из Косова с тысячами сербов в изгнание.

Так было и во времена Арсения Шакабента, так было и в 1941 г., соответственно и после 1945 г., до известной степени. Между тем народ всегда снова сюда возвращался и обновлял здесь жизнь и свои святыни. Надеемся, что даст Бог, чтобы сербы снова вернулись в Косово. Ибо, если не вернуться, остается у нас в Косово один сербский король Стефан Дечанский, защищать его вместе с монахами, пос-

ледными остатками народа, веками изгоняемого от своих очагов и своих святынь, останется король без своих воевод и князей, без своего народа.

Я должен быть искренен и совершенно откровенен. Сербский народ в Старой Сербии, на этой своей Голгофе, несомненно, абсолютно оставлен своим государством и своими братьями из Большой Сербии. Должен сказать, что я не просто ошеломлен, но повергнут в ужас. Возможно ли, чтобы государство и власть сделали такое! Уничтожили бы сами себя, уничтожили все, разорили бы и свои дома, и свои очаги, и разорили бы в то же время и очаги других, кто здесь жил, и кто сейчас возвращается в пустые села, в разоренные и разграбленные дома (и тем усиливается их сопротивление, и их мщение, и их ненависть). И в то же время, чтобы эта самая власть устранилась бы, не оставила бы ни одного переводчика, не оставила бы ни одного официального лица, которое могло бы контактировать с международными силами, но полностью предоставила народ самому себе, чтобы он приспособлялся, насколько знает и насколько умеет.

Было просто страшно слушать вопли народа из этого города, из всякого города, городка, села и деревни Косова и Метохии на протяжении этих месяцев. Приходят известия из города, с той или другой улицы — где-то албанцы напали, где-то изнасиловали, где-то ограбили. Это страшно, не могу поверить, чтобы где-нибудь на свете это происходило с каким-нибудь народом. Ни с одним государством не случилось, чтобы оно само себя упразднило и разъело. И чтобы, в то же время, последние остатки своего народа оставило бы на милость и немилость разъяренной толпе, которая наверняка милости иметь не будет, с учетом того, какова она есть, и с учетом того, что находит все свое сожженным и уничтоженным. Как щадить ей те немногие дома, что уцелели, не были уничтожены при выводе армии и полиции, не были сожжены разными проходимцами, которые здесь грабили и жгли, не только албанские дома, но и сербские. От тех, кто приходит сегодня и видит

этот злосчастный город здесь, какого нет больше на свете, естественно ждать всего самого ужасного по отношению к тем, кто здесь остался.

Те, кто бомбардировал нас больше трех месяцев, довели народ до беспамятства и сделали его несчастье еще более горьким и страшным, обратив его в отчаяние. Вот одно из объяснений, почему этот народ так бестолково, впервые в истории, двинулся со своих очагов, — единственный, кто мог что-то спасти, то, что можно было спасти. Только, говорят нам, около Приштины, около Призрена и в тех краях, где стоят англичане, французы и немцы, существует хоть какой-то определенный контроль, хотя боюсь я, что это обманчиво и временно... В этом, итальянском, секторе ситуация в отдельные периоды ухудшалась изо дня в день. Не могли здесь по ночам переловить и обуздать банды. Конечно, у них не очень-то все на высоте, такова уж их природа.

Чтобы не покривить душой, во многих местах они даже помогли, хотя и только после многочисленных просьб, обращений к ним и приставаний, но помогли. Затем прибыли еще около 5000 итальянцев и 1000 испанцев. Да если бы они с самого начала здесь были, возможно, дело обстояло бы гораздо лучше. До последнего момента оставалась храбрость у этого народа. Давал он каким-то образом отпор и надеялся. Однако уже тогда все стало настолько безобразно, что невозможно было его больше ободрять и принимать на себя ответственность, убеждая его здесь остаться, когда очевидно, что в этот момент ему здесь никак не выжить. Неясно, какова будет роль этих войск в будущем, в мононациональном пространстве, которое здесь создается, ведь албанцы уже везде ставят свою полицию, ставят свою власть, обозначают свои границы, имеют свою армию, берут все на себя и сами говорят: «Это наше государство! У вас будут здесь права, как и у других иностранных граждан...» Так это обычно говорится. Следовательно, получают эти права те, кто выживет и останется, если будет кому... Вот такая, примерно, ситуация...

В разгар многомесячных сербских погромов со стороны албанцев, после начала натовской оккупации Косова и Метохии, международное сообщество в городах, где самое дикое насилие творится, так сказать, под носом у его институтов и вооруженных сил, основывает т.н. центры за мир и толерантность, которые становятся заменой прежних информационных центров Сербского государства, упраздненных, как и все, что носит сербское имя в Косове и Метохии, запрещенных сегодня как институты. Сколь бы цинично и лицемерно ни звучало такое название, с учетом кровавой косовско-метохийской повседневности, полной адского насилия, прежде всего над лицами, принадлежащими к сербскому народу, и вопреки тому, что в своих официальных сообщениях они игнорируют кириллицу и пользуются исключительно латинским письмом, практически исключив кириллическое письмо из сферы своей деятельности, их сведения чрезвычайно полезны и дополняют наше видение масштабов албанского террора и сербских бедствий.

Так, подобный центр в Призрене сообщил, что с 17 июля, когда он был основан, зарегистрировано 69 убийств, 85 похищений и 46 физических нападения на сербов. Согласно его данным, из Призренского округа «выехало», т.е. было изгнано и бежало в страхе почти все поголовно сербское население, 95%. Примечательно, что было похищено и 11 турок и что вынуждена была выехать 31 турецкая семья. О цыганах сведения отсутствуют и не публикуются. О том, в каких условиях действуют эти центры, говорит тот факт, что три дня назад в приштинский центр ворвались два албанца и велели, чтобы «в будущем в этом здании не смели употреблять сербский язык». Полиция ООН отреагировала, так что более тяжелого инцидента удалось избежать.

Владимир Владимирович БОБКОВ¹

Военная миссия связи и взаимодействия в Косове

Часть I.

О миссии

Летом 2000 г. командованием мне было предложено стать миротворцем и отправиться в сентябре в Косово в миссию ООН.

Тот структурный компонент ооновской организации, в который я попал 15 сентября, был новым для миротворческих операций и создан впервые для Косова. Все прекрасно знают, что в Косове с 1999 г. функционировали две основные международные структуры — силовая и гражданская, КФОР и миссия ООН соответственно. Внутри миссии ООН (UNMIK) для организации взаимодействия с подразделениями и частями КФОР на местах была образована военная миссия связи и взаимодействия, назначение в которую я и получил.

Данная военная миссия имела в своем составе 38 офицеров и унтер-офицеров из 31 страны (Аргентина, Канада, Малайзия, Непал, Новая Зеландия, Кения, Финляндия и пр., и пр.). В основном майоры и подполковники. По статусу были зафиксированы три должности: глава/командир миссии в чине бригадного генерала и два полковника/капитана 1 ранга на должностях начальника штаба миссии (из России) и командир группы при штаб-квартире КФОР (из США).

По прибытии в Косово я стал начальником штаба, который территориально размещался в здании UNMIK в

¹ Бобков Владимир Владимирович — начальник штаба миротворческой миссии в Косове.

Примерно треть офицеров нашей миссии. В центре — бригадный генерал Р. Родригес

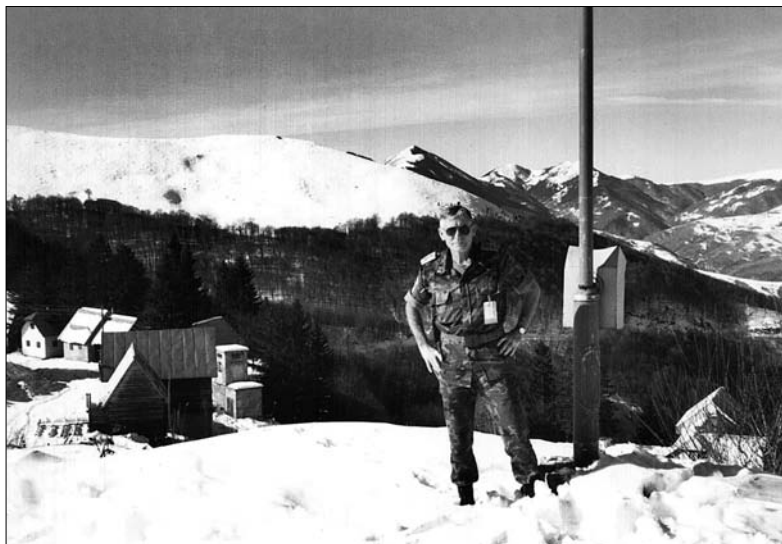
*В помещении штаб-квартиры основной миссии ООН.
Форма одежды — парадная (голубые кашне).
На груди у некоторых — медали ООН*

Приштине. Там же был и офис нашего командира. В мою бытность в Косове главой нашей миссии были по очереди два испанца, бригадные генералы Р. Родригес и М. Инигес. При них состояли два ирландских унтер-офицера, выполнявших административно-хозяйственные функции, в том числе и в интересах штаба миссии. В самом же штабе, помимо начальника, работали два офицера, при мне — испанец и австриец.

Офицеры нашей миссии были разбиты на семь групп, по четыре-пять человек в каждой. Местами их дислокаций были Приштина («Филм-Сити», штаб-квартира КФОР) и основные административные центры Косова — Митровица, Печ, Призрен и Гнилани. Также были отдельные группы в Скопье и при ситуационном центре основной миссии ООН. Как я уже писал, основной задачей групп была организация связи и взаимодействия местных органов UNMIK с частями КФОР. Также на нас были возложены и информационные функции: сбор, систематизация, анализ и обобщение данных по обстановке на местах,

Парадное построение офицеров миссии

Бригадный генерал Р. Родригес в районе границы с Македонией

подготовка информационных отчетов за неделю и месяц и доклад их спецпредставителю генсека ООН в Косове и в штаб-квартиру ООН в Нью-Йорк.

Немного о людях, с которыми меня столкнула судьба, и в первую очередь о тех, с кем мне пришлось начинать миротворческую карьеру.

Бригадный генерал Р. Родригес, испанец. Это был мой первый командир, с которым мы проработали чуть больше полугода и который, можно сказать, ставил меня на крыло как миротворца. Среднего роста, худощавый, спортивного склада, очень подвижный. Человек, который, несмотря на то, что был испанским, подчеркиваю — испанским, генералом, предпочитал все делать сам. Естественно, из того, что ему было положено, и немного больше. Он сам создавал устав (а фактически свод законов и правил) нашей миссии. Он постоянно ездил по Косову, устанавливая и налаживая деловые и дружеские контакты. Он приложил немало усилий для технического оснащения, и транспортного, и связного, нашей миссии. Он, я знаю, даже втихомолку

помогал некоторым сербам, что было вполне естественно для нас, русских, но как-то неожиданно для испанца. Мне после нашего знакомства, когда он понял, что я человек грамотный, опытный и хороший, но в миротворчестве — профан, он выдал отличную формулу: «Владимир, читай и читай, через месяц все станет ясно». В итоге достаточно быстро мы стали разговаривать на одном языке. Таким образом, сотрудничество с ним было очень продуктивным, полезным и приятным. Когда он уезжал, то чисто по-отечески (он был лет на 12 старше) посоветовал мне: «Ты уж здесь поосторожнее (имея ввиду наши дела с приштинскими сербами)».

Далее — два моих первых майора. Испанский майор Герман Арройо. Это был мой гид по бытовым вопросам и мой гуру в области работы с компьютером. Миротворчество в миссиях подобной нашей характеризуется тем, что ООН платит тебе командировочные, а ты на них снимаешь себе квартиру, питаешься, обслуживаешься, устраиваешь свой досуг и пр. В середине 2000 г. в Приштине все это было под большим вопросом, а жить-то как-то надо. И мой испанец все ненавязчиво и доброжелательно показывал и рассказывал. А компьютер — это отдельный случай. Если в Москве я работал только с «Лексиконом», то здесь был и продвинутый Word, и все неразгаданные прелести Интернета, и «Лотус», и пр. И с этим надо было быстро ознакомиться и в этом работать. Герман провел буквально за руку по всем лабиринтам, и от него я почерпнул еще одну премудрость: «В диалоговом окне надо не задумываться, а кликать, куда-нибудь вывезет». Когда он уехал через полгода (их мандат длился шесть месяцев), мне его очень не хватало, и на следующих двух испанских майоров я уже смотрел сквозь призму Германа. Это, наверное, было не совсем справедливо, но они до него явно не дотягивали.

Австрийский майор Майкл Нидермайер. Резервист ВС Австрии, побывавший, наверное, в десятках миротворческих командировок, в основном на Ближнем Востоке и на Балканах. Человек замкнутый, со сложным

характером, легко ранимый, но абсолютно безотказный и ответственный. Он был корифеем информационной работы, а ведь именно информационные отчеты, уходившие из нашего штаба руководству и в Нью-Йорк, были результирующим нашей деятельности. И с помощью Майкла я добился того, чтобы они стали насыщенными, предметными, объективными и содержащими изюминку. Короче, Майкл даже через месяц после завершения его командировки прислал мне официальное приглашение посетить его в Вене, что было очень приятно, но было полной неожиданностью. К сожалению, этому было не суждено сбыться.

Ирландские сержанты — Джон, Пол и Патрик. Познакомившись с ними, я узнал уже не из книг и из фильмов, а из жизни, что такое сержант (унтер-офицер) в армиях с вековыми традициями и не терзаемых бесконечными реформами и перестройками. Высококвалифицированные, дисциплинированные специалисты в своем деле, хорошо

Ирландские сержанты Джон (справа) и Пол

воспитанные. Все они были разные: и по возрасту (Джону было за 50), и по характеру, и по жизненному опыту (у Джона — семь дочерей, а Пол — холост), но перечисленные выше качества были присущи всем. Их коньком был ирландский кофе.

И, наконец, мой следующий и последний командир — испанский бригадный генерал Мануэль Инигес. Он был полной противоположностью Родригеса. Мало того что он был типичный испанец со всеми национальными заморочками, так еще на его манеры наложил отпечаток тот факт, что в прежней жизни он в течение четырех лет был военным атташе Испании и ни где-нибудь, а в Китае. Он фонтанировал идеями, он любил всякие развлекательные мероприятия и тусовки, на наших совещаниях с командирами групп его речь лилась безостановочно и содержала конкретику на 5%. Многие его требования и предложения вызывали зубной скрежет у сержантов, но все, естественно, выполнялось. А на совещаниях потом брал слово я и быстренько конкретизировал цели и задачи. При этом он был очень приятным в общении, порядочным и добрым человеком. Мы с ним вполне ужились (быть может, благодаря тому, что вне службы жили в параллельных мирах), и он даже провожал меня в аэропорту Слатины по завершении моей ко-

Бригадный генерал М. Инигес

Перед инспекционным полетом

мандировки. Надо добавить, что мы до сих пор изредка переписываемся по электронной почте.

Со всем нашим остальным интернационалом работать и служить было очень интересно, и трудно, и легко одновременно. Как правило, это были профессионалы, в основном побывавшие уже не в одной миссии (в первую очередь это касалось ирландцев, венгров, австрийцев), дисциплинированные и соблюдающие все нюансы субординации, осознающие, что успешное прохождение данного этапа службы и хорошие аттестационные характеристики по его завершению сыграют определенную роль в их карьере. В то же время все были разными: со своими характерами, склонностями, национальными особенностями. Все это приходилось учитывать при комплектовании групп.

Одним из основных требований был язык. В данном случае разговор идет не об английском языке, который был рабочим для миссии, а о родном или третьем. Дело в том, что наши группы работали в зонах ответственнос-

ти основных контингентов КФОР: например, для Печи это были итальянские части, для Призрени — немецкие, для Митровицы — французские. Поэтому было желательно назначать в группу в Печ наших офицеров с языками, близкими итальянскому, или который хоть как-то могли бы понимать итальянцы. Вот и служили у нас там и испанцы, и итальянцы, и аргентинцы. Такой же принцип был и для других групп.

Иной раз приходилось делать и рокировки между группами в том случае, если назревали конфликтные ситуации. Особенно показательным был случай (даже два) с кенийцами. Оба произошли с кенийскими подполковниками, в отношении которых мне нашим командиром было предложено провести административное расследование с предъявлением им обвинения в лени, уклонении от службы и вообще манкировании своими обязанностями. Что характерно, для них это было нормальным образом жизни и поведения, так как на своей родине, в Кении, подполковник — это полубог. Мне пришлось убедить своего генерала в первый раз спустить это на тормозах, так как перевоспитать мы нашего подчиненного не сможем. А изгнать его из миссии (что можно было реализовать) нам никто не даст, так как он черный, и нам только за намек на такую возможность в ООН оторвут, в том числе и голову. Но во втором случае уже с другим кенийцем ситуация была усугублена двумя обстоятельствами. Во-первых, он был ко всему прочему еще и кенийским иудеем, и категорически отказывался работать по субботам. Во-вторых, старшим их группы в Митровице была назначена американка, подполковник, дама жесткая и бескомпромиссная. В итоге после двух раундов моих переговоров с ней и трех душевспасительных бесед с кенийцем мы были вынуждены перевести его в центральную группу от греха подальше.

Нам приходилось учитывать национальные особенности вплоть до мелочей. Так, например, один раз в полгода мы проводили общий сбор всех офицеров нашей миссии в Приштине для вручения медалей и знаков ООН. Обыч-

но после этого проводился небольшой прием, для которого с особой тщательностью отбирались продукты с учетом того, что в наших группах были и мусульмане, и иудеи, и буддисты, и...

С нашими американцами, которые командовали группой при штаб-квартире КФОР, у меня сложились ровные, дружеские отношения. Мы всегда находили общий язык. Но в нашей миссии по статусу были два представителя США, второй в звании подполковника служил в одной из периферийных групп. Таких через мои руки прошло три человека (у них была ротация каждые полгода), и одного из них пришлось ставить на место. Этого капитана второго ранга мы распределили в группу в Призрен, где старшим был финский подполковник. Через некоторое время отсюда стала поступать тревожная информация о том, что американец стал лезть со своим уставом в чужой монастырь и тянуть одеяло на себя. Переполнили чашу терпения жалобы сербской переводчицы на бесконечные придирки с его стороны и явное желание поменять ее на албанку. Для данной сербки это была единственная возможность заработка. И вопрос был даже не в наших национальных предпочтениях. Для того чтобы разобраться в ситуации, я вызвал командира-финна и попросил прояснить ситуацию и дать оценку. Выяснилось, что в его группе работой сербки довольны, что все накаты идут только со стороны американца, начались с его появлением и имеют в определенной степени национальную подоплеку. В итоге пришлось вызывать американца и потребовать, во-первых, оставить в покое сербку, а во-вторых, заниматься лучше выполнением своих непосредственных обязанностей. Этим конфликт был исчерпан. Причем с моими выводами (уже априори) полностью согласился и старший американец, командир группы при штаб-квартире КФОР.

Имея под своим началом интернациональную команду, я позволил себе воспользоваться служебным положением и собрать коллекцию военных нарукавных знаков (бейджей), которые носили наши офицеры. Попросил об

этом их самих непосредственно или через их командиров. Для стимуляции выполнения я присовокупил угрозу, что не выполнивший мою просьбу не поедет в отпуск. На деле, конечно, это был честный обмен — они получали от меня российские воинские знаки. В подавляющем большинстве все с удовольствием пополняли мою коллекцию — кто-то давал новые, кто-то спарывал со своей формы. Одних только кенийцев так и не удалось развести на бартер и пришлось купить их нашивку в кфоровском военном магазине.

Часть II.

Наши военные

В Косове мой статус был однозначно определен инструкциями и положением о миссиях ООН. То есть я как бы был независим от нашего национального командования (российский воинский контингент, спецпредставитель МО РФ в КФОР и пр.), замыкался и подчинялся только на ооновское начальство. Но жить 24 часа в сутки в англоговорящем пространстве утомительно, да и к своим тянет.

Поэтому надо было налаживать контакты в нашем российском воинском контингенте. Здесь я сразу хотел бы выделить три опорных пункта: база нашего контингента в Слатине, российский военный госпиталь и отдельная группа наших миротворцев в Косово-Поле. Последние две точки стали теми местами, куда я с удовольствием и постоянно ездил.

В Слатину, по косовским меркам, было достаточно далеко ехать, да и как-то не возникало особого желания потому, что сложились своеобразные отношения с командующим контингентом генерал-майором В. Казанцевым (ныне покойным).

В. Казанцев — высокий, красивый, по характеру — жесткий, ну, настоящий десантник, но уже не полковник. Ему, конечно, в достаточной степени претило, что по территории вверенного ему гарнизона шастает некто, кто ему

*Крайний справа – генерал-лейтенант В. Евневич,
первый командующий российским контингентом.
Второй слева – генерал-майор В. Казанцев*

не подчиняется. Причем я никаких поводов не давал и даже субординацию не нарушал. Он был достаточно корректен, но при любом удобном случае старался вставить шпильку. Я его даже один раз спросил, что если на него так действует мое воинское звание, так, может быть, все дело в том, что он в свое время по конкурсу в военно-морское училище не прошел или у него морские курсанты девушку отбили? Разъяснений я, конечно, не получил.

Особенно характерным был эпизод с формой.

О форме. В Косове и военнослужащие КФОР, и офицеры нашей миссии носили полевую форму. В нашем Военно-морском флоте она не предусмотрена, но у меня она была, так как я ко всему еще был и инспектором Договора об обычных вооруженных силах в Европе, а инспектировать положено в полевой форме. Но знающие люди мне порекомендовали взять с собой и повседневную, так как в

Косове есть и зима с температурами до минус 20, и лето с жарой до плюс 40, да и просто для большего комфорта. Так что пришлось собирать по приятелям и знакомым армейскую форму, так как брать с собой черную морскую было контрпродуктивно — черная действует на косовских албанцев как красная тряпка на быка, напоминая им о сербских спецподразделениях, и к тому же она абсолютно непрактична в косовской грязи. Армейские брюки пришлось на месте модернизировать и выпарывать из них красный кант (опять же, чтобы не было ассоциаций с сербами). Наши военные ботинки-берцы я смог выдержать только во время перелета Москва — Слатина и уже на месте, на американской базе Бондстил, приобрел более удобную обувь. В норвежском военном магазине купил теплый натовский свитер, а через своего австрийского майора — их более легкий военный джемпер. Завершали всю эту композицию погоны, которые должны были показывать мою принадлежность к флоту: на зеленых рубашках наши уставные черные погоны с желтыми просветами, на всем остальном — сшитые собственноручно черные фальшпогоны с золотыми звездами. Ну и, конечно, ооновский голубой берет с соответствующей эмблемой. До завершения этого модельного ряда я шел где-то полгода.

Когда меня во всем этом великолепии увидел В. Казанцев, он спросил: «Это что?» И получил довольно пространственный ответ: «Владимир Александрович, Вы и Ваши подчиненные передвигаетесь по Косову с оружием, группами, только в светлое время и в определенных районах. Я не имею права носить оружия, решаю свои задачи в одиночку в любое время суток и по всему Косову. Поэтому надо приспособливаться к обстановке». На это ему оставалось только сказать, что он имел в виду возможность рассмотрения каких-то подобных вариантов и для них.

Кстати, о форме: было больно и обидно за наших ребят, которые выделялись не в лучшую сторону на фоне однообразия и удобства полевой формы наших западных коллег.

Российский военный госпиталь в Косове был уникальным подразделением. Более квалифицированно о нем напишут мои друзья-врачи, а я поделюсь своими впечатлениями. Это был репрезентативный срез с нашей военной медицины, имеющей многолетние традиции, прекрасные кадры, наработанные, в том числе в полевых условиях, уникальные технологии, и которую сейчас хотят развалить наши высоколобые (хотя навряд ли) политики. Примерно 75–80 человек со всех госпиталей России, энтузиастов, отличных специалистов — всех, от сестер до врачей и руководителей. Медицинская помощь оказывалась всем: албанцам и сербам, бошнякам и цыганам, военнослужащим КФОР и служащим ООН. И, конечно, в первую очередь миротворцам российского воинского контингента. Медики и консультировали, и оказывали первую помощь, и проводили сложнейшие операции, и лечили в стационаре. Так, например, когда в марте 2001 г. было совершено покушение на представителя Белграда в Приштине, он был доставлен в наш госпиталь. Когда у моего генерала М. Инигеса сломанное ребро проткнуло легкое и он потерял (в том числе и по причине бестолковости ооновского врача) полтора литра крови, наш госпиталь в неотложном порядке был готов принять его (бригада уже ждала). По своим соображениям М. Инигес предпочел американцев, хотя там ему оказали только первую помощь, а потом эвакуировали в Германию. У нас же были готовы провести комплексное лечение. И таких примеров масса.

В госпитале у меня появилось много знакомых. Специально я контакты не искал, но ведь жизнь заставляет. В пятьдесят лет каких только проблем у человека нет — и зубы, и глаза, и остеохондроз, и... Ну и сербов своих я туда с их болячками возил. И госпиталю сам, чем мог, помогал, ведь моя мобильность и независимость способствовали этому. Так, например, им на праздники свежие цветы доставлял (в Приштине свежие цветы были редкостью).

Особенно дружеские отношения у меня сложились с офтальмологом С. Игнатьевым. Первоначально мы со-

шлись на почве землячества — оба из Питера, да еще и школы были рядом, да и возраст где-то совпадал. Сергей Александрович, зарекомендовав себя, как классный специалист-хирург в самом нашем госпитале, великолепно вписался и в интернациональную среду. Он консультировал и оперировал и у немцев, и у англичан и пр. Благодаря его коммуникабельности и энергии наши военные получили доступ к врачам-диагностикам в великолепно оборудованном офтальмологическом кабинете госпиталя на американской базе Бондстил. Наши дружеские отношения к взаимному удовольствию продолжились и в Москве.

Много теплых воспоминаний у меня связано с офицерами группы нашего контингента, которая была расквартирована на территории бывшего молокозавода в селе Косово-Поле (пусть подобная дислокация никого не удивляет — в 1999 г. части КФОР занимали все имеющиеся в крае производственные помещения; так, итальянцы стояли в Печи на территории корпусов компании «Застава»). С чего все началось и не вспомнишь, да это и не столь важно. К ним я приезжал, как к себе домой. И обстановка у них к этому располагала — они разместились в помещении бывшего ресторана и создали там необходимый уют. Насколько я понимаю, в круг их обязанностей входило информационное обеспечение командования в пределах зоны их ответственности и контакты с сербским населением, проживавшим в селах вокруг Приштины — Косово-Поле, Грачаница, Лапье-Село и др. К тому времени, когда я приехал в Косово, они уже определенный период работали в регионе и успели обрести контактами, освоиться с сербским языком. В этой группе было 3–4 офицера, все в возрасте от 30 до 40 лет, то есть с определенной натяжкой годились мне если не в сыновья, то в младшие братья. И отношение было соответствующим. То есть с их стороны ко мне оно было уважительно-трепетным, с моей доброжелательно-покровительственным (можно и еще как-нибудь это сформулировать, но отношения были отличными). Да, надо их и назвать: Петр, Эдуард, Алек-

сандр, Юрий и Сергей. Первые трое были с самого начала, потом была ротация, старшим вместо Петра стал Юрий, затем в группе появился Сергей.

Для меня приезд к ним (бывало это один, а то и два раза в месяц) был отдушиной, глотком российского бытия, возможностью выговориться. Они же имели возможность поделиться и посоветоваться с более опытным и доброжелательно относящимся к ним человеком, иной раз мы обсуждали с кем-то наедине и находили компромиссные решения по весьма деликатным темам. Я полагал возможным давать им советы и по их деятельности в Косове, тем более что мое положение давало мне достаточно более широкий кругозор и полномочия. Пользоваться этими советами им приходилось очень осторожно, так как некоторые их начальники (со всеми ими я был знаком) очень ревниво относились к любым инициативам.

В наших отношениях был и материальный аспект. С их стороны это были вода и хлеб, а с моей — квашеная капуста и рыбные деликатесы. Даю пояснения. Вода в водопроводе в Косове отвратительная и не употребляется цивилизованными людьми для питья даже после кипячения. Поэтому все пьют бутилированную воду. Можно ее, конечно, покупать, но наш контингент снабжали такой водой без ограничений, и пара упаковок в месяц перепадала и мне. Черного хлеба на Балканах нет вообще, а белый албанцы выпекают еще хуже, чем в наших доморощенных пекарнях времен заката перестройки — легкий, рыхлый, воздушный и безвкусный. А россияне пекли хлеб сами. Так что я либо привозил хлеб из Македонии, либо брал пару буханок у них. В Косове я через пару месяцев почувствовал, что очень хочется квашеной капусты, сделал, сам попробовал и отвез им на пробу, так и пошло. А с рыбой в Косове вообще было напряженно, в Македонии же была уже какая-то цивилизация, и я своим ребятам привозил оттуда копчущек.

Все они были (да и есть) неординарными личностями. У каждого свой, иной раз не простой (как у Петра), характер. Кто-то только женился и ждал рождения ребенка (как

Саша). У остальных уже были семьи и по нескольку детей. Со своими увлечениями и пристрастиями. Так, например, Сергей серьезно был погружен в исследование истории российского казачества, что спустя какое-то время после миссии вылилось в книгу. Приехали они в Косово из разных городов — Питера, Воронежа, Самары и др. Но никогда я не наблюдал между ними не то чтобы конфликтов, но даже трений, хотя они были все разные и по характерам, и по воспитанию, и по взглядам на жизнь. Значит, у каждого был стержень, и я верю, что они сохранят его до конца.

С ними я остаюсь до сих пор в контакте. Сергей мне подарил свою книгу по казачеству. А Петра я надеюсь навестить в Новороссийске, где он стал большим начальником.

Часть III.

О сербах

Все мои историографические и этнографические знания о Югославии в целом и о сербах в частности базировались перед командировкой в основном на романе В. Пикуля «Честь имею» и бытовавшем у нас лозунге «Сербы — наши братья».

Жизнь их во многом дополнила и подкорректировала.

Как правило, среда обитания российских миротворцев в Косове (я имею в виду миротворцев нашей категории, ооновцев, в том числе полицейских и пограничников), во всяком случае, первые годы — 1999, 2000, 2001 гг., была связана с сербами.

Этому имеется ряд объяснений, к которым относились и наши, зачастую необоснованные, опасения агрессии со стороны албанцев; и привитые нам с детства представления о духовной и этнической близости к сербам; и привычные нам образ жизни, пища, письменность этих людей и т. д. Немаловажное значение имела и стоимость жилья, которое нам приходилось снимать у местного населения.

За полтора года косовской миссии у меня сложились очень добрые, дружеские отношения с тремя сербами: Митрой Елич и супружеской парой Маркович, Благуной и Ильей.

Митра была хозяйкой первой квартиры, которую я снимал в Приштине, вернее, не хозяйкой, а смотрящей за квартирой. То есть хозяева уехали в Сербию (как и многие в том доме), а Митра собирала с нас арендную плату. Это был комплекс из трех зданий, в которых в мирное время проживали преподаватели и профессора Приштинского университета. После августа 1999 г. он был фактически превращен в небольшую резервацию, находящуюся под охраной британских блок-постов, из которой постепенно вымывались сербы, а их квартиры снимали международники, в числе которых оказались и мы.

Митра стала первой сербкой, с которой я познакомился. С ней мы поддерживали отношения в течение всей моей командировки. Это женщина с очень непростой судьбой. К тому времени (или так, по состоянию на лето 1999 г., до оккупации Косова войсками КФОР) она была профессором Приштинского университета, доктором наук, преподавала русский язык и литературу. До начала всех событий на Балканах она преподавала в академии Генерального штаба в Белграде, затем в университете в Сараеве. Вся ее жизнь была посвящена науке, исследованию и сохранению славянских и сербских национальных ценностей и традиций. Насколько я понял, в свое время ее личная жизнь не сложилась, а потом, очевидно, стало не до нее. А в последние годы смыслом ее существования стало ведение летописи происходящего в Косове с позиции серба патриота-националиста, с установкой — никакой интеграции и созерцание с последующим описанием.

Несколько по-другому подходили к своей жизни в Приштине Марковичи, в первую очередь Илья. В их дом я перебрался весной 2001 г. после ряда событий, которые произошли в университетском городке и на которых я становлюсь ниже. Их дом находился в центре Приштины,

в так называемом районе «трех мечетей», в окружении строений, в которых жили албанцы. Так что Марковичам волей-неволей приходилось общаться, поддерживать старые и налаживать новые контакты с соседями. Это было правильно и продуктивно, но, к сожалению, не спасло их дом от сожжения во время беспорядков марта 2004 г. (он находился как раз рядом с разграбленной тогда и сожженной церковью Святого Николая). Илья и Благуна жили вдвоем, из троих их детей двое с семьями были в эмиграции в Сербии (позднее один из сыновей с семьей с помощью церкви перебрался в Норвегию), а младший сын был послушником в монастыре Високи Дечани.

Поменял я первую квартиру по ряду причин. Во-первых, она мне досталась от моего предшественника, то есть не я ее выбирал. Во-вторых, она была бесхозной, то есть не с кого было спросить за какие-то мелкие неполадки,

*Во дворе перед домом Марковичей.
С внуком на руках — Илья, слева от него — Благуна*

поэтому бытом — уборкой, постельным бельем и пр. надо было заниматься самому, а времени и условий для этого не было. И, наконец, жизнь в этом районе была очень беспокойной. Албанцев из окружающих кварталов очень раздражало наличие этого маленького сербского анклава у них под носом, а так как присутствие там британских солдат было чисто номинальным, то албанская молодежь постоянно устраивала какие-нибудь пакости. То натравливали собак, то устраивали оргии под окнами. Несколько раз забрасывали бутылками с коктейлем Молотова, и мне даже пришлось как-то оттаскивать молоденького британского солдата, который по неразумению пытался затоптать огонь ногами.

Ну а переполнило чашу терпения покушение на представителя Белграда в Косове, дом которого находился в непосредственной близости от нас и в котором работало взрывное устройство. В итоге я проснулся среди ночи весь осыпанный осколками оконного стекла. Так что на следующий день обратился за помощью и советом к нашим ребятам-полицейским, которые и помогли найти новый вариант — дом Марковичей. Правда, и там с безопасностью не все было ладно. Например, один раз к моему возвращению домой путь был перегорожен оцеплением. Оказалось, что в проходе, через который надо было идти от парковки к дому Марковичей, была установлена растяжка, своевременно обнаруженная кфоровскими военными. Ну а уж на кого она была установлена, было лучше не задумываться.

Делал ли я много для сербов, это сложно оценить. Можно сказать, что старался сделать все, что было в моих силах, в зависимости от того, что им было необходимо.

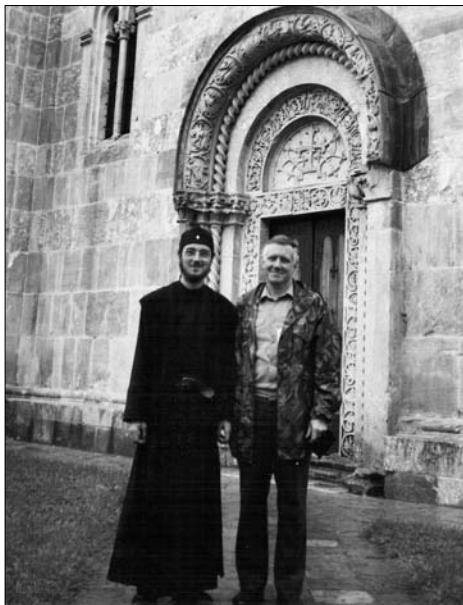
С Митрой это выливалось в то, что я по возможности снабжал за их деньги ее и ее приятельницу — сербскую поэтессу, которую она опекала, продуктами (они не отоваривались в местных магазинах, так как это было небезопасно). Несколько раз возил ее в наш госпиталь. Были также поездки в Грачаницу (сербский городок в предместье При-

штины), на Пасху на кладбище в приштинской городской черте и т. д. Все это звучит довольно прозаически, но надо учесть, что подобные поездки с местным населением нам были категорически запрещены правилами ООН. К тому же албанцы каким-то шестым чувством определяли сербов и могли выкинуть любой фортель. Да, один раз я ночью эвакуировал Митру из Грачаницы, когда она оказалась в одном из двух автобусов, подорванных в марте 2001 г. на маршруте Митровица — Грачаница албанцами-террористами. Тогда даже пришлось прорываться туда через албанские полицейские кордоны, которые не пропускали в сторону Грачаницы под предлогом обеспечения безопасности, и было необходимо им популярно объяснять, что они не там и не от тех ее обеспечивают.

Был еще один случай, косвенно связанный с Митрой. Как-то днем я по какой-то надобности оказался дома. Вдруг звонок в дверь. Пришла Митра, которая была перепугана и попросила срочно пойти с ней в соседний подъезд. Там в квартире на первом этаже был какой-то едкий запах, все в коридоре раскидано и пятна крови, а на кухне в полубессознательном состоянии лежал окровавленный мужчина. Митра умоляла что-то сделать, но только чтобы ничего не стало известно ни албанцам, ни кфоровцам. Каких-то вразумительных объяснений я не получил, да и добиваться их не было времени. Она только сказала, что это серб, по профессии адвокат, который раз в месяц полулегально приезжает в Приштину, забирает квартплату и отвозит ее хозяевам квартир в Сербию. Пришлось подогнать машину к подъезду, втихаря загрузить туда раненого и быстро доставить его в наш госпиталь в Косово-Поле. Ну а уж там наши медики знали, что делать. Рискну предположить, что в квартире сработало взрывное устройство. То ли сам серб чем-то занимался, то ли для него был приготовлен «подарок». По просьбе наших сербских друзей эта история развития не получила.

Содействие Марковичам тоже было связано с продуктами и поездками. Только здесь были несколько другие

ракурсы. Илья покупал то, что им было нужно для жизни, в местных магазинах. К тому же они не отказались (в отличие от гордой Митры) от гуманитарной помощи. Я же по их просьбе иногда делал для них оптовые закупки овощей, в основном перца. А ездили мы в монастырь Высоки Дечани, где их сын Иван сначала был послушником, а затем стал монахом. С учетом тех условий, о которых я упомянул, это была целая операция, тем более что ехать надо было через все Косово в район Печи и уезжать на весь день. Но то, какую радость проносила родителям встреча с сыном, компенсировало все преодолеваемые сложности. Да и мне самому каждое посещение этого старинного монастыря, ведущего свою историю с 1327 г., доставляло удовольствие, хотя, быть может, употребление этого слова здесь неуместно. Кстати, как-то мы там оказались во время поста, а так как нас каждый раз приглашали на трапезу, то мне удалось в первый раз отведать тушеную капусту с рыбой. Для меня это было совершенно необычное блюдо с учетом того, что я очень люблю и капусту, и рыбу, но по отдельности. Но было очень вкусно. Там в монастыре я оставил достаточно денег в церковной лавке. Купил и иконки, и ладан, и четки, и крестики, и кресты, и несколько иллюстрированных книг по разрушенным и поруганным православным церквям и храмам в Косове.

*В монастыре Высоки Дечане
с Иваном — сыном Марковичей*

Естественно, эти мои отношения с сербами были двусторонними. Митра выяснила, что я очень люблю все печеное, и периодически делала сюрприз в виде пирога то с яблоками, то с сыром. Даже когда я перебрался к Марковичам, то не оставил своих старых сербок без молочно-сметанного обеспечения и в ответ получал пирожок. В своих записях-летописях, которые периодически издавались и издаются в виде статей в газетах или журналах, или даже в виде книги, Митра не преминула уделить несколько страниц и мне. Марковичи в свою очередь обеспечили мне достаточный уют и комфортность в той квартире, которую я у них снимал. Обратив внимание на то, что я запал на айвар (своеобразная и очень вкусная икра из перца) и что я покупаю его в магазине, Благуна предложила попробовать это блюдо домашнего приготовления. Потом она делала его для меня из перца, который я им поставлял.

Все это только небольшие примеры нашего дружеского сосуществования. А в принципе каждый был занят своим делом. Они старались жить и выжить в тех условиях, в которые их поставили обстоятельства. Я же выполнял свою службу, оказываясь в снятых мною квартирах только для того, чтобы переночевать (мне надо было быть в офисе не позже 7 утра, уходил я оттуда где-то в 20.00, включая и выходные) или перекусить. К тому же надо было подгадывать, когда будет свет и вода (свет давали по схеме 4 часа на 4 или 2 на 2, а воду вообще по хитрому расписанию). К счастью, здание миссии ООН снабжалось без перебоев, и в этом было спасение.

В заключение я хотел бы сделать небольшое обобщение на основании своих наблюдений. Вне всяких сомнений, с сербами в Косове обошлись бесчеловечно, подло и безжалостно. Подавляющее их большинство, изгнанное или ишедшее из Косова, потеряло дома, землю, зачастую смысл существования. А оставшиеся поставлены на грань выживания в условиях резервации. Но меня поразила их разобщенность и неприспособленность к адаптации, мифологизированность их мышления. Сербы, даже та ма-

ленькая община из 40–50 человек, которая оставалась в Приштине, были абсолютно разобщены и не помогали друг другу. Каждый в какой-то мере поддерживал вертикальные связи в сторону Сербии, а на горизонтальном уровне каждый выживал в одиночку. Мне, например, стоило большого труда упротить ту же Митру помочь Марковичам с переводом, когда встал вопрос о продаже дома. Причем цена вопроса была всего в паре часов, но реакция была предсказуемая — мне этого не нужно. Они всегда готовы собраться, попить кофе или ракии, покурить, посоветовать на житье, говорить до бесконечности, и это все. Здесь мы, славяне, где-то все очень похоже, но хочется верить, что наши россияне все-таки от этого созерцательного состояния души продвинулись вперед, в практическую область.

Албанцы устроены совсем по-другому: это клановость, поразительная способность к мимикрии и исключительно прагматическая направленность мыслительного процесса. Поэтому они и выживают, и процветают в эмиграции, поэтому они, скорее всего (конечно, не без помощи своих «старших братьев»), и создадут какое-то квазигосударство в Косове.

Но для сербов, во всяком случае тех, кого я знал, там места не будет.

Часть IV.

Об отпуске и о другом

Сентябрь 2001 г.

Настало время собираться в очередной ооновский отпуск. Надо отметить, что у нас действовала достаточно удобная и гибкая система. С учетом того, что мандат миссии предполагал работу-службу 24 часа в сутки, семь дней в неделю и т.д., то правила предусматривали накопительную систему с предоставлением одного отгула за пять дней. В течение двух — двух с половиной месяцев от-

гулы накапливались, к ним приплюсовывались ооновские отпуска (полтора дня за каждый месяц) и в итоге получались две недели.

Обычно мои подчиненные (из всех уголков земного шара — Непала, Кении, Канады, Малайзии и пр.) использовали их для турпоездки по Европе. Мы, россияне, тоже были бы не прочь, но кто же нам разрешит (московское начальство), да и с визами проблема. Поэтому направление одно — домой, в Москву.

В Москву-то в Москву, но сначала надо добраться до ближайшего аэропорта.

До августа 2001 г. все было просто и понятно — рядом Скопье, столица Македонии, отсюда есть прямые рейсы в Россию, да еще и агентство «Аэрофлота» имеется. К тому же наша военная миссия имела свое представительство в Скопье в виде отдельной группы (болгарский подполковник Нинуш Иванов и норвежский майор).

Технология убытия-прибытия была отработана до мелочей. Ирландский сержант Пол доставляет своего начальника штаба из Приштины в Скопье и сдает на руки болгарину. Два брата-славянина обедают без излишеств в ближайшем китайском ресторанчике (первый раз попробовал жареное мороженое). Затем перемещение на машине Нинуша в аэропорт и отлет в Москву. Возвращение проводилось в обратной последовательности. Эта схема была реализована мною трижды с незначительными вариациями (сержант не Пол, а Джон, подполковник не болгарский, а ирландский), но она работала. Однако в июле 2001 г. при возвращении произошел сбой.

Я возвращаюсь из Москвы. Самолет приземляется в Скопье. Выхожу на площадь перед аэровокзалом, а знакомого белого джипа «Тойота» с буквами UN нет. Причем нет по определению. На мою удачу в аэропорту был офицер из аппарата военного атташе при Посольстве России, с которым мы были знакомы. Он провожал какую-то делегацию и довез меня до нашего представительства в городе. Уже на входе в дом я обратил внимание на какие-то странности

в окружающей обстановке. Норвежец (болгарин в это время был в отпуске) сидел у себя в кабинете. На мой вопрос о том, как все происходящее понимать, он ответил буквально следующее: «Сэр, для вас должно было быть объявление по трансляции в аэропорту о том, что надо брать такси и добираться самостоятельно». Пришлось ему популярно объяснить, что у меня нет привычки слушать объявления по трансляции при прилете, тем более что он был обязан меня встретить. Ну и попросил его все же прояснить происходящее.

Оказывается, мое возвращение пришлось как раз на вторую фазу обострения кризиса (албанцы против центрального правительства) в Македонии (первая была в марте 2001 г., тогда удалось, и не без участия нашей военной миссии, как-то умиротворить недовольство). В этот раз все вылилось уже в вооруженное противостояние с кровопролитием. А началось в ночь перед моим прилетом, когда, помимо всего прочего, было совершено нападение на здание, где размещался и офис ОБСЕ, и офис гражданской миссии ООН, и наша группа. То есть те странности на входе в дом, на которые я обратил внимание (разбитые стекла, какие-то подпалины и пр., что в общем-то не такая редкость в этих регионах Балкан), были следствием ночных инцидентов. И это была только та часть, которую я мельком увидел. А на самом деле были брошены бутылки с коктейлем Молотова в здание, подожжены и сгорели служебные машины и ОБСЕ, и наша, в итоге миссия находилась на осадном положении.

В этой ситуации норвежский майор, естественно, встретить меня не смог. А мне, оказавшись в офисе в центре Скопье, предстояло еще перебазироваться к месту службы, в Приштину, при условии, что доступ наших ооновских машин (на которых мы совершали обычно маршрут Приштина — Скопье — Приштина) был с началом военного противостояния запрещен. Пришлось добираться на такси до пограничного перехода в Косово, где меня все-таки подобрал сержант Пол.

Прямым следствием маленькой македонской войны, помимо всего прочего, стало прекращение полетов российских самолетов в Скопье с последующим закрытием офиса «Аэрофлота». А для нас, россиян, это означало необходимость внесения существенных корректив в маршрут попадания в Россию. Да и вариантов-то особых не было — только через Белград.

Это дальше, дольше и неудобнее. И к тому же были две основные особенности, делавшие этот маршрут неблагоприятным. Во-первых, к миссии ООН в Косове сербы относились, мягко говоря, прохладно, и проезд нашим машинам через административную границу Сербия — Косово был закрыт. И второе. Я в Косово попал на борту военнотранспортного самолета во время очередной ротации российского воинского контингента, то есть, как бы границы Сербии официально не пересекал и в итоге не имел соответствующей отметки в паспорте. Не я первый был таким нелегалом, и схема попадания в Белград была отработана (факс в консульство России в Белграде — оно отправляет ноту в сербское МВД, а те передают списки пограничникам), но в моем случае она не работала.

Итак, все предыдущее было прелюдией, а вот сама история.

Отпуск спланирован на сентябрь, причем самым тщательным образом. В сентябре у меня день рождения, есть деньги, давно не были в Питере — надо отметить день рождения там и увидеться с друзьями. Уже заказаны билеты на поезд в Питер и обратно, забронирована гостиница, оповещены участники и т. д. Оставалось к сроку попасть в Москву.

Северный маршрут в Белград был проложен следующим образом: вечером с сержантом на ооновской машине из Приштины в северную (сербскую) часть Митровицы и оттуда в ночь на рейсовом автобусе через Звечан и Лепосавич, через административную границу с Сербией на Белград. Самолет на Москву улетал утром. Извещение в наше консульство было отправлено заблаговременно, би-

леты на самолет до Москвы забронированы. Жена находилась дома в состоянии ожидания.

Все шло гладко до сербского пограничного поста. То есть мы проехали без проблем по косовским раздолбанным дорогам до Митровицы, автобус был подан, на удивление, вовремя, миновали без задержек многочисленные кфоровские блокпосты, нас выпустили из Косова через административную границу. И вот проверка на сербской стороне.

Пограничник после общего контроля предлагает мне выйти из автобуса и заявляет, что я не имею права находиться в Сербии и продолжать поездку на автобусе. На мое требование проверить имеющиеся у него списки и найти там меня он отвечает, что в списках я не значусь, а посему прав не имею. Где прошел сбой в прохождении моего запроса, остается только догадываться, но есть подозрение, что все дело в консульстве, которое относилось к нам по остаточному принципу. Все мои попытки морального увещевания (я из России, я — брат-славянин, я — капитан 1 ранга, я в Приштине вашим же сербам помогаю и пр.) на серба не действуют. Причем рядом стоит другой пограничник, все слышит и, когда первый, старший, отходит, говорит, что он все понимает, но решение принимает старший.

Вердикт был вынесен, и меня развернули в обратную сторону. Наудачу здесь же был автобус, шедший в Косово. В итоге в три часа ночи я оказался в албанской части Митровицы. Знающие ситуацию в Косове оценят, как ощущает себя славянин в одиночку ночью на албанской территории, да еще и в Митровице. Но мир не без добрых людей. Мимо проезжает «Кока-кола» (так называли джипы ооновской полиции), я ее останавливаю, объясняю сидевшему там американцу ситуацию. Он доставляет меня на полицейскую станцию и в режиме реального времени организует доставку меня на патрульной машине в Приштину, прямо в мой штаб. Оттуда я в шесть утра звоню в Москву жене и даю отбой по всем пунктам отпускного плана.

Но в Москву, правда, спустя одну неделю, я добрался. Это уже был окружной маршрут на Белград: на перекладных до Скопье, там на международном автобусе через официальную границу до Белграда. На границе был легализован мой въезд на территорию Сербии — я получил официальный штамп в паспорт.

Возвращался я в Косово после отпуска уже через Белград и Митровицу (все штампы были).

Потом было еще несколько отпусков. Поездку я осуществлял по северному маршруту (так и удобнее, и быстрее) и в посольство за помощью больше не обращался. В Белграде мне помогал наш ооновский сотрудник, Игорь Вобликов, тоже россиянин. И ему я очень благодарен.

Все случившееся на границе описала с моих слов в своей книге наша сербская приятельница, Митра Елич, доктор филологии, бывший профессор Приштинского университета. Она назвала эту главу своей книги «Унтер Пришибеев», наградив этим определением своего земляка-сербка. Что ж, ей виднее.

Олег Викторович КОЧЕРГАЕВ,
Сергей Петрович КАЗАКОВ,
Сергей Александрович ИГНАТЬЕВ¹

Хирургические аспекты миротворческой операции в Косове

*(Самарский военно-медицинский институт,
Главный военный клинический госпиталь
им. Н.Н. Бурденко)*

Современный мир отличается нестабильностью и периодически возникает межэтнических и регионарных военных конфликтов. За последнюю четверть XX века их насчитывалось более десятка. Одним из наиболее ожесточенных и кровопролитных явился балканский кризис — косовская трагедия.

Именно здесь более 4 лет принимали участие в миротворческой операции в составе 21-го отдельного медицинского отряда специального назначения Российского воинского контингента (РВК) специалисты медицинской службы МО РФ. За этот период были продемонстрированы высокий профессионализм и компетентность специалистов различных врачебных профессий.

21 ОМО (СН МС) входил в состав Российского воинского контингента в Косове, введенного на территорию края на основании: резолюции Совета Безопасности ООН от 10.06.1999 г. № 1244, Хельсинских соглашений между министрами обороны РФ и США от 16.06.1999 г., Указа Президента РФ от 25.06.1999 г., постановления Совета Федерации от 25.06.1999 г. С 06.07.1999 г., после передислокации с территории РФ в Косово, находился в составе медицинской

¹ Кочергаев Олег Викторович — д.м.н., профессор, полковник медицинской службы;
Казakov Сергей Петрович — д.м.н., полковник медицинской службы;
Игнатьев Сергей Александрович — к.м.н., полковник медицинской службы.

группы (специализированной помощи), а с 17.07.1999 г. — в полном составе, в количестве 85 человек.

Высокий уровень оказания медицинской помощи 21 ОМО был обусловлен фундаментальной профессиональной подготовкой врачей-специалистов, которые представляли ведущие лечебные учреждения и военно-медицинские вузы Министерства обороны.

Значительная часть из них имели ученые степени и звания: 2 доктора медицинских наук (один профессор), 15 кандидатов медицинских наук (5 доцентов).

Большинство врачей имели опыт работы по специальности от 10 лет и выше, а также высшую квалификацию по национальному стандарту. Многие принимали участие в боевых действиях (Афганистан, Чечня).

Организация лечебно-диагностической работы

21 ОМО (СН МС) был развернут на базе завода по производству стерильных растворов в н. п. Косово-Поле по штату на 30 коек, из них 18 – хирургических и 12 – терапевтических.

Он являлся единственным лечебным учреждением среди местных лечебных учреждений и медицинских учреждений многонациональных сил в Косове, способным оказать квалифицированную, с элементами специализированной, многопрофильную врачебную помощь (по классификации вооруженных сил НАТО – «роль 3»).

Следует отметить, что в классификации НАТО существуют 5 уровней оказания помощи: низший – «роль 1», высший – «роль 5».

Лечебно-диагностическая работа 21 ОМО осуществлялась следующими подразделениями:

- ▶ хирургическим (операционно-реанимационным) отделением;
- ▶ госпитальным отделением;
- ▶ стоматологическим кабинетом;
- ▶ рентенологическим кабинетом;
- ▶ лабораторным отделением.

За период работы 21 ОМО в нем оказывалась медицинская помощь военнослужащим Российского воинского контингента, военнослужащим КФОР (силы НАТО), местному населению и сотрудникам ООН (стоимость лечения и обследования которых компенсировалась за счет средств ООН) (табл. 1).

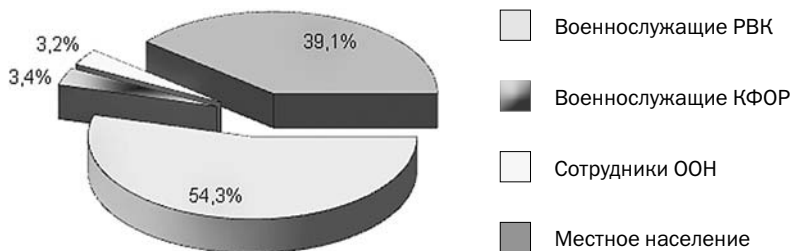
Таблица 1

Распределение пациентов по контингентам

№ п/п	Виды контингентов	1999–2003 гг.	
		численность	%
1.	Военнослужащие РВК	20847	54,3
2.	Военнослужащие КФОР	1321	3,4
3.	Сотрудники ООН	1236	3,2
4.	Местное население	15017	39,1
ВСЕГО		38421	100

Как видно из приведенных таблицы и графики, значительное число пациентов было представлено местным населением (15017 человек). Это указывает на важность оказания гуманитарной помощи в условиях межэтнического конфликта.

Контингент лечившихся больных

Наряду с этим, в 21 ОМО обращались военнослужащие КФОР, сотрудники миссии ООН и ОБСЕ, Красного

Креста и других международных организаций в Косове более чем из 30 стран мира (Болгарии, Великобритании, Венгрии, Греции, Дании, Испании, Италии, Норвегии, Польши, Румынии, Словакии, США, Турции, Украины, Франции, Чехии, Швеции и др.).

Национальный состав местного населения представлен в табл. 2.

Таблица 2

**Национальный состав пациентов
(местное население)**

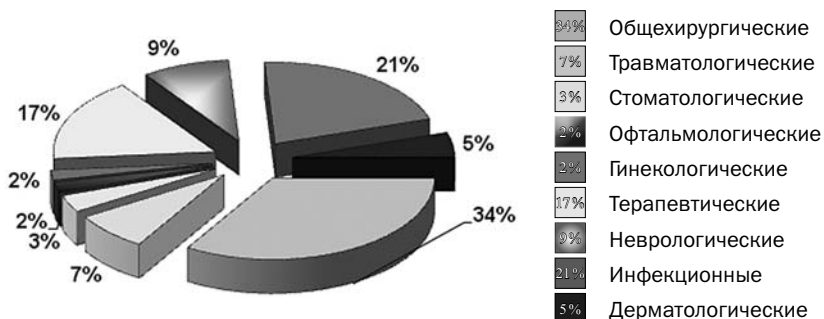
№ п/п	Национальность	Численность	%
1.	Сербы	8146	54,2
2.	Цыгане	4215	28,1
3.	Албанцы	2389	15,9
4.	Другие	267	1,8
ВСЕГО		15017	100

Данные приведенной таблицы указывают на много-этнический состав местного населения. Оно представлено сербами, албанцами, горьянами, боснийцами, цыганами, черногорцами, македонцами. Вместе с тем наибольшее число обращений приходилось на сербов и цыган. Это объяснялось отсутствием системы оказания медицинской помощи данной категории пациентов. 21 ОМО Российского воинского контингента позволил в этот трудный период организовать оказание гуманитарной помощи им.

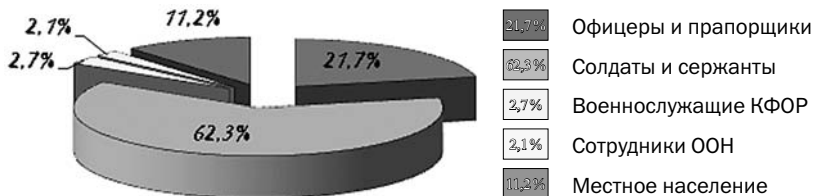
Итоги лечебно-диагностической работы 21 ОМО с июля 1999 г. по июнь 2003 г. по профилю заболевания представлены в диаграмме.

Приведенные данные свидетельствуют о подавляющем преимуществе пациентов с хирургической патологией. Это обусловлено большим количеством войск КФОР в данном регионе, сотрудников международных организаций, которые заняты в проведении операций по обеспечению безопасности в Косове.

Структура стационарных больных по профилю заболевания

Структура стационарных пациентов по контингентам

Приведенные данные указывают на то, что стационарное лечение в 21 ОМО предоставлялось не только военнослужащим Российского воинского контингента. Лечение местных жителей свидетельствовало об активном выполнении гуманитарной миссии. В 21 ОМО проводилось лечение большого числа военнослужащих КФОР.

Оказание медицинской помощи сотрудникам МООНК за период с 7.07.1999 г. по 30.04.2003 г. позволило отряду компенсировать затраты на лечение в размере 116032 долларов США.

Основную роль в работе отряда, несомненно, сыграло хирургическое отделение. Оно оказывало плановую и неотложную помощь личному составу Российского воинского контингента в Косове, военнослужащим КФОР, местному

населению и сотрудникам ООН на основе компенсации стоимости лечения ООН. Врачами отделения осуществлялся консультативный и поликлинический прием, диспансерные осмотры личного состава, военно-экспертная работа. Хирургическая работа была организована в соответствии с требованиями руководящих документов ГВМУ, указаний Главного хирурга МО РФ и Указаний по военно-полевой хирургии 2000 г.

Силами хирургического отделения были развернуты:

- ▶ операционная на 2 стола;
- ▶ перевязочная для тяжелораненых (травматологическая операционная) на 1 стол;
- ▶ перевязочная для легкораненых на 1 стол;
- ▶ палата интенсивной терапии и реанимации на 3 койки;
- ▶ кабинеты врачей-специалистов: стоматолога, офтальмолога, отоларинголога, гинеколога.

Для оказания неотложной помощи организовано круглосуточное дежурство хирургов, а также работа отряда в условиях массового поступления пострадавших.

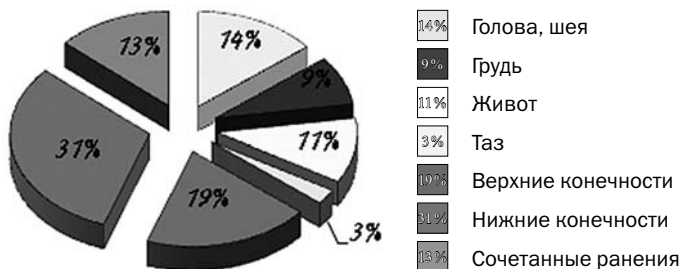
Было развернуто 18 коек хирургического профиля (14 — общехирургических и 4 — травматологических) на базе госпитального отделения. Всего обратилось за хирургической помощью 29 710 человек.

Таблица 3

**Структура хирургических пациентов
по профилю патологии**

№ п/п	Профиль заболеваний	Число лечившихся больных	
		всего	из них стационарно
1.	Хирургический	13843	1042
2.	Травматологический	2685	234
3.	Офтальмологический	3452	62
4.	Гинекологический	2647	61
5.	Стоматологический	7083	105
ИТОГО		29710	1504

Структура ранений при проведении миротворческой операции в Косове

Важная роль в оказании медицинской помощи принадлежит хирургическому лечению раненых и пострадавших.

В 21 ОМО выполнялись различной сложности неотложные, срочные и плановые оперативные вмешательства. В неотложном порядке производились операции при угрожающих жизни травмах и ранениях, при острых заболеваниях (перитонитах различного генеза, остром холецистите, язвенных кровотечениях, кишечной непроходимости и др.). Среди плановых оперативных вмешательств преобладали операции по поводу грыж различной локализации, проктологические операции, операции при за-

Таблица 4

Структура оперативных вмешательств

Наименование	Количество операций		
	численность		%
	общее	1999–2001/2001–2003	общее
Плановые	420	191/229	28
Неотложные	1081	394/687	72
По поводу ранений и травм	555	225/330	37
Сложные операции	330	120/210	22
Общее число операций	1501	585/916	100

болеваниях сосудов нижних конечностей. Кроме этого в 21 ОМО выполнялись офтальмологические и гинекологические операции, а также операции по поводу патологии челюстно-лицевой области.

Приведенные данные свидетельствуют о явном преобладании оперативных вмешательств по неотложным показаниям, что, в сущности, является одной из главных задач при проведении миротворческой операции. Именно своевременно и правильно проведенное хирургическое лечение позволило спасти жизнь и сохранить здоровье большому числу пациентов.

В 2002–2003 гг. отмечался значительный рост больных из состава КФОР (в 10 раз), сотрудников ООН (в 4,4 раза), местного населения (в 2 раза). Количество лечившихся больных из состава РВК снизилось в 1,8 раза, что обусловлено сокращением личного состава контингента.

Заключение

Работа 21 ОМО подтвердила правильность решения о вводе этого подразделения в Косово. Деятельность отряда позволила обеспечить качественную медицинскую помощь военнослужащим Российского воинского контингента, сербского населения, а также способствовала стабилизации геополитической обстановки в районе г. Приштины.

Следует отметить, что во многих случаях 21 ОМО был единственным местом, где могли спасти жизнь раненому, больному и пострадавшему вне зависимости от национальности и вероисповедания.

Оказание медицинской помощи представителям международных организаций (ООН, ОБСЕ, КФОР) позволило поднять престиж и авторитет Российской Федерации на Балканах.

За четыре года участия в миротворческой операции 21 ОМО (СН МС) тесно контактировал с медицинской службой стран КФОР, которой был высоко оценен высокий уровень профессиональной подготовки российских врачей и значительный вклад в дело мира военной медицины России.

О миротворческой миссии в Косове и Метохии (2001–2002 гг.)

Не часто предоставляется возможность посетить ту или иную страну мира, да и еще и поработать на благо ее населения, находящегося в тяжелом положении, ослабленном и разрозненным межэтническими конфликтами, оказывая миротворческую, гуманитарную и медицинскую помощь, в качестве врача — специалиста по лабораторной диагностике. Особенно интересным является оказание этой помощи в трудной служебной обстановке и жизнедеятельности, когда реально оцениваются твои профессиональные знания, умение и раскрываются твои человеческие качества. Конечно, поездка в Косово в наступившем 2001 г. в начале казалась трудной задачей с большим количеством неизвестных. Конечно же, мы знали, где располагается район Косова и Метохии и что там произошло в последние годы после бомбардировок войсками НАТО. Знали также, что помощь придется оказывать братскому сербскому народу, вековыми узами связанному с Российским государством, — нашим южным славянам.

Сборы длились недолго. Полученный ранее практический опыт работы в «горячих точках», в частности в Чечне, в ГВКГ² им. Н.Н. Бурденко позволил за короткий срок подготовиться к командировке и, взяв все необходимое, вылететь и в тот же день приземлиться в Приштинском аэропорту, который контролировал Российский воинский контингент (РВК) в Косове. Сразу по прилету нас встретил начальник 21-го Отдельного медицинского отряда (госпиталя) полковник м/с М.И. Фоминых и главный са-

¹ Казаков Сергей Петрович — к.м.н., полковник медицинской службы.

² Главный военный клинический госпиталь.

*Общий вид 21-го Отдельного медицинского отряда
(госпиталя)*

нитарный врач РВК полковник м/с А.Р. Волгин. Госпиталь располагался в 3 км от столицы края Косова и Метохии — города Приштины и в 10 км от основного штаба РВК, расположенного рядом с аэродромом, в населенном пункте Косово-Поле.

Основными функциями госпиталя, как одного из подразделений РВК, являлись:

- ▶ оказание квалифицированной медицинской помощи раненым и больным РВК;
- ▶ проведение эпидемиологических и санитарно-гигиенических мероприятий в зоне ответственности РВК;
- ▶ оказание гуманитарной и миротворческой помощи народу Косова и Метохии.

После прибытия, приема должности, знакомства с персоналом лабораторного отделения госпиталя началось

налаживание работы на рабочих местах. Была развернута автоматическая система сбора, обработки и выдачи лабораторной информации, которая была позаимствована в ГВКГ им. Н.Н. Бурденко и специально адаптирована под нужды 21 ОМО РВК.

Работа скоро легла в привычное российскому военному врачу русло, и лишь изредко приходилось ее контролировать. Выжным было составить перечень исследований, необходимых для ведения больных, основываясь на данных, оставленных предшественниками, и по мере работы внедрять иммунохимические методы исследования, которые не так активно использовались ранее.

Основной задачей госпиталя являлось оказание медицинской помощи раненым и больным РВК, хотя в течение нахождения в Косове структура больных существенно менялась. И связано это было с тем, что положение дел в Косовском крае нормализовывалось, количество больных — военнослужащих РВК сокращалось. Все большую миротворческую и гуманитарную роль госпиталь стал играть по мере увеличения количества раненых и больных — местных жителей. Вначале это были сербы и цыгане, которым некуда было обратиться, в дальнейшем стал нарастать поток и албанцев. Конечно, различий по национальному признаку мы не делали, однако албанское население Косова, на тот момент составлявшее большинство — 85 % от общего количества проживающих здесь людей, относились к нам настороженно. Однако со временем их настороженность прошла, и они обращались к нам как через руководство РВК, по линии гуманитарных организаций, которые работали в крае (ООН, ОБСЕ, другие неправительственные организации), так и напрямую, без посредников.

Работа в госпитале в течение года была насыщенной разными событиями — от ночных вызовов к больным, поступающих в госпиталь, до помощи сербским поликлиникам в организации клинической лабораторной диагностики. Интересен один из примеров помощи сербской

лаборатории, построенной на средства ООН в населенном пункте Лапле-Село для обслуживания центрального сербского анклава. Нас пригласили для консультации больных и проверки контроля качества работы лаборатории, так как специалистов такого узкого профиля на тот момент не было. Взяв с собой контрольные материалы, мы с разрешения командования поехали в эту поликлинику. После проведения небольшого занятия, мы с сербскими коллегами проверили большую часть гематологических и биохимических тестов, выполняемых лабораторией. Контроль качества показал, что после устранения одной систематической ошибки, ее работа могла быть продолжена. Сербских коллег заинтересовал серологический метод тестирования крови на туберкулез, и после нескольких занятий они способны были выполнить данный метод самостоятельно. Хотелось бы отметить, что уровень подготовки по другим специальностям у сербских врачей был очень высок, так как в основном это были профессора, преподаватели, заведующие кафедрами в прошлом медицинского фа-

Встреча с сербскими профессорами в Лапле-Село

культета Приштинского университета — одного из крупнейших в Югославии. Наиболее тесное взаимодействие было отработано с лабораторией сербской поликлиники, расположенной по соседству с госпиталем в Косово-Поле, возглавлял которую врач-лаборант Будамир Йованович с очень большим стажем работы.

Отметим, что сразу же по приезде было налажено взаимодействие не только с сербскими врачами, но и с отдельными лабораториями, лабораториями других госпиталей иностранных миротворческих контингентов войск НАТО в Косове (КФОР). Основной лабораторией, с которой приходилось работать, была центральная микробиологическая лаборатория войск КФОР, размещенная на основной базе штаба сил КФОР в «Филм-Сити», пригороде Приштины, где также располагалась медицинская служба войск НАТО. Эта микробиологическая лаборатория об-

После знакомства с условиями работы венгерских коллег в «Филм-Сити» — снимок на память

служивалась венгерским контингентом, как потом выяснилось, некоторые из специалистов данной лаборатории учились в ВМА и санитарно-гигиеническом институте в г. Ленинграде и свободно говорили по-русски. Основным языком общения был конечно же английский язык.

Одним из важных аспектов работы в Косове была такая форма международного сотрудничества как посещение госпиталей, ознакомление с работой и оснащением, профессиональный, в дружеском тоне обмен мнениями по медицинским вопросам и гуманитарному обслуживанию населения, участие в научно-практических конференциях, организуемых медицинской службой КФОР. Немаловажное значение имели брифинги и сборы, проводимые медицинской службой КФОР и РВК, направленные на улучшение профессиональных и личных взаимоотношений медицинских руководителей албанских и сербских коллег-врачей.

Начиная с июня 2001 г., кроме своей основной работы, вместе с командиром госпиталя мне, в качестве офицера по связям, пришлось участвовать в проведении ежемесячных совещаний медицинской службы КФОР и медицинской службы Российского воинского контингента в Косове. На этих совещаниях вырабатывалась общая стратегия поведения, оказания медицинской помощи гражданскому населению, обязательного участия нашей медицинской службы в проходящих раз в полгода учениях по оказанию первой медицинской помощи и отработке этапов эвакуации пострадавших при массовых потерях вследствие техногенных катастроф, которые могли бы происходить в Косове. Уместно отметить высокую организацию данных учений, в которых мне довелось участвовать лично. Отработка взаимодействия проходила сначала в помещениях на базе разных контингентов иностранных государств. В дальнейшем с использованием офицеров связи по специальным внутренним телефонным номерам проводилось оповещение с выездом на место происшествия. Как правило, это был условный пожар или разбившийся вертолет

с большим количеством пострадавших, требующих оказания первой медицинской помощи, сортировки и этапной эвакуации как на машинах «скорой помощи», так и с помощью вертолетов.

На учения привлекались все иностранные военные контингенты, а также медицинская служба ООН согласно четко проработанному плану учений. После учений разбор проходил на английской базе с указанием основных недостатков. Уместно сказать, что наши российские военные врачи показали высокий профессиональный уровень, заслужив отличные оценки, были поставлены в пример другим иностранным контингентам.

Основная руководящая роль на этих учениях принадлежала начальнику медицинской службы войск КФОР полковнику медицинской службы немецкой армии Micha-

Подготовка к выезду на учения по отработке действий при массовых потерях — «Mascal»

el Hautmann и его заместителю подполковнику медицинской службы норвежской армии Helge Varstrand. Эти два руководителя неоднократно посещали наш госпиталь с визитами делегаций и лично знали руководство нашей медицинской службы и большинство сотрудников госпиталя.

Ознакомление с работой госпиталей, медицинских пунктов малых контингентов войск НАТО в Косове проходили часто. Врачи разных специальностей российского госпиталя выезжали на место и осматривали размещение, организацию работы, оборудование, особенности оказания квалифицированной врачебной помощи военнослужащим этих контингентов и служащим ООН. Госпитали

Начальник медицинской службы КФОР Michael Hautmann (справа) и его заместитель Helge Varstrand (слева) с визитом в Российском госпитале, Косово-Поле

были развернуты в немецком, итальянском, французском, американском секторах, а также в английском секторе, хотя в описываемый период данный госпиталь был выведен, его персонал работал совместно с американскими военными врачами в американском госпитале, а для оказания первой врачебной помощи вместо госпиталя был развернут сквадрон — что-то среднее между медицинским пунктом и отдельным медицинским отрядом (по нашей классификации).

Малые контингенты иностранных государств, а они были представлены 32 государствами (всего 38 стран принимали участие в операции НАТО), имели также медицинские пункты с минимальным оснащением.

*Знакомство
с работой
американской*

*и французской
медицинской
службы,
оснащением
госпиталей*

Посещение госпиталей и медицинских пунктов чаще всего было дружеским, ответным жестом той или иной медицинской службы за оказанную высокопрофессиональную, чаще специализированную медицинскую помощь врачами нашего госпиталя. Не будет преувеличением, если сказать о том, что комплектация и компетентность специалистов нашего госпиталя была на одном из самых высоких уровней среди всех иностранных воинских контингентов в Косове. Прежде всего, это были преподаватели и специалисты высших квалификационных категорий с научными степенями и должностями из Военно-медицинской академии и Военно-медицинского института, главного и центральных госпиталей, за плечами у многих были Афганистан и другие «горячие точки» нашей страны. Поэтому и уровень оказания медицинской помощи был на самом высоком профессиональном уровне.

Именно поэтому госпиталь в Косове пользовался уважением, всегда работал по неотложной помощи. Не только мы ездили с визитами, но и наш госпиталь посещали руководители и ведущие специалисты медицинской службы европейских стран (Греция, Швейцария) и иностранных контингентов, руководители медицинской службы НАТО и КФОР, да и просто врачи других военных иностранных учреждений. Запомнился визит американской делегации во главе с начальником медицинской службы — начальником госпиталя полковником медицинской службы армии США John Clark со своими заместителями и военными врачами.

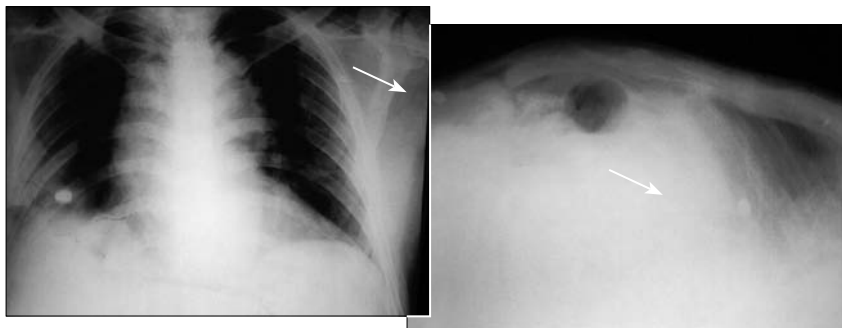
Из памятных встреч было бы целесообразно отметить краткосрочный визит в российский госпиталь начальника медицинской службы греческой армии с коллегами из греческого госпиталя, размещенного по соседству в Косово-Поле. Греческие военные врачи достаточно часто обращались к нам за помощью для диагностики и выработки тактики лечения своих военнослужащих, иногда и медицинского персонала греческого госпиталя, а также мирных жителей, которые обращались в их госпиталь за помощью.

За время работы сложились хорошие отношения со многими врачами из греческого госпиталя. В памяти остались менее официальные и более простые и теплые встречи с нашими коллегами из английской группы, скромными и интеллигентными полевыми врачами-норвежцами, живо и с юмором отвечающими на комплементы их работе испанскими врачами, добродушными и так же очень темпераментными военными врачами-итальянцами. Последние, кстати, были очень искренно благодарны нашему врачу офтальмохирургу подполковнику м/с С.А. Игнатьеву за быстрое, эффективное и результативное лечение итальянских военнослужащих. Нами неоднократно оказывалась помощь военнослужащим французского, чешского, венгерского, словацкого, украинского контингентов. Некоторые из этих военнослужащих проходили не только амбулаторное лечение, но и лечились стационарно в нашем госпитале.

Интересная международная деятельность в Косове, представленная мною, может заслонить нашу систематическую, монотонную, кропотливую работу по лечению раненых и больных. Хочется отметить, что госпиталь российского воинского контингента в Косове снискал славу не столько благодаря открытой международной деятельности, сколько уровнем оказания квалифицированной и специализированной медицинской помощи. Благодаря опыту, профессионализму таких врачей-хирургов, как профессор доктор медицинских наук полковник медицинской службы Кочергаев Олег Викторович, полковник медицинской службы Малахов Вячеслав Геннадьевич, подполковник м/с Лузин Валерий Викторович, подполковник м/с Толстов Анатолий Владимирович, анестезиолог-реаниматолог подполковник медицинской службы Казилин Николай Викторович, старшая хирургическая сестра госпиталя Миговарова Галина Владимировна, многие пациенты остались живы, получили поистине отличную специализированную помощь. Не один раз в госпиталь попадали тяжелые раненые после минно-взрывных травм, огнестрельных про-

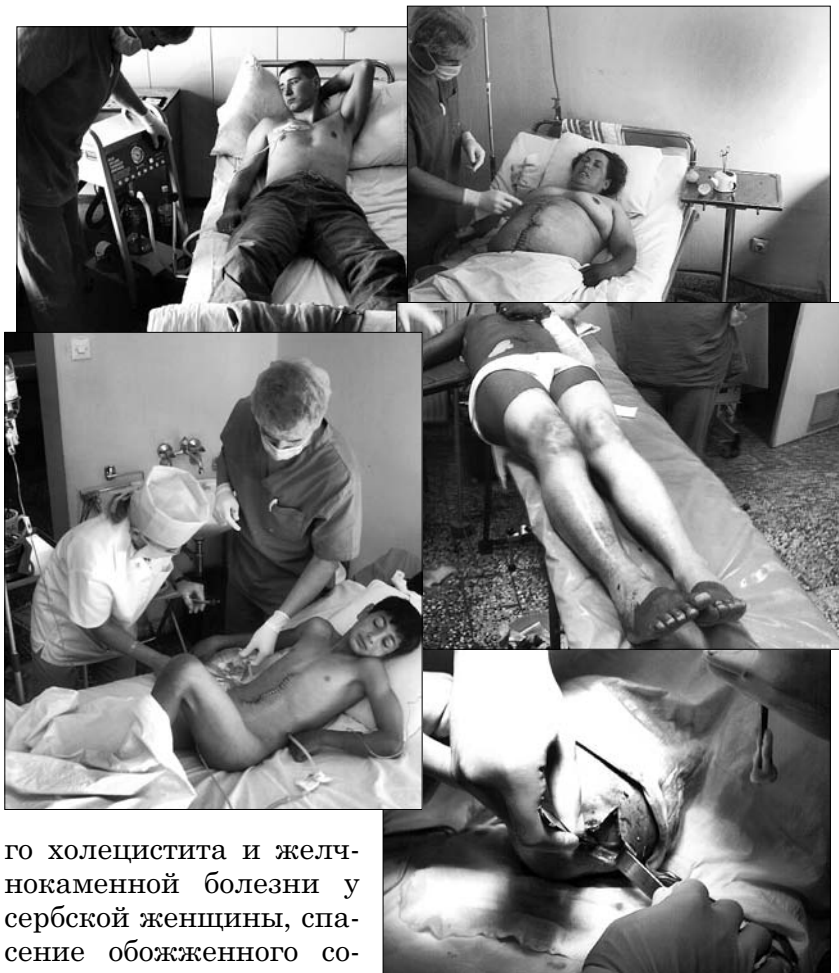
никающих ранений, ран, нанесенных холодным оружием, а также тяжелые пострадавшие после ужасных дорожно-транспортных происшествий, больные с острой хирургической патологией и тяжелыми кардиологическими и пульмонологическими расстройствами. Это требовало не только быстрой, точной диагностики, но и экстренных оперативных вмешательств по неотложным показаниям, проведения реанимации и интенсивной терапии, иной раз и долгих реабилитационных мероприятий.

В качестве примера приведу историю с огнестрельным ранением сербского пациента Стояна Милашевича, который был доставлен в госпиталь в ноябре 2001 г. с огнестрельными пулевыми ранениями живота и грудной клетки. После проведения рентгеноисследований больной в тяжелейшем состоянии попал на операционный стол и, благодаря умению и знанию нашей операционной бригады, возглавляемой Кочергаевым Олегом Викторовичем, после проведения шестичасовой операции по удалению пуль из грудной клетки и живота, санации, дренирования и ушивания ран больной в тяжелейшем состоянии был переведен в реанимационное отделение, где в течение недели за его жизнь боролись, без преувеличения, все отделения госпиталя. И к нашему удовлетворению, пациент поправился и через месяц выписался домой.

*Рентгенограммы пациента
с размещенными в груди и животе пулями*

Много хирургической помощи оказывалось военно-служащим и местному населению. Это были как мероприятия по лечению спонтанного пневмоторакса, удаление двух третей печени, пораженной гигантским эхинококком у цыганского мальчика, холецистэктомии по поводу остро-

го холецистита и желчнокаменной болезни у сербской женщины, спасение обожженного сотрудника миссии ООН.

Заслуживает внимание случай доставки в наш госпиталь двух наиболее пострадавших после ДТП албанцев, ко-

торым было проведено санирование грудной и брюшной полости на предмет скрытых кровотечений и трепанация черепа у пациентки Раффолли.

Российский госпиталь работал и в плановом режиме, оказывая помощь в основном местному населению, которому некуда было обратиться вследствие сложившихся тяжелых условий жизни и оторванности от сербских медицинских учреждений.

Только за один, 2002, год работы в госпиталь обращалось:

военнослужащих российского контингента — 1365 человек (в 1999 году — 2027 человек);

военнослужащих других иностранных контингентов — 645 человек (в 1999 году — 10 человек);

сотрудников ООН и других гуманитарных организаций — 702 человека (в 1999 году — 67 человек);

местных жителей — 3526 человек, из них сербов — 53%, цыган — 29%, албанцев — 18% (в 1999 году — 766 человек).

Госпиталь как организационно-функциональная структура РВК себя оправдал полностью.

В заключение хотелось бы заметить, что накопленный потенциал международного сотрудничества, совершенствование профессиональных знаний в особых условиях, приобретение навыков умения работать в отрыве от основных войсковых баз и сил, международная кооперация, ознакомление с организацией работы международных воинских контингентов и медицинских учреждений стран НАТО при оказании миротворческой и гуманитарной миссии в Косове являются полезным для жизни и службы военного врача.

Несомненно, что практика использования миротворческих контингентов Российских Вооруженных Сил будет и дальше расширяться. Отметим, что в настоящее время наши формирования находятся в Судане, Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии, Сьерра-Леоне, Бурунди. Анализ приобретенного опыта военных врачей — участников ми-

ротворческих миссий в Косове позволяет предложить, в интересах повышения эффективности решения всего комплекса миротворческих задач российскими формированиями в дальнем и ближнем зарубежье, некоторые рекомендации по организации их повседневной, приближенной к боевой, работе и ее обеспечению.

К ним относятся:

1. Разработка и создание госпиталей переменной мощности на основе модульного принципа, оборудованных автоматизированными системами оказания медицинской помощи и жизнеобеспечения, оснащенными информатизационными компьютерными системами (Intranet, Internet и технологиями видеоконференцсвязи). Данные госпитали должны быть способны в короткие сроки, в зависимости от выполняемых в текущий момент задач перебазироваться, модифицироваться не только под определенное количество специалистов, но и в зависимости от объема и качества (медицинская, квалифицированная, специализированная помощь) оказываемой помощи.

2. Возможностью данных госпиталей должны стать: принцип быстро меняющегося потока раненых или больных в зависимости от проведения миротворческих задач или оказание помощи при ведении боевых действий.

3. Подготовка врачебного и сестринского состава госпиталя перед выполнением гуманитарной миссии должна включать знания об особенностях этнического состава, религиозных взглядов, особенностях оказания медицинской помощи у разных межэтнических конфликтующих групп, населяющих данный регион.

4. Желателен подбор персонала со знанием иностранных языков, характерных для данного региона, и с обязательным знанием английского языка для взаимодействия с иностранными контингентами и, что важно — со знанием медицинской терминологии, которая может понадобиться при оказании помощи.

Сергей Александрович ИГНАТЬЕВ¹

Российские военные врачи в Косове (2001–2002 гг.)

Судьба военного врача непредсказуема. После нескольких командировок в «горячие точки» (в т. ч. участие в проведении контртеррористической операции в Чечне в 1996 г.) мне было предложено выполнить миротворческую миссию в составе Российской группировки войск в Косове.

Перед убытием в командировку я не в полной мере представлял задачи, которые на меня возлагались, но подготовка и опыт работы позволяли надеяться на успешное выполнение любого задания.

Край Косово

¹ Игнатьев Сергей Александрович — к.м.н., полковник медицинской службы.

По прибытии на территорию бывшей Югославии я был принят в состав отдельного медицинского отряда (госпиталя) группировки российских войск на должность врача-офтальмолога отряда.

Хочу отметить, что неоценимую помощь на первых этапах работы мне оказали старшие медицинские начальники — полковник м/с Воробьев Сергей Васильевич и полковник м/с Клишин Анатолий Алексеевич.

Несколько дней мне было достаточно для того, чтобы освоиться с аппаратурой и операционной и быть готовым к оказанию офтальмологической помощи. Оснащение аппаратуры и оборудование позволяло оказывать квалифицированную офтальмологическую помощь, с элементами специализированной, в полном объеме.

Плановый прием больных заключался в осмотре и назначении лечения больным нашей группировки войск.

Раздача гуманитарной помощи российскими военными

На начальном периоде работы обращений иностранных военнослужащих и членов миссии ООН не было.

Запомнился случай, когда полицейский США получил травму височной области и был вынужден обратиться к нам за медицинской помощью. После осмотра пациента я принял ре-

Начмед НАТО (в центре) во время посещения российского госпиталя

шение о необходимости операции. Особенностью взаимоотношения с пациентом было то, что он настаивал на личном контроле за соблюдением медперсоналом санитарно-гигиенических норм. По завершении лечения ему были сняты с кожи швы, пациент остался доволен и отметил, что в русском госпитале качественно проводится хирургическое лечение. Это мнение он растиражировал среди своих коллег, что в дальнейшем заметно упростило работу с данной категорией больных.

При беседах с полицейским выяснился интересный факт. Оказывается, он достаточно хорошо знает историю Второй мировой войны и остро интересуется ролью маршала Г.К. Жукова в победе.

В дальнейшем начали развиваться контакты с коллегами из других группировок войск. Чаще всего знакомство налаживалось во время медицинских конференций, кото-

Группа российских врачей во время посещения французского госпиталя

Знакомство врачей НАТО с российским госпиталем

рые проходили примерно один раз в три месяца в различных секторах сфер влияния. Постепенно возрастало количество консультаций иностранных пациентов из состава KFOR, а также контингента ООН и ОБСЕ в Косове.

Особенностью работы было то, что за помощью обращались

*Подготовка к операции
пострадавшего*

начмедом НАТО. После проведенного осмотра подразделений госпиталя они ознакомились с возможностями по оказанию медицинской помощи и дали официальное согласие на лечение у нас своих подчиненных военнослужащих.

Еженедельно госпиталь посещали делегации различных стран, которые знакомились с нашей работой. Мы, в свою очередь, тоже знакомились с работой наших коллег, в том числе Франции, Испании, США, Греции и др.

Предназначением нашего отряда было оказание неотложной хирургической помощи. Случилось так, что в американской армии один из военнослужащих получил травму

пациенты всех возрастных категорий, включая детей местного населения. В этой ситуации мне приходилось применять опыт, накопленный ранее при работе с детьми в отдаленных гарнизонах, т.к. в данном случае есть специфические условия осмотра и работы с ними. Практических руководств по детской офтальмологии у меня с собой не было, поэтому приходилось опираться только на личный опыт.

Узловым моментом в нашей работе было посещение госпиталя командующим группировкой войск сил НАТО в Косове и

*Встреча с коллегами из шведской
армии*

глаза во время игры в баскетбол. По согласованию с командованием российской группировки войск он был доставлен вертолетом в наш отряд. Здесь был установлен диагноз «подозрение на проникающее ранение глаза», и пострадавшему была проведена немедленная операция, по завершении которой

Знакомство с организацией работы во французском госпитале

в удовлетворительном состоянии больной был доставлен вертолетом обратно в расположение своих войск.

Вспоминается другой случай, когда врачи немецкого контингента доставили вертолетом представителя неправительственной британской организации по разминированию в Косове, который получил ранение обоих глаз при взрыве мины на близком расстоянии. Ему также была проведена немедленная операция, и больной в удовлетворительном состоянии был выписан на третьи сутки.

При работе с местным населением мы руководствовались принципом оказания гуманитарной помощи любому

Переговоры с представителями французской армии

обратившемуся в наш отряд, независимо от национальности. Большинство из них — сербское население, которому практически не было возможности обратиться в другие лечебные учреждения.

Но постепенно, ввиду сложности патологии и отсутствия реальных специалистов для оказа-

ния помощи в других воинских контингентах, к нам начали обращаться албанцы. Так что можно сказать, что мы в полной мере выполняли свою гуманитарную миссию.

К итогам года можно отнести то, что за период командировки было принято более 450 человек из иностранных контингентов, в том числе и местного населения, и было выполнено более 60 операций с хорошим исходом.

В целом хочется оценить данную командировку как очень интересную и полезную для своего совершенствования, накопления опыта международного сотрудничества.

*Дружеская встреча с коллегами
в американском госпитале*

Игрушки против оружия

В составе миротворческих миссий ООН, ОБСЕ я более четырех лет служил на Балканах. Почти год из них занимался «строительством» квартальной полиции в Косове. Проект этот там назывался несколько по-другому — «Полиция и местные сообщества», но сути это не меняет: мы старались найти с населением общий язык, выстроить партнерские отношения, поднять имидж вновь создаваемой в крае полицейской службы, создать современный правоохранительный орган «с человеческим лицом»...

Напомню: только что отгремели бомбардировки, кругом мины, неразорвавшиеся снаряды, на руках полно то и дело пускаемого в ход оружия, растет криминал... В регионе, кроме нас, полицейских-международников, действует гражданская администрация ООН, полно военных, у каждого — свой «мандат»... Нервы напряжены, в такие моменты любая, даже просто неверно истолкованная мелочь может привести к печальным последствиям, кровопролитию.

В этих условиях ко мне, как к специалисту по связям с населением, обратились натовцы. И сообщили, что уже несколько раз буквально в последний момент снимали патрон с боевого взвода, когда видели в руках у невесть откуда появившегося подростка... пистолет, игрушечного «клона» современных «Беретт» и «Глоков», искусно изготовленных китайскими «оружейниками». Пластмассовые стволы выглядели как настоящие, с затвором и магазином, и особенно в сумерках легко принимались за настоящие.

¹ Зеличенко Александр Леонидович — начальник Центра реформирования МВД, полковник милиции, участник миротворческих миссий на Балканах в 2000–2004 гг.

Начали чисто по-милицейски. По решению мэрии принялись нещадно изымать «оружие» с витрин и прилавков местных магазинов, предупреждать, а то и штрафовать хозяев. Представляете, как я себя ощущал: приехать в миротворческую миссию за тысячи километров, чтоб у детей игрушки отбирать?!

Тут родилась мысль: а что, если попытаться револьверы у детворы... выменять? Обратились в неправительственные организации, и те откликнулись, предоставив взамен пару сотен мягких игрушек. Пошли в школы, разъяснили суть акции. Вначале верили не особо, но, заручившись поддержкой директоров, однажды, под девизом «Игрушки против оружия», провели мы первую сделку с местными пацанами.

Надо было видеть: задолго до назначенного срока школьный двор заполнила до зубов вооруженная малышня, подтянулись и ребята постарше. К месту события стекались и взрослые сельчане, вездесущие репортеры. Подкатив на полицейском джипе, мы распахнули вместительный багажник, куда немедленно полетели пластмассовые ружья и автоматы. Взамен выдавались мягкие зайки, мишки, мартышки. Вскоре наш короб оскудел, и, возвратившись, мы насчитали 97 «добровольно сданных», а вернее сказать — выменянных, разнокалиберных стволов.

Через некоторое время уже в другом селе, Монастырице, «разоружили» аж 165 тамошних пацанов! Один принес целых семь револьверов, получив взамен столько же зайцев, драконов и крокодилов. В школах Доне-Любиня и Локвицы выменяли 185 пистолетов. Надо видеть, как радовались дети! Параллельно с обменом детям и взрослым рассказывалось о международном положении, о политике ООН по укреплению мира, о Кыргызстане. Такая «агитация» западала в память и очень способствовала взаимопониманию.

Необходимо отметить, что регион, где происходили описываемые события, населяли бошняки, как национальное меньшинство в Косове, как известно, наиболее

уязвимое в любых конфликтах. В акции, кроме международных, активно участвовали и вновь рекрутированные полицейские из местных. Во многом благодаря еще и этому, «Игрушки против оружия», с одной стороны, были всецело подхвачены населением. С другой, помогли молодым коллегам с самого начала показать новизну и демократичность подходов, желание и волю к партнерству.

Подхваченное прессой, в том числе и международной, изначально локальное наше начинание становилось все более популярным. Отслужив положенное, по возвращении домой полицейские и военнослужащие-миротворцы начали акции по сбору мягкой игрушки в родных краях. В Германии, например, их собирало население нескольких регионов, в Косово доставляли военные транспортные самолеты.

Акция длилась несколько месяцев. По окончании, при большом скоплении народа, «броня» символично расплющила «оружие», превратив его в кучу пластика...

Шеврон из Кыргызстана

Готовясь миротворцами в Косово, таковы правила, мы перевели на английский все, изготовив даже шевроны с надписью «Police», снизу — «Kyrgyz Republic». Их, снабдив липучками, и цепляли на форму. Удобно, при стирке — отодрал, погладив — прицепил. Все просто.

В миссиях принято дарить и обмениваться полицейскими сувенирами: погонями, значками, свистками. Западники привозят кружки, футболки, кепи с фирменными надписями типа «Texas State Police» на фоне ковбоя с кольцом. Красиво!

Мы ж, кыргызстанцы, не имея ничего более, прибегли на этот случай родные, «домашние», шевроны — «Кыргыз Республикасы. ИИМ (МВД)», снизу — «Бишкек», как вариант — «Ош». В центре — флаг и герб. Все. Но поскольку для Кыргызстана это была первая миссия, такие сувениры расходились на ура.

...Косово. Людей на службе вечно не хватало, а потому, когда из штаб-квартиры сообщили, что нам придали двоих новичков-малазийцев, командир ждать не стал: «Алекс, бери мою машину и привези их, пока штабные не передумали».

Начальственный «Лэнд Крузер» виден издалека. Шел я без остановок, рацию, чтоб в полной мере вкусить джаз из кассетника, не включил. Приехал, помог собраться, и — в обратный путь. На заднем сидении — двое в экзотической униформе, с обязательной чалмой на голове...

Едем, общаемся, ввожу новобранцев в курс дела. По ходу отмечаю необычно большое количество патрулей на трассе. Благодаря бортовому командирскому номеру, наш джип не останавливали. Преодолев последний обледенелый серпантин, наконец вскарабкались на перевал...

Из суточной оперативной сводки: *«В 11.00 в высокогорном массиве снайперским выстрелом убит водитель А.Е., 38 лет. Потеряв управление, автобус со школьниками сербской национальности опрокинулся с высоты. Есть погибшие, раненые».*

Бронетехника, что в тот день как обычно сопровождала школьный автобус, оказалась бессильной...

Насилие порождает насилие: сербские мужики из ближайших гетто, чье население лишь изредка, под натиском конвоем, вывозили в соседние городки в церковь, в банк, проведать родные могилы, перекрыли центральную трассу и принялись охотиться на «вражьи» машины. С женщинами, детьми...

Ничего не зная о случившемся, увидев горящие авто и густую толпу, понял одно: ЧП! Быстро развернуть тяжелый внедорожник нечего было и думать. Народ же, приняв нас за полицейский арьергард, с факелами в руках, бурно жестикулируя, двинулся в нашу сторону.

Одного взгляда хватило, чтобы понять: малазийцы — не помощники. Да и что с них взять — первый день в миссии. Приказав сидеть в джипе, выскочил на мороз. Надо было срочно определить, кто предо мной. С каждым этно-

сом — особые правила поведения. С албанцами, к примеру, упаси Бог, говорить по-русски или на сербском, который они, кстати, в большинстве прекрасно понимают. С сербами, наоборот, «забранен» английский...

Чу! Крутой мат. Сербский сленг хоть и отличен от нашего, но разобрать можно. И хотя и с трудом, но к тому времени я уже говорил по-сербски. Албанцы, в любом случае, так выразиться не будут...

«Братушки, что радите овде?» Ну, типа, что происходит? «Какие тебе братушки, ебен американац?!» И меж собой: «Убичемо американаца, узмемо пиштоль и кола», — убьем американца, заберем, значит, оружие и машину. «Нисам американац!» «Лажешь (врешь), изгледаш као американац» — и окружают, окружают...

Что делать?! Стрелять? В живых-то людей?! Да и много их... Вдруг — сзади: «Эй, погледайте, код нега е кириллица на деснице!» Очевидно, спросонья, второпях, сунув руку в прикроватную тумбочку, вместо in English, нацепил я в тот день на форму наш, тот самый «Кыргыз Республикасы», шеврон. Каким образом пристал он к липучке — сказать не берусь.

«Тачно, кириллица. Где е то — Кыргызска Республика? Русия?» «Бивший Советский Союз», — отвечаю. «За нас то е Русия. А Бишкек?» «Главни град» — так столица по-сербски.

Агрессивности поубавилось. Надо было успех закреплять. «Кыргызстан — то е бивша совезна република», — говорю. «Да, код вас — Горбачев, код нас — Милошевич погубили државу. А, что да кажем: нема Тито, нема Югослави...»

Проверка на том не закончилась. «Ако ты — рус, треба да пиеш како рус» — и ну цедить из плетеной бутылки крепчайшей ракии в залапанную литровую банку. До краев...

Протягивают. Понимаю, что это — тест, беру. «Има меза? (Закуска есть?)» «Нема». «Вода?» «Нема». И глядят пристально. «Пиян, као рус», — испокон веков говорят сербы, переделав на свой лад нашу поговорку «Пьян, как сапожник».

Прошло скоро десять лет, но вспоминаю — и передергивает: выпил! Спасибо, не наш самогон: ракийку «пекут» с любовью, очистка великолепная. Но — литр, и крепость — 58 градусов! Вспомнились шолоховские: «После первой не закусываю...»

Слава Богу, второй не последовало. Толпа расступилась. Чтoб чалмой глаза не мозолили, уложил пассажиров на пол и дал газу. Успел заметить, что к перевалу со всех сторон огоньки ползут — район блокировали.

...Алкоголь «торкнул» через пару верст. Да так, что едва успел прижаться к обочине. Дальше — не помню, проснулся в обед, у себя в кабинете. Начальство уведомили новички. Я ж все списал на поломку рации. По глазам видел — не верит немец, но разбираться не стал — вроде как я положение спас...

*Бишкек,
май 2009 г.*

Косовская зарисовка

После крушения самолета на необитаемом острове оказываются трое: американец, немец и косовар. Племя дикарей решает, кого съесть первым. Янки: «Только попоробуйте! Завтра же здесь будут наши бомбардировщики и морпехи, они превратят все в руины!»

«Пугаешь?! Нам нечего терять! В котел его!»

Немец: «Если вы оставите меня в живых, я расскажу об этом всем. Евросоюз вложит в вас миллионы евро, здесь построят курорты, отели, пляжи. Вы будете лежать под пальмой и заниматься ничегонеделанием...»

Вождь: «Мы и так под пальмой лежим, съешьте его!»

Пришел черед косовара: «Мне нечего сказать. У меня нет ни денег, ни даже тепла, ни света, у меня даже родины нет...»

«Этого не трогать, — заявил вождь, — у меня в Косове брат в миротворцах служит...» (Популярный в начале 2000-х анекдот.)

...Моим первым Team Leader — старшим патруля в Косове был африканец. Знакомясь, он сообщил, что в полиции служит уже 17 лет. Подумалось: «Опытный...»

Вскоре обратил внимание, что напарник как-то не очень уверенно ставит вопросы, не может разговаривать с людьми. На «стреляного воробья» — не похож. Ну, да ладно, всякое случается...

Через некоторое время, закончив миссию, коллега вернулся домой. На его место прибыл новый, из той же страны. Разговорились, и я спросил о предшественнике. В ответ — улыбка: «Да, семнадцать лет он ... охранял заповедник для слонов. Берег животных от браконьеров, надоедливых туристов. Короче, ходил с совком и подбирал слоновье дерьмо...»

И, согнувшись, живописно показал, как это делается...

В тот далекий день 5 октября 2000 г.

Исходя из великой истины, что историей часто злоупотребляют те, кто в ней не играл ну никакой роли, а потому ложно свидетельствуют и себя ставят на место, которое им не принадлежит, я уважаемой Елене Гуськовой передаю собственное свидетельство.

В тот далекий день 5 октября 2000 г.² я был на своем рабочем месте в Доме правительства Республики Сербии. Работал по вопросу тендера на закупку лекарств и медицинских материалов для всех медицинских учреждений Сербии. Было еще много текущих дел из области общественной деятельности, которая входила в мои обязанности как заместителя председателя правительства и министра здравоохранения. Оставался я на работе довольно долго. Здание правительства в тот день было призрачно пустым. В середине дня перед окнами моего кабинета вдоль улицы

¹ Боич Милован — врач, в 2000 г. — министр здравоохранения, заместитель премьер-министра Республики Сербии.

² 24 сентября 2000 г. прошли выборы президента СРЮ и местных органов власти в Сербии. Во втором туре голосования (8 октября) должны были участвовать два кандидата, получивших наибольшее количество голосов — Воислав Коштуница и Слободан Милошевич. 2 октября Швейцария заблокировала 100 банковских счетов, принадлежавших членам ближайшего окружения президента СРЮ Слободана Милошевича. А госсекретарь США Мадлен Олбрайт призвала югославского руководителя предстать перед военным трибуналом в Гааге. На С.Милошевича началось давление, чтобы сам подал в отставку. Представитель генерального секретаря НАТО Клаус Питер Клайбер говорил: «Если Милошевич уйдет добровольно, это поможет избежать дополнительного риска в регионе». Оппозиция вывела на улицы тысячи людей. Началась всеобщая забастовка. 5 октября Воислав Коштуница на митинге в Белграде объявляет себя Президентом. Милошевич, по его словам, бежал из официальной резиденции. Демонстранты штурмом берут здание парламента (сгорают все избирательные бюллетени), ЦК Социалистической партии, телецентр. Армия заявляет о невмешательстве. Часть полиции переходит на сторону восставших. Запад приветствует победу революции. Конституционный суд Югославии сначала аннулировал результаты выборов, а затем подтвердил победу Воислава Коштуницы на президентских выборах, не объявив, правда, окончательных результатов первого круга голосования.

Князя Милоша слышались сирены из колонны демонстрантов, которые двигались к зданию Союзной Скупщины. Я посмотрел в окно и увидел, что с колонной движется много автомобилей с партийными флагами оппозиции и городов из всей Сербии. Я продолжил работать.

Позже ко мне вошел начальник безопасности Дома правительства и попросил меня покинуть здание из-за собственной безопасности. Он меня также проинформировал, что в здании уже никого нет. Я послушал его, и вместе со своим водителем Владо мы двинулись домой в сторону вокзала, петляя по маленьким, менее загруженным улочкам. Во дворе моего дома трудились рабочие, ремонтировали дорожки и забор. На улице перед моим домом были видны колонны полицейских машин специального назначения. На мотоциклах полицейских мои охранники слышали ругательства и вульгарности, адресованные президенту и другим членам режима. Полицейские мне говорят, что кто-то из оппозиции взял громкоговорители. Пробую вступить в контакт с кем-нибудь из полиции высших чинов и рангов. Отвечают мне, что Скупщина находится в осаде, но пока держится. Звоню Президенту³, как только увидел, что по телевизору говорят, что я арестован на аэродроме в Будапеште со слитками Народного банка Югославии. Он сказал мне, чтобы я срочно приехал к нему. Вместе со своим водителем прибываю на виллу Мир.

Вижу, что он не смотрит телевизор и достаточно спокоен. Говорит мне, что хотел бы избавиться от толкотни на вилле и начать действовать в этой накаленной атмосфере. Говорит, что я — именно тот, кто это может и должен организовать. Я принимаю решение, и через дорогу напротив виллы Мир с другой стороны улицы быстро открываю виллу ПТТ⁴. Попросил и супругу Президента пойти со мной туда. Очень быстро она и члены правящих

³ Слободану Милошевичу.

⁴ ПТТ — почта, телеграф, телефон.

партий, а особенно ЮЛа⁵, начали приходить туда. Государственных функционеров не было. Стоянка перед виллой Мир была совсем пустая. На входе шеф безопасности говорит мне, как надо переговариваться. Я вижу и сам, что речь идет не о силе оппозиции, а о собственном предательстве. С каждой минутой это становится кристально ясно. Все-таки я решаю не досаждать Президенту и не обременять его, хотя я не уверен: он это видит или все-таки не хочет видеть.

Как завзятый некурящий, я дымлю все-таки с ними белый «Давидоф». Президент говорит мне, что заседает Генштаб вместе с министром обороны. Спрашиваю, какое это заседание без его присутствия? Отвечает, что в этом нет необходимости, что армия понимает свою историческую ответственность и что она это много раз уже доказывала. Решил посмотреть список телефонных звонков. И действительно, меньше звонят. Нигде нет ни председателя Скупщины, ни премьер-министра. Единственно, кто звонит, это бывший начальник тайной службы и генеральный секретарь правительства: он упорно настаивает на своем приезде, чтобы быть рядом с Президентом. Решаем остаться одни и получать информацию о развитии событий от официальных органов. До меня доходят сведения об угрозе президентской виллы.

Звонит командир из военной бригады, которая обеспечивает безопасность. Уважительно и честно клянется в безопасности пребывания на вилле. Звонит и министр иностранных дел и сообщает о приезде русского коллеги рано утром. Армейцы еще заседают, сообщают из Генштаба. Сидим перед виллой. Много курим, почти тлеем от табака, учитывая, что я не курильщик. Начинают присягать на Конституции, и при этом Президент не хочет понять, что это предательство. За это время и Избирательная комиссия начинает, в соответствии с Конституцией,

⁵ JUL (ЮЛ) — Югославская объединенная левиза, партия левого толка, создана в 1994 г.

сообщать понемногу выборные результаты. Глубоко ночью приезжают начальник⁶ и еще один генерал из Генштаба. Договариваемся, что я перейду в соседнюю комнату и встану за дверь. Генералы сообщают Президенту, что армия тверда в позиции уважать конституционный порядок и в соответствии с этим будет поступать.

Когда они уехали, спрашиваю Президента, видит ли он по их лицам, что это сейчас какие-то другие люди? Говорит мне, чтобы я не драматизировал и что я сам несколько раз принимал очень быстрые решения. Все-таки я говорю: ясно, как Божий день, что это предательство и что все кончено. Говорю, что он должен был быть на заседании Генштаба, что я после выборов уже видел и военных, и полицейских генералов, которые перешли на другую сторону.

Приезжает Президент республики⁷. Опять прячусь в соседней комнате за прикрытыми дверями. Идет разговор. Милан Милутинович говорит, что у него были два представителя оппозиции и требовали пересчета избирательных бюллетеней. Очерняют тебя, говорят, что надо найти честный выход из этой ситуации. Президент не имеет ничего против контроля избирательных бюллетеней, он убежден, что второй кандидат получит при пересчете действительно больше голосов, но не победит. В этом смысле, говорит, и армия будет защищать Скупщину и избирательные бюллетени.

После этого Президент Сербии уходит, а вскоре приезжает Джинджич⁸ и сообщает собравшимся, что армия идет на Скупщину, и начинается массовое выступление людей. Рано утром приезжает начальник Генштаба с Коштуницей⁹. Президент ему говорит, что его надо посадить,

⁶ Павкович Небойша — генерал, начальник Генерального штаба югославских вооруженных сил.

⁷ Милутинович Милан — президент Сербии.

⁸ Джинджич Зоран — председатель оппозиционной Демократической партии, а также лидер Демократической оппозиции Сербии (ДОС).

⁹ Коштуница Воислав — лидер оппозиционной Демократической партии Сербии, кандидат в Президенты Югославии.

так как окружил себя предателями, которые уничтожают Сербию. Коштуница показывает ему бумагу и говорит, что он — избранный Президент и что это подтвердил Конституционный суд. Милошевич поздравляет его, возвращается на виллу и делает заявление для телевидения.

Перевод и комментарии Е. Ю. Гуськова

Цветная революция по-сербски

Эх, как было когда-то! Когда существовала Югославия, процветающее, богатое, уважаемое государство. Ни большая, ни маленькая, как раз по масштабам европейского континента, однородная внутри, в течение многих лет без внешних врагов, по крайней мере явных.

С нашим красным паспортом мы разъезжали по планете. Не только такие, как мы, кому позволял характер работы, за границу мог поехать любой платежеспособный человек. А таких было немало: производство работало, безработных почти не было, а на Адриатическом побережье и многих живописных озерах и реках в летние месяцы звенели голоса отдыхающих — почти у всех предприятий были свои дома отдыха, тогда как отели были «зарезервированы» в основном для иностранных туристов с туго набитыми долларами кошельками.

На Пятой авеню в Нью-Йорке я из интереса обменивал югославские динары за американскую валюту, признанная конвертируемость вселяла уверенность. А в Москве, где я работал и жил с 1977 по 1982 г., уважение ощущалось повсюду. И на Проспекте Мира в доме, который не относился к «дипломатическому корпусу», среди простых, как говорится, людей, живущих по соседству, вплоть до самого Кремля и высших эшелонов власти тогдашней огромной могучей страны Советов. Дело было не во мне, уважение чувствовалось и проявлялось по отношению к государству, представителем которого я являлся. А уж тогда, когда дважды в период моей работы с официальным визитом в СССР приезжал маршал Тито, чувство гордости, что ты югослав, было безграничным и запоминающимся навсегда.

¹ Чукич Душан — член руководства Социалистической партии Сербии, как журналист работал в Москве.

Многие наверняка все об этом знали, но, очевидно, было недостаточно сил и возможностей сделать так, чтобы предотвратить переворот. Как нельзя кстати пришлось и решение президента Слободана Милошевича провести 24 сентября 2000 г. досрочные выборы президента СР Югославии и депутатов союзного парламента. Я был непосредственным участником этих событий как ведущий кандидат правящей Социалистичкой партии Сербии в Новом Белграде и Земуне, едином избирательном округе с несколькими сотнями тысяч избирателей. Ничто не предвещало поражения, особенно поражения Милошевича, который вообще на всех выборах до и после введения многопартийной системы набирал гораздо больше голосов, чем партия, которую он возглавлял. Он обладал харизмой и непосредственностью, четкими политическими убеждениями, скромностью, публичной ненавязчивостью, личной порядочностью, пользовался исключительным доверием народа.

У сербов есть поговорка: «Деньги просверлят там, где сверло не может»². В свержение Милошевича вложены огромные средства, особенно американцами. Сегодня они больше и не скрывают, что потратили не менее 100 миллиардов долларов. Затраты окупились, они не смогли обеспечить победу на выборах, но сумели вызвать бунт. В Сербии нет никого, кто верит, что количество голосов, набранных на выборах Воиславом Коштуницей 24 сентября 2000 г., на 1 % превышало необходимые 50 % голосов. Должен был состояться второй тур президентских выборов. Что же касается союзного парламента, то победа коалиции левых сил была бесспорной.

В рядах заказчиков и исполнителей «работ» возникла паника. Поддержанный большинством депутатов, Милошевич мог бы без проблем стать председателем Союзного правительства (на что, я уверен, он бы не согласился), а тогда бесполезным было бы и желание, чтобы Коштуница нечестным путем занял кресло главы государства.

² Новац врти где бургија неће.

Поэтому и готовились беспорядки на улицах Белграда. В ночь на 5 октября ко мне в кабинет пришли (я был тогда генеральным директором и главным редактором всех изданий компании «Новости», крупнейшего и самого тиражного газетного издательства на Балканах) два молодых человека, которым было дано задание убедить меня завтра не выходить на работу. Они сказали: «Заболейте, завтра полиция откажется подчиняться властям!»

Я уже слышал подобные разговоры, но, очевидно, не хотел обращать на них внимание. И я не послушался. Пришел на работу в обычное время. Утро не предвещало больших неприятностей, напряженность возникла только около полудня, когда колонны грузовиков, в частности, из центральных районов Сербии, с бульдозерами в первых рядах расчистили подъезды к городу. А говорилось, что не «сможет пролететь даже птица», а тем более так называемая критическая масса. Я знаю из надежных источников, что это обещано в деловой резиденции Президента Республики, в Белом Дворце на Дединье, во время совещания самых ответственных руководителей полиции и армии. Особенно бурно убеждали в этом генералы полиции, двоих из которых руководство, пришедшее к власти после государственного переворота, вынуждено было, вопреки своей воле, выдать Карле дель Понте и которые и по сей день томятся в тюрьме Гаагского трибунала за преступления, якобы совершенные в конце 90-х годов в Косове и Метохии.

Из радио и телевидения Сербии, где я также выполнял функцию заместителя генерального директора и директора телевидения Сербии (работая на 1/3 ставки, что разрешено законом) мне сообщают, что продолжается забастовка, правда, небольшого количества сотрудников и сторонников переворота. Они прошли нестройными колоннами и по улицам, где находятся «Новости» (Таковска и Дечанска, одна рядом с другой), выкрикивали невнятные лозунги и на этом, по крайней мере, в тот период, закончили протест, требуя ухода руководящих кадров из главной тогда югославской и сербской медийной компании. В это

время мне позвонили из нашего посольства в Москве и порекомендовали принять участие в «живом» эфире по-русски в передаче какого-то радио (сегодня, по прошествии стольких лет, я уже не помню, о какой радиостанции шла речь). Я согласился. Я услышал мужской голос и вопрос, что происходит в Белграде, отстаивающем свободу. Я хорошо помню именно так сформулированный вопрос, и я ответил, скорее эмоционально, нежели рационально, что фашизм не пройдет, связывая еще не достигшие своего апогея беспорядки с натовскими бомбардировками и незалеченными ранами.

Около 11 часов 5 октября произошло первое столкновение. Перед зданием Союзной скупщины полиция разогнала демонстрантов слезоточивым газом. Площадь опустела, но ненадолго. Раздаются призывы «Вперед, на штурм!», и разъяренная толпа напирает изо всех сил, используя в качестве оружия самые разные предметы. Я наблюдал за происходящим с крыши здания издательства «Борба», картина была ужасающей. Она напоминала мне о событиях, которые я, как корреспондент, освещал в разных странах Европы, от Гданьска до Варшавы, в Бухаресте и в Москве... Сейчас же между тем я сам стал свидетелем страшного побоища, стычки не на жизнь, а на смерть в моем собственном доме, мои соотечественники выступили друг против друга, и я не могу быть сторонним наблюдателем.

Один из парней, бывших со мной, опытный профессионал, уверенным голосом сообщает: «В парламент никто не прорвется. Там находятся классные спецназовцы. Они не сдвинутся с места, если им не прикажут».

Так и было. Первая атака была отбита. А видно было, что готовится новая. В тот момент немногие знали, из-за чего именно это монументальное здание, место парламентаризма и демократии, было мишенью нападения. Это знали организаторы переворота: на втором этаже здания в нескольких кабинетах размещалась Союзная избирательная комиссия, там находились все избирательные бюлле-

тени и остальные материалы, необходимые для подсчета голосов, отсюда поступала информация о результатах выборов. Здесь принимались решения, в частности и решение о проведении второго круга выборов Президента Республики. Группе отобранных обученных демонстрантов, которым помогала масса, готовая к погрому, было дано задание завладеть избирательной документацией, там же на месте поджечь и уничтожить ее и провозгласить Коштуницу президентом!

В это время ко мне в редакции «Новости» обратился мой сотрудник, журналист, в обязанности которого входило освещение сферы безопасности. Он хотел со мной поговорить. Я согласился, но он попросил меня выйти в коридор, сказав: «В кабинете говорить нельзя, все прослушивается. Я должен передать вам очень важную информацию». Мы вышли из кабинета. Журналист говорит: «Шеф, я не знаю, в курсе ли вы, что книга закрыта. Все кончено, вчерашнее обещание выполнено. Джинджич встретился с Легией, они поклялись друг другу в верности. Красные беретки и другие подразделения полиции перейдут на сторону демонстрантов, власть капитулирует, Милошевича арестуют. Предлагаю вам спастись». Он крепко сжал мою руку и исчез в пролете мрачной лестницы.

В редакции осталось еще довольно много лояльных журналистов. Готовится первое из нескольких обычных изданий, отправляется и электронная версия для зарубежных стран через типографию во Франкфурте со всеми важными и крайне правдивыми текстами и фотографиями. А потом мне сообщают об анонимном звонке по телефону, что через 18 минут взорвется заложенная бомба. Я твердо уверен, что и это элемент психологической войны, но все же испытываю колебания — а вдруг это правда? В нормальных обстоятельствах я обратился бы за помощью к антидиверсионной службе, но кого позвать на помощь, к кому обратиться сейчас в обстановке всеобщего разлада? Я должен был решать, положившись на инстинкт, удалил всех людей из указанного помещения и ждал. Ничего, к

счастью, не произошло. Охранники, отвечающие за мою безопасность, неожиданно по договоренности со своим шефом приказали нам срочно покинуть здание. Я поблагодарил их, сказав, что они могут идти, а я останусь, как капитан тонущего корабля. Они спросили: «Как долго?» «Не знаю, — ответил я, — пока кто-нибудь не придет с улицы, не избьет или не убьет меня».

Глава этой малой группы спокойно ответил: «Значит, остаетесь?! Хорошо. И мы будем с вами до конца, а тем, кто придет вас убивать, сначала придется ликвидировать нас троих!».

Признаюсь, что я прослезился. Меня растрогал поступок парней, которых я даже не знал: значит, не во всех структурах были предатели. В тот момент я вспомнил свою поездку в Москву в июле 2000 г. Я встречался со многими видными людьми из разных структур. Я хотел сделать телепередачу о том, как в России смотрят на положение в Югославии. Мнения разделились, многие смотрели на ситуацию положительно и с оптимизмом, но возобладало мнение (что, к сожалению, и случилось), что США сделают все возможное, чтобы свергнуть Милошевича внутренними силами и установить свою власть, которая в долгосрочной перспективе будет работать на благо заокеанских интересов.

Очевидно также, что государственный аппарат в моей стране был похож на «швейцарский сыр»: разные силовые структуры, индивиды, СМИ, бесчисленные политические партии, крошечные и не очень большие, все они за деньги или обещания объединились, так что и нашумевший Легия, командир элитного антитеррористического подразделения полиции, стал активным соучастником переворота, а потом, в марте 2003 г., якобы организовал покушение на премьера Джинджича и приговорен к 40 годам лишения свободы.

Повстанцы всюду праздновали победу уже вечером 5 октября. Вокруг раздавался треск и грохот. Взрывались петарды, доносились очереди из автоматов, похищенных

из отделений полиции, разбивались витрины, грабились магазины, в пожаре, разгоревшемся в результате умышленного поджога, сгорали этажи старого здания парламента на бульваре, символически названном именем революции. Ограблено охваченное пожаром здание государственного телевидения, генерального директора которого незваные гости жестоко избили металлическими прутьями.

В центральные учреждения и богатые хозяйственные компании врываются самозванцы, провозглашая себя «кризисным штабом». Если они заставали там легальных функционеров, то силой выгоняли их, захватывали власть и имущество, а находя деньги, набивали ими карманы. Неподалеку от здания редакции компании «Новости», в котором я находился, располагалось старинное величественное здание Национального банка Югославии. В этот банк со штурмовиками вторгся некто Динкич, будущий главный создатель грабительской приватизации, а его охранники, угрожая автоматами Калашникова, заставили председателя банка выдать государственные средства...

Такого рода опасности я лично, к счастью, не подвергался. Несмотря на то, что я и несколько преданных сотрудников в редакции и рабочих в типографии остались одни, никто из них по причине пребывания в центре событий не отказался от выполнения обычных для нормальных условий трудовых обязанностей. Итак, я имел представление о ситуации, благодаря информации, получаемой от репортеров, журналистов и телеоператоров, а кроме того, и благодаря возможности обзора улицы, которая сотрясалась в хаосе безвластия и в мстительном трансе.

В нашем распоряжении были и две телефонные линии. Одна обычная, городская, и вторая «специальная», которая, как утверждали, была защищена от чужих ушей. По этому телефону я попытался связаться с министром внутренних дел, но вместо него всегда отвечал его заместитель, генерал полиции Джорджевич (все еще отбывающий наказание по приговору Гаагского суда за преступле-

ния в Косове и Метохии). Он без обиняков извещал меня о положении на улицах Белграда и однажды сказал даже, что ожидается вывод танков, как, по его словам, обещал начальник Генштаба Павкович (также отбывающий сейчас наказание по приговору Трибунала в Гааге), а во время нашего последнего разговора посоветовал спастись, потому что все кончено.

Во второй половине дня я дважды разговаривал по телефону и с президентом Милошевичем, который где-то после 19 часов сказал мне: «Ты не должен больше рисковать жизнью. В нынешней ситуации храбрость и приверженность делу и родине не имеют решающего значения. Послушай меня. И дай знать, прошу тебя, когда будешь в безопасности».

Поднял и я, про себя, белый флаг, больше ждать было нечего. Я сказал «ребятам» из охраны, что мы уходим. Мои верные сотрудники расплакались у меня в кабинете, несколько журналистов со всей учтивостью спросили меня, как будто я по-прежнему лицо, принимающее решения, могут ли они подготовить специальный выпуск. Я дал согласие, порекомендовав сделать это по совести и в соответствии с кодексом профессиональной этики, исключив при этом из выходных данных издания мое имя. Так и было сделано.

Руководитель спасательной группы попросил меня снять пиджак, дал вместо него какую-то куртку, отобрал у меня и галстук. Попросил снять очки и приложил к губам полотенце, как будто бы я наглотался слезоточивого газа. Потом я узнал, что по плану, который был разработан еще вчера вечером, мы должны были выйти на улицу и дойти до машины, припаркованной метрах в 100. В ночь на 5 октября сделать это было невозможно. Да и сам я был проблемой: по меньшей мере, тридцать лет участвовал в главной телепередаче (как ведущий информационного выпуска новостей «Дневник», редактор внешнеполитического отдела, корреспондент из разных стран мира), поэтому меня мог узнать любой из толпы.

Трое моих спутников имели, к счастью, логистику со стороны, так что их коллеги подошли к владельцу частной клиники на противоположной стороне улицы, на площади перед Домом профсоюзов, которая с раннего утра установила медицинские палатки на случай, если потребуется помощь как демонстрантам, так и правоохранительным органам. Позже я из обоих источников узнал, что же происходило. Двое коротко остриженных парней, прижимая к спине доктора Ивановича дуло пистолета, приказали ему: «Немедленно подгоните к главному входу в «Борбу» машину «скорой помощи», мы должны эвакуировать одного высокопоставленного функционера». Этот врач послушался, но позже никогда не говорил о каких-либо насильственных действиях, хотя мы с ним знакомы давно. Он признался мне впоследствии, что сразу понял, о ком идет речь.

Пока шла подготовка этой операции, о которой я тогда ничего не знал, я и трое охранников спустились с четвертого этажа по неосвещенной лестнице. Где-то перед первым этажом уже был слышен пугающий гул, и я приостановился с мыслью, что я, по существу, не знаю людей, которые ведут меня и выводят в тот самый момент на улицу прямо в жерло вулкана. Тот, кто ближе ко мне, не дает останавливаться, и тогда в полумраке бюро пропусков я узнаю своего друга доктора Ивановича в форменном комбинезоне с обозначениями Красного Креста, а перед входом вижу машину «скорой помощи» с включенными спецсигналами. Парень рядом со мной со «Скорпионом» в левой руке поднимает меня как мешок с опорой на правое бедро и забрасывает в машину. Быстро садятся все остальные, все кричат, машина медленно трогается, а толпа с усилием размыкается перед ним. Я узнаю голос главного: «Газ, сирена, газ». Сидящие рядом со мной наклоняют мою голову к коленям, я молчу, но мне еще и смешно, может быть, это от нервов, все происходящее похоже на какой-то глупый голливудский фильм.

Пронзительный рев сигнала «скорой помощи», один из многих в течение того дня и той ночи, помогает нам че-

рез какое-то время и по преодолении части пути перейти к движению с нормальной скоростью. А потом, как по команде, в машине раздался оглушительный вопль: «У-ху-ху!». Я спросил потом у ребят, что это было, а они ответили: «Ой, было опасно. Если бы нас где-нибудь тормознули, то пришлось бы стрелять в упор!» Я похолодел. Меня отвезли через Саву в Новый Белград, через какой-то хорошо оборудованный подземный гараж провели в какой-то офис, лишив меня возможности поддерживать какую-либо связь с внешним миром. Только гораздо позже мне разрешили позвонить семье...

Следующие две недели меня строго контролировали, сопровождали даже при посещении врачей, считалось, что так нужно. Потом я мог, но тоже не в одиночку, побывать в штаб-квартире ведущей до того момента партии, уже в значительной мере деморализованной Социалистической партии Сербии (СПС), председатель которой Слободан Милошевич еще пользовался прежним авторитетом у членов партии и части руководства, которые не разбежались и не перешли на сторону путчистов. Он провел и внеочередной съезд, на котором был безоговорочно избран председателем партии.

С другой стороны, Милошевич в значительной мере понимал ситуацию, и когда в своем выступлении по телевидению признал победу Коштуницы на выборах (победу, которой не было), то хотел предотвратить кровопролитие в Сербии. Он сообщил общественности, что готовят для нашей страны и каким образом ее хотят еще раз разбить на части и разграбить под видом демократии и развития прав и свобод человека. Эти его слова, к сожалению, полностью подтвердились на деле, и сербский народ продолжает расплачиваться за намерения Запада и собственную наивность.

Коалиция 18 партий так называемой демократической оппозиции Сербии бросилась открыто охотиться на неединомышленников. Создавались так называемые кризисные штабы, которые повсюду, особенно в богатых ком-

паниях и общинах, десятками тысяч увольняли людей с работы, грабили фонды, с оружием в руках осуществляли захват власти, прибегали к арестам, избиению, преследовали целые семьи. Все СМИ переметнулись на сторону новоявленных революционеров и, прибегая к невиданной травле, вели пропаганду новых кадров, обрушиваясь на любого, кто может быть даже тайно был на стороне правивших до тех пор социалистов и их лидера.

В то же время Милошевич считал, что в такой обстановке нужно все-таки попытаться выпускать свою газету. Он пригласил меня на разговор. Мы быстро договорились, и я кое-как набрал редакцию. Многие не осмеливались даже заглянуть к нам, хотя в Белграде ходили слухи, что с работы уволено 500 журналистов. Я едва нашел типографию: никто не хотел связываться с изданием, которое давало понять, что будет оппозицией только что оформленной власти. И когда газета «24 часа» появилась в киосках, то киоскеры держали ее под прилавком. Обструкция присутствовала повсюду, даже в СПС, которая не дала ни одного динара, газета печаталась на средства сторонников, которые тоже не афишировались.

Но народ все же узнал о газете. Она вышла из небытия и стала лучом света в пропагандистском мраке. Она расходилась тиражом в 16 тысяч экземпляров (что тогда было внушительной цифрой) и пользовалась спросом у той части населения, которая была недовольна положением. Она была и серьезной помехой новому режиму, пособниками которого оказывались и члены партии Милошевича. Итак, мы нашли два помещения и, воспользовавшись переселением, сначала временно приостановили выпуск газеты до обустройства на новом месте, а потом, после выхода 126 номеров, навсегда закрыли ее «по-ковбойски». В тот период шла подготовка к аресту Милошевича по приказу американцев, а «24 часа» настойчиво и аргументированно объясняли, что стоит за обвинением бывшего главы государства, который якобы нанес ущерб бюджету страны, одоблив какие-то незаконные выплаты! Газета, главным редактором

которой я был, писала о подготовке массовых арестов и неконституционной экстрадиции в Трибунал в Гаагу, а также о разграблении финансов и других незаконных махинациях, о деньгах, которые поступали из-за рубежа, и о других подобных преступных деяниях Джинджича и его соратников. Такая единственная в тот период газета очень мешала. Подхалимы и перебежчики из СПС всеми возможными способами поспешили закрыть «24 часа», хотя формально не имели на это права. Их раздражала моя личная убежденность (я был членом узкого круга партийного руководства), что путчисты руководствуются карьеристскими целями и стремятся укрыться под прозападными шинелями.

Подошел срок, установленный США для «правительства» в Белграде, когда должен был быть арестован Милошевич. 30 марта 2001 г. все телеканалы и радиостанции вместе с наиболее рейтинговыми и воинственными, вроде CNN, громогласно вещали о событиях в столице Югославии. Я смотрю все это и не могу поверить. Звонит телефон, я узнаю голос Слободана: «Если у тебя нет более важных дел, приезжай ко мне». Я не колебался, выехал на Дедине, где он разместился после натовских бомбардировок 1999 г., когда два снаряда сравняли с землей дом, в котором он жил с семьей. Вилла Мир строилась для нужд администрации при жизни маршала Тито и была совсем не приспособлена для комфортного проживания, но сила меняет законы, и потому Милошевичи выбрали необговоренный объект, в котором входы и выходы находились с двух разных сторон (вероятно, учитывая и оценку служб безопасности, что им нельзя оставаться в собственном доме на улице Толстого).

Весь район Дедине, престижная часть Белграда, был в осаде. Усиленные наряды полиции контролировали все улицы, силой останавливая толпы сторонников Милошевича, которые устремились сюда, чтобы своими телами воспрепятствовать его аресту. Я самоуверенно направился к кордону, какой-то офицер махнул рукой, чтобы меня пропустили, а когда я проходил по дорожке, раздались бурные аплодисменты — так реагировали собравшиеся

люди, узнавшие меня и довольные, что кто-то с «их стороны» идет к президенту.

Чуть дальше Ужичка улица выглядела устрашающе безлюдной, только из будки охраны у дома номер 15 выглядывал блондин в военной форме. Очевидно, он ожидал гостей и без всяких проверок приоткрыл небольшие ворота. Я спускаюсь по склону холма, направляясь к резиденции. Нет больше бронетранспортеров, которые были здесь, когда я бывал здесь раньше, без следа исчезла охрана, все они удалены по приказу, в довольно просторном холле резиденции нет света, темно, узкая полоска света виднеется из-под нескольких дверей. Я слышу, что президент разговаривает с незнакомыми мне людьми. Я вхожу, здороваюсь, и он направляет меня к креслам, где сидит его супруга Мира, знакомит с дочерью Марией. Все молчат, только изредка кто-то что-то скажет больше для порядка. Потом президент приглашает меня к себе, где я застаю нескольких функционеров СПС.

В конце концов остались только двое: я и глава депутатской фракции в Скупшине Сербии Ивкович. Зазвонил мобильный телефон Ивковича, это был некий Мишель из редакции CNN, он хотел узнать, что происходит с Милошевичем, хотел поговорить с ним. Президент разговаривать не желает, а я уверяю его, что неплохо в обстановке лжи, обмана и готовящегося линчевания выступить в столь влиятельном СМИ. Он не хочет, не желая, по своему всегдашнему обыкновению, «себя рекламировать». Я настаиваю. Тогда президент уступает, говорит неохотно, через силу, в стиле «что мне им говорить».

В западных СМИ и в отдельных кругах местной оппозиции меня часто без оснований называли советником Милошевича (особенно когда я проходил обычную в дипломатии подготовку к выполнению обязанностей посла Югославии в Болгарии). Я и в тот роковой вечер на вилле Мир осмелился предложить: «Я думаю, что нужно сказать, что происходит возле дома и здесь, где мы сидим, все как есть, ты пьешь чай с друзьями!»

Президент Милошевич взял у Ивковича трубку и на своем блестящем английском языке спокойным тоном сообщил об обстановке, сказал, что он лично изменил предложенные детали и сейчас пьет с друзьями кофе. Его заявление мгновенно облетело всю планету, оно прозвучало и в эфире отечественных радиостанций, а журналисты, получившие от властей информацию об истинной цели осады Дедине, атаковали телефоны виллы, желая, чтобы Милошевич подтвердил сказанное по-сербски. Он отказывал всем, только опять после уговоров, как в случае с американцем из CNN, согласился на радиостанцию Б92, которая по редакционной политике и постоянным фронтальным атакам на протяжении многих лет не отличалась от менторов и финансистов из-за рубежа.

В это время огромная масса народа пробилась с улицы Ужичка до входа и скандированием просто заставила президента выйти из дома. Обстановка была крайне рискованной, но присутствие нескольких тысяч граждан дало новый импульс и вселило уверенность, что ничего плохого не может произойти. Но всего через несколько минут после того, как довольный Милошевич вернулся с теми из нас, кто сопровождал его, с противоположной стороны, с Конавлянской улицы, был отдан приказ о штурме. Танкетки пробили ворота, спецназовцы перемахивали через забор, пробираясь во двор, раздавалась стрельба из всех видов оружия.

Я ожидал вторжения в резиденцию. Предчувствовал конец и «видел» сообщение правительства, что Слободан Милошевич покончил с собой, а все остальные ликвидированы при оказании вооруженного сопротивления сотрудникам служб по охране порядка. При этом я не исключал и себя самого, надеясь тем не менее, что если я переживу этот десант, то буду свидетелем исторических событий в Сербии.

Мрачные мысли, к счастью, не подтвердились. Неожиданно стрельба прекратилась, в глубине сада остановилась группа штурмовиков, в темноте различались только кошачьи глаза и зажженные фары каких-то машин на

месте сломанных ворот. Вокруг стояла жуткая тишина. В резиденции тоже никто не говорил, успокаивало только то, что не отключили электричество, вероятно, был какой-то местный источник электропитания, до которого еще не добралась полиция или еще кто-то.

Слоба начал звонить по телефону. Я не знаю точно кому, но видно, что положительного ответа нет. Это дает мне идею, что нужно позвонить Коштунице. Слоба не хочет даже слышать об этом. Я настаиваю. Мою идею поддерживает и супруга президента, Мира Маркович. Я обосновываю: «Он сейчас ведь глава государства, а как поступают с его предшественником и его семьей? Стреляют всюду, слышны стоны, наверное, есть и раненые, а пришли якобы для того, чтобы вручить повестку в суд. Коштуница должен знать об этом, чтобы потом, когда, не дай Боже, будет поздно, не оказалось, что он был в неведении».

Мне кажется, что я говорю убедительно, но президент не уступает: «Очень поздно, скоро рассвет, ему действительно могут не сказать, да и как вообще до него дозвониться». Я не сдаюсь: «Ну, ты же знаешь технологию, каким образом, когда и почему докладывают президенту. Наверняка существует какой-то пункт, откуда главу государства информируют в чрезвычайных ситуациях».

Из виллы Мир во время вооруженного штурма исчез весь очень небольшой обслуживающий персонал, включая и телефонистов, так что с большим трудом удалось найти номер телефона шефа кабинета Коштуницы, всемогущей в то время Лиляны Неделькович. Она подтвердила, что немедленно известит о нападении своего шефа, который, как она сказала, ничего о нем не знает. Коштуница и позже утверждал, что хоть и был президентом СР Югославии, ничего не знал об аресте и последующей отправке Милошевича в Гаагу, что можно признать отчасти возможным, потому что руководили операцией Джинджич и его министры, а помощь им оказывали инструкторы из английских и американских спецслужб, которые дали этой операции идилическое название «Голубка».

На вилле Мир наступает перемирие. Потом неожиданное замешательство, стрельбы нет, но для переговоров прибывает делегация. Джинджич послал под охраной спецназовца Легии одного из лидеров якобы студенческой повстанческой группировки «Сопrotивление» (Отпор). Их последователи, как предтечи различных цветных революций, пропагандировали «ненасильственное» развитие демократии и гражданского общества в Грузии, Украине, Молдавии, пытались даже в Китае и в других частях света по инструкциям отставных американских офицеров и под флагом с изображением сжатой в кулак руки. В качестве курьера властей Чедомир Йованович в последний день марта 2001 г. приезжал дважды, привозил письменную гарантию Слободану Милошевичу. В ней говорилось, что его добровольная явка в Окружной суд в Белграде для дачи показаний в связи с обвинением в «недобросовестном управлении бюджетом союзного государства» (как будто это было в ведении президента, но вот нашелся повод, что виноват, когда другие подстрекали) исключает какую-либо связь с Международным трибуналом в Гааге. Гарантия была собственноручно подписана президентом СРЮ Коштуницей, президентом Сербии Милутиновичем и председателем правительства Сербии Джинджичем и заверена государственной печатью.

Все это было неприкрытой ложью. Милошевич осознавал это в Центральной тюрьме в Белграде особенно, а позднее и в Гааге, когда даже врачи под давлением правителей-путчистов закрывали глаза на высокую температуру арестанта в негуманных тюремных условиях. Президент переносил все это, не падая духом, и когда я по его просьбе и по разрешению суда посетил его 17 мая 2001 г., он сказал: «Каждый, кто борется за свободу, проводит часть жизни в тюрьме. Так я воспринимаю и эту тюрьму, и кто знает, что еще, кроме всех обещаний и подписей готовят мне, моей семье и другим людям. Но никто не должен бояться, отступать, после 5 октября они сделали все, что хотели. Они не могут придумать ничего нового и удивить нас».

Слоба и в такой обстановке шутил, допытываясь у присутствующего тюремщика, узнает ли он меня, видел ли он меня в телепередачах или же утверждал, что я выгляжу гораздо моложе его, хотя и старше на несколько лет. Милиционер кивал головой и время от времени чернильным карандашом что-то записывал в тетрадке, которую держал на коленях. Разговор, вероятно, по обыкновению прослушивался, что подтвердилось в том же году, когда вышла книга «Я охранял Милошевича», написанная начальником тюрьмы! Там есть и описание моего посещения, но с множеством вымышленных деталей, которые были нужны политической и полицейской верхушке, чтобы доказать что-то, что доказать было невозможно. Не написано, однако, что Милошевич обратил мое внимание на всеобщее предательство, даже в рядах тогда еще его партии, а также на судьбу Сербии в ходе дальнейшего распада государства и превращения в колонию Запада путем массовых увольнений рабочих и продажи всех ключевых национальных ресурсов.

Я помню эти слова, а Сербия, большая часть которой не отреклась от своего настоящего и аутентичного лидера, переживает пророческое предсказание своей судьбы. Вероломная власть во главе с Джинджичем принимает решение 28 июня 2001 г. Слободана Милошевича, дважды избиравшегося президентом Сербии и президентом СР Югославии, председателя крупнейшей тогда политической партии, выдать в наручниках Трибуналу в Гааге. Решение это, что позже постановил и Конституционный суд Югославии, является противозаконным, что для революционной несправедливости не имело никакого значения. Милошевича обманым путем, так же как это было сделано в его доме, вывели из тюрьмы и на вертолетной площадке базы секретной службы выдали ждавшей его охране. Они попытались сообщить ему какие-то правила, но президент отвернулся от них и крикнул: «Ну, что ж, братья-сербы, будьте здоровы. И поздравляю вас с Видовданом!»

Видовдан для Сербии — это святой день на протяжении веков. На Косовом Поле, колыбели сербской истории, князь Лазар в 1389 г. сражался с войском Османской империи, а сербский воин Милош Обилич убил турецкого султана Мурада. Эта битва считается в истории освободительной и помешавшей нашествию завоевателей на Европу. Именно поэтому славянское православное сербство считает святотатством то, что именно Видовдан был выбран для выдачи защитника сербов и борца за свободу Слободана Милошевича чужеземным судьям на основании ложного обвинения. Сам Милошевич много раз говорил о западных правителях: «Они нападают на Сербию не из-за Милошевича, они нападают на Милошевича из-за Сербии».

Вертолет из Белграда приземлился в натовской базе в боснийском городе Тузла, где арестанта пересадили в британский военный самолет и переправили в Гаагу.

Все время, пока Милошевич находился в заключении в Шевенингене, я ежедневно посылал ему по электронной почте выдержки из самых разных СМИ. Для него это было, по его словам, окно в мир. А для меня, официально тогда советника по СМИ председателя СПС Милошевича, — обязанность, но еще в большей степени — желание хоть как-то облегчить существование невинного человека, который во время судебного разбирательства опроверг сфабрикованное обвинение в «преступном сговоре» с целью дезинтеграции СФР Югославии и «терроре в Косове и Метохии».

Отказавшись от адвокатов, Милошевич блестяще защищался самостоятельно, привлекая честных свидетелей из разных стран, как, например, Примакова или Ивашова, и даже лорда Оуэна. На этом процессе сербскому народу открылся доселе незнакомый Милошевич: когда он возглавлял государство, то недостаточно появлялся на публике, избегал любую публичность, считал, что дела говорят сами за себя, а перед Трибуналом демонстрировал блестящий ум, красноречие, знание юриспруденции, ува-

жение к собеседнику, официальным представителям суда и прокуратуры. Но важнее всего то, что он не замалчивал собственную роль, не перекладывал вину на других, не ссылаясь на неосведомленность и возможную некомпетентность в отношении действий, которые ему приписывают. Это повлияло на то, что народ изменил свое мнение о нем, и уже сейчас даже среди закоренелых оппонентов, оно отличается от навязанной иностранными факторами оценки. Она отнюдь не такая, как в период переворота 5 октября и в годы правления ДОСа. Картина была иной и 18 марта 2006 г., когда центральную часть Белграда заполнили сотни тысяч людей, желавших проститься со Слободаном Милошевичем.

Перевод И. В. Руднева

Из выступлений в Скупщине Сербии

15 мая 2007 г.²

Драган Тодорович: «Дамы и господа народные депутаты, впервые с тех пор, как в Сербии была введена многопартийная система, происходит то, что мы видим сегодня на этом заседании Скупщины. Никогда еще правительство не избиралось без председателя Скупщины. Раньше всегда правительство избиралось только после выборов председателя Скупщины.

Кроме того, никогда такого не было, а до сих пор сменилось десяток правительств и союзных, и республиканских, чтобы выбиралось правительство, а представители партий, входящих в коалицию, не вышли на трибуну, чтобы хоть как-то оправдать и поддержать свое участие в этом правительстве. Вы от Демократической партии, что можно было узнать, когда зачитывали список Предложенный кандидатов в министры? Вы хлопали только своим министрам, как и те из Демократической партии Сербии хлопали своим министрам, что говорит о вашем будущем сотрудничестве в этом правительстве.

Должен вам напомнить, что мы сегодня фактически присутствуем на формировании и выборах точно такого же правительства, какое было избрано в 2001 г. Тогда был ДОС, сегодня демократический блок. Хотел бы вам напомнить, что то правительство из ДОС столкнулось с оп-

¹ Тодорович Драган — сербский политик, заместитель председателя Сербской радикальной партии (СРП). В 2007 г. был избран депутатом Скупщины Сербии.

² Депутаты Народной скупщины Сербии 15 мая 2007 г. выбирали новое правительство, обсуждали кандидата на пост председателя правительства, его программу. Тогдашний президент Республики Борис Тадич предложил Воислава Коштуницу на пост премьер-министра. Предыдущее правительство В. Коштуница возглавлял с 3 марта 2004 г.

ределенными проблемами, которые оно не могло решить, так как в правительстве появились трудолюбивые люди и появились трутни. Они или критиковали трутней, что те не выполняют обязанности, которые должны выполнять, или потому, что слишком усердно старались в тех условиях. Не знаю, как будет сегодня, когда будет сформировано это правительство, будет ли новое разделение ролей.

Я бы хотел привлечь ваше внимание к некоторым вещам, не из-за сегодняшнего представления будущего председателя правительства, но из-за сообщения, которое он представил 2 марта 2004 г. Первое, для последнего доклада у нас не было достаточно времени. Второе, бегло слушая то, что вы уже слышали и видели, можем сказать: все это то же самое, что было в 2004 г. Я думаю, будучи председателем, вы нам больше могли бы рассказать с трибуны, что из обещанного в 2004 г. вы осуществили. И не было бы никакой дилеммы и никаких проблем. Эти ваши результаты были бы наибольшей вашей рекомендацией, чтобы проголосовать сегодня за вас как за премьера.

Позвольте мне напомнить вам то, что вы обещали в 2004 г., а о том, что вы сделали, будут судить граждане Сербии. Вы тогда пообещали, что «для Сербии приоритетом станет утверждение ее статуса внутри союзного государства с Черногорией, утверждение и усиление самого союзного государства в соответствии с Основным законом». Я цитирую вас, чтобы избежать свободной интерпретации. Что произошло? Вы не сделали ничего, чтобы, согласно Белградскому соглашению 2005 г., провозгласить выборы в Сербии в парламент Союзного государства Сербии и Черногории, тем самым позволив Миле Джукановичу на законных основаниях разрушить Союзное государство. После этого был организован референдум в Черногории. Хотя вы знали, что референдум сфальсифицирован, что на референдуме подтасовали голоса, вы признали независимость Черногории, тем самым открыли путь к разрушению Сербии и отделению Косова и Метохии от Сербии.

Второе, что вы обещали: вы сделаете все для усиления правового государства и для противодействия криминалу и коррупции. Что сделано в этом направлении? Что с «Купромом»? Что с «дорожной мафией»?

Позвольте мне напомнить вам, что один из вождей «дорожной мафии», возвращаясь с семинара из Ровини с директором Департамента автомобильных дорог, бросил автомобиль, когда узнал, что полиция собирается его арестовать. От директора Департамента автомобильных дорог он получил годовой отпуск, и по сей день против него не выдвинуто уголовного обвинения. Что с «таможенной мафией»? Арестуйте таможенников, именно таможенников, которые должны ответить за то, что подделывали документы. Как насчет тех, чьи товары они ввозили, почему их не арестовали, они отвечают? Что с теми, кто обокрал государство через Национальный банк сбережений? Что с теми, кто обокрал государство, заключая неблагоприятные контракты с ТВ Б92? Что с «банкротской мафией»? Все то же самое, что и с таможенной. Арестовывают тех, кто за небольшое вознаграждение помогал другим противозаконно прийти к огромному богатству. Где те, кому это удалось? Вы задерживаете чиновников, а не тех, кому они помогли, не тех, кто ответственен за уничтожение этого государства.

Ваше третье обещание касалось самой серьезной проблемы, а именно: в Косове и Метохии сделать все, чтобы вернуть сербских беженцев в свои дома и родные места. Что же произошло 19 марта 2004 г.? Я понимаю, что вы не могли предотвратить насилия над сербами, но что вы сделали, скольких беженцев из Косова и Метохии вернули домой? У нас была возможность в предыдущие дни услышать, как ваши представители ставят проблему, связанную с недоверием в отношении Демократической партии, так как она ведет переговоры с теми, кто пытается отнять у нас Косово и Метохию. У вас есть отставка Леона Койена, советника президента Бориса Тадича. Вы Леона Койена знаете довольно давно, годами, и знаете, что он честный человек и что он подобный шаг никогда бы не совершил без серьез-

ных аргументов, если бы не был уверен, что это сделали советники президента Сербии во вред Сербии. Вы, понимая роль Леона Койена и его вклад в переговоры по Косову и Метохии, просили его остаться в команде. Что вы скажете сейчас Леону Койену, когда человек, из-за которого он подал в отставку, должен стать министром иностранных дел? Сейчас Леон Койен напишет прошение об отставке и вам, поскольку и вы, таким образом, предаете Сербию.

В 2004 г. Вы обещали, что сделаете все, чтобы сократить безработицу, которая на тот момент достигла 950 тысяч человек. Вы сказали: «Я имею в виду, что сейчас около 950 000 людей без работы и численный показатель говорит об увольнениях на многих предприятиях». Сколько их сегодня, господин председатель? Их больше миллиона. По крайней мере, вы остались с теми же цифрами, так сказать, достигнут определенный успех: их не больше. Сегодня их больше. Вы обещали, что сократите долг страны, который в то время достигал 14 миллиардов долларов, а сейчас он составляет 19,8 миллиардов долларов.

Вы обещали, что сделаете все, чтобы активизировать работы по завершению Коридора 10. Господин председатель, должен вам сообщить, что этот проект не включает в себя шоссе в направлении к Пожеги. Это какие-то другие направления. Европа заинтересована в каких-то иных путях. Я должен сказать, что в интересах нашего государства — дорога к болгарской границе, дорога в направлении Македонии. Ни на минуту не сомневаюсь, что нашу дорожную сеть нужно модернизировать и строить соответствующие магистрали, но мы должны принять во внимание приоритеты и интересы нашего государства.

Вы говорили тогда, что сделаете все, чтобы на основании Закона о предотвращении конфликта интересов, помешаете некоторым совершать незаконные деяния. Я знаю, что вы иногда бываете не осведомлены, так я вас просвещу, что рядом с вами сидит человек, который будет заместителем председателя в вашем правительстве, а имеет 11 миллионов евро в «Меридиан-банке». Разумеет-

ся, вы знаете не только о Джеличе, но и о многих из ДС, знаете все грязные вещи, связанные с ними и их деньгами, которые были разграблены в предыдущий период. Вот господин Милосавлевич, что вы собираетесь делать в связи с Законом о конфликте интересов?

В 2004 г. вы обещали, что раскроете все убийства и до и после 5 октября. Какие убийства вы раскрыли? Вам напомнить, сколько их было и сколько их осталось?

Вы сказали, что сделаете все, чтобы сотрудничество с Гаагой было двусторонним. Все, что вы сделали до сегодняшнего дня, было исключительно односторонним сотрудничеством. Всеми правдами и неправдами вы отправляли людей в Гаагский трибунал. Вся военная, полицейская и государственная верхушка находится в Гааге, и ни одному человеку вы там не помогли, мы это очень хорошо знаем. Мы для Войслава Шешеля делаем все, достаем документы, которые есть в нашей стране, чтобы они помогли и показали, что обвинение против Войслава Шешеля ложное. Знаете ли вы, что в Гаагском трибунале осуждены люди из-за показаний свидетелей, которые утверждают, что они были расстреляны из пулемета и остались в живых, благодаря Божьей воле? Вы в курсе, что у нас на сегодняшний день 34 подписанных заявления людей, которых Гаагский трибунал шантажировал, пытался подкупить, чтобы дали ложные показания против Войслава Шешеля? Что вы, как государство, сделали, чтобы помочь людям, которые находятся в Гаагском трибунале?

Вы сказали, что сделаете все, чтобы помочь беженцам, которые живут на территории Сербии, а их, вы говорите, около 370 000. Господин председатель, в Грмоваце, недалеко от Белграда, на шоссе, находятся более 2000 хозяйств, дома, которые люди выстроили на свои деньги, а нынешняя власть не дает им возможности подключить электричество. Эту помощь вы обещали беженцам?

Дамы и господа, это результат деятельности правительства Войслава Коштуницы. Поэтому Сербская радикальная партия ни в коем случае не будет голосовать за выборы этого правительства».

18 июня 2007 г.

Драган Тодорович: «Дамы и господа народные депутаты, кажется, что память не лучшее достоинство некоторых людей, которые пришли к власти после 5 октября 2000 г. Я не говорю, что для Александра Влаховича место депутата было первым местом работы, но я помню большое количество депутатов из рядов ДОС, министров, заместителей в правительстве, председателей общин, у которых первым местом работы была как раз Скупщина, или они заняли место председателя общины, министра, заместителя председателя правительства. Нецелесообразно это говорить депутатам СРС, которые в этой Скупшине с 1992 г.

Другая тема: в конце выступления вы сказали, что без проблем представите свое имущество. Я действительно думаю, что ни одного человека нельзя обвинять без доказательств, нужно располагать фактами. То, что официальные государственные органы не реагируют, вообще не означает, что кто-то невиновен или виновен. К сожалению, мне известны методы расправы с политическими противниками, которые использовались раньше и во время руководства ДОСа. Я также помню махинации, которые осуществляли представители ДОСа, которые сотрудничали с криминалом.

Позвольте мне напомнить вам некоторые менее важные моменты. Они были не всем известны. Был такой глава кабинета премьер-министра Зорана Джинджича, Неманя Колесар, надеюсь, вы его помните. У него были некоторые проблемы, которые касались денег, которые он заплатил за какую-то квартиру. Он сказал, что ему их дали отец и мать, которые работали в Москве. К сожалению, после выяснилось, что он солгал. Его отец всю жизнь считал каждый динар, он не мог дать ему столько денег. Потом оказалось, что деньги ему перевели с каких-то экзотических островов, как сейчас помню, и к G17 плюс прибывали транзакции с различных островов, чтобы отмывать деньги и т. д.

Наш народ не настолько слеп, чтобы не видеть, как многие, начиная с 2001 г., открыто увеличивали свой капитал. Я вам ничего не говорю. Я верю, что вы честно заработали каждый динар. Известно, что вы были партнером в фирме «Делойт и Туш», знаете, какие зарплаты были в период до 2000 г., здесь нет ничего странного. Это могло быть и по-другому. Но существует только одна проблема, хотел бы обратить на это внимание всех из ДОСа. Не думайте, что все легализовано из-за того, что вы успеете скрыться. Существует очень простой способ определить истину, опираясь на закон, который вы приняли. Все просто: посмотреть налог на прибыль, который вы оплатили в предыдущем году. Я верю, господин Влахович, вы без каких-либо проблем докажете, что до 2000–2001 гг. получили те миллионы в евро, работая в своей должности, и не только вы, но и все те, кто накупил огромные дома, квартиры и т. д.

Просто помните одну вещь: не думайте, что народ глуп. Вспомните, сколько мы предупреждали о Станко Суботиче Цане, который свой капитал накопил контрабандой табака, но он не мог это делать сам. Помните 2001 г. и использование самолетов Цане председателем правительства Республики Сербии Зораном Джинджичем? Когда мы его прижали, оказалось, что Зоран Джинджич использовал самолет Цане для поездки в Дубай, в Черногорию, Европу, так как это было дешевле государственного самолета, соответственно самолета Союзного правительства Сербии и Черногории. Теперь выясняется, что Станко Суботич Цане получил лицензию во времена Зорана Живковича. Зоран Живкович по телевидению об этом сказал, я только передаю то, что сам от него слышал. Он говорит, что даже поставил вопрос, все ли законно с делами Цане Суботича, и ему ответили, что все в порядке.

Поэтому существует большое количество вещей, которые вам нужно будет доказать. Упомяну только одно. Например, рабочие места в дорожной инфраструктуре до 1 июля 2001 г. ДОС забыл, к слову сказать, сменить пред-

седателя Совета в Управлении автомобильных дорог. Обратите внимание, что до июня месяца 2001 г. Чуме заасфальтировал более 100 километров шоссе и других дорог в Сербии. Ни одна работа не могла быть осуществлена без решения этого Совета в Управлении автомобильных дорог».

26 сентября 2007 г.

Драган Тодорович: «Дамы и господа, народные депутаты, уже второй день мы рассматриваем предложение по кандидатуре управляющего Народным банком Сербии. Вы имели возможность услышать ряд конкретных аргументов, которые представили члены СРС, которые не только в представленном кандидате не видят компетентного специалиста, но и оспаривают выбор Елашича управляющим. Они считают, что Елашич из-за того, что он сделал до сегодняшнего дня, не только не может быть управляющим, но в нормальной стране он должен был бы и ответить за все по закону. Если хоть один факт из представленных депутатами от СРС будет неточным и вы это докажете, мы будем голосовать за Елашича. Если таких данных нет, тогда ставится вопрос, как вы можете голосовать за Елашича? То, что было представлено в Скупшине в отношении Динкича и Елашича, это самые тяжелые обвинения, после которых нужно открывать уголовное дело, и чтобы государственные органы выполнили свой долг.

Попробую только на одном примере доказать вам, о каком человеке идет речь. Вы слышали притчи о вилле Елашича, которую он купил примерно за 380 тысяч евро, которая на самом деле стоит больше миллиона. Задаем простой вопрос: откуда у Елашича миллион евро? Мы посмотрели его биографию. Он закончил магистратуру в 1995 г. Я полагаю, что он сразу начал работать в Дойче Банке, где оставался вплоть до 2005 г., пока его не уволили, в целом у него 10 лет рабочего стажа. Предположим, что у него необыкновенный талант, эксперт, способный сразу найти рабочее место, которое хорошо оплачивается. Возникает вопрос, что нам Радован Елашич говорит,

в каких это местах он работал, чтобы за 10 лет заработать миллион евро. Наряду с тем, что он должен был на что-то жить, обеспечивать себя и свою семью, он должен был откладывать по 100 тысяч евро ежемесячно. Хорошо, нет ничего удивительного, достаточно зарабатывает, порядка 100 тысяч евро. Господа депутаты, 100 тысяч евро серьезная сумма в любой стране. Такая цифра не может остаться без следа. Такая сумма должна быть зарегистрирована в любом государстве через налоговую систему. Я думаю, что господин Вуядинович согласится, что не существует страны, в которой, возможно, вам остается 100 тысяч евро, а они не зафиксированы в налоговой декларации. Есть Сейшелы, различные острова, но все это незаконно. Это является уголовным преступлением во всем мире, потому что, видите ли, когда вы захотите что-либо купить, в этот же момент вы должны доказать, где вы получили деньги.

Радован Елашич с 1996 по 2004 г. должен был подавать налоговые декларации и доказать, откуда у него миллион евро, чтобы купить виллу, которую он купил. Он, как и те другие в октябре 2000 г., пришедшие с узелками, кто жил у тетушки, кто снимал угол, через несколько лет, кто через пять, кто через шесть, превратился в миллионера. Это проблема, с которой вы, как депутаты правящей партии, столкнулись. У вас появилась возможность голосовать. Хотя все вы уверены в себе, я вам доказываю, что Радован Елашич преступник и что эти деньги он украл вместе с Младжаном Динкичем во множестве преступных деяний у Национального сберегательного банка, у Национального банка Югославии, на всех местах, где работал. А позднее я вам зачитаю некоторые парламентские вопросы в рамках дискуссии, чтобы вы увидели, как Радован Елашич приобрел виллу, соответственно получил эти деньги. Вопрос: какова ваша роль здесь, нужно ли вам участвовать в этой жульнической деятельности одного преступника...

(Председательствующий: «Господин Тодорович, прошу вас выбирать выражения».)

Господин Альбиянич, надеюсь, по крайней мере, я слышал вас несколько раз, что вы работаете с Гаагским трибуналом. Этому термину я научился у Гаагского трибунала. При этом я не знаю, почему вы меня предупреждаете. Это так называемые евроатлантические интеграции. Мы принимаем некоторые вещи, которые, как мы думаем, можно применить в нашей стране, только не то, что вы хотите, а то, в чем заинтересовано это государство и его граждане.

Возникает вопрос: почему Борис Тадич и Воислав Коштуница участвуют в этой совместной преступной деятельности, которая является доказательством, что для вас власть — только возможность поучаствовать в распределении добычи? Это так, ведь переступаете через факты — воров, преступников можно избирать в губернеры. Мы не будем трогать ваших воров, вы не трогайте моих, разместились в правительстве, по министерствам, и закончено дело. Но почему вы участвуете в этом? Почему не спрашиваете в своих депутатских фракциях, почему мы такого вора поддерживаем на месте губернатора? Я понимаю этих из G17, их понимаю, они приходят к Миросинке, и она им пишет статьи, они читают здесь и думают, что сделали свою работу. Но почему вы согласны с этим? Если хотите нормальное государство, говорите, что боритесь за нормальное государство. Подождите, вы думаете, что сможете получить нормальное государство с Радованом Елашичем на посту губернатора? С таким воров вы хотите создать нормальное государство...

(Председательствующий: «Господин Тодорович, я снова обращаю ваше внимание, следите за терминологией, которую используете».)

Господин Альбиянич, даю вам возможность получить информацию от Радована Елашича, касающуюся его денежных средств, в своей партии. Знаете, это легко: пусть принесет вам только девять налоговых деклараций. Люди, даже сапожник, который прибывает набойки, удаляет пятна и ставит заплатки, каждый год должен подавать декларацию о доходах, показывать свой доход или остаток

дохода. Речь идет о паре сотен евро в год, но чтобы такие деньги остались незамеченными — это просто невозможно. Я вам даю возможность развеять все эти критические замечания, сказав, что они ложные. Получите налоговые декларации Радована Елашича и скажите: в Дойче Банке он заработал столько и столько, пока не был пойман, потом его отпустили, потому что вы знаете, это серьезный банк, он не терпит служащих, которые злоупотребляют своим положением. Не сомневаюсь, что Радован Елашич заработал деньги и в Польше, и в Болгарии и т. д., разрушая экономику и банковскую систему этих стран, но и там он должен был предоставить свой доход. Однажды должен, ведь не могут деньги падать с неба. Об этом я и говорю. Господин Вуядинович все вам профессионально объяснит без каких-либо проблем, что не существует возможность, чтобы у такого рода денег не было происхождения. Вы на заседании фракции спросите Радована Елашича, скажите ему, мол, что не можем отвязаться от этих радикалов, дай нам эти декларации о доходах, мы их радикалам покажем и завершим эту историю.

Вы здесь, по сути, соучастники не только оправдания бывшего преступления Радована Елашича и Младжана Динкича, но и будущих противоправных действий. Вы не думаете, что они продолжат ту деятельность, которую начали вторжением в Народный банк Союзной республики Югославии?

Поскольку время на дискуссию СРС истекло, я уважаю правила, воспользуюсь возможностью поставить некоторые парламентские вопросы. Поставлю их напрямую министру внутренних дел Драгану Йочичу, подскажу ему быстрый способ проследить, каким образом Динкич и Елашич заработали огромные деньги.

Я прошу министра внутренних дел предоставить Народной скупщине информацию, сколько золота и серебра находилось в запасниках Народного банка Югославии и сколько в запасниках Монетного двора на день, когда господин Младжан Динкич с кризисным штабом взял конт-

роль над Народным банком Югославии? Я прошу прощения у коллеги Радети, это не были дороги революции, а дороги кризисного штаба. Когда вы пойдете по дороге кризисного штаба, то выйдете на след денег и на способ получения такой большой суммы. Также я ставлю вопрос о том, чтобы нам предоставили информацию, какие ценные картины были в помещении Народного банка Югославии, на улице Короля Петра 12, на бывшем Бульваре Революции, чьи работы там оказались, когда пришел кризисный штаб во главе с Младжаном Динкичем, и сколько их там сегодня?

Я прошу министра внутренних дел предоставить нам информацию, сколько нумизматических монет и бумажных денег, представляющих большую историческую ценность, находилось в Народном банке Югославии, когда в него также вошел кризисный штаб во главе с господином Динкичем, что осталось от этой коллекции сейчас? Также я задаю вопрос, сколько банкнот достоинством в 200 динаров сначала напечатаны, а потом уничтожены, почему это было сделано и какой нанесен ущерб? Может, в хранилище Народного банка Югославии и Монетном дворе еще хранятся несколько миллионов достоинством в 10 динаров, так как тогдашнему гувернеру Младжану Динкичу не понравилась подпись на банкноте, ведь ему не сказали, что сначала надо указывать имя, а после фамилию? Только из-за этого государство несет огромный ущерб.

Ставим вопрос, и пусть Драган Йочич ответит: это правда, что гувернер Динкич расторг контракт с надежными поставщиками сырья для банкнот и заключил договоры с новыми, которые поставляют сырье плохого качества, но при этом по более высоким ценам? Это по той народной мудрости: да, мы медленнее работаем и делаем хуже, но зато мы дороже.

Я ставлю вопрос министру Йочичу, чтобы он ответил, сколько денег потрачено на изготовление образцов и сколько раз он путешествовал в Гвинея-Бисау, сколько

денег потрачено на эти путешествия, чтобы поручить работу, которая вообще не сделана, но зато Народный банк, соответственно государство Сербия, граждане Сербии, то есть вы, господа депутаты, оплатили это сполна.

Если бы мы получили правильные ответы только на несколько из этих вопросов или на один из них, мы вообще бы не тратили время ни на Радована Елашича, ни на Младжана Динкича, ни на правительство. Ими бы занимались другие государственные органы, которые в соответствии с законом выполняли бы свою работу, а они получили бы определенную награду от этой страны — это пребывание в учреждениях отбывания наказания и, уверен, что оно было бы не менее 40 лет.

11 декабря 2007 г.

Драган Тодорович: «Дамы и господа народные депутаты, выступаю по статье 201 Регламента в связи с депутатскими вопросами и правом депутата прокомментировать полученный ответ. Я поставил вопрос министру внутренних дел еще 26 сентября 2007 г., а согласно Регламенту, ответ должен быть предоставлен в срок до восьми дней, но такой ответ уж лучше бы и не поступал. Существует еще много депутатских вопросов, которые я поставил. К сожалению, до сегодняшнего дня ответа нет. Вот, предлагаю депутатам прочесть вопросы, которые я поставил министру внутренних дел, и у них будет возможность услышать ответ министра внутренних дел.

Первый вопрос: сколько золота и серебра хранилось в запасниках Национального банка Югославии, а сколько в запасниках Монетного двора, когда господин Младжан Динкич с кризисным штабом получил контроль над Народным банком Югославии?

Второй вопрос: сколько ценных картин было в помещениях Народного банка Югославии на улице Короля Петра 12, бывшем Бульваре Революции, которые застал там кризисный штаб во главе с Младжаном Динкичем, и сколько их там сейчас?

Сколько нумизматических монет и бумажных денег большой исторической ценности находилось в Народном банке Югославии, когда в него вошел кризисный штаб во главе с Младжаном Динкичем, и сколько их в этой коллекции сейчас?

Четвертый вопрос: были ли некие банкноты достоинством в 200 динаров сначала напечатаны, а затем сразу уничтожены? Зачем это было сделано и какой ущерб нанесен?

Пятый вопрос: существуют ли некие банкноты достоинством 10 динаров на сумму несколько миллионов, которые по-прежнему лежат в Народном банке Югославии и Монетном дворе, потому что тогдашнему губернатору Младжану Динкичу не понравилась подпись на банкноте, так как ему не сказали, что сначала идет имя, а потом фамилия? Только из-за этого факта страна потерпела огромные убытки.

Шестой вопрос: чем губернатор Динкич объяснил расторжение контракта с надежными поставщиками сырья для банкнот и заключение договора с новыми поставщиками, которые используют материал худшего качества, но по более высоким ценам?

Седьмой вопрос: сколько денег потрачено на создание образцов?

Восьмой вопрос: сколько раз руководство Народного банка путешествовало в Гвинея-Бисау и сколько денег потрачено на эти поездки, чтобы поручить работу, которой вообще нет? А ведь Народный банк, соответственно государство и граждане Сербии, за это заплатили сполна.

Министр внутренних дел отвечает: «Министерство не в курсе проблематики, о которой идет речь в присланных вопросах народного депутата Драгана Тодоровича, точнее, эта проблематика не была инициирована соответствующим запросом для действий организационных подразделений этого министерства по ним».

Просто невероятно, что министр внутренних дел дает подобный ответ, когда хорошо осведомлен, что в июне

2006 г. в правительстве Республики Сербии восстановлен иммунитет Младжану Динкичу за вооруженное нападение на Народный банк Югославии. Сейчас, господа депутаты, соответственно граждане Сербии, после такого ответа однозначно ясно, в каком государстве мы живем. Все эти сказки о разнообразных мафиях. То, что показывают по телевидению, в газетах и т. д., это только попытка пустить пыль в глаза гражданам Сербии. Показывают, как якобы министерство внутренних дел пытается бороться с самой серьезной проблемой, одной из самых сложных проблем нашего государства — криминалом и коррупцией.

Когда вы слышите подобный ответ, когда знаете вопрос, тогда вам ясно, что ничего из этого не выйдет, пока государство не войдет в конфликт с крупнейшими преступниками в государстве, которые эту страну ограбили, и теми, кто сейчас находится в правительстве, в рядах министров. И только потому, что они партнеры по коалиции, чтобы не поставить под сомнение власть. Министерство внутренних дел не поступает так, как должно было бы поступать в соответствии с законом, ведь доказательств столько, что в том вопросе нет никаких сомнений.

Единственный способ справиться с организованной преступностью — это быстрое проведение новых парламентских выборов, чтобы граждане снова пришли на выборы, отдали голоса тем, в ком уверены, кто вступит в борьбу с этим бедствием. Я думаю, что после первых предстоящих выборов, а потом выборов президента Республики Сербии, граждане Республики Сербии покажут готовность бороться с этим явлением и проголосуют за Томислава Николича».

(Из кн.: *Тодоровић Д.* Највеће пљачке тзв. демократске власти. Подгорица, 2015. С. 241—245, 249—251, 267—272, 299—302.)

Перевод И. В. Руднева

Народ по-прежнему является самым сильным институтом, который есть в Сербии

Прошлой ночью мы шли на Север Косова сквозь лес, по тем тропам, которые являются нелегальными и название которых я не могу упоминать... На полпути нас ждали братья из представительства «Двери» в Лепосавиче... Гора, лес над одним сербским монастырем, небо усыпано звездами, каких в Белграде никогда не увидишь. Особенное чувство поднимать тост за людей, которые пришли с баррикад встретить нас в этом разбойничьем крае, «прошмыгнуть» мимо пропускного пункта Ярине, после того, как его закрыл КФОР (читай НАТО — оккупант).

Впечатления с баррикад

Уже через час мы были на баррикаде в Лепосавиче... Десятки людей караулят всю ночь около грузовика, цистерны и землечерпалки, временно сдвинутых в сторону, чтобы могли пройти местные сербы... После подачи первого сообщения для сайта «Дверей» мы остаемся до глубокой ночи поговорить с людьми, рассказывающими о событиях этих двух дней... Я понимаю, что в начале всю оборону и баррикады организовала маленькая группа людей, что все это была импровизация, но что люди по инерции и устоявшимся навыкам откликнулись и воспрепятствовали шиптарскому РОСУ² вместе с КФОРом захватить все переходы и осуществить полную оккупацию... Мне ясно, что

¹ Глишич Владан — юрист, сербский политик, тогда член движения «Двери», пишет о событиях на севере Косова в октябре 2011 г.

² Специальная косовская полиция.

у министра Богдановича нет никакого авторитета и влияния в этом крае (он был одним из первых сербов, которые вошли в состав шиптарского руководства, в то время, когда это происходило очень редко и считалось большим позором) и что люди в таких ситуациях доверяют только Марко Якшичу и Милану Ивановичу... Я понимаю, что Борко Стефанович во время первых кризисных ситуаций вел себя с людьми неожиданно естественно и спонтанно, когда был полностью брошен Белградом самостоятельно решать, каким образом организовать или хотя бы только поддержать сербов на баррикадах (он был, естественно, зол и разгневан на свое белградское начальство, высказывался открыто и импульсивно)... Я осознаю и многое из того, о чем не могу здесь написать, но что откроется и подтвердится на следующий день, когда мы будем обходить окрестные баррикады...

Сербское знамя, что развевается на ветру...

На другой день после короткого сна мы отправились на самую важную баррикаду — Рударе, около Звечана... Я сразу заметил, что здесь намного больше людей и что эта баррикада организована сложнее и очень серьезно — баррикада многоуровневая в высоту и в глубину: ряд щебенки (для остановки джипов), а следующий ряд из коротких бревен (для того, чтобы подцепить бронемашину и по системе рычага их перевернуть), потом ряд строительных деталей и опять ряд бревен с покрывками от грузовиков и в конце — самая лучшая реклама фирмы «Пештан» из Аранджеловца — большой прицеп для грузовика с названием фирмы, который перегородил путь... Мимоходом по дороге видны и маленькие ежи с гвоздями для прокалывания шин... Передняя часть баррикады с сербскими знаменами поперек дороги является мемориалом всем сербам, пострадавшим в КиМ, воздвигнутым в 2000 г. ... Если посмотреть с фронтальной части баррикады на дорогу к Митровице, то взгляд, естественно, поднимается вверх по

горам, лесным возвышенностям, на вершине которых видны остатки старой крепости Звечан с сербским знаменем, которое развевается на ветру... Впрочем, ночью я не видел ряды сербских знамен, которые украшают все телеграфные столбы и многие дома вдоль дороги... Выглядит очень красиво, когда они покачиваются под ласковым солнцем, как какая-то воздушная баррикада или даже коридор, что недвусмысленно говорит о том, чья это земля...

Пока мы едем к Зубин-Потоку и баррикадам на Зупче, наши люди, участники многих столкновений с КФОРом и албанцами (на протяжении десятилетий), рассказывают свои впечатления о РОСе и других военных КФОРа ... РОС в этот раз продемонстрировал серьезное легкомыслие, в то время как в КФОРе американские солдаты все же самые серьезные и самые опасные военные ...

Народная основательность

В Зубин-Потоке мы встречаем группу людей, которые охраняют баррикады... Среди них я узнаю Славишу Ристича, главу общины, который с людьми обсуждает, как поднять боеспособность людей на новый уровень и весь городок настроить на поддержку людей на баррикадах... Манера, в которой проводится собрание, говорит о народной основательности и природной открытости к диалогу и выражению различных мнений. Из того, как Славиша ненавязчиво, спокойно и по-свойски ведет это собрание, виден его естественный авторитет или, по крайней мере, авторитет, заработанный во многих похожих ситуациях, которых было очень много у горцев из Ибарски-Колашина... Далее мы проходим сельскими дорогами через плодовые сады с богатым урожаем слив. Ветви ломаются под плодами... Мы забираемся на самое видное место и застаем Марко Якшича за дружеской беседой с людьми на баррикаде, которая больше похожа на оборонительную позицию... Тут мы услышали много храбрых, спокойных и важных историй от людей, которые сразу нам сказали: «Здесь не снимать...»

Зрелость одной нации

Вообще-то, со съемками и камерами здесь очень занято... Я не мог много снимать, так как меня люди сразу предупредили, что у сербов вошло в привычку не любить эти приборы, запрещать их использовать вблизи себя, когда проводится какая-то серьезная работа, вроде той, что происходила сегодня на баррикадах... Опыт лживых средств массовой информации и камер прошедших войн и несправедливых судов, которые на основе таких съемок судили людей за готовность защищать свой дом и родину, привел к тому, что я легко могу быть избитым, если, не обладая полномочиями, направлю объектив на них... Честно говоря, это решение мне очень понравилось, так как оно говорит о серьезной зрелости отдельно взятой нации, которую еще ждет много тяжелых испытаний. Нам меньше всего нужны люди, которые хотят всех и все снимать, или, более того, лица, которые везде и в любой ситуации желают позировать... Однозначно: туристическим привычкам нет места в военной зоне... Немногочисленные фотографии, которые проиллюстрируют этот текст, всегда сделаны так, чтобы объектив охватывал только меня или наших людей из Лепосавича, только для нужд нашего сайта...

На севере Косова несколькими днями ранее объявлено чрезвычайное положение, вследствие которого все общественные объекты (магазины и кафе) могут работать только до 15 часов... Это в основном плохо соблюдается, но в Зубин-Потоке и это решение строго применяется и все его уважают... Здесь дисциплина и решительность чувствуются на каждом шагу...

Мы возвращаемся в Звечан и по пути налетаем на контрольно-пропускной пункт КФОРа... Охраняют его португальцы, они любезны и обыскивают машины, а потом отпускают нас... Наши друзья сразу сообщают людям на баррикадах, что здесь нет никаких новых контрольно-пропускных пунктов КФОРа, чтобы это вошло в план действий и передвижений наших сил...

Русский Никита

Мы снова приезжаем на баррикаду в Рудары и замечаем веселую атмосферу... Здесь намного больше людей, они следят за состязанием по ватерполо между Сербией и Италией, и в какой-то момент мы видим, как сербы бьют КФОР и в воде, и на суше... Мое внимание привлекли заявления для сайта «Двери», которые дает наш журналист с телевидения Германии и молодой русский Никита, который все-таки пробился через Ярине, чтобы присоединиться к братьям-сербам на баррикадах... На баррикадах я вижу и достаточно священников и монахов, местных функционеров, а также людей из министерства КиМ... Очевидно, атмосфера в Белграде меняется, и РТС начинает сообщать о том, что здесь происходит, потому что пробудились от многолетнего сна, в котором не было места никакой информации о сербах и их проблемах... И даже Тадич обострил риторику со своими западными друзьями... Поскольку его стратегия интимизации и воркования с ЕС не принесла результатов, он начал говорить о сербстве... Кажется, он все же до Мрконица поймет, что объятия политика в общественном месте и в средствах массовой информации безвкусны, как и объятия на гей-параде...

У меня сложилось общее впечатление, что сербы на севере Косова и Метохии обучены всем видам отпора оккупантам, что это серьезно, даже когда они брошены государственными органами Сербии и даже когда вынуждены импровизировать... Просто уже 12 лет они ведут борьбу с КФОРом и албанцами, ведут ее всеми способами: мирным и пассивным отпором, а также другими... Из соображений безопасности я не могу говорить об этих других видах организации, которые за эти два дня видел и встречал, но уверенно могу подтвердить, что и эту технологию они хорошо знают...

В общем, народ все-таки является самым сильным институтом, который еще есть в Сербии.

Перевод И. В. Руднева

Научное издание

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт славяноведения РАН

Центр по изучению
современного балканского кризиса

**Балканский кризис:
говорят участники**

Сборник воспоминаний

Составитель
и ответственный редактор

Е. Ю. Гуськова

Научно-техническое оформление

И. В. Руднева

Компьютерная верстка

П. Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Институт славяноведения РАН

119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А

Подписано в печать 28.10.2016. Формат 60×84¹/₁₆.
Гарнитура Century Schoolbook. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объем 25 печ. л.

Заказ № .

Тираж 1500 экз.